

Светлана Алимova

Мария Шерри

Время Воронов

В городе, куда приехал Льюис, злые и бессовестные люди помечаются жутким проклятием, а их волосы чернеют в тон душе. Однако он был проклят за не доставленную посылку. Достойно ли это его загубленной жизни? А так ли ужасны проклятые люди или они, как Льюис, лишь случайные жертвы?

Рейвен счастлив: месть свершилась, враги мертвы, время вкушать плоды победы. Что может пойти не так? Все, ведь его новый господин не любит насилия и не хочет охотиться на людей. Рейвен послушен его воле: он сам запугает весь город и убьет лишь тех, кого не запретили убивать. Чем же Великий Ворон снова недоволен? И когда разрешит уничтожить ненавистного стражника, возомнившего себя защитником города?

Нил нарушил обещание: пойти по стопам любимого дяди и стать стражником в маленьком городке. Вернувшись домой, он узнает, что дядя Рутгер никогда им и не был, а обещал ему Нил совсем другое. Просто родной город забирает воспоминания у любого, кто его покинет. Но что еще Нил забыл, о чем не хочет вспоминать?

Глава 1. Льюис

Дом строится из камней, кольчуга плетется звено за звеном, а судьба целого города подчас складывается из почти незаметных решений. И принимают их те, кто даже не думал входить в историю.

Льюис Клемонт не был троллем, эльфом или магом. Он был обычным молодым человеком двадцати одного года, приятным, воспитанным и пригожим. Черноволосый, кареглазый, с холеными руками, привыкшими к перу, а не плугу, он переехал в другой город ради учебы. У него был план, которому он методично следовал: поступить в университет на факультет «Истории и философии», получить степень бакалавра, затем лиценциата, а если хватит ума, то и магистерскую. Преподавать и устраивать публичные диспуты можно было со второго пункта, писать и публиковать исследования — с первого.

Поглощать знания, как оголодавший — с момента приезда в город.

Именно этим Льюис и собирался заниматься. Он обожал раскапывать и разбирать исторические факты, взалхлеб обсуждать деяния великих людей и излагать свои мысли на бумаге. После получения образования он планировал стать историком, библиотекарем или преподавателем. Любой вариант позволил бы ему добиться желаемого: читать книги в неограниченном количестве, писать объемные трактаты на интересные ему темы и получать за это достойное жалованье. Дома Льюис несколько лет проработал писцом, скопил денег и отправился поступать в университет. Родители не останавливали его, здраво рассудив, что взрослый сын волен распоряжаться своей судьбой. Грамотный человек, обладающий изрядной долей трудолюбия и прилежания, нигде не пропадет.

Первые пункты плана были исполнены безупречно: Льюис переехал, сдал вступительные экзамены и начал посещать лекции. Учеба давалась ему легко, преподаватели ценили смышленного и вежливого юношу, а все городские библиотеки раскрыли двери перед студентом. Он получил все, о чем мечтал и даже больше.

Неожиданно для себя Льюис влюбился. Но не в веселую горожанку или умницу-студентку, а в сам город. В его аккуратные маленькие дома, узкие улочки, в парки и скверы, островками зелени расцветающие посреди камня. В длинную, неглубокую речку, пересекавшую весь город. Через нее были переброшены десятки мостов: от широких и основательных, для проезда карет, до простых деревянных. Льюис бродил по ним с трепетом в сердце, нежно касался перил и обещал никогда не покидать это волшебное место. Город очаровал его, и он твердо решил связать с ним свою судьбу.

Знал бы он, чем обернутся подобные клятвы, надавал бы себе оплеух и бежал прочь быстрее ветра. Но Льюис не знал и беспечно наслаждался жизнью.

Жилье он снимал у госпожи Солоны Винтер, привлекательной и моложавой женщины средних лет. Комната была небольшая, в одном доме с хозяйкой, но зато своя. Никаких шумных соседей, мешающих заниматься или читать. Солона Винтер была тихой и милой женщиной, все дни проводила в собственной лавке, а вечерами кормила Льюиса ужином, хоть он и объяснял, что будет питаться отдельно.

Денег с него она за это не брала.

— Знаю я что студенты едят: пирожки с лотка, жареное мясо в трактире, а к концу месяца пустая похлебка и проблемы с желудком. Поешь нормально. Если что не любишь, так скажи, я это готовить не буду.

— Спасибо. Вы слишком добры ко мне.

Хозяйка лукаво прищурилась.

— Я ли одна? Стол на кухне больше не шатается, карниз висит ровно, а ножи стали резать. Не думаю, что это работа доброй феи.

Они оба рассмеялись.

— Я слышал, по городу ходит легенда о доброй фее и волшебной красавице, — сказал Льюис, — вроде бы ее волосы длиннее городской стены и сияют ярче золота.

— Да, это одна из наших любимых историй.

— Расскажите вечером побольше об этом?

— Непременно. Хорошего дня, милый.

— И вам.

Госпожа Солона была общительной, но ненавязчивой женщиной. Льюис охотно выполнял мелкую работу по дому и носил для нее тяжелые вещи, попутно удивляясь, что она живет одна. С ее внешностью и мягким характером, от мужчин отбоя быть не должно. Впрочем, его это не касалось. Льюис принимал заботу госпожи Солоны и старался вернуть, как мог. Пока было еще тепло (а тепло в городе было всегда), хозяйка любила накрывать вечерний чай в своем крохотном саду и слушать рассказы Льюиса об учебе. Убирали и мыли посуду они вместе.

— Госпожа Солона, а когда в городе наступают холода? — спросил он в один из таких вечеров. Ему ужасно хотелось попросить третий кусок ее восхитительного вишневого пирога, но он боялся показаться обжорой. — Ноябрь на исходе, а здесь до сих пор словно позднее лето. В моем родном Рейнпорте в это время уже снег лежит.

— У нас здесь снега нет, да и холода тоже. В городе всегда хорошая погода и очень мало дождей. Но если соберешься в пригород, оденься потеплее. Там снег идет уже давно.

— Но пригород же совсем недалеко, — удивился Льюис, — час пешего хода. Не может быть такой сильной разницы в температурах.

— У нас все может быть, — меланхолично ответила госпожа Солона, — не удивляйся ничему, что увидишь в городе.

— Наш город волшебный, — заулыбался Льюис и вдруг поймал себя на странной мысли. Не удержавшись, он тут же ее озвучил: — А как он называется?

Хозяйка посмотрела на него с удивлением. Льюис почувствовал, что краснеет от стыда. Как можно быть таким глупцом?! Не знать куда переехал!

— У него нет названия. Просто город.

— Но у всех городов они есть. Я всего лишь забыл его.

— А я никогда и не знала, — пожала плечами госпожа Солона, — не забивай себе этим голову, дорогой. Можешь мне помочь?

— Конечно. Уже убираем?

— Нет. Съешь, пожалуйста, еще кусочек пирога, а то он не влезет в буфет, — она улыbnулась одними глазами.

— Скоро вы меня не прокормите, — рассмеялся Льюис, беря предложенное, — давайте я буду платить за ужины.

— Не нужно, ты ведь часто покупаешь продукты. Послушай, твоя цветная прядь совсем смылась. Не забудь подновить.

— О, точно.

При поступлении в университет Льюис столкнулся со странным требованием: все

черноволосые студенты обязаны были перекрасить волосы или выкрасить одну прядь в любой цвет, иначе не допускались к занятиям. Объяснений этому Льюис не получил, но спорить не стал. Нужно будет завтра сходить к цирюльнику. И обязательно посмотреть название города в своих записях, чтобы больше не позориться.

Название Льюис посмотрел, успокоился и тут же забыл его. Заучил, затем снова забыл. К вечеру он зазубрил его как латынь, но стоило отвлечься на что угодно, как коротенькое слово ускользало из памяти, словно его никогда там и не было. Льюис записал его на клочке бумаги и носил с собой, но долго думать о подобных странностях не мог: ему нужно было написать четыре эссе, подготовиться к семинару и прочитать три толстенных философских трактата к понедельнику. Все выходные он провел в центральной городской библиотеке (университетская была забита студентами), за неделю сдал все задания и, довольный собой, отправился на прогулку, проветрить голову.

– Эй, ты, чернявый! Стой, кому говорят!

К нему приблизились двое мужчин, оба в доспехах и при оружии. Дело было днем, на людной улице и Льюис не сильно обеспокоился этим.

– Вы чего-то хотели, господа?

– Назови свое имя и общественное положение, – велел один из них, неодобрительно разглядывая его волосы.

– Льюис Клемонт, студент, – удивленно ответил тот. Обычно стражники к нему не цеплялись: он не только выглядел благополучно, но и вел себя так же. – А что случилось?

– Откуда приехал? Как давно здесь живешь?

– Из Рейнпорта. Четыре месяца.

– Почему голова некрашеная?

– Довольно, Альберт, – вступил в разговор второй мужчина, – он просто приезжий, я это вижу.

– Но, Прекрасный Принц, а вдруг он притворяется?! Мало ли чего ждать от этих...

У Льюиса вырвался смешок, и он прикусил губу. Тот, кого назвали принцем, был статным воином и держал себя с достоинством, но на особу королевских кровей ничуть не походил. Он ответил Льюису легкой усмешкой и вновь успокоил разошедшегося товарища:

– Сыграть можно что угодно, но подавить страх куда сложнее. Настоящий Ворон не смог бы смеяться над моим титулом. Юноша, тебе не повезло с цветом волос: здесь его носят опасные монстры, лишь притворяющиеся людьми. Покрась, чтобы тебя не путали с ними.

– У меня была цветная прядь, но смылась, и я забыл сходить к цирюльнику, – сообразил Льюис, – подождите, а что это за монстры?

Он знал, что за пределами городов могло водиться всякое. Слышал о троллях, устраивающих набеги на деревни и ведьмах, заманивающих путников, чтобы зачаровать и превратить в своих слуг. Но был уверен, что всякая чертовщина заводится вдали от цивилизации: в Рейнпорте о таком рассказывали страшные сказки, но никто не видел чудищ вживую.

– Вороны — мерзкие демоны. Пожирают людей изнутри и занимают их место, – мрачно пояснил «принц», – сегодня ты общаешься с другом, а через неделю он набрасывается на тебя и выпивает досуха. Но и он мертвец, погубленный Вороном: друга твоего уже нет, осталось одно тело, одержимое демоном. Их выдает изменившийся цвет волос: всегда черный, каким бы ни был раньше.

– А разве они не могут его закрасить?

«Принц» покачал головой.

– Краска не задерживается на них. Тьма прорывается наружу. Будь осторожнее: если встретишь черноволосого с голодными глазами – беги и кричи изо всех сил. Мы патрулируем улицы, можем оказаться рядом и спасти тебя.

– Благодарю вас, господин...

– Принц Ричард. Прекрасный Принц — это титул того, кому дана священная сила бороться с тьмой.

Льюис попрощался и направился домой. Вся ситуация казалась ему странной. Монстры здесь? В его любимом городе? Не верится. Может, это городские сумасшедшие? Необходимо было расспросить госпожу Солону о них.

В прихожей он задержался, разглядывая свою внешность в зеркале. Гладкие черные волосы до плеч были аккуратно причесаны (их длина соответствовала его сословию, короткие волосы носили солдаты, стражники и прочие воины), черные брови и ресницы заметно выделялись на светлой коже, а темно-карие глаза были типичными для рейнпортцев. Черты лица у него были гармоничными, без видимых уродств или недостатков. В целом Льюис выглядел недурно, хотя больше стремился к опрятности, нежели к привлекательности.

Нет, точно сумасшедшие. Как его можно было принять за монстра?

— Льюис, дорогой, с возвращением. Как прошел твой день? — госпожа Солона вышла в коридор и приветливо улыбнулась ему.

Льюис рассказал. Выслушав его, она окаменела. Сцепила трясущиеся пальцы в замок и опустила голову.

– Тебе никто не рассказывал о Воронах?

– Только эти люди.

– Да, верно, их не поминают всуе. Тем более сейчас, к окончанию Времени Принца. Следующие годы будут тяжелыми.

– Госпожа Солона, я не понимаю. Демоны, Принц, Вороны – это местные суеверия?

– Нет. Что ж, раз больше некому рассказать, то должна я, – она часто заморгала и глубоко вздохнула. Потом помолчала немного и заговорила: – Видишь ли, Льюис, ты приехал не в волшебный город. А в город, на котором лежит проклятье.

— Что? Какое еще проклятье?

— Страшное. Проклятье Воронов. Любой, живущий здесь, однажды проснувшись, может обнаружить, что его волосы чернеют. И тогда простая пища не сможет его насытить, а голод будет только расти.

– А что потом?

– Потом едой для них будем мы, – тихо ответила она, – Вороны питаются жизненной силой людей. Бывает, забирают всю.

Льюис непонимающе смотрел на нее.

– Но почему об этом никто не говорит за пределами города? Я же выяснял все о жизни здесь перед приездом.

– Потому что проклятие лежит только на нашем городе. Когда люди выходят за городские стены, они забывают о Воронах. Так что не спеши уезжать: для этого нужна веская причина, не связанная с ними. Иначе ты решишь, что это было временное помутнение разума, и вернешься сюда, помня только хорошее.

– А этот Прекрасный Принц, он кто?

– Он – наш спаситель. Видишь ли, Вороны обладают невероятными силами. Демоническими или колдовскими, никто не знает точно. Их лидер, Великий Ворон, щедро делится магией со своими слугами и натравливает их на горожан. Но у Прекрасного Принца и его Рыцарей есть благословенные способности для противостояния им.

Тон госпожи Солоны был сухим и холодным. Льюис подметил перемену, решив уточнить причину позже.

– Получается, Великий Ворон вредит людям прямо сейчас? — озадаченно спросил он. Для жителей проклятого места, полного монстров, горожане выглядели слишком спокойными. И где, спрашивается, заколдованный черный замок, который должен быть у любого властелина зла? Колючий кустарник, оплетающий все вокруг? Туман и вечные сумерки?

– Прекрасный Принц убил его, поэтому мы живем мирно. Без своего хозяина Вороны потеряли силы и ослабели. Сейчас они могут только выживать и прятаться в тенях, нападая в самый глухой час. Ты в это время спишь.

Льюис погрузился в раздумья. Рассказ о Воронах звучал до того невероятно, что казался мистификацией. А может так и есть? Кому-то выгодно запугивать горожан, а госпожа Солона излишне впечатлительна.

— А вы сами когда-нибудь видели Ворона?

Она молчала. Льюис взбодрился.

Конечно же, нет. И нет никаких монстров, одни слухи.

— Люди иногда болтают всякое и дружно верят в нелепые вещи. Например, в Рейнпорте...

— Мой сын стал Вороном. Проклятье пало на него.

— У вас есть сын?

— Сольвейн, — ее голос зазвучал нежно и тоскливо одновременно, — он немного помладше тебя. Сольвейн родился светловолосым, и оттого первая черная прядь была так заметна... мы оба знали, что это значит. За неделю его волосы почернели полностью. Он говорил, что ему опасно оставаться, что он должен пойти искать убежище Воронов и жить с ними. Я не отпустила. Решила, что буду давать ему свои силы, бывало ведь, что после нападений люди выживали, просто были истощены. Мы пытались покрасить его волосы, но все слезало, не задерживаясь. Сольвейну пришлось стать затворником. Но мы справлялись: когда он чувствовал голод, я брала его за руку, а он отпускал, когда насыщался. Потом я лежала, а он хлопотал вокруг меня, поил сладким чаем и взбивал подушки, — госпожа Солона слабо улыбнулась.

Льюис заметил противоречие в ее словах:

– Но Прекрасный Принц говорил, что Вороны — демоны, пожирающие людей изнутри.

– Он так думает. Мой сын не был таким. Он не мог стать монстром! У него светлая, добрая душа! Я говорила всем, что Сольвейн уехал из города, так что друзья не искали его. Но соседи заметили, что я и сама почти перестала выходить и никого к себе не пускала. Они донесли Прекрасному Принцу и Рыцарям. Те были привычны к таким ситуациям. Они ворвались в дом и нашли его. Я пыталась объяснить, что мой сын не опасен, но они не слушали меня! Приговорили Сольвейна, как какого-то преступника, и собирались казнить!

– Собирались? — переспросил Льюис.

– Мы были в кухне. Я схватила коробку молотого перца и швырнула в них, — призналась

Солона, – крикнула сыну, чтобы бежал. Ему это удалось: он бросился к черному ходу, а Принц с Рыцарями, отчихавшись, рванули к парадному.

– Они должны были разозлиться на вас.

Она покачала головой.

– Должны были, но все обошлось. Они не вернулись в мой дом. Сольвейна я больше не видела. Наверное, он все же нашел Воронов, и они приняли его к себе. Живет там с ними, пишет стихи... он такие чудесные стихи сочинял, я тебе их как-нибудь прочитаю... мой Сольвейн был таким хорошим мальчиком...

Госпожа Солона закрыла лицо руками и заплакала. Льюис неловко обнял ее. Только теперь он поверил, потому что выдумывать такое его добрая хозяйка не стала бы. А еще он с грустью подумал, что Сольвейн вряд ли куда-то добрался. Поэтому Прекрасному Принцу не было нужды возвращаться.

Кажется, госпожа Солона это тоже понимала.

Глава 2. Посылка для господина Хэрринга

Первый учебный год пролетел незаметно. Никаких неприятностей с Льюисом не случилось, волосы он красил своевременно, с Прекрасным Принцем и Рыцарями больше не сталкивался. История госпожи Солоны позабылась, и опасения Льюиса рассосались сами собой. Подумав, он решил вначале окончить университет, а оставаться или уезжать, разберется позже. Проклятый город все еще не выглядел проклятым. В нем кипела жизнь: люди смеялись, влюблялись и расставались, торговали, спорили в кабаках, учились и работали. Зимой было тепло и солнечно, весной дождливо, но после по городу побежали сотни искрящихся ручейков, через которые даже Льюису хотелось перепрыгивать, как мальчишке. Городская детвора делала это не стесняясь и запускала по ним самодельные кораблики.

Город все еще был волшебным. Льюис не мог не любить его.

В конце года у него возникли проблемы с деньгами. Льюис был уверен, что ему хватит денег на первый год, а летом собирался устроиться на временную службу, после — на вечерние подработки. Но что-то неверно рассчитал, и деньги закончились в конце мая, а экзамены длились не только май, но и июнь. Ему едва хватало на жизнь, а о том, чтобы оплатить жилье, и речи не шло. Окончив первый курс, Льюис немедленно бросился на поиски работы, но образованных людей в городе хватало, и никому не нужен был ни секретарь, ни писец, ни библиотекарь. Пришлось довольствоваться разовыми подработками, за которые платили гроши. К концу июня он смог отложить лишь несколько монет и со стыдом ждал дня расчета с госпожой Солоней.

Однажды он бродил по улицам, читая объявления и ища хоть что-то пристойное, хотя был уже согласен на труд полумойщика, если за него нормально заплатят. Наконец, удача улыбнулась ему:

— Молодой человек, не могли бы вы мне помочь?

Дородный мужчина, явно торговец, заметно волновался.

— У вас что-то случилось?

— Вы местный?

— Почти. Я хорошо знаю город.

— Отлично! Мне нужно кое-что передать. Понимаете, я здесь всего на пару дней, уже уезжаю, но обещал передать посылку некоему Хэллингу или Хэррингу? Дьявол его разберет! В общем, он живет на улице Питфаул, тринадцатый дом. Я посылаю слугу, но он его так и не нашел, бестолочь никчемная! Отнесете?

— Конечно, я знаю эту улицу, — кивнул Льюис, — и доставлю посылку за три серебряные монеты.

— Так дорого?! Юноша, это не смешно.

— Тогда идите на почту и наймите человека там.

— Я уже был на почте, свободных гонцов сейчас нет! Мне некогда, я деловой человек!

Одна серебряная монета.

— Три монеты.

— А, к черту! Вот, держи! Отнеси только поскорее!

Льюис взял небольшую коробочку и отправился по названному адресу с улучшившимся настроением. Раздетый в шелка и покрикивающий на помощников торговец определенно

не обеднеет от трех монет. Кстати, может на почту наняться? Неплохая идея: город он знает, посылки таскать сможет, а людей там сейчас не хватает.

Он обошел всю улицу Питфаул, но нужного дома не нашел. Еще часа два кружил по кварталу и подходил к каждому дому. Читал фамилии на табличках, спрашивал у прохожих дорогу. Трижды прошел от начала до самого конца улицы. К темноте сдался и вернулся домой.

«Хорош гонец, – мрачно подумал он, – первую же посылку доставить не смог. Но ведь там нет этого дома. Может, адрес неверно запомнил?».

Он покрутил посылку в разные стороны. На прямоугольной коробочке длиной с ладонь, был приклеен квадратик бумаги и чернилами выведено: «Господину Р. Хэррингу, улица Питфаул, дом 13». Льюис достал карту города. На улице Питфаул было семь домов, как и в реальности. И что теперь делать?

Он вытащил монеты, данные купцом. Все три были ходовыми в городе, но отчеканены в его родном Рейнпорте. Они были толще и крупнее местных серебрушек. Он ссыпал их в кошель. Все равно не хватает на оплату жилья.

Можно было написать родителям с просьбой помочь. Но деньги придут нескоро, а с матушки станется привезти их лично, чтобы отчитать нерадивого отпрыска в неправильном выборе жизненного пути. Он поморщился. Ни за что. Сам выкарабкается. Попросит госпожу Солону об отсрочке. Отдраит дом, будет мыть посуду, выполнит любые ее поручения. Завтра пройдет по домам на улице Питфаул, спрашивает господина Хэрринга – купец мог запросто ошибиться с номером. Или даже с улицей: есть ведь еще Питласт и Питфейн. Верно, нужно сходить туда, проверить. Если и это не поможет, то Льюис наведет справки в магистрате, поищет господина Хэрринга по фамилии.

Он наскребет три золотых для госпожи Солоны, так или иначе.

Порыв ветра распахнул окно, и то снесло посылку со стола. Коробочка раскрылась от удара, и содержимое выкатилось на пол. Льюис закрыл окно и изумленно уставился на рассыпавшиеся золотые монеты. Ровно три штуки. Он осмотрел посылку, но больше в ней ничего не было.

Три золотых. Как торговец вообще додумался вручить такую сумму незнакомому человеку с улицы? Неужели не думал, что посылку могут вскрыть? Льюис потер виски. В голове застучало, а мерзкий голос внутри зашептал, что это знак. Чудо, решающее его проблему. Не придется унижаться, демонстрируя несостоятельность, а торговец сам виноват – отправил непонятно куда. Даже имени гонца не спросил – шансов, что его найдут, практически нет.

— Это же воровство, – тихо, но твердо сказал себе Льюис, – еще больший позор, чем отсрочка! Это дно, как можно так опуститься? А если этот господин Хэрринг голодает, и ему тоже очень нужны деньги? Нет. Мои родители не растили вора.

Он убрал монеты обратно и плотно закрыл коробочку.

Госпожа Солона позвала его ужинать.

– Льюис, прости, что говорю об этом сейчас, но не мог бы ты заплатить сегодня? – спросила она, пряча глаза. – Для моей лавки был неудачный месяц. Еле на жалованье помощнице наскребла, на себя уже не осталось. Ты не думай, это единственный раз, когда я прошу, больше не повторится.

– Сегодня? – беспомощно переспросил он.

– Ну, или завтра. Хоть половину суммы. Сможешь?

– Я еще не собрал... то есть не все собрал...

– Никак, да? – поняла хозяйка. – Ничего, неделю я продержусь, пара монет осталась. Только ты сможешь пока ужинать сам? С завтрашнего дня. Или у тебя тоже проблемы с деньгами?

Льюис опустил голову.

Если он доставит посылку, то следующий месяц голодать они будут вместе.

Проклятье, ну почему все так навалилось?! Одно к одному!

Госпожа Солона подошла и, поколебавшись, по-матерински погладила его по голове.

– Ничего, – тихо сказала она, – продержимся. Заплати, как сможешь. Это не самое страшное, что может случиться с людьми.

«Вот именно, – ему в жизни не было так стыдно, – все поправимо, выход есть, а ты сидишь и скулишь! Взрослый мужчина, а ведешь себя как ребенок! Нужно отдать деньги госпоже Солоне, найти, наконец, работу, скопить нужную сумму и отнести господину Хэррингу, объяснив задержку... чем-нибудь, в зависимости от того, в чем ошибся торговец. Одолжить их, а не красть».

– У меня есть деньги. Я сейчас принесу.

Госпожа Солона расцвела, и с души его словно свалился огромный камень. Ситуация получилась непростая, но выход из нее виден, и он до него доберется. Льюис — честный человек, просто попал в сложные обстоятельства.

Поздним вечером он высыпал монеты из кошелька на кровать, решив пересчитать еще раз. Положил на ладонь деньги, полученные от торговца. Итак, у него есть три серебряных, осталось собрать...

За окном издевательски каркнул ворон. Словно расхохотался.

Льюис вздрогнул и поежился.

— Это всего лишь птица. Еще раз, у меня есть три серебряных...

Льюис посмотрел на ладонь и увидел на ней две монеты и уголек.

Уголек? Откуда он тут взялся? Льюис пригляделся и понял, что непонятная штука — не уголек, а монета. Но настолько черная, что и на монету-то не похожа. Фальшивка? Отчего же она потемнела, только что ведь была нормальной? Льюис бросил остальные монеты на кровать и принялся разглядывать черную. Нахмурился. На реверсе монет его родного города был маяк, а здесь — стилизованное изображение ворона.

Льюис перевернул монету. Сглотнул. Потер глаза и посмотрел еще раз.

— Пора спать, – дрогнувшим голосом произнес он, – привидится же такое. Спать, спать, спать.

Он собрал деньги в кошелек, убрал его, задул свечу, разделся и нырнул под одеяло. Глубоко вздохнул, пытаясь подавить дрожь.

На аверсе черной монеты был вычеканен его собственный профиль.

Глава 3. Великий Ворон

Неделя выдалась нелегкой. Льюис устроился работать на почту и целыми днями разносил посылки по городу. Ему некогда было даже присесть, а есть приходилось на бегу или один раз в день, поздним вечером. Через несколько дней такой жизни у него начал болеть живот, а лицо осунулось и побледнело, как у чахоточного. Глаза запали и казались совсем черными. Льюис с досадой думал, что придется отложить деньги на поход к доктору, а посылку господину Р. Хэрринуг получить доставить нескоро.

Почерневшая монета не изменилась: на ней все еще был изображен кто-то очень на него похожий. Но ведь за секунду до того монета выглядела иначе и потемнела у него на ладони. Была натерта каким-то красящим составом, проявляющимся от тепла? Кто-то над ним подшутил? Но что за шутка, на которую тратят столько золота? Скарденый торговец на такое бы точно не пошел.

К концу недели Льюис совсем измучился: полуголодные рабочие будни привели к тому, что в выходные он ел не переставая. Сытость наступала ненадолго, уже через пару часов в желудке царила пустота. Льюис попытался отвлечься походом в библиотеку, но не высидел в ней и пяти минут. Он отправился бесцельно слоняться по городу, надеясь напитаться его волшебством, однако сегодня яркое солнце и красота улиц только раздражали.

К тому же, он стал замечать воронов.

Птицы торчали перед библиотекой, садились на дерево, под которым он пытался устроиться в парке и громко, противно каркали.

Проклятое воронье слеталось на него, как на падаль.

Когда Льюис медленно добрался до дома и вошел в сад, то не сразу понял, почему в нем темно. А когда поднял, наконец, тяжелую, гудящую голову, то обнаружил в саду несколько десятков черных птиц. Они заполонили его и уставились на Льюиса блестящими, круглыми глазками, будто ожидая, что он вот-вот падет замертво, и тогда они начнут пировать.

– Къш! – неуверенно произнес он и взмахнул рукой.

Никакой реакции. Но если госпожа Солона наткнется на это сборище – может испугаться. Он сделал несколько шагов вперед.

– Къш!

Птицы отскакивали у него из-под ног в самый последний момент, но не улетали, чего-то ожидая.

– Пошли вон отсюда! – закричал Льюис, чьи нервы в последнее время были на пределе. – Убирайтесь! Прочь!

Вороны взлетели с громким карканьем и хлопаньем крыльев, и он вошел в дом. Заперся, тяжело дыша, и через окно увидел, как птицы возвращаются.

– Ну, все. С меня хватит.

Наглых тварей необходимо было выдворить, но Льюис ощутил очередной приступ голода и завернул к кладовой. Сейчас, он только перекусит яблоком и займется этим. Хотя, какая из яблока еда? Можно отрезать пару кусочков копченого мяса и сыра – этого хватит. Доесть вчерашние булочки, госпожа Солона же просила... и еще вот немного супа осталось...

– Льюис!

Он моргнул и с ужасом уставился на надкушенную сырую картофелину в руке. Кладовая

была разорена, словно в ней побывали очень голодные тролли и вымели все начисто. Ошметки и очистки валялись на полу рядом с ним.

В голосе госпожи Солоны слышался страх, а сам Льюис был готов рассыпаться прахом от стыда.

– Мне очень жаль, прошу вас, простите меня! Я сейчас же все приберу! И схожу, куплю еды!

– В нашем саду полно воронов, – тихо ответила она.

– Я выгоню их, я как раз собирался это сделать! Ох, прошу вас, не плачьте! Я очень виноват перед вами, но я все исправлю.

Солона Винтер закрыла лицо руками и содрогалась от рыданий.

– Это не ты... не твоя вина... господи, ну за что?! Ты ведь такой хороший мальчик! Этот дом проклят, точно проклят!

– Что вы такое говорите? У вас прекрасный дом, просто я чем-то заболел, наверное. Я сейчас все сделаю, только перехвачу что-нибудь.

Он осекся. Посмотрел на пустую кладовую. Он помнил, как в помрачении поедал все, что там было, но пустой желудок свидетельствовал об обратном. Есть хотелось так, словно он не делал этого неделю.

Госпожа Солона вытерла слезы и рвано вздохнула.

– У тебя всегда были черные волосы, – сказала она, – поэтому мы и не заметили сразу. Мой Сольвейн тоже испытывал тогда голод, который не могла унять обычная еда.

– Тогда?

Госпожа Солона кивнула. С минуту они молча смотрели друг на друга.

– Это невозможно, – потряс головой Льюис, – я ведь приезжий. Прекрасный Принц видел меня. Я не могу быть Вороном.

– Время Принца закончилось, – тихо ответила госпожа Солона, – в этом году появится новый Великий Ворон. И утянет за собой множество несчастных своим проклятьем. Может, он уже появился? Но все, что происходит с тобой сейчас, я уже видела. Дай мне руку.

Он протянул ладонь, и хозяйка накрыла ее своей. Сжала.

– Нет, – Льюис резко охрип, видя, как его ногти чернеют и заостряются.

Его ладонь потеплела, а у госпожи Солоны стала прохладнее. Желудок успокоился, боль ушла, а на смену ей пришлось ощущение легкой сытости, почти забытое им в последние дни.

Он вырвал руку и отшатнулся.

Губы у госпожи Солоны дрожали.

– Бедный мальчик... бедный мой мальчик...

Льюис опустился на пол и обхватил себя руками. Все кончено. Он проклят. Волшебный город заманил его и посадил в него демона. Или это из-за того, что он украл деньги? Несомненно. Он совершил дурной поступок, пошел по легкому пути и был наказан за это. Наверное, Вороны — это самые худшие люди города. На хороших людей проклятье не падает.

Госпожа Солона вытерла слезы и выпрямилась.

– Я тебя спрячу. Буду кормить. Если отдавать сил понемногу, то все будет в порядке.

– Нет, так нельзя. Я пойду к Прекрасному Принцу и спрошу, как мне быть.

– Он не станет разговаривать. Он сразу убьет тебя.

– Тогда я уеду отсюда.

Она покачала головой.

– Вороны не покидают город. Никогда. Я слышала историю о стражнике, который сумел спастись от них, выбежав за ворота. Они не смогли его дальше преследовать, словно были заперты.

– Но я не могу сидеть у вас на шее вечно, госпожа Солона! Вы не должны так поступать, это опасно для вас!

– Не должна, но буду! Надо разогнать птиц, они привлекают внимание к дому. Оставайся здесь, я сама это сделаю.

Она решительно вышла во двор, а Льюис остался сидеть, безучастно глядя на опустошенную кладовую.

Может, еще получится как-нибудь это исправить? Вдруг если он вернет деньги или помолится в церкви, проклятье спадет?

Испуганный крик с улицы прервал его размышления, и он выбежал из дома.

Вороны все еще сидели на своих местах, лишь слегка потеснившись, чтобы освободить место пришедшим людям. Перед госпожой Солоной стояли трое вооруженных мужчин. Лица у них были мрачными и не сулили ничего хорошего.

Его хозяйка попятилась. Она была белой, как мел.

– Иди в дом, – сухо приказал предводитель, – мы пришли за твоим жильцом.

– Н-н-нет...

– Пожалуйста, госпожа Солона, – сглотнул Льюис, холодея, – идите. Запритесь как следует и не выходите.

Она не виновата и ничего не сможет сделать, только погибнет с ним заодно. Боже, за что, он ведь никому не желал зла! Он просто хотел жить в этом городе, полюбил его всей душой, а город решил уничтожить его.

Тихо хлопнула дверь за спиной и скрипнул замок. Льюис облизал пересохшие губы. Даже чувствуя себя проклятым и несчастным, он не хотел умирать.

Но можно ли их разжалобить? Уговорить отсрочить казнь?

Предводитель шагнул к нему. Встретившись с ним взглядом, Льюис понял – невозможно. Жесткие, настороженные глаза принадлежали человеку, не способному на жалость. От него веяло угрозой.

– Вот мы и нашли тебя, – хрипло сказал он.

– Что вам нужно?

– Сила, чтобы выжить. И тот, кто нам ее даст.

– Что? – переспросил Льюис.

Это было совсем не то, что он ожидал услышать.

Мужчина с жестким взглядом склонил голову и его спутники повторили жест.

– Мы пришли за тобой, Великий Ворон. Твое проклятье станет нашим благословением. Идем. Нужно скорее добраться до убежища.

Именно в этот момент Льюис поймал ту ускользающую от него деталь, что зудела на краю сознания. Он слишком мало прожил в городе, а вот госпожа Солона сразу все поняла. Она, когда-то отбившая у разгневанных мужчин собственного сына, до смерти перепугалась.

Ведь у Рыцарей Прекрасного Принца не могло быть абсолютно черных волос без единой цветной пряди.

Главный Ворон был высоким, поджарым мужчиной лет тридцати. Его черные волосы

были заплетены в небрежную косу, но отдельные пряди выбивались из нее, придавая ему диковатый вид. Худое лицо все состояло из углов и четких линий: резкие скулы, острый подбородок, изогнутые, с изломом, брови. Ноздри трепетали, словно вынюхивая добычу. Весь он был подвижным, нервным, постоянно шевелился, ни минуты не пребывая в покое.

Льюис вдруг понял, кого Ворон ему напоминает: одичавшую, злобную борзую, затерявшуюся в чаще и прибившуюся к волчьей стае. Один резкий жест — и вцепится зубами в горло.

Глаза у Ворона были серые и долго смотреть в них Льюис не мог: что-то невыразимо жуткое пряталось на дне зрачков. Сразу вспоминалось предупреждение Принца: «Если увидишь черноволосого с голодными глазами — беги».

Льюис отогнал нелепую мысль. У Воронов не было причин его убивать, а значит, можно попробовать договориться:

— Кто вы?

— Рейвен. Твой верный слуга, повелитель.

— Боюсь, вы ошиблись. Я проклят, но я не Великий Ворон.

— Ошибки быть не может. Птицы указали на твой дом. Они всегда первыми приветствуют господина.

— Но я не...

— У нас нет времени, — в голосе Рейвена прорезалось раздражение, — нужно уходить, пока не явился Прекрасный Принц, иначе твоя голова будет насажена на пику и пронесена по всему городу!

Идти с ним Льюису совершенно не хотелось.

— Откуда ему узнать, что я здесь?

— Птицы выдадут. И люди. Заканчивай спорить, пора уходить! Не вздумай прятаться в этом доме, он тебя не защитит, а его хозяйка уже вызывала гнев Прекрасного Принца. Во второй раз ее просто убьют. Из-за тебя.

Льюис похолодел. Он не мог подвергать госпожу Солону такому риску. Придется идти. Может, удастся сбежать по дороге или из того места, куда его отведут. Он убежит и вернется в Рейнпорт. А пока лучше во всем соглашаться и не злить этого Ворона.

— Хорошо. Я только соберу вещи и попрощаюсь с госпожой Солоной.

— Исключено! Если мы сейчас же не уйдем...

Шум от забора и короткий, страшный крик прервал их спор. Птицы поднялись в воздух одновременно и с истошным карканьем улетели прочь.

Глаза Рейвена сузились.

— Не успели. В дом, быстро, там должен быть черный ход!

Калитка распахнулась, и в сад вошли четверо в сияющих, светлых доспехах. За их спинами, на земле, Льюис мельком заметил чью-то руку.

Отсеченную от тела.

Двое Воронов выхватили оружие и молча бросились на Рыцарей. Рейвен шагнул на крыльцо и забарабанил в дверь дома:

— Открой дверь ипусти нас! Быстро!

— Не смей открывать, Солон Винтер, — повелительно крикнул Принц Ричард, — иначе будешь считаться примкнувшей к злу. Горожане должны подчиняться своему главному защитнику. Сиди там и не высывайся.

Рейвен яростно пнул дверь.

— Открой!

Но с той стороны двери было тихо. Возможно, госпожа Солона спряталась от Воронов в кладовой и не слышала их.

Звон клинков за спиной прервался еще двумя криками. Льюис обернулся и с ужасом увидел, как Вороны падают на землю, а Рыцари спокойно переступают через тела и движутся к ним.

— Окно открыто! — прошипел Рейвен. — Лезь туда, беги к черному входу, там тебя встретят! Не смей подыхать, я четырнадцать лет этого ждал! Беги!

После этого Рейвен бросился на Рыцарей.

Льюис застыл, не в силах оторвать глаз от этого зрелища. Сходство с борзой усилилось неимоверно: Рейвен атаковал их в прыжке, со звериной яростью и завораживающей грацией. Без колебаний напал на заведомо более сильного противника, не давая окружить себя и навязать роль защищающегося. Он кружился и жалил, вертелся волчком, уходя из-под вражеских ударов и неистово, исступленно рубил клинком сам. Жажда убийства, источаемая им, была почти осязаема. Рыцари явно не были новичками в бою, но им не удавалось сломить его сопротивление, хотя мелкие раны на теле Рейвена множились, расцветая алыми всплесками. Он не замечал их, сражаясь за каждый миг своей жизни, как обезумевший.

В то время как Льюиса сковал страх, Рейвен был лишен его начисто.

Прекрасный Принц в битве не участвовал, наблюдая за ней со стороны. Он выглядел ослепительно: белоснежные доспехи сияли, плащ напоминал о первом снеге, а у пояса висел дорогой меч с золотой рукоятью. Теперь Льюис без сомнений опознал бы в нем принца.

Крепкий Рыцарь, с каштановыми волосами, густо разбавленными сединой, отступил, вырываясь из боя. Размахнулся и метнул в противника янтарную сферу, светящуюся, сотканную из воздуха, но, по виду, плотную как камень. Сфера врезалась Рейвену в грудь, и он рухнул, покотившись по земле. Тут только Льюис очнулся.

Окно!

Он успел сделать пару шагов, но Прекрасный Принц вытянул руку в его направлении и ударил широкой золотой волной. Она сияла, как солнце и казалась совершенно нереальной, пока не достигла цели. Льюиса швырнуло о стену дома, и он взвыл от боли. Воздух выбило из легких. С крыши посыпалась черепица.

— Притащите его ко мне.

Ничего не соображающего Льюиса подхватили под руки и подвели к Прекрасному Принцу. Бросили к его ногам, как куль с мукой.

— И это — новый Великий Ворон? Что ж, нам же легче. Не придется возиться, как с Элдриком. Рутгер, не спеши. Успеешь добить.

Рыцарь с каштановыми волосами уже занес меч над Рейвеном, но остановился.

— Ты видно забыл, чем это закончилось в прошлый раз, Ричард. Эту тварь нужно убить как можно скорее, а то опять вывернется. И сделаю это я, у меня к ней счеты.

— Я и не претендую, — Прекрасный Принц улыбнулся Рыцарю, — он твой. Но прежде чем ты это сделаешь, я хочу признать свою ошибку. Взгляните, друзья мои, к чему привела моя доброта: я пощадил щенка, а из него вырос лютый зверь. Зло нужно карать, невзирая на облик и ложные мольбы. Вороны нарочно захватывают тела слабых, чтобы заставить нас колебаться. Не ждите от них благодарности за милосердие, они никогда ее не проявят.

— Благодарности? Вот тебе моя благодарность, убийца! — Рейвен с трудом приподнялся на локтях и сплюнул. Его голос звенел от ненависти. — Будь ты проклят! Однажды тебе

вырвут сердце и отрежут лживый язык! Пусть я этого не увижу, но ты кровью захлебнешься, лицемерный ублюдок! И вся твоя шайка подохнет вместе с тобой!

Рутгер ударил его ногой в живот.

Прекрасный Принц пожал плечами.

— Ты прав только в одном: ты этого не увидишь. А вот посмотреть, как умирает очередной Великий Ворон, я тебе дам. Полюбуйтесь, насколько бесплодны были твои попытки вернуть в наш город зло. Пока я жив, этого не будет. Ни одна гнусная черная тварь не избежит моего меча. Сам город клеймит вас, чтобы нам было проще уничтожить мерзкую нечисть. Он на нашей стороне, а вы — пронырливые крысы, которые грызут его нутро.

— Если хочешь поболтать, прикажи Альберту и Йохану крепче держать этого паршивца, — Рутгер ткнул сапогом в скорчившегося Рейвена, — от него всего можно ожидать. Я буду присматривать за Великим Вороном.

Прекрасный Принц кивнул, и Рыцари переместились: один присел возле Рейвена, запрокинул ему голову и поднес к горлу нож, второй встал рядом. Рутгер безмолвно замер за спиной у Льюиса.

Льюис с трудом сел на колени. Страх ледяными струйками охлаждал его тело.

— Прошу вас, это какая-то ошибка! Я — не Великий Ворон, не монстр и никому не вредил!

— Ты еще не очнулся и чувствуешь себя тем пареньком, которого сожрал изнутри, — сухо заметил Прекрасный Принц, — но бедняга уже мертв. А ты — не он.

— Я — это я, я могу доказать! Меня зовут Льюис Клемонт, я студент первого... то есть уже второго курса университета, я приехал из Рейнпорта и...

— Это не твоя память. Ты просто используешь ее.

— Но я человек!

— Все вы так говорите, — равнодушно ответил Прекрасный Принц, — но люди не питаются людьми. Их волосы не сочатся тьмой.

— Я родился черноволосым! Это просто цвет!

Прекрасный Принц положил руку на эфес меча.

— Мой долг — защищать город от таких, как ты. Вы убиваете людей, пожираете и вселяетесь в их тела. Хватит меня обманывать, тебе это не поможет! Я покончу со злом и спасу мой дом!

Хлопнула дверь, и во двор выбежала госпожа Солона. Она опустилась на колени рядом с Льюисом.

— Молю вас, не делайте этого! Льюис — хороший мальчик, а не мертвец, прошу, пощадите его!

— Опять ты? — рассердился Прекрасный Принц. — Когда ты уже уймешься, глупая женщина?! Ты выпустила убийцу собственного сына, потому что не хотела поверить в его смерть, а теперь защищаешь Ворона, пожравшего твоего жильца!

— Это не так, мой Сольвейн жив! Я прошу вас, не будьте жестоки, позвольте ему жить! Я сама буду кормить его, он ни на кого не нападет!

Прекрасный Принц мученически вздохнул, возвел глаза к небу, а потом резко и без замаха ударил ее. Льюис едва успел подхватить хозяйку на руки.

Свистнул брошенный предмет, и Принц отбил его латной перчаткой. Слякка разбилась, и из нее повалил густой вонючий дым, окутывая его руку. Вторая влетела в нагрудник, и содержимое расплескалось с ядовитым шипением. Прекрасный Принц

закашлялся, выругался и резко повел плечами. Белоснежные доспехи исчезли вместе с ядовитым дымом. Рутгер метнулся к дому Солоны, и оттуда раздались звуки ударов. Рейвен рванулся, но первый Рыцарь не отпустил его, а второй сел сверху, прижимая к земле.

Льюис, ощущающий сильнейшую тошноту и ужас, осторожно уложил потерявшую сознание хозяйку на землю и обернулся. Рутгер выволок наружу еще одного Ворона — красивого юношу с длинными черными волосами — и швырнул на землю.

— Полюбуйся, Ричард, у нас сегодня удачный улов. Все беглецы сами вернулись на казнь.

— Отлично, — Прекрасный Принц улыбнулся, но глаза у него оставались недобрыми, — их судьба предрешена. Стоило ли оттягивать неизбежное?

— Мама! Она ведь не... она жива?

Льюис кивнул. Вот он, значит, какой — Сольвейн Винтер, сын госпожи Солоны. Она была права: он выжил, но вряд ли это все еще будет верно, когда хозяйка дома очнется.

— Идиот! — безнадежно рыкнул Рейвен. — Провалить единственный шанс! Лучше бы уж вообще не пытался и бежал отсюда к черту!

Сольвейн опустил голову.

— Простите. Я не мог на это смотреть. Молю вас, Прекрасный Принц, не трогайте ее. Мама ни в чем не виновата, вы же не убьете ее из-за брошенного в вас перца?

Тот хмыкнул.

— Хотел бы, убил бы два года назад. Несчастливая не ведала, что творит, а я милосерден. Я сохраню ей жизнь.

— Благодарю вас!

Губы Прекрасного Принца дрогнули в улыбке. Он удовлетворенно оглядел разоренный сад, убитых и плененных Воронов.

«Да он же упивается своей властью и «милосердием», — с отвращением понял Льюис, которого мутило все сильнее. Внутри него что-то творилось, распирая его и горячими волнами прокатываясь по всему телу. — Это всего лишь игра на публику, лицемерие, как и сказал Рейвен».

Рутгер словно прочел его мысли:

— Ричард, ты заигрался в великодушие. И открыл грудь. Быстрее убей Великого Ворона, пока он не вырвал тебе сердце.

Прекрасный Принц расхохотался.

— Этот-то? Да ты взгляни на него! Ползает у моих ног и молит о пощаде!

— Они коварны, не забывай об этом. Хватит тянуть.

— Ты хочешь вырвать мне сердце? — обратился Прекрасный Принц к Льюису.

— Господи, да зачем?

— Так суждено. Великий Ворон должен вырвать сердце Прекрасного Принца, а Прекрасный Принц — отрубить голову Великому Ворону. Только так мы можем убить друг друга. Ну, давай же. Попробуй. Я дам тебе один шанс.

— Ричард!

— Уймись, Рутгер. Этого убивать так же скучно, как и прошлого.

— Развлекаться в кабаке будешь! Убей его!

— Что, даже не попытаешься? Есть у тебя когти или нет?

Льюиса трясло. Не было у него никаких когтей. Ему было плохо, страшно, и он мечтал, чтобы все поскорее закончилось. Молить о пощаде больше не имело смысла. Умереть,

сражаясь? Это не про него. Сольвейн метнул на него взгляд, полный отчаянной надежды, но Льюис покачал головой. Он не воин. Не сможет. Рейвен что-то сдавленно забормотал, ругаясь, и его ткнули лицом в землю.

Льюис посмотрел на свои дрожащие руки.

Страшно, господи, как же страшно! Почему он должен умереть? Он ведь так хочет жить! А внутри все бурлит, как ведьмин котел! Это монстр пожирает его? Великий Ворон просыпается? Скорее бы, пусть он дерется за жизни, свою и своих слуг, а Льюис может только умереть на коленях и никого не спасет, даже себя.

Прекрасный Принц разочарованно вздохнул.

— Ладно, поиграли и хватит. Прощай, тварь.

Он вынул свой роскошный меч из ножен и замахнулся. Льюис зажмурился.

— Нет! Умоляю вас, нет!

Пришедшая в себя госпожа Солона повисла на занесенной руке.

— Мама, не надо!

— Сольвейн? Это ты?

Мать и сын встретились взглядами. Но тут Прекрасный Принц стряхнул ее на землю и схватил за шею:

— Вы все свидетели — я не убиваю невинных! Но эта женщина упустила свой шанс на милосердие! Видит бог, я был снисходителен к ее горю, но она перешла на сторону тьмы! Ее душа отравлена злом, ее дом пропитался скверной!

— Мама!

Сольвейн бросился вперед, но Рутгер схватил его за шиворот и оттащил от Прекрасного Принца. Отвесил крепкий удар.

— Йохан, иди сюда! Придержи этого пока я...

Бурлящее внутри Льюиса варево наконец рвануло, сливаясь с гневом, болью и отчаяньем. Никого в своей жизни он не ненавидел сильнее, чем этого самодовольного, бессердечного ублюдка в белом плаще. Страх исчез, задавленный яростным порывом. И когда ногти Льюиса почернели, заостряясь, и выдвинулись вперед, он кинулся на Прекрасного Принца. Много позже он понял, что именно в тот момент завершилось его окончательное превращение в Великого Ворона. Но тогда осознал лишь одно: у него есть оружие. И он может его использовать.

Спину вспороли два огромных черных крыла, отшвыривая Сольвейна, Рутгера и некстати подошедшего Йохана.

Льюис вложил в рывок все свое безумное желание выжить. Даже если через секунду его пожрет Великий Ворон, он успеет спасти госпожу Солону и сделает хоть что-то для нее! Она не заслужила смерти, она всегда была добра к нему! Льюис не умрет на коленях, он защитит ее!

Прекрасный Принц отшвырнул госпожу Солону и замахнулся клинком, но той доли секунды, на которую Льюис его опережал, хватило, чтобы погубить его. Привычка носить доспехи сыграла с Принцем злую шутку: забыв, что их на нем нет, он и не подумал защищать грудь.

Льюис вонзил в нее когти и вырвал Принцу Ричарду сердце.

Когда он смог вспоминать этот день без ужаса и тошноты, Льюис понял, что его поступок был невозможен. Он ведь не настолько хорошо знал анатомию человека, чтобы безошибочно бить в нужное место. Да и как вырвать сердце голыми руками, за один удар?

Но у него получилось, магия Великого Ворона направила его руку, и удача, отвернувшаяся от его противника, перешла к нему.

Мертвый Принц упал на землю, захрипел и, пару раз конвульсивно дернувшись, затих.

Сердце в ладони было мокрым, скользким и почти сразу выпало из рук. Льюис пошатнулся и вновь рухнул на колени. Крылья исчезли. Запах прошел, и больше он ничего не мог сделать. Рыцари кинулись к нему.

Оставлять Рейвена за спиной им явно не стоило.

Ближайшего Рыцаря он ударил когтями, рассекая горло. Второму снес голову, схватив меч убитого. Рутгер зарычал, как взбешенный лев, и бросился на него:

— Когда же ты сдохнешь, тварь?!

— После тебя! — оскалился Рейвен.

Сольвейн подхватил госпожу Солону на руки и торопливо унес в дом. Она снова потеряла сознание. Рутгер и Рейвен кружили по саду, перепрыгивая через тела убитых и поскальзываясь на их крови. Льюис неожиданно почувствовал ее запах, и его вновь затошнило. Господи, сколько вокруг было мертвецов! Изрубленные, окровавленные тела Воронов и Рыцарей валялись вперемешку, и это было самым страшным зрелищем в жизни Льюиса.

Одно из этих тел было его работой. Он убил человека. Теперь он убийца, а не Принц Ричард.

Шум боя не позволил ему провалиться в чудовищное осознание своего поступка.

Рутгер вновь выскользнул из драки и отвел руку назад в знакомом жесте. Льюис бессвязно вскрикнул, пытаясь предупредить об опасности. Но ничего не произошло. Ладонь Рутгера оставалась пустой.

По лицу Рейвена расплылась дьявольская улыбка.

— О, да! И как я только забыл об этом?

Он вытянул свободную руку вперед и выстрелил чернильным сгустком магии прямо в лицо Рутгеру. То потемнело, а сам Рыцарь страшно закричал и рухнул на спину.

Больше он не шевелился.

Рейвен торжествующе захохотал.

— Силы вернулись! Да! Сольвейн, бестолочь мелкая, иди сюда, мы победили! Мы выжили!

Льюис вздрогнул. Оглядел сад, полный трупов, и свои окровавленные руки.

«Я сплю. Господи, когда уже госпожа Солонна разбудит меня? И где же Великий Ворон, почему я все еще здесь?».

Но монстр, пожирающий изнутри, так и не пришел. Это все сделал он — Льюис Клемонт. Не на кого было свалить вину за содеянное.

Он — Великий Ворон. И вырвал Прекрасному Принцу сердце.

— Повелитель, — Рейвен подошел к нему и опустился на одно колено, — это была блестящая победа. Ты уничтожил этого мясника, и город теперь наш. Наступило Время Воронов.

— Что это значит? — спросил Льюис, стараясь смотреть только на его счастливое лицо, а не по сторонам.

— Что Великий Ворон есть, а помешать ему некому. Вороны выполняют любые твои приказы, а горожане будут трястись от страха при звуке твоего имени.

Льюис молчал.

Дурнота прошла, но нормально соображать он все еще не мог. Ему бы полагалось сейчас орать и биться в истерике, но шок заморозил все эмоции.

Сольвейн вышел из дома, охнул, оглядывая сад, и поспешил встать на колени рядом с Рейвенном.

— Как госпожа Солона? — спросил Льюис.

— Мама в порядке. Я ее уложил. Великий Ворон, спасибо, что спасли ее! Я не знаю, как смогу отблагодарить за это! Могу только верно служить. Но нам же нужно поторопиться и уйти, да, господин Рейвен?

Тот бросил короткий взгляд на Льюиса и поднялся на ноги.

— Нам больше некуда спешить, — хищно улыбнулся он, — теперь другие будут бегать от нас.

— А если соберется толпа горожан?

— У нас будет пиршество.

Рейвен повел рукой в воздухе. Темные языки пламени обвили ее.

— Ты жил во Время Принца, Сольвейн, и не знаешь вкуса настоящей силы. Ничего, я научу тебя. Больше не придется прятаться. Этот город станет нашими охотничьими угодьями, и ты сможешь нападать без страха, ведь даже самые сильные люди будут куда слабее тебя. Но все же нам пора. Ты готов идти, повелитель?

— А что делать с телами? — спросил Сольвейн, стараясь на них не смотреть.

— Ничего. Что с ними сделаешь?

— Но их нельзя здесь оставлять! Мама не должна этого видеть, она же испугается!

Рейвен закатил глаза.

— Ты их хоронить, что ли собрался? Хотя, постой, я, кажется, знаю, что делать. Как там это было? Огонь должен быть очень жарким. Отойдите к дому. Сольвейн, помоги повелителю встать.

Сольвейн поспешил исполнить приказ. Льюис поднялся и отошел на крыльцо, повинаясь его деликатной поддержке. Рейвен внезапно погасил огонь и зашагал к калитке. Втащил тело еще одного Ворона и сложил рядом с остальными. Снял с них оружие.

На его лице появилось некое подобие сочувствия.

— Вы славно сражались. Чуть-чуть не дотянули до победы. Но погибли не зря. Прощайте.

Чернильное пламя принялось пожирать тела и кровь, не трогая траву и цветы. Льюис и Сольвейн смотрели на это с одинаковым изумлением. Вскоре о случившемся напоминала только вытоптанная растительность, словно в сад госпожи Солонны забрались шkodливые подростки и набедокурили. Ветер легко подхватил горсть белого пепла и понес прочь.

— Оно что, все может сжечь? — растерянно спросил Сольвейн. — И кости, и плоть, и металл?

— Все, если как следует захотеть. А может лишь немного опалить, не оставляя ожогов.

В голове у Льюиса зазвенело. Спасительный шок проходил.

Невозможно. Когда этот кошмар закончится? Что за безумная фантазмагория? В реальности так быть не может, пора уже проснуться, скорее, пока не стало слишком поздно!

И этот страшный сон не стал явью.

Зачем он приехал в этот проклятый город?!

— Я хочу домой, — тихо сказал он.

— Конечно, повелитель. Полетели?

У Рейвена за спиной возникли черные крылья, и он распахнул их во всю длину.

Лицо у него сияло.

— Четырнадцать лет не летал. Но больше у меня их никто не отнимет.

Льюис закрыл глаза. Если бы сейчас Рейвен превратился в огромного ворона и ринулся выклевывать ему их, он бы ничуть не удивился.

Глава 4. Рейвен

До убежища они все же пошли пешком. Жаль, но время для полета явно было неподходящим: их новый повелитель все время молчал и смотрел в пустоту стеклянными глазами. Рейвен узнал этот взгляд: такой частенько бывал у Воронов-новичков. Если они не кричали, не рыдали и не царапали сами себя, то вели себя так, словно их здесь не было. Редко кто принимал правду о проклятии спокойно и без истерик. Из более стойких Воронов он набирал себе бойцов, и погибали они обычно без страха, сражаясь до самого конца. Джон, Якоб, Малкольм. Сильные были ребята. Опытные. Знали, на что идут, но все равно пошли.

Рейвен коротко вздохнул, однако сожаление прошло, не задерживаясь. Его радость была слишком сильна. Дождались! У них снова есть Великий Ворон! Годы страха, боли и слабости окончены! А гнусный мясник и его шайка мертвы!

Рейвену хотелось петь или орать во все горло от восторга.

В холле убежища их встретила Шарлотта. При виде Рейвена ее лицо отразило облегчение.

— Вы вернулись! А где остальные?

— Мертвы. Шарлотта, собери всех Воронов в зале. У меня есть новости.

Она кинула любопытствующий взгляд на повелителя, но ушла, ничего больше не спросив. Рейвен и Сольвейн проводили Великого Ворона до его покоев. Рейвен подготовил их уже давно, а пару дней назад приказал там прибраться и принести необходимые вещи, старательно отгоняя мысль, что и в этот раз никто здесь не появится.

Появился.

Рейвен заулыбался. Сольвейн неуверенно ответил на его улыбку, а вот повелитель все еще смотрел мимо них.

— Вот мы и дома. Это твоя спальня. Если что потребуется — Сольвейн принесет. Он пока останется с тобой.

Сольвейн изящно склонил голову.

— Я выполню любой ваш приказ, повелитель.

«Молодец. Будет толк от мальчишки», — одобрительно подумал Рейвен.

Два года назад он так не считал. Потренировал немного и списал в бесполезный балласт: Сольвейн был изнеженным, пугливым, не мог держать удар и в бойцы не годился. Очередной голодный рот, который Рейвену надлежало кормить и защищать до прихода Великого Ворона. Но бегать умел хорошо и уже дважды спасался от мечей Рыцарей. Этим не каждый мог похвастаться. А теперь вот не струсил и бестолково, но все же поучаствовал в бою. Хотя, почему бестолково? Очень даже толково лишил Белую Мразь доспехов.

Кроме того, Сольвейн обладал одним интересным качеством — он всем нравился. Что-то в нем было, что привлекало окружающих и позволяло проклятым ненадолго забыть о своих горестях. Рейвен в минуты покоя не искал общества (делая исключение лишь для Шарлотты), а вот Сольвейн всегда был окружен Воронами. В его компании они расслаблялись и частенько улыбались. Свои стихи он всегда читал хорошо поставленным голосом, и были они, похоже, неплохими. Рейвен не разбирался в стихах, но Шарлотта называла их милыми.

— Милые стихи от милого юноши — настоящий подарок для этого унылого места, —

говорила она, — и то с каким вниманием он следит за своим гардеробом и манерами — тоже. Сольвейн подает остальным правильный пример: нечего распускаться и терять человеческий облик. Он разгоняет тоску, как маленькое солнышко. Это важно.

С точки зрения Рейвена важно было не умереть, не нарушать порядков, заведенных Элдриком, и дождаться нового Великого Ворона. Этим он и занимался все четырнадцать лет, следя, чтобы остальные Вороны делали то же самое. Чем они будут заняты помимо этого, его не волновало, но сейчас он сообразил, что способности Сольвейна могут пригодиться.

— Успокой повелителя, — негромко приказал он, когда тот, пошатываясь, удалился в ванную, — помоги ему привести себя в порядок и расслабиться. Развлеки, стихи прочитай.

— Не думаю, что ему нужны сейчас стихи, — возразил Сольвейн, — день был страшный, ему бы отдохнуть и поспать.

— Он должен показаться подданным.

— А что важнее: это или сохранить ему разум?

Рейвен нахмурился.

— Второе. Но с чего ты взял, что он безумен?

— С того, что любой потеряет рассудок после сегодняшней бойни. Кроме вас, но он не такой как вы, господин Рейвен. Дайте ему время прийти в себя, иначе повелитель не оклемается.

Были вещи, которых Рейвен не понимал, но у него хватало ума доверять тем, кто разбирался в чем-то лучше него. Сольвейн умел ладить с людьми, значит, стоило прислушаться к нему.

— Ладно, сам сообщу радостную весть. Пусть отдыхает. Остайся с ним.

— Как прикажете.

Рейвен подошел к двери, но у порога обернулся:

— Сольвейн.

— Да?

— Ты — не бестолочь. Ты справился и выжил. Идея взять бутылки с кислотой у алхимика оказалась верной. Теперь это неважно, но раньше мы могли бы использовать это против Рыцарей.

— Сам не понимаю, как она пришла мне в голову, — Сольвейн пожал плечами, — но, эм... спасибо?

— Из тебя вышел толковый Ворон, — бросил Рейвен и отправился в зал.

Залом служила одна из больших пустых комнат на первом этаже. Настоящий зал для новостей они давно не использовали. В нем на возвышении стоял трон Великого Ворона, а сам зал был огромным. Примерно пять десятков Воронов прекрасно помещались в комнате поменьше, да и содержать ее в чистоте было проще.

Вороны взволнованно смотрели на него. Рейвен почувствовал, что его снова распирает радость. В кои-то веки он сообщал прекрасную новость:

— Великий Ворон появился и благополучно добрался до убежища. Годы наших страданий окончены! Мы под защитой нашего господина и сил, которые он нам даровал!

Рейвен распахнул крылья и зажег на ладони чернильное пламя. На лицах некоторых Воронов он увидел отражение своего торжества, но многие смотрели на него с растерянностью и испугом. Рейвен недоуменно оглядел их, а затем сообразил: среди Воронов были те, кто получили свою новую суть во Время Принца, и они знать не знали, как

управляться с когтями, крыльями и магией. Без Великого Ворона в них не было ни капли его силы, а от людей отличал лишь цвет волос да невыносимый голод. Еще обучать их придется. Но хоть охотиться начнут сами. И возвращаться с охоты будут все.

В глубине его души всколыхнулась застарелая, черная ненависть. Проклятые Рыцари! Проклятый мясник! Чертовы убийцы, гореть им в аду!

Уже горят.

Ненависть исчезла, смытая потоком торжества. Все, больше их нет. Некому теперь убивать Воронов. Рейвен погасил пламя и сложил крылья. Они подчинялись ему с той же легкостью, что и раньше, будто не было этих четырнадцати лет пустоты и бессилия.словно он все тот же безрассудный Вороненок, способный облететь весь город и побывать на каждой крыше, включая роскошную крышу особняка наместника. И ни высокие стены, ни охрана не способны ему помешать.

Воронов теперь никто не остановит.

— А Великий Ворон будет сражаться с Прекрасным Принцем? — спросил кто-то.

Рейвен расхохотался.

— Будет? Он его уже убил! Вырвал сердце этому подонку! И Рыцари тоже мертвы!

Раздались возгласы ликования, но, опять-таки, довольно мало. Кричали, в основном, его бойцы. Рейвен пересчитал по головам и помрачнел: мало. Всего шестеро осталось. Хорошо, что не стал брать с собой всех, оставил на случай, если не вернется. Больше пары минут своими смертями они бы не выиграли, а водить на охоту слабых было бы некому.

Шарлотта оживилась:

— Расскажи, как это было!

Рейвен ухмыльнулся.

— Наш повелитель очень хитер! Он ловко усыпил бдительность Белой Мрази, одурачил и воспользовался выпавшим шансом. Напал ни раньше, ни позже того мига, когда мог уничтожить врага. Один точный удар, и эта свинья подыхает, а Великий Ворон сжимает в когтях его сердце! Расправиться после этого с Рыцарями не составило труда.

Шарлотта захлопала в ладоши:

— Великий Ворон великолепен! А когда его можно будет увидеть? Я хочу с ним познакомиться!

— Когда он пожелает выйти к нам. Сейчас он отдыхает после битвы, и его нельзя тревожить. Но теперь он у нас есть! Радуйтесь! Наступило Время Воронов!

Больше не обращая внимания на слабую реакцию, Рейвен вышел из зала. Шарлотта догнала его и повисла у него на локте.

— Ты ведь идешь сейчас к Великому Ворону, да? Я с тобой!

— Он отдыхает.

— Я не буду мешать, только одним глазком гляну! Тихонечко. Не будь букой, дай увидеть нашего спасителя.

Рейвен хмыкнул. Шарлотта заговорила томным голосом и легонько, будто невзначай, прижалась к его руке теплой грудью. На деле ей не требовалось так стараться: за одну ее улыбку мужчины готовы были биться, как бешеные быки в период гона. Шарлотта была самой красивой женщиной их города. О ней ходили слухи еще до того, как она попала в убежище, и Рейвен их даже слышал. О том, что идеальным ее лицо стало после поцелуя ангела, красотой фигуры наградила добрая фея, а чарующие зеленые глаза подарил повелитель джиннов, и оттого они завораживают любого мужчину, что в них посмотрит. А

восхитительно мягкие волосы, волнами спускающиеся ниже бедер, когда-то были еще длиннее, и Шарлотта сбрасывала их из окна, чтобы ее знатный кавалер мог по ним забраться в спальню. Но однажды, рассердившись на него, она обрезала часть волос, и бедняга упал, немедленно умерев от горя.

Правда, в этой истории ее волосы были золотыми, а не черными, как сейчас.

Шарлотта долго смеялась, когда Рейвен спросил, скончался ее любовник от переломов или разбив себе голову? В смерть от горя он не верил.

— Это выдумки. Я бы ни за что не пожертвовала волосами ради какого-то мужчины. А если бы он не нашел способа забраться в мою спальню самостоятельно, то не попал бы в нее вовсе.

— Будь твой любовник Вороном, высота ему бы не помешала. Но меня ты не заставляла забираться в твою спальню, а пригласила.

— У тебя есть то, что мне нужно.

Их связь не была любовью, но обоюдной страсти вполне хватало, чтобы быть рядом. Рейвен знал, что не вернись он сегодня, Шарлотта нашла бы ему замену в тот же вечер. Но он вернулся, и она поделила с ним радость победы.

Кроме влечения у них с Шарлоттой было еще кое-что общее.

Ненависть к Прекрасному Принцу и Рыцарям. А теперь и восхищение Великим Вороном.

Ладно, пусть посмотрит.

По дороге он рассказал ей больше подробностей битвы, и Шарлотта пришла в полный восторг. Но когда они подошли к покоям повелителя, то обнаружили Сольвейна снаружи, а изнутри доносились неразборчивые вскрики.

— Что ты здесь торчишь? — рассердился Рейвен. — Не слышишь, что повелитель зовет?

— Он не зовет, — хмуро ответил Сольвейн, — у него истерика. Он кричит и постоянно бегают мыть руки. Ему плохо. Он попросил меня уйти.

— Чего это он? — удивилась Шарлотта.

— Он проклят. Видел чужую смерть. Убил человека. Чуть не погиб сам. Я бы тоже кричал на его месте.

— Я же велел тебе его успокоить!

— Это не сработает так быстро, господин Рейвен! Говорю же, дайте ему время! Хотя бы до завтрашнего утра. Сейчас ему хочется кричать, а не успокаиваться.

Рейвен раздраженно вздохнул.

— С этим что-то нужно делать.

— А давай я с утра подам ему чай? — предложила Шарлотта. — Поболтаю с ним, окружу заботой. Он быстро забудет свои горести.

Идея была здравой. Шарлотта действовала на мужчин волшебным образом, легко управляя ими и их настроением. Повелитель ею обязательно увлечется и перестанет страдать. Шарлотте даже не придется особенно трудиться над этим.

Но тут Рейвен вспомнил кое-что важное, почти стершееся из памяти за давностью лет.

— Нет. Утешать и отвлекать его будет Сольвейн. Понял? С завтрашнего дня ты отвечаешь за то, чтобы он пришел в себя. Делай что хочешь, но он нужен нам вменяемым. Узнай у своей матери все о нем и как ему угодить.

Сольвейн опешил.

— Но мне же нельзя к ней идти. Это опасно для нее, вы сами говорили, что Воронам нельзя навещать родных.

Рейвен закатил глаза.

— Сольвейн, не глупи! Принц и Рыцари мертвы. Больше нет опасности ни для кого из нас. Но если боишься, лети к ней, а не иди. В воздухе тебя никто не достанет.

— Но я не умею! И у меня нет крыльев, как у вас!

— Они у всех есть, пока жив Великий Ворон. Иди во двор и жди меня там. Я покажу как ими пользоваться.

Сбитый с толку Сольвейн ушел.

Шарлотта кокетливо улыбнулась:

— Ты не желаешь, чтобы повелитель видел меня, потому что ревнуешь?

— Если хочешь нырнуть в постель к нему — дело твое. Но ты кое-что должна знать. Надеясь нас своей магией, он получает абсолютную власть над нами. Приказы, подкрепленные ею, невозможно нарушить. Так что если ты ему понравишься, и он не захочет выпускать тебя из своей постели, то и не выпустит. Я не смогу тебя защитить.

Шарлотта растерялась:

— Но это же рабство? Злые чары! От них крестик не поможет?

Рейвен расхохотался.

— А от проклятия он тебе помог? Может, Вороны не способны зайти в церковь? У этого города свои законы, и наш нынешний закон — слово Великого Ворона.

— А если он скажет умереть?

— Значит, умрешь.

Шарлотта побледнела.

Рейвен посмотрел на дверь покоев Великого Ворона. Каким будет их новый повелитель? Какие приказы Рейвену придется исполнять? Впрочем, хуже, чем во Время Принца, уже не будет. Любой Великий Ворон лучше его отсутствия.

Но хорошо бы он все-таки был вменяемым.

Глава 5. Пробуждение

После нервного срыва Льюис провалился в глубокий сон. Он не знал, сколько проспал, и не хотел просыпаться, но в какой-то момент его тело отказалось вновь погружаться в сон. Льюис лежал в большой двуспальной постели и смотрел в потолок. Он понятия не имел, где находится, и не интересовался этим.

Он убил человека.

Пусть он защищался, пусть пытался спасти госпожу Солону, но зачем было делать это с такой жестокостью?! Почему он вырвал Принцу Ричарду сердце? Он же не монстр какой, зачем было такое творить?

Льюис посмотрел на свои ногти. Они выглядели как обычно. Но стоило ему на секунду вспомнить, что он ими сделал — моментально почернели и удлинились. Льюис вздрогнул, и все пришло в норму. Он спрятал руки под одеяло.

Не надо вспоминать. И делать ничего не надо. Он просто будет лежать в этой теплой, уютной постели и спать. Может, удастся заснуть на сотни лет, как героине известной сказки. А когда проснется, никто не вспомнит о совершенном им убийстве, даже он сам.

В дверь тихонько постучали, после чего она распахнулась.

— Вы проснулись, повелитель? С добрым утром.

В комнату вошел Сольвейн. Он делал это не в первый раз, но раньше Льюис моментально закрывал глаза и делал вид, что спит, после чего Сольвейн уходил. Однако в этот раз он не стал притворяться.

В руках Сольвейна был поднос с чайником и двумя чашками. Он поставил его на прикроватный столик и коротко поклонился Льюису.

— Может, хотите чаю? Я пока открою шторы.

В комнату проник солнечный свет. Льюис искоса оглядел ее.

Большая. Роскошная. Чей-то богатый дом, похоже.

Сольвейн вернулся и наполнил чашку.

— Вам неплохо бы что-нибудь попить. Вы уже сутки ничего не пили.

Льюис промолчал. Но тут его носа коснулся приятный и знакомый запах.

Мята.

В горле было сухо, как в пустыне.

Льюис нехотя сел и протянул руку за чашкой. Сольвейн просиял, словно сдал экзамен лучше всех на курсе.

— Вы не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Льюис качнул головой.

— Это было «нет» или «да»?

— Да.

Сольвейн налил себе чаю и присел на стул возле кровати. Он был очень похож на госпожу Солону: те же тонкие черты, большие голубые глаза и общая миловидность лица. Красивая внешность. Волосы, брови и ресницы были угольно-черными, а вот кожа — нездорово бледной. Он болен? Но тут Льюис понял, в чем дело: такая светлая кожа обычно бывала у блондинов. До проклятья Сольвейн Винтер им и был.

Льюис вздохнул и сделал глоток. Госпожа Солона часто делала чай с мятой, и Льюис полюбил его после приезда в город.

— Любимый мамин рецепт, — заметил Сольвейн.

— Как она?

— Уже пришла в себя. Она была безумно рада увидеть меня живым. Еще она спрашивала о вас. Мама беспокоится, как вы тут.

— Ужасно.

— Еще бы. Я думал, что умру, когда стал Вороном. Это же проклятье, приговаривающее нас к смерти. Но господин Рейвен объяснил, что жить или умереть, выбираем мы сами. Те, кто выбрали смерть, до убежища не добираются.

Льюис молча пил чай. Он не помнил, как вообще попал сюда. Кажется, шел, держась за Сольвейна и Рейвена. Но это не было его выбором, он просто следовал за ними, потому что не хотел оставаться в саду.

Но чьим же выбором это было? Кто заставил его вырвать Прекрасному Принцу сердце?

Льюис вспомнил свое жгучее желание жить, за минуту до неминуемой гибели. Тогда он заключил бы сделку даже с дьяволом, если бы тот пообещал сохранить ему жизнь. И он выжил. Кошмар закончился. Но не всем так повезло. Он вспомнил тела Воронов и Рыцарей, пожираемых чернильным пламенем. Было бы лучше, если бы он лежал рядом с ними? Нет, ничего подобного. Смерть слишком страшна. Жизнь, даже жизнь проклятого убийцы, несоизмеримо лучше.

Он все еще не хотел умирать.

Льюиса немного отпустило. Он устроился в постели поудобнее и заметил, что Сольвейн замолчал.

— Я сказал что-то не то?

— А?

— Вы больше не говорите со мной.

— А! Я не хотел мешать вам думать, повелитель.

Льюис поежился.

Повелитель. Он — Великий Ворон. На него пало самое страшное проклятье этого города, и с этим ему предстоит жить.

А как ему обращаться к новому знакомому? Господин Сольвейн? Господин Винтер? Просто Сольвейн?

— Мы ведь не знакомы официально? Я — Льюис Клемонт, студент. Снимал комнату у вашей матери.

— Сольвейн Винтер, поэт. Наверное. Я не успел стать каким-то известным поэтом до превращения в Ворона, а теперь мои стихи вряд ли издадут. Но никто не мешает мне их писать.

Льюис вежливо улыбнулся. Вернее, попытался, потому что губы его плохо слушались. Бедный Сольвейн. Такое будущее оборвалось. Хороших поэтов нередко приглашали выступать в богатые дома и даже брали на содержание, для развлечения знатных семей. Льюис не знал, хорошие ли у него стихи, но в остальном Сольвейн наверняка понравился бы публике. Он был красив, одет с иголочки, даже отрастил длинные, ниже лопаток волосы и сейчас изящно закалывал их простой медной заколкой. Такую длину носила богема: как раз поэты, писатели, артисты, менестрели и прочие творческие личности. Вольнодумцы и бунтари всех мастей, впрочем, тоже любили выделиться из толпы, но среди них можно было встретить, как длинноволосых, так и обритых наголо людей.

Льюис внезапно осознал, что он валяется в постели непричесанный, в мятой ночной

рубашке, неумытый и грязный. Позорище какое.

Сольвейн даже под проклятьем не забыл о подобающем внешнем виде. Нет, ну какая жалость, что такой достойный человек стал Вороном.

— Как вы справляетесь с этим? — спросил его Льюис. — Как жить, когда ты проклят?

Сольвейн вздохнул.

— Невесело, честно говоря. Быть Вороном тяжело, — но тут он оживился, — было тяжело, но благодаря вам стало намного легче.

— Почему?

Сольвейн замялся.

— Прекрасный Принц и Рыцари охотились на нас. Вы устранили смертельную угрозу для всех обитателей убежища. Обычно мы вообще его не покидаем иначе, чем для питания. Только здесь до нас нельзя добраться. И это добровольное заточение, в отрыве от родных, друзей, привычных дел было нелегко перенести. А теперь мы можем снова выходить на городские улицы. Я увидел маму и могу ее навещать. Спасибо вам огромное за это.

Льюис подумал, что тоже хотел бы навестить госпожу Солону. Нужно самому убедиться, что она в порядке. Вдруг ей все-таки требуется лекарство или успокоительные лекарства? Хотя, Сольвейн, наверное, об этом позаботился, он — хороший сын. Не испугался вступить за нее перед безжалостным Принцем Ричардом.

Льюис на секунду закрыл глаза. Под веками всплыла картина: распластанное на земле тело, застывшие, широко распахнутые глаза, разверстая рана в груди.

Сердце в ладони.

Хватит! Прекрасный Принц был плохим человеком, он убивал несчастных проклятых, он чуть не убил госпожу Солону, он развлекался чужими смертями и получил по заслугам! Льюис — не плохой человек, не совсем плохой, он защитил Воронов, и те теперь смогут вернуться домой.

Но если Принц и Рыцари мертвы, то он ведь тоже может вернуться? Если госпожа Солона его примет. Сольвейн тоже сможет уйти: в убежище больше нет нужды, раз не от кого скрываться. Ох, боже, Льюису же на службу надо! А через два месяца — в университет! Пустят ли его туда? А почему нет? У него всегда были черные волосы, никто и не заметит, что он стал Вороном! Будет врать, что не успел покрасить их, или носить берет, сейчас это модно. С чего он взял, что его жизнь кончена? Его ведь никто больше не попытается убить, значит, все будет хорошо!

Льюис повеселел и поделился с Сольвейном своими размышлениями. Но тот покачал головой:

— Вороны должны оставаться в убежище Воронов.

— Зачем, если Прекрасного Принца больше нет?

Сольвейн растерялся.

— Я не знаю. Надо спросить господина Рейвена.

— Пожалуйста, спроси его. А можешь сделать это прямо сейчас? Я пока оденусь.

Сольвейн ушел, а Льюис наскоро ополоснулся, умылся и оделся. Посомневавшись, причесал волосы гребнем, найденным в комнате. Неловко, но не идти же, как огородное пугало? Если это гребень Сольвейна, он купит ему другой.

Домой, домой, домой!

Но тут его скрутил такой приступ голода, что он схватился за живот.

Есть. Еда. Ему нужно что-то съесть немедленно или он умрет!

В покои вошли Рейвен и Сольвейн.

— Повелитель, Сольвейн сказал мне, что ты хочешь...

— Есть! Я очень хочу есть! Остальное потом!

— Разумеется. Еду принести сюда, или сам за ней пойдешь?

Льюис попытался сообразить, что будет лучше. Наверное, стоит пойти самому. А то пока просьбу передадут на кухню, пока приготовят, еще сервировать начнут, он столько не выдержит. Он смутно вспомнил, что в комнату шел довольно долго, значит, дом большой. Очень большой. На кухне можно будет хоть куском хлеба разжиться.

— Пойду сам.

— Тогда иди за мной.

Сольвейн неловко кашлянул.

— Я тоже пойду с вами. Можно?

— Можно, — разрешил Рейвен.

Льюис вместе с Сольвейном пошли за ним. В другом состоянии Льюис бы снова испугался Рейвена, но сейчас ему было плевать на все. Господи, да что происходит, он умирает? Внутри него разрасталась пустота и вот-вот могла поглотить его самого.

Еда! Пища! Хоть что-нибудь, чтобы заполнить ее!

Они минули один длинный коридор, затем второй, потом спустились на первый этаж и вышли во двор. Льюис не смотрел по сторонам, но заметил, что они пошли прочь от жилья. Но куда они идут, зачем? В трактир, что ли? Льюис едва не взвыл. Конечно, Сольвейн же говорил, что Вороны выходят из убежища только за едой, значит, внутри ее нет! Господи, он умрет от голода, пока они дойдут! Скорее-скорее-скорее! Льюис почти побегал и обогнал Рейвена. Тот ускорил шаг. Сольвейн тоже поспешил. Никто ничего не говорил, дыхания едва хватало на движение. Они прошли целый квартал и перешли по простому деревянному мосту через речку. Место Льюису было незнакомо, впрочем, он ни разу не повернул голову, чтобы его осмотреть. Перед ними находился пустырь, заросший сорняками, несколько старых, мощных деревьев, а далеко впереди — дома.

Кто-то всхрипнул. Под ближайшим деревом мирно спал бродяга, накрывшись поношенной курткой.

Рейвен хищно оскалился.

— А вот и еда.

— Где?

— Этот сойдет. Грязный, но ты слишком голоден, повелитель. В другой раз найду кого-нибудь почище.

Рейвен подошел, пнул бродягу и заставил встать. Подтащил к Льюису.

Бродяга наконец полностью проснулся, оглядел их и заорал. Попытался вырваться, но Рейвен выпустил перед его лицом черные когти.

— Стой тихо, не то вырву глаза! Прошу. Ешьте.

Льюис оцепенел.

— Нужно прикоснуться к любому участку кожи. Дальше пойдет само, — тихо сказал Сольвейн, — вот так.

Он положил два пальца бродяге на лоб. Аккуратно подстриженные ногти моментально почернели и заострились.

Рейвен свободной рукой схватил беднягу за шею и тоже начал высасывать из него жизнь.

— Не надо! Пощадите! — завыв бродяга.

— Рот закрой! Повелитель, ешь. Чего ты ждешь? Здесь хватит на всех.

Льюис сглотнул. Нет, нельзя же так, Вороны — это проклятые люди, а не монстры, нельзя просто схватить человека и начать его пожирать, да еще и втроем одного, он не станет...

Пустота внутри вновь напомнила о себе. Она едва держалась в пределах тела, норovia сожрать его самого. В животе поселилась боль.

Рука Льюиса поднялась, и он схватил бродягу за подбородок. Ногти почернели, и на мгновение ему ужасно захотелось впиться ими в чужую плоть.

Ему нужна была *эта еда*.

В него словно хлынул поток амброзии. Первой ушла боль, второй — пустота. Зияющая бездна закрылась. Льюису было тепло, сытно и хорошо, как после плотного обеда. Он был жив. Как можно обречь себя на мучительную смерть от голода, когда рядом есть еда?

Когда чувство сытости заполнило его, Льюис опустил руку. Сольвейн убрал свою немного раньше, и Рейвен тоже разжал пальцы.

Бродяга обмяк и сполз на землю.

— Он умер? — в ужасе спросил Льюис.

Господи, он снова убил человека!

— В обмороке. Чтобы высосать до смерти, питаться должны сразу много Воронов, — пояснил Рейвен, — и то у здоровых крепышей есть шансы выжить. Реже раза в неделю есть нельзя, начинает выворачивать наизнанку. Вороний голод терпеть невозможно.

Льюис посмотрел на бродягу.

— Я теперь всегда буду вынужден так делать?

— Всегда. Ты — Великий Ворон, а Вороны питаются людьми. Не хочешь охотиться сам, прикажи, и я буду доставлять пищу в убежище.

— А так разве можно? — тихо спросил Сольвейн.

— Можно. Но только для Великого Ворона.

Льюис перевел взгляд на Сольвейна. Тот опустил глаза.

— И вы все это творите? Нападаете на людей, едите и бросаете без сознания?

— Я не хочу умирать, — Сольвейн устался в землю, — я же не виноват, что стал таким. Нам приходится это делать.

— Мы не убиваем людей без нужды, — пожал плечами Рейвен, — стариков, беременных женщин и детей не трогаем, жертв отпускаем. Ты привыкнешь, повелитель. Все поначалу грустит. Это пройдет.

— Если бы, — едва слышно сказал Сольвейн.

Льюис смотрел на человека, лежащего у его ног, и медленно осознавал, что он все-таки чудовище. И щеголеватый Сольвейн, и бесстрашный Рейвен, и все остальные проклятые — монстры, пожирающие людей. Волки среди овец. Кто потерпит их рядом с собой? Чудовища не должны жить вместе с людьми. Он никогда не вернется в дом госпожи Солони или в Рейнпорт, к родителям. Не окончит университет и не станет историком. Ничего он больше не сможет, а значит покидать убежище незачем.

Он проклят, и жизнь его проклята тоже.

— Давайте вернемся.

— Как пожелаешь, повелитель.

Глава 6. Верные слуги Великого Ворона

«Людоедство — это поедание людьми людей, в презрение всех моральных норм и традиций. Обычно свойственно лишь самым отсталым дикарям или закоренелым злодеям. Ни один цивилизованный человек, воспитанный в обществе, никогда не опустится до...»

Льюис захлопнул справочник.

Итак, он — людоед, дикарь и закоренелый злодей. Написать, что ли, матушке, чтобы больше не волновалась по поводу распутных девиц, что научат его пьянству и разврату? Этот уровень морального падения остался далеко позади.

Льюис тосковал. Он потерял свою жизнь, будущее и право называть себя порядочным человеком. Отныне он — злодей, который каждую неделю будет нападать на людей, чтобы удовлетворить свой нечеловеческий голод. А ведь когда-то он был уверен, что не опустится до преступлений, и всецело осуждал грабителей и убийц.

Ах, да, он еще и убийца. Чуть не забыл.

— Может заварить свежий чай? Этот уже остыл, — предложил Сольвейн.

— Завари. Ничего, что я тебя постоянно гоняю?

— Ты же Великий Ворон. Тебе по статусу положено. И не то, чтобы я был сильно занят. Служить тебе интересно: это вносит разнообразие в мою жизнь.

Сольвейн отложил книгу и забрал у Льюиса чашку. Прошло около двух недель с их знакомства, и они окончательно поладили, перейдя на дружеский стиль общения. Слышать слово «повелитель» из его уст Льюису не нравилось, и он попросил обращаться к нему по имени. Сольвейн удивился, но спорить не стал. Ему было девятнадцать, и он легко подстраивался под новые обстоятельства.

— Хотя господин Рейвен недоволен. Говорит, я — дурак. Он потратил целых две минуты, чтобы объяснить мне, что ты — главный, а мы все твои верные слуги и должны знать свое место. Но когда я сказал, что выполняю твой приказ, он отстал.

— Но так-то главный здесь он?

— Он был главным во Время Принца, когда командовать было некому. Господин Рейвен — достойный человек, взявший на себя ответственность за судьбы Воронов и нашу безопасность. Он и его бойцы выводят слабых на охоту и сами ловят для них добычу, — у Сольвейна хватило совести покраснеть и запнуться на этом моменте, — если появляются Рыцари, то они вступают в бой, вызывая удар на себя, пока другие Вороны сбегают.

— А с Принцем Ричардом они тоже сражались?

Сольвейн ответил не сразу. Его взгляд потускнел.

— Вороны, что сталкивались с ним, в убежище не возвращались. У Прекрасного Принца слишком много силы, чтобы от него можно было спастись бегством или хотя бы задержать.

Льюис замолчал и принялся легонько постукивать пальцем по чашке со свежим чаем.

Убивший убийцу считается злодеем или же героем?

Да какая разница. В основе лежит один и тот же поступок — отнятие у другого человека жизни. Количество убийц в мире не изменилось.

— В любом случае, господин Рейвен достоин уважения, хоть и несколько пугает. Иногда он бывает жестоким, но у этого всегда есть причины. Он строго поддерживает порядок в убежище и не терпит его нарушения.

— Где он сейчас?

— Учит Воронов летать и использовать магию.

«Вот и хорошо, — подумал Льюис, — что бы Рейвен ни говорил о моем положении, главный здесь явно он. Я не стану с ним ссориться. Буду сидеть тихо, общаться с Сольвейном и читать книги. И все будет нормально».

Рейвен заходил к нему не часто. В первый раз это случилось спустя день после охоты. Льюиса попытались заставить выступить перед обитателями убежища, но он наотрез отказался. Он был неплох в публичных диспутах, но ему обязательно нужно было подготовить речь, просчитать реакцию слушателей и продумать ответы на каверзные вопросы. О чем говорить перед такими же проклятыми, как он, Льюис не представлял. Рассказать о смерти Принца Ричарда? Его передернуло. Нет уж, он сам себя прекраснс осудит, а благодарности уже выслушал от Сольвейна. Рейвен тогда не стал настаивать и ушел. Второй раз неформальный лидер Воронов появился пару дней спустя, и беседа вышла несколько более долгой.

Хоть Льюис и знал, что Рейвен вроде как не должен ему вредить, он также понимал, что между теорией и практикой есть большая разница. Немалое количество слабых королей подвергалось давлению и издевательствам со стороны «подчиненных», вроде кардиналов, канцлеров и генералов. У Рейвена была сила. У Льюиса — ничего.

Да и выглядел «верный слуга» все еще как отпетый головорез.

— Не желаешь ли овладеть своей магией, повелитель? Я покажу тебе как использовать крылья, когти и чернильное пламя.

Льюис вспомнил, как обуглилось лицо Рыцаря под этим самым пламенем, и помотал головой.

— Не желаю. Это обязательно?

— Ты — Великий Ворон, — Рейвен взглянул на него с недоумением, — твоя сила столь огромна, что только Прекрасный Принц мог ей что-то противопоставить. Разве ты не хочешь использовать ее?

— Не хочу. Зачем она мне, если Принц Ричард мертв?

— Она может пригодиться вне убежища.

— Я не собираюсь выходить из него. Могу я не пользоваться этой магией?

Если бы кто-то раньше сказал Льюису, что он получит волшебный дар, но откажется что-либо с ним делать, он бы очень удивился. Но магия Воронов была темной, злой и направлена только на убийство. Убивать Льюис больше никого не собирался, так зачем ему черное пламя и острые когти, способные лишь резать и рвать?

— Можешь, — Рейвен справился с изумлением, — за твою безопасность отвечаю я. На самом деле, все, что от тебя потребуется — это беречь свою жизнь. Пока ты жив, Вороны непобедимы и свободны. Ты ведь не против, что другие будут покидать убежище? Или всем надлежит сидеть здесь?

Льюис покачал головой.

— Делайте, что хотите.

Рейвен улыбнулся. В сочетании с цепким, давящим взглядом, даже улыбка у него выходила жутковатой.

— Как прикажешь, повелитель. Не волнуйся, я обо всем позабочусь.

Больше Льюис его не видел и счел, что проблема улажена. Рейвен сохранил свою власть, а Льюис — спокойствие. Теперь он мог полностью погрузиться в чтение книг и отгородиться от мира.

В убежище была собственная библиотека.

Льюис не поверил глазам, когда Сольвейн привел его туда. Огромный зал, высоченные полки и тысячи книг на них! Эта библиотека была больше университетской и городской в несколько раз. Первым порывом Льюиса было немедленно выйти наружу и оценить ее размеры. Как что-то столь огромное могло здесь поместиться? Нет, неправильно. Какого размера убежище Воронов, если в нем есть такая библиотека?!

Но порыв угас, не разгоревшись. Какая разница? Здесь есть книги. Есть личная спальня. Есть чай и приятный собеседник. Остаток жизни Льюис просто будет читать, стараясь забыть о совершенном им преступлении и проклятии Великого Ворона. Книги помогут ему сбежать из ужасной реальности не хуже чем выпивка или дурманные травы. Раз в неделю ему придется выходить на охоту вместе с Рейвенем, но, в остальном, его жизнь будет сносной. Терпимой. Благополучной.

Дни потянулись один за другим. Льюис почти все время проводил в спальне и библиотеке, быстро выучив дорогу между ними. С другими Воронами он не сталкивался, хотя иногда слышал их голоса со двора. Сольвейн пытался растормошить его и предлагал то познакомиться с кем-нибудь, то выйти осмотреть убежище, но Льюис отказывался. Он тщательно выстраивал свой маленький, комфортный мирок, в котором было место только привычным вещам и простым удовольствиям. Время лечит, и однажды он надеялся позабыть все случившиеся с ним ужасы и перестать думать о них.

— Между прочим, наша библиотека — волшебная, — поведал ему Сольвейн заговорщицки, — в ней есть все книги, которые я хочу прочитать!

Сольвейн заходил к нему каждый день, но всегда уточнял, будет ли его компания уместна. Иногда Льюису требовалось побыть одному, и тогда новый друг тактично удалялся. Но тишина и уединение, которые Льюис всегда любил, теперь почему-то давили на него, заставляя вновь прокручивать в голове страшные события. Так что даже читать в библиотеке он привык вместе с Сольвейном. Они могли как обсуждать прочитанное, так и просто молчать, погруженный каждый в свою книгу.

Вот и сейчас они сидели вместе, за окном был светлый день, а в библиотеке никого кроме них не было. Почему, Льюис не задумывался. И тем более не желал, чтобы очередное злое волшебство врвалось в его размеренную жизнь.

Шутку он не поддержал.

— Она просто очень большая.

— А вот и нет. Я всегда нахожу нужную книгу, хотя ни одного списка книг не существует. И библиотекаря никогда не было. Но стоит мне подумать о том, что я хочу найти, как эта книга оказывается на одной из полок.

— Забавно.

— Не хочешь попробовать? Поищи какую-нибудь редкую книгу.

— Не хочу.

Сольвейн вздохнул.

— А погулять не хочешь? Там солнышко.

— Там всегда оно. Иди без меня.

Льюис сидел над книгой, но не читал ее. День снова был паршивый. Он не мог погрузиться в чтение, а настроение из ровного стремительно и без видимых причин скатывалось в отвратительное.

Когда уже он все забудет?

— Мама просила передать тебе письмо.

Сольвейн положил перед ним конверт. Льюис вскрыл его, не медля ни секунды.

«Дорогой Льюис, я очень рада что ты жив. Как твоё здоровье? Надеюсь, тот безудержный голод больше не терзает тебя. Мне ужасно жаль, что ты не будешь снимать у меня жильё. Этот год был чудесным. Я буду хранить твои вещи столько сколько потребуется, но, милый, тебе точно ничего из них не нужно? Может быть, ты найдёшь время как-нибудь зайти и забрать их? Я испеку твой любимый вишневый пирог. Приходите вместе с Сольвейном в любое время.

С наилучшими пожеланиями,

Солона Винтер»

К горлу Льюиса подкатил ком.

— Она знает, что я убил Принца Ричарда?

— Знает.

— И что я — Великий Ворон?

— Тоже знает.

— Тогда почему она зовет чудовище в свой дом? — глухо спросил Льюис.

Внутри него скребли когтями все кошки города. И все Вороны. Сердце разрывалось на части.

Сольвейн сочувственно улыбнулся.

— Мама хорошо разбирается в людях. Плохих она не впускает. Рыцарям пришлось вышибать дверь, когда они впервые к нам пришли.

— Она думает, что я — хороший человек?

— Мама в этом уверена.

Льюис глубоко вздохнул. А почему бы и нет? Наверное, стоит попрощаться с госпожой Солоной и поблагодарить за все, что она для него сделала. Этот год был чудесным и для него, пусть и закончился полным жизненным крахом.

— Давай сходим к ней завтра.

— Отлично!

— Только как? В нас ведь опознают Воронов.

— О, это не проблема. Я знаю, что нам делать.

Назавтра Льюис привел себя в порядок и дождался Сольвейна. Тот протянул ему ярко-красный хлопковый берет, а сам натянул серебристо-серый.

— Новейший писк моды! Все студенты сейчас в них щеголяют. На нас никто и внимания не обратит.

Льюис смутно вспомнил, что ему приходила подобная мысль в голову. Но он тут же заметил проблему:

— А как же цвет волос? Предлагаешь полностью спрятать их под берет? Но это будет выглядеть странно.

— Мама рассказывала, что у тебя всегда были черные волосы. Ты замечал, чтобы горожане от тебя шарахались?

— Нет, — с легким удивлением ответил Льюис, — а почему, кстати?

— Потому что они не дураки. Знают, что черные волосы бывают у обычных людей. А если ты выглядишь как обычный человек и ведешь себя так же, то им тебя и сочтут. Шарлотта давно уже гуляет по городу, и ее даже не узнали, хотя раньше она была очень известна. Она достала кучу шляп и платков и уже раздала всему убежищу.

— Кто такая Шарлотта?

— Воронесса. Самая красивая женщина города и любовница господина Рейвена. Она славная, очаровательная, но... — Сольвейн замялся, — я ее немного опасаясь. Есть в ней что-то такое... ай, ладно, неважно. Я все равно не смогу объяснить. Так вот Шарлотта сказала, что маскировка наложится на ожидания горожан. Воронов видят другими, чем мы. Скажем, господину Рейвену маскировка не поможет: по нему сразу заметно, что он любого сожрет и не подавится. Именно такими Воронов и представляют. А мы с тобой сойдем за студентов.

— Я понял, о чем ты, — Льюис вспомнил первую встречу с Принцем Ричардом, — ладно, пойдем. Нас ждут.

Маскировка не подвела, хотя люди на улице показались Льюису несколько напряженными. Они чаще смотрели вверх, чем по сторонам, хотя на небе не было ни облачка.

Госпожа Солона встретила их в праздничном платье и с красиво заплетенными волосами. Она сияла.

— Льюис, дорогой, как же я рада тебя видеть! Заходи, я уже все приготовила. Сольвейн, достань фарфоровые блюдца из сервиза. Начнем с чая? Я еще сделала горячий шоколад.

Льюис поздоровался и втянул носом божественный аромат выпечки. Вишневый пирог! Боже, он не ел нормально уже три недели! Или четыре? Ему ужасно захотелось ощутить теплую, мягкую текстуру пирога и вязкую нежность вишневого варенья.

Сольвейн, однако, взглянул на пирог с недоумением.

— Мам, я же тебе говорил, что Вороны не едят.

— Это ты не ешь, а Льюис, может, будет. Он хорошо ест, а тебя с самого детства приходилось кормить под сказки.

— Дело же не в этом. Мы просто не едим.

— Потому что такая пища нас не насытит, — возразил Льюис, — но кто сказал, что нельзя съесть кусок пирога ради его вкуса?

— Вот именно! Держи, милый.

Сольвейн покачал головой и принялся пить пустой чай. Льюис откусил и прожевал небольшой кусочек пирога.

Блаженство!

Но тут его желудок взбунтовался. Приступ тошноты был до того сильный, что Льюис едва успел добежать до уборной. Рвало его, к счастью, недолго.

— Никак? — тихо спросила госпожа Солона.

Льюис покачал головой. Сольвейн тактично промолчал.

Пирог пришлось убрать.

— Не понимаю, почему поглощать жидкости можно, а пищу — нет? — раздосадовано спросил Льюис. Чай ему уже успел изрядно надоест. — Это же бессмыслица какая-то. Чтс за условия у этого проклятья?

— Какие есть, — Сольвейн развел руками.

— Может, горячего шоколада? — робко предложила госпожа Солона.

— Давайте попробуем.

С шоколадом дела пошли лучше. Похоже, любые напитки Вороны могли пить спокойно. Он выпил шоколад, кофе и сок. Проблем с желудком они не вызвали. Льюис повеселел. Ему не придется отказываться от всего вкусного, как больному с язвой желудка.

Госпожа Солона расспрашивала его о жизни в убежище и пересказывала последние городские новости. Сольвейн прочел свое новое стихотворение. Потом они просто общались, и Льюис вдруг понял, насколько нелепой была идея навсегда запереться в убежище. Человеку в добровольном заточении никогда не будет хорошо. Прогулка до дома госпожи Солоны сама по себе повлияла благотворно: он даже не вспомнил о случившемся, проходя через сад. И не думал о том, что он — чудовище, вот уже несколько часов.

Льюис поколебался, но все же нарушил легкую, дружескую атмосферу, чтобы сказать то, что давно собирался:

— Госпожа Солона, простите, что я навлек на ваш дом такую беду. Из-за меня вы пострадали.

Она взглянула на него с непритворным удивлением.

— О чем ты говоришь? Ты вернул в мой дом счастье. Мой драгоценный сын жив и снова со мной. Никто не сделал бы для меня большего.

Она взяла Сольвейна за руку, и тот слегка сжал ее ладонь. Их лица сияли одинаковым мягким светом.

Это сделал он?

Или она сама?

Если так подумать, то Льюис обязан ей жизнью: не вмешайся госпожа Солона, он бы не спасся.

— Спасибо, что вступились за меня перед Принцем Ричардом. Но вы очень сильно рисковали. Как у вас хватило смелости вцепиться вооруженному воину в руку? И спорить с тем, кто уже угрожал вам раньше?

— Человек, загнанный в угол, способен на все.

— Даже на убийство?

Она серьезно посмотрела на него.

— Особенно на убийство. Люди никогда не хотят умирать. Не вини себя, ты защищался. И спас две жизни: свою и Сольвейна.

— Три. Вы забыли про себя.

— Четыре. Господин Рейвена бы тоже убили, — добавил Сольвейн, — с точки зрения арифметики, ты вышел в плюс.

— А с точки зрения морали?

— Тоже. Жертв Принца Ричарда больше не будет.

Льюис молчал, обдумывая их слова. Он действовал правильно? Сольвейн и госпожа Солона считают, что да. Они ничего бы не считали, если бы он не убил Прекрасного Принца. Они живы, и это, несомненно, хорошо. У его чудовищного поступка был правильный результат. Вот оно. Вот с чем он сможет жить, не изводя себя муками совести.

— Спасибо вам обоим.

Они просидели у госпожи Солоны дотемна и ушли, пообещав навещать ее. На улицах было совсем безлюдно. Окна трактиров приветливо светились, но праздно шатающихся горожан не было видно, хотя вечер был теплым и располагал к прогулкам.

— А куда все делись? — спросил Льюис.

— Сидят по домам.

— Почему?

В темноте послышалось хлопанье крыльев. С неба спикировала человеческая фигура и приземлилась перед ними.

— Вот почему, — вздохнул Сольвейн, — нам конец.

Рейвен был в ярости.

— Где вы оба были?! Какого дьявола не сообщили о своем уходе?!

Льюис сглотнул и опустил голову.

— Повелитель пожелал навестить мою маму, — голос Сольвейна дрогнул, — и я сопровождал его к ней.

— Ты — бесполезный, безмозглый щенок! Повелитель не умеет пользоваться своей силой, а ты не смог бы его защитить! Неужели не ясно, что нужно было сообщить мне?

— Но ведь горожане сами нас боятся, — Сольвейн нервно облизал губы, — они уже поняли, что Принц Ричард и его Рыцари исчезли неспроста, и не выходят ночами на улицу.

— Всегда есть те, кто не боится, — процедил Рейвен, — или не знает о Воронах. Своей тупостью ты подверг повелителя опасности! Убить его не смогли бы, но вот избить и изувечить — легко! И все из-за тебя!

Сольвейн сжался. Гнев Рейвена был страшен: Льюису показалось, что еще немного, и Сольвейна начнут бить. Хотя виноваты были они оба.

Он собрал в кулак все свое мужество и вмешался:

— Пожалуйста, прекратите на него кричать. Вы же слышали: это была моя идея. Обращайте ваши претензии по правильному адресу.

Рейвен перевел пылающий взгляд на него.

— Повелитель, ты говорил, что не покинешь убежище. Зачем ты мне солгал?

— Я не лгал, я просто передумал! Я что, не могу выйти на прогулку?

— Можешь. Но бери с собой меня: я уничтожу любого, кто к тебе приблизится. Сольвейн хоть улететь мог, в случае чего, а ты летать отказываешься. Значит, кто-то должен тебя защищать.

Льюис представил, как в следующий раз придет к госпоже Солоне с таким «защитником», и содрогнулся. Да от них люди на улице разбегаться будут!

Оставался только один вариант решения проблемы.

— Лучше научите меня летать. И пользоваться магией. Я больше не буду сидеть взаперти.

Глава 7. Магия Великого Ворона

Рейвен зашел за ним на следующее утро и вывел во двор. Он не демонстрировал ни малейшей неприязни после ссоры, но Льюис все равно напряженно косился на него. Если так подумать, то ругаться с ним было неразумно. Этот Ворон — настоящий лидер убежища, а Льюис — формальный. С другой стороны, Льюис вроде как главная здешняя ценность. Скорее всего, Рейвен будет прощать ему мелкие проступки и соблюдать видимость приличий. Но все равно нужно быть аккуратнее и не идти на прямой конфликт.

Выйдя наружу, Льюис впервые как следует огляделся. Двор был велик, но неуютен: он представлял собой пыльную мощеную площадь, огороженную высоким черным забором, с острыми пиками на концах железных прутьев. Параллельно забору росли деревья: мрачные, темные, с кривыми и голыми ветвями.

Льюис удивленно уставился на них.

— Что с ними не так? Сейчас же лето.

Рейвен скользнул по деревьям равнодушным взглядом.

— Они всегда такие. Круглый год.

— Почему?

— Кто их знает? Я не интересовался.

Льюис обернулся к убежищу и застыл. Затем подавил нервный смех.

Вот и черный замок для властелина тьмы. Огромный, длинный, с угловыми башнями и несколькими этажами, он возвышался над городом и был даже больше роскошного дома наместника.

Но как он оказался здесь? Почему Льюис за год жизни в городе его ни разу не видел? И на картах его нет. Как так?

Он озвучил свое недоумение Рейвену.

— Его видят только Вороны, — ответил тот, — и сразу понимают, что это — убежище, где проклятым можно спрятаться.

— Но там же целый квартал за воротами! Я помню, как мы шли через него до реки. Люди, которые в нем живут, должны догадаться, что здесь что-то есть.

Рейвен покачал головой.

— Квартал пустует. Там только сожженные дома, развалины старой церкви и первого городского магистрата. Никто в них не живет. У горожан он пользуется дурной славой: считается, что тут гнездятся городские банды. На деле, даже бандиты к нам не суются. Сразу за мостом срабатывает магическая защита: людям становится плохо, страшно и они бегут прочь. Работает даже на Принце и Рыцарях, но не сразу. Сколько пройдут — неизвестно, так что полная безопасность есть только здесь. Убежище — это все, что находится в пределах забора.

Часть двора была огорожена под тренировочную площадку: Льюис увидел деревянные чучела, брусья, мишени и расчерченный круг. На ней снова никого не было, кроме них с Рейвеном.

— Ты готов, повелитель? Начнем с когтей. Они очень остры и появляются по малейшему желанию. Они всегда с тобой. Лучшее оружие Ворона против безоружного горожанина. Вооруженного лучше бить мечом или магией. Ударь по этой доске несколько раз.

Льюис ударил. Когти слушались легко, будто всегда у него были. Он даже не задумывался, как заставить их появиться. Ощущения были непривычными, а отметины на доске впечатляли.

Но только его. Рейвен поморщился.

— Ты не бьешь, а гладишь. Вложи в удар больше силы.

Льюис честно попытался, но результат не сильно отличался от предыдущего.

— Сильнее!

— Да не могу я бить сильнее! Я же не воин!

Льюис опасался вспышки гнева или оскорблений в ответ, но Рейвен смолчал.

Задумчиво подергал себя за черную косу. Он не выглядел рассерженным.

— Ты ведь не собираешься им становиться?

— Нет.

— Тогда все просто: хочешь убить — бей в горло, защищаешься — по лицу. Человеческая плоть мягче дерева, справишься. Доспехи только поцарапаешь, в кольчуге застрянешь. Еще когтями удобно запугивать жертв на охоте. Выпустил, пригрозил, и тебя уже боятся до мокрых штанов.

Льюиса передернуло.

— Давайте лучше с крыльями разберемся. Драться я ни с кем не намерен.

— Правильно. На это у тебя есть я. Великому Ворону лишний риск ни к чему. С крыльями все так же, как с когтями: они у тебя есть. Используй их.

Льюис глубоко вздохнул и раскрыл крылья. Они выглядели отвратительно: перья неряшливо торчали в разные стороны, не до конца скрывая... кости? Когти? В общем, что-то, угрожающе торчащее из-под них.

— Я неправильно что-то делаю? У вас ведь они другие.

— Кое-чего не хватает, — согласился Рейвен, — попробуй выпустить больше силы.

— Как?

— Напрягись.

Льюис попытался последовать его совету, и по крыльям пробежали искры, а перья стали непроницаемо черными, сплошными. Резко выровнялись, легли жесткими пластинами, а потом слились в нечто цельное, пульсирующее, живое. Тьма углубилась, и в ней зародились маленькие шарики света: мертвенно-бледные и голубоватые. На поверхность «всплыли» белые кости: это был скелет птичьих крыльев, хрупкий, обнаженный и уязвимый. У Льюиса мурашки побежали по спине. Он раскрыл и сложил крылья. Дополнительная пара конечностей слушалась его так, словно была у него всегда. Не в силах преодолеть болезненное любопытство, Льюис коснулся костяных крыльев кончиками пальцев. Он *ощущал их*. Пальцами чувствовал прохладную гладкость, а *костями* тепло плоти. Ощущения были до тошноты неправильными, и он отдернул руку. Вместо кожи и мышц между костями струилась магия, похожая на гладкое черное зеркало. По его поверхности плавали тусклые огоньки. Утро вокруг померкло, посерело, будто солнечный свет опасливо отступил от него на несколько метров.

— Как красиво, — в голосе Рейвена зазвучал тихий восторг, а глаза загорелись мечтательным огнем, — и как же давно я их не видел! Твои крылья совершенны, повелитель. Никто в мире не перепутает тебя с обычным Вороном. Ты — само воплощение тьмы, и свет сражен тобой.

Льюис хотел возразить, но в этот момент на его лице появилось что-то,

загораживающее ему обзор. Он торопливо ощупал посторонний предмет. Это была маска с птичьим клювом, оставляющая открытыми рот и подбородок. За спиной возник длинный черный плащ, а одежда сменилась на дорогое бархатное одеяние со множеством металлических вставок. Из наплечников торчали заостренные пластины, запястья обхватывали широкие и длинные браслеты до локтя, а высокий воротник, закрывающий горло, был украшен драгоценными камнями.

— Это еще что?

— Парадный мундир Великого Ворона. Хозяин города должен выглядеть впечатляюще.

— А маска зачем?

— Чтобы наводить ужас на окружающих.

— Что?

Льюис поспешил снять маску и понял, в чем дело: белая, как и кости крыльев, она была похожа на искусно выточенный вороний череп с двумя черными провалами глазниц. Свет сквозь них не проходил, они всегда были черными и жуткими, но каким-то волшебным образом Льюис ухитрялся что-то через них видеть.

— Гадость какая. В ней ужасно неудобно. Подождите, я куда-нибудь ее положу.

Он оглядел пустой двор и подошел к деревьям. Повесил маску на нижнюю ветку и двинулся назад. Но метра через три маска вновь возникла у него на лице. Льюис растерянно снял ее и обернулся. Ветка была пуста.

— Что это такое?

— Магия. Что еще это может быть?

Льюис, поколебавшись, положил маску на мостовую, но стоило отойти достаточно далеко, как маска вновь возникла на нем.

— Как от нее избавиться?

Рейвен пожал плечами.

— Ты — Великий Ворон. Она должна быть на тебе.

— А если я не хочу ее носить?

— Не носи, — равнодушно ответил тот, — ты долго будешь с ней возиться? Ты хотел научиться летать.

В конце концов Льюис сдвинул маску набок и постарался забыть о ее существовании. Остальное одеяние было ничуть не лучше: металлические элементы были неудобны и тяжеловаты, а об острые детали наплечников можно было порезаться. Главное, не забыть об этом и не пытаться кого-то обнять, иначе это закончится травмой.

— Я готов.

Рейвен распахнул свои крылья.

— Тогда полетели! Пожелай этого и оттолкнись от земли!

Он едва заметно присел и взмыл ввысь.

Льюис покосился на свои странные крылья. На них вообще можно летать? У Рейвена были нормальные перья и мышцы под ними, а эти — одна сплошная, декоративная жуть. Как летать на одном скелете? Он же просто не поднимет его в воздух! Еще и одежда тяжелая.

— Чего ты ждешь? Лети, повелитель!

Льюис поколебался, но стоило любопытству победить сомнения, как он оторвался от земли. Это было словно во сне. Льюис чувствовал себя невесомым, как подхваченное ветром перо, и все неудобства мигом пропали. Летать было легко, даже слишком — кости его тела

вряд ли уподобились птичьим, значит, над землей его держала магия. Он больше не был неуклюжим существом из плоти и крови, он стал душой, вознесшейся в небеса. Извечный страх высоты исчез, и Льюиса накрыло восторгом.

Он летел!

— Тебе нравится, повелитель? Ну как, стоило оно того?

— Да!

Рейвен весело рассмеялся. Глаза у него были шальные и восторженные, как у мальчишки.

— Вот она — настоящая свобода! Ты дал нам крылья, ты дал нам силу, и пока ты с нами — мы будем жить! Летим!

И Льюис полетел, забыв обо всем.

Все горести остались на земле, а двое Воронов парили в небесах, купаясь в воздушных потоках и эйфории безбрежной легкости. Рейвен не учил его летать, он носился в небесах, как птица, то набирая высоту, то снижаясь. Закладывал мертвые петли и пике, а Льюис повторял за ним или творил в воздухе что-то свое.

Город с высоты снова выглядел волшебным.

Льюис простил его за все свои беды и снова вручил сердце, как и прежде, ожидая взаимности. И получил ее: такую пьянящую легкость и чувство полного бесстрашия ему не мог подарить никто, кроме того, кто искренне любил его в ответ.

Убежище сверху выглядело живописно, неожиданно хорошо вписываясь в архитектурный стиль города. Льюис вначале набрал большую высоту, а затем стремительно спустился вниз, облетел замок по широкому кругу, нырнул в арку, обогнул одну из башен и плавно опустился во дворе.

Он чувствовал себя так, словно часами занимался любовью.

Рейвен приземлился рядом, взглянул на его лицо и усмехнулся:

— Чернильным пламенем овладеешь позже, повелитель. Иди, отдохни.

— Ты смотрелся весьма внушительно в воздухе, — сообщил Сольвейн тем же вечером, когда Льюис, отоспавшись после сладостного полета, пригласил его поболтать, — даже я был впечатлен. В убежище только об этом и говорят.

— Это было потрясающе! Мне показалось, что я превратился в птицу и стал абсолютно свободен! Как тот калиф из сказки, помнишь? Мир безмятежен, мир полон блаженства! Я никогда не был так счастлив!

Сольвейн хихикнул.

— Вот ты разошелся. Но я тебя понимаю. Я посвятил полету свое новое стихотворение. Хочешь, прочту?

— Давай.

Стих был хорош, но не передавал и десятой доли восторга, охватившего Льюиса. На следующий день он снова отправился летать в сопровождении Рейвена. На этот раз Льюис облетел весь пустой квартал, полюбовался неплохо сохранившимся зданием магистрата и рекой, которая полностью отрезала территорию Воронов от остального города. Здесь она была неожиданно глубока, с бурным течением, а мост — только один. Льюис невольно

вспомнил сказочные истории, в которых нечисть не могла пересечь бегущую воду или была запечатана ею. Забавно, но в городе река охраняла покой Воронов, а не горожан. Убежище находилось на юго-востоке города и примыкало к городской стене. Ворот с этой стороны не было, и Льюис поддался искушению вылететь из города и промчатся над оврагами и холмами, простиравшимися до горизонта.

Бам!

Льюис врезался в стену.

На мгновение он рухнул вниз, но быстро выровнялся. Однако лоб немилосердно болел.

— Ты цел, повелитель? — в голосе Рейвена не было особого беспокойства.

Льюис не умирал, а остальное его, похоже, не волновало. Совместные полеты не способствовали сближению: в воздухе им обоим не было дела друг до друга, они купались в ощущениях, не пытаясь разделить их на двоих. Льюис просто летел куда хотел, а Рейвен держался поблизости.

— Я в порядке. Что это такое?

— Стена.

— Стена в нескольких метрах под нами. А это что? — Льюис положил ладони на твердую преграду перед ним.

Глаза утверждали, что там ничего нет, но руки ощущали нечто плотное и гладкое, похожее на стекло или хрусталь.

Рейвен дернул плечом.

— Тоже стена, только невидимая. Вороны не могут покинуть город.

— А через ворота?

— Не выйдет.

— А если, скажем, полететь наверх?

— Снова стукнешься башкой. Метров через сто.

Льюис уставился на него.

— Тогда получается, что это не стена, а купол! Кто его установил?

— Понятия не имею.

— И никто не пытался его пробить?

— Зачем?

— Чтобы вылететь из города.

Рейвен фыркнул.

— Это мой город, на кой мне его покидать?

— Но ведь мы заперты в нем.

Рейвен взглянул на него, как на полного идиота.

— Заперты мы были в убежище. А здесь — полностью свободны. Весь город наш. Хочешь, лети к северной стене, хочешь — к университету. Он, кстати, весьма хорош с высоты.

Голова Льюиса закипела от мыслей. Невидимый волшебный купол явно связан с проклятьем. Воронов заперли, чтобы они не разлетелись по миру. Но кто это сделал? Прекрасный Принц? Нет, вряд ли. Однако Льюис начал замечать определенную взаимосвязь: Воронов метили черным цветом, накрыли куполом, Великого Ворона выдавали птицы. Все это было слишком сложно для одного проклятия.

Магическая защита от нечисти? Кто-то пытался защитить город от могущественных крылатых вампиров, не в силах одолеть их иначе?

Рейвен заскучал и принялся носиться в воздухе неподалеку. Льюис наблюдал за ним, похожим на рыбу в воде, и желание анализировать происходящее у него прошло. Он ведь летал, чтобы наслаждаться полетом, а не думать. Лучше он полетит к университету и полюбуется на него сверху.

Льюис направился в город. Рейвен черной тенью следовал за ним.

Вскоре он полностью погрузился в ощущение свободы и безмятежной радости. Голова была пустой и легкой, как и тело, рассекающее небеса. Людям не дано летать, но Вороны были словно созданы для полетов. Разве может быть что-то прекраснее, чем летать и не бояться упасть?

Внезапно он услышал крики и посмотрел вниз.

На городских улицах случилась паника. Люди разбежались, прятались под лавки и навесы, торговцы накрывали товар. Дети плакали.

Они все смотрели вверх. На него.

— Что с ними такое? Я же никому ничего не сделал, — растерялся Льюис.

Рейвен ухмыльнулся.

— Это еще ерунда. Смотри, как надо!

Он нырнул вниз и пролетел в паре метров над головами тех, кто не успел спрятаться. Люди попадали на землю, закрываясь руками. Некоторые вставали на колени и судорожно кланялись. Стоять остался только молодой священник. Бледный и испуганный, он выставил перед собой молитвенник и принялся громко читать молитву о защите от зла. Лицо Рейвена исказилось злобной усмешкой, и он ринулся на него.

— Хватит! Оставь его!

Рейвен играючи сменил направление и взмыл вверх, обдав священника волной ветра от крыльев. Льюис с отвращением посмотрел на него.

— Зачем ты это сделал?

— Горожане позабыли страх, повелитель. Думали, Прекрасный Принц будет с ними всегда. Теперь это наш город, и нужно напомнить им об этом!

Льюис хотел высказать все, что думает о таком поведении, но глаза Рейвена вновь стали страшными, хищными, и он не решился. Молча развернулся и полетел к убежищу, надеясь, что тот последует за ним. К счастью, это сработало.

Улетая, он оглянулся. Священник успокаивал двоих совсем маленьких детей, прятавшихся за его сутаной. Дети застыли посреди улицы и были слишком напуганы, чтобы сбежать.

Вот почему он стоял.

Льюису показалось, что его макнули в грязь с головой.

Вечером он возмущенно пересказывал дневные события Сольвейну.

— Поверить не могу! Ему как будто нравится пугать людей! Ты же говорил, что он — достойный человек!

Сольвейн развел руками:

— Достойный. Но временами довольно неприятный.

— Как это сочетается? Человек или достойный, или нет. А тот, кто издевается над

слабыми и получает от этого удовольствие, достойным быть не может!

— Мне кажется, все немного сложнее. Ты считаешь меня достойным человеком, Льюис?

— Конечно.

— Но ведь я нападаю на людей и высасываю из них жизненную силу. Это — жестоко и отвратительно, разве нет?

Льюис помолчал, обдумывая ответ. Наконец вычленил главное:

— Ты делаешь это, потому что вынужден. Иначе умрешь. Рейвен напал ради развлечения.

— Но есть еще кое-что. Если бы господин Рейвен не охотился для других, то большинство обитателей убежища просто не выжили бы. Он кормил и защищал нас всех много лет, хотя он — не Великий Ворон. Никто не заставлял его это делать, господин Рейвен добровольно взвалил на себя заботу о слабых.

— Может, у него есть какие-то корыстные намерения? — неуверенно предположил Льюис. — Нарбатывает репутацию, жаждет власти?

Сольвейн покачал головой.

— Ему плевать на репутацию. Господин Рейвен не пользуется никакими привилегиями. В одиночку или с группой бойцов ему было бы намного проще дожидаться твоего появления. Остальные — обуза, но он тащил нас на себе, как будто так и надо. Я не могу считать его плохим человеком. Недобрым — возможно. Вспыльчивым. Жестким. Но не плохим.

— Интересно, что о нем думают другие Вороны? И почему я никого из них не вижу? Замок, конечно, огромный, но я не встречал ни души вот уже много дней. Никто не летает. Сколько Воронов в убежище?

Сольвейн отвел взгляд.

— Сорок девять. Они не хотели тебе мешать, вот и не появляются.

— Маловато для такого большого замка, — заметил Льюис, — а как они могут мне помешать? Тут же полно места, хоть во дворе, хоть в библиотеке. Подожди, почему ты выглядишь смущенным? Что происходит?

Сольвейн тяжело вздохнул.

— Ладно, ты все равно однажды узнаешь. Лучше тебе расскажу я. Другие Вороны тебя боятся и стараются вообще не попадаться на глаза.

— Меня? Почему?

— Речь Рейвена в честь твоего появления произвела на них неизгладимое впечатление. Ты победил Прекрасного Принца в первый же день, как превратился в Ворона. Обычные люди едва справляются с осознанием проклятья, а ты уничтожил могучего врага и захватил город. Эффектное начало правления, скажем так. Еще все почему-то считают, что Рыцарей убил тоже ты. И не забывай, что Вороны — это бывшие горожане. Мы росли на невыдуманных историях о том, что творили твои предшественники. Так что в их глазах ты — коварный, всемогущий и страшный Великий Ворон и ведешь себя соответственно.

Льюис схватился за голову.

— Почему ты им не сказал, что это — не так?

— Я говорил! Но одни считают, что я слишком юн и ничего не понимаю, другие — что я могу понравиться кому угодно, поэтому ты ко мне добр. Опять же, Рейвен публично восхищается то твоими жуткими крыльями, то убийством Принца Ричарда, то сегодняшним полетом. Он так смаковал, как люди в ужасе попрятались под лавки, что не знай я тебя,

решил бы, что ты за этим в город и полетел.

Только хорошее воспитание не позволило Льюису начать грязно ругаться.

— Он это специально что ли делает?

— Не думаю. Скорее, просто считает, что Великого Ворона и должны бояться. С его точки зрения все идет как надо.

Льюис глубоко вздохнул.

— А от него Вороны прячутся?

— Нет. Его немного опасаются, но знают, что просто так господин Рейвен никого не обидит. Вот когда сердится, тогда лучше с ним не спорить. А в остальное время он спокойный, чего от него прятаться?

— То есть, у меня репутация хуже, чем у него? Великолепно.

— Так ведь тебя никто не знает. Когда что-то додумываешь, получается страшнее, чем на самом деле.

Льюис поднял голову.

— Тогда пора это исправлять.

На следующий день он отправился знакомиться с подданными.

Они, как и Сольвейн, совершенно не выглядели монстрами: полная молодая швея, старенький астроном, парочка заезжих музыкантов, чьи-то жены и матери, чьи-то сыновья и дочери, писари, охотники, каменщики, плотники.

Люди, попавшие под проклятье. Все они почтительно кланялись Льюису и не смели поднять на него глаза, будто бы он стал королем или герцогом и мог по прихоти приказать отрубить им головы.

Потом ему представили Шарлотту.

От ее красоты у Льюиса перехватило дыхание. Таких прекрасных женщин он видел только на картинах или среди мраморных статуй. Но Шарлотта была живой: лукавой, умело покрашенной, с пухлыми губами и искорками в зеленых глазах. Даже скромное платье не могло спрятать изгибы изумительного тела, и Льюис с трудом оторвал взгляд от ее пышной груди.

Он почти совсем пропал, но тут Шарлотта открыла рот.

Она трещала, не замолкая, почти пятнадцать минут. Задавала ему вопросы, но не давала на них ответить. Рассказывала какие шляпки сейчас в моде и какие пойдут лично Льюису. И какие шейные платки. Пряжки на туфли. Прически. И снова про шляпки. Льюис едва избавился от нее, не понимая, как Рейвен вообще терпит ее общество. Это же было просто невыносимо!

Воистину совершенства не существовало.

— Сольвейн, прекращай надо мной смеяться, — потребовал он, но друг только помотал головой.

Он хохотал до слез и все никак не мог перестать.

— Ты бы видел свое лицо! Такое обиженное! Как будто у ребенка отняли игрушку и подсунули рыбий жир! Ох, Шарлотта, вот выдумщица!

— Хоть кто-то меня не боится, — проворчал Льюис, — а может, она просто не поняла, что я и есть страшный Великий Ворон?

— Шарлотта знает кто ты, — Сольвейн наконец отдышался, — она просто...

— Повелитель, ты мне нужен, — перед ними неожиданно возник Рейвен, — есть проблема.

— Какая? — холодно спросил Льюис.

— Старая Хельга умирает. Вторую неделю лихорадка и кашель. Она не выкарабкается.

— Я же принес ей лекарств из города и сварил отвар, — встревожился Сольвейн, — не помогло?

— Помогло, но ненадолго. Ей становится хуже.

— Я схожу к ней, — решил Сольвейн и ушел.

— Повелитель, спаси ее.

Льюис растерялся.

— Как? Я же не доктор.

— Великий Ворон должен лечить своих подданных. Вылечи ее.

— Но я учился на историка, а не на врача! Я не умею!

— Элдрик умел! — неожиданно зло ответил Рейвен. — С чего бы тебе не уметь?

— Кто такой Элдрик?

— Твой предшественник, Великий Ворон. Тебе пять минут потратить, и это спасет ей жизнь. Неужели так сложно?

— Но я не понимаю, о чем ты говоришь! Как это делал Элдрик?

В глазах Рейвена мелькнуло осознание.

— У него были записи. Идем.

Они поднялись на этаж, где располагались покои Льюиса, но прошли несколько дальше его комнаты. Рейвен толкнул дверь, и они вошли в кабинет.

Льюис огляделся.

Здесь давно никто не бывал: комната была довольно пыльной. Но одновременно обжитой, полной вещей, подобранных по чьему-то вкусу: небольшой книжный шкаф стоял у левой стены, справа висел гобелен и располагалась полка с фигурками воронов. Большую часть кабинета занимал широкий письменный стол, на котором стояли чернильница, подставка для перьевой ручки и малахитовое пресс-папье, прижимавшее стопку бумаги. Небрежно валялся перочинный ножик и несколько карандашей. У стола стояло уютное и явно дорогое кресло с потертыми подлокотниками. Еще одно находилось немного в стороне, и в нем валялась искусно сделанная фигурка пегаса, почему-то абсолютно черного.

На гобелене прекрасная дева сидела на спине у летящей сквозь грозу черной мантикоры.

Похоже, владелец кабинета любил окружать себя вещами, так или иначе напоминавшими о Воронах.

Рейвен подошел к столу и выдвинул письменный ящик.

— Это должно быть где-то тут. Или нет? Во втором? Да, точно!

Льюис вздрогнул. У него возникло неприятное ощущение, что они влезли в чужой дом и роются в вещах хозяев. Рейвена это явно не смущало.

— Вот, держи. О лечении Элдрик писал здесь.

Льюису в руки сунули толстую записную книгу с кучей закладок и выпадающих страниц. Он раскрыл ее. «Исцеление магией Великого Ворона» — было написано в оглавлении. Дальше шел текст, а на многих страницах — медицинские иллюстрации с человеческими телами и руками, возложенными на них.

— Откуда ты об этом знаешь?

— Я здесь часами торчал, пока Элдрик трудился над этим.

— Охранял его?

— Играл.

— Что? — недоуменно переспросил Льюис. — Ты умеешь играть на музыкальном инструменте?

— Нет, конечно. Я играл вон там, — Рейвен указал на кресло с пегасом, — Элдрик разрешал, если я вел себя тихо.

Поймав недоверчивый взгляд Льюиса, он закатил глаза.

— Я был ребенком. Превратился в Ворона в десять лет, и Элдрик баловал меня. В убежище редко попадают дети, а он их любил.

— Ты рос здесь?

— Ну да. Прочитай, что надо для лечения Хельги, и пойдем уже.

Быть проклятым в столь раннем возрасте? Но что он такого мог натворить? Или связи между дурным поступком Льюиса и проклятьем Воронов не было? Однако это многое объясняло: если Рейвен вырос среди Воронов, то понятно, почему он о них заботился. Они должны были восприниматься им, как семья. И что же, все эти двадцать лет он не жил среди людей, а охотился на них? Неудивительно, что он относится к ним столь враждебно.

— Повелитель. Ты не читаешь.

— Сейчас, — спохватился Льюис, — мне нужно время. Я сяду за этот стол?

На лице Рейвена промелькнуло и сгнуло недовольство.

— Садись, — коротко ответил он и отошел к полке с фигурками воронов.

Льюис погрузился в записи о магии. Элдрик скрупулезно фиксировал все, что заметил или понял, вначале выписав несколько основных моментов, затем переходя от общего к частному. Льюис узнал эту манеру: так их учили вести исследования в университете. Элдрик, определенно, был образованным человеком.

«Магия Великого Ворона кажется мрачной, и многочисленные злоеющие атрибуты только подчеркивают это. Ею можно контролировать и убивать живых существ, но ведь точно так же можно использовать обычный нож. Им можно убить, изувечить, а можно заточить перо или нарезать хлеб. Тот, кто боится ножа, будет видеть угрозу, умеющий с ним обращаться — использует как инструмент. Но нужно понимать, что в основе этой магии нет и доброго начала. Недостаточно просто воззвать к ней, чтобы вылечить. Да, она отзовется, ведь по сути своей похожа на грибницу, с центром в руках Великого Ворона. Можно повлиять на любой отдельный участок (Ворона) как угодно, но как сделать это правильно? Вот тут-то и кроется любопытный нюанс: убивать легко. Побольше ненависти или желания уничтожить — и чернильное пламя обугливает кости, а когти рвут плоть. Лечить — сложно. Магия не исцеляет сама по себе, здесь нужен правильный настрой. Этого надо хотеть с огромной силой, иначе ничего не выйдет или воздействие получится слишком слабым. Мне помогает одна мысль: жизни Воронов в моих руках. Они завясят от меня. Если я не вылечу их, то обреку на гибель, и это будет моим сознательным решением. Губительным равнодушием. Я могу их исцелить, магия Великого Ворона может все. Главное — захотеть позаботиться о тех, кто иначе не получит медицинской помощи.

Но на одном желании исцеление не сотворить. Нужно понимать, что и как лечишь. Книжки по медицине помогли, хотя нормальной практики у меня не было много лет: мне больше нравилось изучать болезни, чем их лечить. Теперь я корю себя за это: будь я не кабинетным доктором, а настоящим, возможно, понял бы, что одолевает старика Гумберта. А так — могу только снимать симптомы. Он на меня молится, а я ненавижу собственное невежество и тщетно пытаюсь понять, чем он, все-таки, болен. Без этого

мне его не вылечить. Для исцеления нужно понимать, где гнездится болезнь, и воздействовать на нужном участке. Лихорадка — всего лишь защитная реакция, нет смысла бездумно ее сбивать. Всегда нужно определять саму болезнь и изгонять именно ее. Раны и переломы лечить намного легче, там сразу видно, где нужно работать. Итак, нужны знание, настрой и приказ. Обычно этого хватает».

Дальше шли отдельные разделы: раны, гематомы, легочные болезни, экземы, артриты и тому подобное. Льюис сглотнул. Записи были подробными, схемы исцеления тоже, но определять болезни придется самостоятельно. Но он же ничего не смыслит в медицине! Элдрик был доктором, а что делать Льюису?!

«Убивать легко. Лечить — сложно».

Учиться. Вот что ему нужно делать. Льюис взглянул на книжный шкаф повнимательнее и обнаружил, что почти все книги в нем были по медицине. Редкие исключения включали в себя политику и трактаты о людях и их поведении.

— Ты закончил читать, повелитель? — Рейвен возник возле его плеча.

Льюис вздрогнул, совсем забыв о нем.

— Почти. Скажи, старик Гумберт выздоровел?

— Нет. Умер от болей в груди, месяца через три после Элдрика. Откуда ты о нем узнал?

— Элдрик о нем писал. Идем. Я готов попробовать вылечить старую Хельгу.

Хельга оказалась худой, маленькой старушкой. Она едва дышала, и лоб у нее был раскаленным. Льюис провозился с ней весь день и полночи, вначале пытаясь понять, как правильно исцелять, потом — где это лучше делать. Сольвейн был рядом, успокаивая несчастную, которой не только было плохо, но и страшно от присутствия Льюиса. Рейвен молча стоял у двери, исполняя мелкие поручения и возвращаясь на место. За дверью шептались и иногда осторожно заглядывали любопытные Вороны. Льюис краем глаза заметил Шарлотту, но не обратил на нее внимания. Он лечил и пытался понять действует ли его магия вообще. Поначалу ничего не получалось, но фраза «Убивать легко. Лечить — сложно» прочно засела у него в голове и подстегивала, как кнут. Убийство не было его выбором, но сделать что-то хорошее он еще мог. Уравновесить причиненное зло добром. Вылечить того, кто без его помощи умрет. Позаботиться о слабых. Научиться использовать зловещую магию в правильных целях.

К середине ночи все усилия Льюиса наконец возымели действие. Эффект не исчез через пять-двадцать минут, как в первые, неудачные попытки. Старая Хельга выглядела заметно лучше и спокойно заснула, а вымотанный Льюис отправился к себе, пообещав заглядывать к ней в следующие несколько дней.

У дверей покоев его встретил Рейвен.

— Молодец, повелитель. Хельга теперь проживет подольше, — в его голосе слышалось заметное одобрение. — Отдай записи Элдрика, я отнесу их обратно.

Льюис покачал головой.

— Мне они нужны. И все, что в его кабинете — тоже.

Рейвен нахмурился.

— В замке много всего есть, скажи, я принесу. Или достану в городе. Чего тебе не хватает: кресел? Гобеленов?

— Книг. Мне нужно все, что Элдрик написал и собрал в бытность Великим Вороном. Это поможет мне лечить вас и правильно управляться с магией. Я буду учиться у него.

— Как? Элдрик же мертв!

— Через тот опыт, который он накопил и записал. Скажи, он был хорошим Великим Вороном? Достойным господином?

— Самым лучшим, — тихо ответил тот, и Льюис впервые увидел за обликом пугающего головореза что-то живое и человеческое, — он был мне как отец. Растил, воспитывал. Хвалил за успехи, ругал за дурость. Каждого Ворона готов был вылечить, выслушать, оплакать. При нем все у нас было хорошо. А потом Белая Мразь убил его, и все посыпалось как карточный домик.

Рейвен обхватил себя за плечи и опустил голову. Закрыв глаза. Застыл в немой скорби, и Льюис не мог не испытать сочувствия. Сколько бед выпало на долю этого человека, что он так ожесточился? Можно ли винить его в этом?

— Принца Ричарда больше нет.

— Да, — Рейвен поднял голову и на его лице появилась кровожадная радость, — ты вырвал ему сердце, повелитель. Спасибо. Я ничего чудеснее в жизни не видел.

Льюис вздрогнул. Хотел привычно промолчать и уйти, но остановился.

Глубоко вздохнул.

Как-то же Элдрик его контролировал?

— Рейвен, если я прикажу не пугать людей, как ты это недавно сделал, ты подчинишься?

— Конечно. Я выполню любой приказ Великого Ворона, — в его голосе послышалось удивление, — но если люди не будут нас бояться, то во время охоты придется их избивать, чтобы не сопротивлялись. Боятся — стоят смирно.

Льюис прикусил губу. В этом была своя логика. Отвратительная, но была.

Рейвен делал это из практических соображений.

Но не все можно было оправдать этим.

— Больше не пугай их. И на охоте не избивай! Люди уже достаточно напуганы.

— Как скажешь. Приказ только для меня, или передать его всем Воронам?

— Всем.

— Понял.

Рейвен кивнул ему и ушел. Льюис выдохнул и торжествующе улыбнулся.

Дело пошло на лад. Если уж быть Великим Вороном, то заботливым господином, как Элдрик, а не бесполезной обузой.

Глава 8. Ответственность

Старая Хельга полностью поправилась через три дня. После к Льюису через Сольвейну и Рейвена обратились еще четверо Воронов: с вывихом, мигренью, потянутой спиной и сильным ушибом. Он вылечил всех, и это ему далось намного проще, чем в первый раз. Льюису даже начинало нравиться: он снова чувствовал себя хорошим человеком, а от искренних благодарностей его настроение повышалось. Страх в глазах подданных таял, и это стало для него лучшей наградой.

Записи Элдрика о магии были подробными и интересными. Из них Льюис почерпнул намного больше, чем из объяснений Рейвена. Помимо исцеления, в ящиках стола обнаружили тексты о других заклинаниях, которые Элдрик создал, экспериментируя с магией Великого Ворона. Почти все они были довольно специфическими, и применения им Льюис не находил, но из любопытства, опробовал некоторые из них. У него получилось. Он стал чувствовать себя намного увереннее, но не мог не думать о том, что его предшественник, умный и неординарный человек, все равно был убит. Его не спасли ни могущество Великого Ворона, ни разум, ни изобретательность. Прекрасный Принц одним ударом меча обратил все созданное Элдриком в прах. Это было жестоко и несправедливо.

Что ж, значит, Льюис восстановит все, что сможет.

Он принялся наводить порядок в убежище: убедился, что Вороны живут в комфортных условиях, начал разговаривать с ними и просил докладывать о любых проблемах, а также просьбах и предложениях. Напомнил, что они могут пользоваться библиотекой и выходить во двор, не обращая на него внимания и не боясь рассердить. Шарлотта, услышав это, восхищенно взвизгнула и захлопала в ладоши. Десять минут она расхваливала его за доброту, благородство и, почему-то, форму носа, а потом радостно призналась, что вообще не читает книг, ведь они скучные. Вот платья и шляпки — иное дело. Льюис едва от нее сбежал.

Его действия принесли плоды: больше Вороны не шарахались от него и не прятались по углам. Однажды он даже разговорился с пожилым астрономом, который сокрушенно поведал, что единственное, что ему нужно для счастья — это вновь изучать звездное небо. Но телескоп остался лежать дома, и идти за ним старик боялся: соседи, увидев его черноволосым, чуть не побили, чудом удалось их разжалобить и уговорить отпустить его. А ведь когда-то он был уважаемым человеком: преподавал астрономию в университете и был неплохим лектором. Услышав это, Льюис хотел лично отправиться за телескопом, но возникла непредвиденная проблема. Он собирался пойти пешком, надев берет, чтобы больше не устраивать панику в городе, но Рейвен столь агрессивно настаивал на своем сопровождении, что пришлось перепоручить это Сольвейну. Идти вместе было глупостью: от Рейвена за милую душу угрозы, без него Льюис мог быть незаметным, с ним — нет. Но эти логичные аргументы Рейвен обозвал глупостью.

— Узнают в нас Воронов — близко не подойдут, пройдешь по городу спокойно. А подойдут, я их на клочки порву. Без меня ты уязвим.

— Ничего со мной не случится. Послушай, ты ведь не можешь постоянно меня охранять.

— Еще как могу. И буду. Ты опять забыл насколько важен, повелитель? Без тебя здесь все развалится, а мы только начали нормально жить!

— Я — не ребенок, все со мной будет в порядке! Если что-то случится, то я просто

улечу.

— Так почему не полететь сразу? И быстрее, и безопаснее выйдет!

Все попытки объяснить, что Льюис не хочет пугать людей, словно разбивались о стену. Рейвен не понимал и не хотел понимать этого, зато начал злиться. Он быстро расхаживал по комнате, размахивал руками и сверлил Льюиса гневным взглядом. Они долго спорили, но в итоге Рейвен его продавил, и за телескопом отправился Сольвейн: в сопровождении Рейвена оскорбленный Льюис не пожелал идти вовсе.

Обида, впрочем, быстро забылась: счастливый астроном, получив свой телескоп, с радостью согласился прочитать для Льюиса весь университетский курс лекций по астрономии. Сольвейн присоединился, а вместе с ним пришел еще десяток Воронов. Теперь два раза в неделю, ночью, они сидели на крыше и слушали рассказы о звездах и планетах.

А на Льюиса обрушился поток просьб.

Швея просила достать побольше ткани и ниток, музыканты умоляли раздобыть струны и новый барабан, а пятеро женщин пришли с предложением украсить деревья во дворе лентами, колокольчиками и искусственными цветами.

— Уж больно мрачно, смотришь, и тоска сжимает сердце, — сетовала одна из них, — но ведь можно же исправить и навести уют!

— И лестниц не надо, сами взлетим, — поддержала другая, — крылья-то есть? Пусть пользу приносят!

— Вам нравится летать? — спросил их Льюис.

Женщины переглянулись.

— Я высоты боюсь.

— А я — что крылья пропадут, упаду и разобьюсь.

— А мне нравится. Только штаны под юбку надевать приходится.

— Зачем?

— Так видно же все снизу.

Льюис покраснел и закашлялся. Женщины захихикали.

— Ладно, я выдам вам денег на украшение двора.

Как ни странно, они у него были.

В процессе осмотра убежища Рейвен показал ему самую настоящую сокровищницу: с горами золота, драгоценных камней и дорогих украшений. Льюис был изумлен. В черных замках, если верить сказкам, всегда было полно сокровищ, но откуда они здесь взялись? Может, кто-то из прежних Великих Воронов был богат? Он спросил у Рейвена, но тот равнодушно пожал плечами:

— Это золото всегда здесь было. Теперь это твоя казна. Трать, как хочешь.

Льюис так и сделал. Однако в убежище так же обнаружилась куча кладовых с самыми разными вещами, теми же отрезами ткани и нитками. Узнал об этом Льюис после того, как купил все необходимое швее и понял, что нужно устроить ревизию. Попытался поручить Сольвейну, но тот внезапно взбунтовался:

— Замок огромный, я этим вечность заниматься буду! Почему только я тружусь, а остальные Вороны прохлаждаются? Прикажи всем участвовать!

Льюис признал его правоту и впервые обратился к подданным с речью, которую сам же и написал. Он говорил о необходимости разбора завалов и поддержания жилья в порядке, и большинство женщин горячо поддержали его. После этого ревизия неожиданно превратилась в генеральную уборку, в которой участвовали все Вороны, включая двух

забредших в замок новичков. Льюис попытался отправить их отдыхать, но семейная пара средних лет отказалась, с любопытством оглядывая кипящую вокруг суматоху.

— Мы-то думали, жизнь кончена, а тут все, как у людей, — простодушно заметила женщина, — осенняя уборка! Смотри, Том, даже Вороны в грязи не живут, а тебе все было лень сарай разобрать!

— Правильно не разбирал, кому он теперь нужен? — возразил мужчина. — Но от общей работы я не отлыниваю, нахлебников никто не любит. Пошли поможем, Сара. Авось пригодится.

Льюис направил их туда, где требовались свободные руки, и вернулся к работе сам.

Рейвена он мстительно послал отмывать целый этаж, желая послушать, как гордый Ворон начнет оскорблено отпираться, доказывая, что воины не марают рук половыми тряпками. Но Рейвен спокойно подхватил ведро и отправился наполнять, а поздним вечером сообщил Льюису, что работа окончена. Этаж был вымыт тщательно, придрататься было не к чему.

— Ты делал это раньше? — подозрительно уточнил Льюис.

— А что тут делать? Работа простая и понятная. Следующий этаж мыть?

— Мой.

К утру Льюис получил еще один отмытый до блеска этаж и слегка позевывающего Рейвена.

— Ночью-то зачем работал? Ты не раб на галерах, у всех было время отдыха!

— Я не хотел спать. Третий этаж мыть?

— Давай.

Но и это поручение было выполнено в рекордные сроки. Другие Вороны пытались угнаться за ним, но тщетно. Энергии в Рейвене было на десятерых, и Льюис следил за ним со смесью изумления, восхищения и легкой досады.

Зато ревизия-уборка быстро закончилась. Сольвейн принес ему списки обнаруженных в убежище вещей, и Льюис сохранил их на будущее. Уборка дала еще один неожиданный эффект: Вороны оживились и стали постоянно что-то организовывать сами. Швея принимала заказы на одежду, а однажды сшила тряпичный мяч для игры. Теперь во дворе не только тренировались воины, но и играли все желающие. Часто слышалась музыка: купленные в городе инструменты осчастливили музыкантов, и те спешили поделиться радостью. Мрачные деревья «расцвели» цветными лентами. Шарлотта стала не только объяснять, как выходить в город, не привлекая внимания, но и вызвалась сопровождать тех, кто боялся. Льюис им немного сочувствовал, но, с другой стороны, свобода стоила некоторых жертв.

Отношение к нему потеплело. Вороны теперь всегда радостно приветствовали своего господина и говорили о его доброте и внимательности, а не убийстве Прекрасного Принца. Его репутация исправилась.

Льюис был ужасно доволен своими достижениями и поделился ими с госпожой Солоней во время очередного визита.

— Ты молодец, милый, — улыбнулась она, — я горжусь тобой. Хорошо, когда люди могут жить как люди.

— Я тоже молодец, — вмешался Сольвейн, — ты бы видела сколько ящиков со всякой всячиной я перебрал!

Госпожа Солоня рассмеялась и поцеловала его в макушку. Обняла крепко-крепко.

— Ты мое золотко! Тобой я тоже горжусь. Продолжай трудиться и поддерживай Льюиса во всем.

Сольвейн просиял. Льюис спрятал улыбку в чашке горячего шоколада. Госпожа Солона отстранилась и села за стол.

— Мальчики, я бы хотела с вами поговорить. Но сначала спрошу, хотя вопрос вам не понравится. Вы нападаете на людей, как прочие Вороны?

Повисла неловкая тишина. Сольвейн молчал. Льюис делал вид, что пьет шоколад. Госпожа Солона ждала ответа.

— Да, — наконец признался Льюис, поднимая на нее глаза, — но у нас нет выбора.

— Я понимаю. Но считаю, что можно без этого обойтись, хотя бы вам двоим. Приходите ко мне, я буду кормить вас.

— Нет, — одновременно произнесли Сольвейн и Льюис.

— Почему?

— Мам, я не хочу, чтобы ты снова лежала без сил!

— Я не буду сидеть у вас на шее, — твердо ответил Льюис, — и нападать на вас — тоже.

Госпожа Солона глубоко вздохнула. Кажется, она набиралась решимости вести тяжелый разговор.

— Ты использовал слово «напасть», Льюис, но если вы будете брать жизненную силу у меня, то это не будет нападением. Я же знаю, что вы меня не убьете и не сделаете больно. В столкновении с Вороном страшно не только оно само, но и неизвестность финала. На работницу моей лавки вчера вечером напал Ворон. Она так перепугалась, бедняжка! Боялась, что живой не уйдет. Все утро плакала у меня на плече и гадала, как бы ей уехать из города. Но в прошлую попытку она вернулась, забыв об истинной причине отъезда.

— С ней все будет в порядке, — Сольвейн мучительно покраснел, — один Ворон много не заберет.

— А два?

— Тоже.

— Тогда я хочу, чтобы вы оба брали у меня то, что отнимаете у других, — госпожа Солона переводила взгляд с одного на другого, — не ради вас, а ради горожан. Атаки Воронов участились, и люди в ужасе. Раньше такое случалось реже, но находили в основном мертвецов.

— Потому что Вороны охотились группами, — медленно произнес Льюис, — пытаюсь не попасться Рыцарям и скорее вернуться в убежище. А сейчас, с магией, справляются по одному. Хотя старикам бойцы еще помогают?

— Да. И для тебя Рейвен охотится, не отпуская одного.

Льюис смешался. Он привык к такому положению вещей и, не задумываясь, «ел» тех, кого ловил Рейвен. Выходит, с ним нянчились, как с беспомощным стариком? Или это были те самые привилегии «только для Великого Ворона»? Проклятье, он уже сидел на чужой шее и совершенно этого не заметил!

Госпожа Солона продолжила уговоры:

— Людям страшно. Мы отвыкли от Времени Воронов. Принц Ричард, каким бы жестоким человеком он ни был, долго защищал нас от него. Жить в постоянном страхе невыносимо. Если вы будете брать мою жизненную силу, то множество ваших будущих жертв не столкнутся с ужасным потрясением. Отдавать добровольно всегда легче, чем быть

ограбленным и до смерти напуганным.

Сольвейн закусил губу.

— Пусть Льюис решает. Я подчинюсь его приказу.

— Ты пытаешься свалить все на меня! — возмутился тот.

— Ты — главный! На тебе и так ответственность за все, что делают Вороны!

Льюис метнул на него гневный взгляд, но Сольвейн упрямо скрестил руки на груди и отвернулся. Госпожа Солона вздохнула.

— Какие вы оба еще мальчишки. Но ничего не поделаешь, пришло время взрослеть. Сольвейн, то, что ты бежишь от трудных решений, обернется чужими страхом и болью. Ты уже выбрал себя и показал, что они для тебя ничего не значат.

— Для меня много значишь ты! Я лучше чужим людям буду делать больно, чем тебе! Как будто мало из тебя уже высосал! Я же все время боялся, что убью тебя, каждый раз, как питался!

— Но теперь ты знаешь, что этого не случится. — она взяла его за руку, погладила и перевела взгляд на Льюиса. — Милый мой мальчик, ты — Великий Ворон. В твоих руках власть над городом и всеми нами. Теперь тебе решать, как мы будем жить. Ты должен понимать, что добровольность лучше насилия.

— Но это же не исправит всего, — глухо ответил Льюис, — Воронов много, питаться надо раз в неделю каждому. То, что вы заплатите собой за незнакомых людей, всему городу не поможет.

Или поможет?

Плата. Добровольность.

Льюис вскочил на ноги.

Да вот же оно, решение!

— В городе живет около десяти тысяч человек, верно?

— Да.

— Среди них найдутся те, кому нужны деньги! Они всегда нужны! Если бы мне тогда предложили подобный обмен, я бы согласился! Воронов всего около пятидесяти, и у нас есть сокровищница! Мы будем покупать жизненную силу, а не отнимать ее!

Лицо госпожи Солоны посветлело:

— Я знала, что ты что-нибудь придумаешь! И тогда Вороны перестанут нападать на горожан?

— Именно!

Сольвейн изумленно уставился на него.

— Думаешь, сработает?

— Уверен! — Льюис едва не приплясывал от восторга. — Надо рассказать Рейвену и объявить, что охоты на людей больше не будет!

Рейвен его идею высмеял, причем, в буквальном смысле этого слова. Он так хохотал, что аж слезы выступили на глазах.

— Платить людям за еду? Да еще брать только у тех, кто согласится? Ай да повелитель, ай да фантазия!

— Прекрати. Что смешного?

— Все! Я такой чуши в жизни не слышал!

— Ты над Великим Вороном смеешься, — огрызнулся Льюис.

— Можешь меня наказать, — Рейвен махнул рукой и ухмыльнулся, — от этого твоя чушь разумней не станет. Ни один человек не согласится на подобное.

— Ты не пробовал, а уже против.

Рейвен бросил на него насмешливый взгляд.

— Так давай попробуем. Тебе завтра питаться. Уговори хоть кого-нибудь, а я на это посмотрю.

Льюис сжал зубы. Устраивать представление для Рейвена он точно не собирался. Он не хотел воплощать свой план вот так сразу: нужно было продумать все до мелочей, чтобы быть уверенным в положительном результате. Это могло занять неделю или две.

Льюис замер.

Значит, завтра он снова высосет жертву, которую ему поймает Рейвен. Избежит трудного решения и свалит ответственность на другого. Так и будет сидеть на чужой шее.

Он упрямо вскинул подбородок.

— Отлично. Завтра и попробуем.

И черта с два Льюис отступит!

Назавтра он вернулся в убежище злым и голодным.

Рейвен оказался прав: никто не соглашался отдавать жизненную силу добровольно. Выбирая между деньгами и возможностью тут же уйти, все предпочитали последнее, хотя Льюис давал в оплату целый золотой. На эту сумму можно было спокойно прожить пару недель или приобрести дорогую вещь. Льюис бродил по вечерним улицам несколько часов, велел Рейвену отойти подальше и не пугать людей, но те сбегали от него, с не меньшей прытью, стоило им понять, что Льюис — Ворон.

Рейвен, вдоволь насмеявшись, предложил поймать ему «еду», но мрачный Льюис отказался.

— Попробую еще раз, завтра.

— Результат не изменится. Жизнь дороже золота. Поэтому мы отбираем ее силой.

— А вы хоть раз пытались делать это по-другому?

— Ты попытался. Это не сработало. Ты зря тратишь свое время, повелитель.

Льюис ничего не ответил. Ему ужасно хотелось сорваться на Рейвена, но он понимал, что это будет несправедливо. Неужели ничего не выйдет, как бы он ни пытался? Он — Великий Ворон, в его руках власть над городом, но он же — беспомощный мальчишка, неспособный даже добыть себе еду в изменившихся условиях. Это было так унижительно.

А может, ну его? Рейвен прав за счет жизненного опыта, ему виднее. Он ни разу не выразил недовольства тем, что вынужден кормить Льюиса. Его это устраивает. Льюис — правитель и имеет право на особенное отношение. Вороны прокляты, люди их боятся, и этого не изменить. Не проще ли смириться?

«Это можно изменить, — раздраженно думал Льюис, у себя в покоях, — просто это чертовски тяжело. У меня не получается. Надо внимательнее изучить записи Элдрика, может, он что-то придумал».

В дверь постучали.

— Я сплю! И я очень злой.

— Все еще дуешься на меня? — в комнату вошел Сольвейн.

— Нет. Ты что-то хотел?

— Я купил сегодня жизненную силу, а не отнял.

— Что?

Льюис повернулся к нему. На лице у Сольвейна играла довольная улыбка.

— Я попробовал сделать, как ты сказал, и у меня получилось! И не только у меня, Шарлотта тоже смогла!

— Но как? Зачем она это делала?

— Мы встретились в квартале красных фонарей. Туда люди идут даже сейчас, надеются, что пронесет. Шарлотта обычно там и ловит себе жертв. Я рассказал ей о твоей задумке, и она заинтересовалась. «Раньше для меня мужчины все, до последних штанов снимали. Попробую уговорить поделиться». И, представляешь, уговорила! Нашла какого-то солдата, подразнила и устроила ему «проверку на храбрость». А потом до кабака проводила, усадила прийти в себя, а сама громко назвала самым смелым мужчиной в городе. И поблагодарила за чудесно проведенное время. Когда мы уходили, к нему весь кабак сбежался: поить бесплатно и выяснять, как он заарканил такую красотку.

Льюис растроганно подумал, что завтра пойдет лично благодарить Шарлотту и вынесет хоть полчаса трескотни про шляпки.

— А ты как справился?

— Я просто подошел к «жрице любви», показал деньги и объяснил, чего хочу. Она махнула рукой и согласилась. Сказала, что Воронам уже попадалась, а тут хоть заплатят. Я постарался поднять ей настроение и прочитал стихи о красоте ее глаз. Она повеселела и предложила стать ее постоянным клиентом. Товарки ее тоже заинтересовались, даже не испугались меня.

— Сольвейн, ты гений! Вот куда нужно было идти! Они еще работают?

— Конечно, ночь же в разгаре.

— Пошли! Нет, полетели, пешком пройдем по кварталу красных фонарей.

— Рейвена разбудить?

— Нет уж, он мне неудачи приносит, — проворчал Льюис, — слетаем вдвоем. Ты не против?

Сольвейн покачал головой.

— Знаешь, я очень хочу, чтобы так было всегда. На душе так легко, когда никому не делаешь больно. Я впервые не испытывал жгучий стыд, когда питался.

Льюис положил руку ему на плечо.

— Я добьюсь, чтобы все Вороны больше не мучили людей. Даже если целую жизнь на это придется потратить. Спасибо, что поддерживаешь меня.

Сольвейн улыбнулся.

— Пойдем быстрее, пока Рейвен не объявился. Он будто чувствует, когда тебя в убежище нет.

Спустя час Льюис вернулся сытым, счастливым и твердо знающим, что встал на правильный путь. И то, что Рейвен его отсутствия так и не заметил, делало эту ночь еще прекраснее.

Глава 9. Охота на Принца

«Охота на Принца — необходимое, хоть и жестокое решение. Только так я могу дать Воронам мирную жизнь. Мне жаль каждого, кто гибнет в этой бесконечной войне, но победы без жертв не бывает. Сильные должны защищать слабых. В отличие от нас, проклятых, Прекрасный Принц и Рыцари сами выбирают свою судьбу. Их решение — смерть. Ее они и получают».

Льюис в третий раз перечитывал абзац из дневника Элдрика и ничего не понимал. Что еще за «охота на Принца»? Не пытался же Элдрик высасывать жизненную силу только из Прекрасного Принца и Рыцарей? Нет, это безумие. Или то был его способ не трогать невинных горожан? Из-за этого он погиб?

Сдавшись, он вызвал к себе Рейвена.

— Добрый вечер. Не отвлекаю тебя от дел?

— Нет. Что ты желаешь, повелитель?

— В записях Элдрика есть кое-что, чего я не понимаю. Объясни мне, что такое «охота на Принца»?

Рейвен оживился. Глаза его радостно заблестели.

— Охота на Принца — лучший способ защитить Воронов и установить мир. В следующий раз ее возглавлю я.

Льюис взглянул на него с недоумением.

— Это какое-то ритуальное название для праздника? Что ты намерен делать?

— Охотиться на Принца.

— Как? Принц Ричард ведь мертв.

— Конечно, я буду охотиться на следующего.

Льюис потряс головой.

— Я ничего не понимаю! С чего ты взял, что будет еще один Принц?

— С того, что они всегда появляются. Время Воронов не длится вечно, повелитель. У нас есть семь лет, а потом на твою власть покусится очередной враг, которого нужно будет убить.

Желудок Льюиса куда-то провалился. Он оцепенело смотрел на Рейвена в надежде, что тот сейчас ухмыльнется и скажет: «Да шучу я! А нечего было сбегать без моего ведома! Что, испугался?».

Но Рейвен не смеялся над ним. Более того, заметив его выражение лица, пустился в объяснения:

— Когда Великий Ворон гибнет, следующего приходится ждать семь лет. Между тобой и Элдриком прошло четырнадцать: Белая Мразь убил твоего предшественника, прежде чем мы его нашли. Ты избавил нас от ублюдка, но на смену ему придет другой. Он захочет отрубить тебе голову. Вот тогда и начнется охота на Принца. Она завершится тем, что ты вырвешь ему сердце, как Белой Мрази.

— Но я не могу сражаться с ним! — Льюис отшатнулся и обессилено рухнул в кресло. — Рейвен, я не знаю, кем ты меня видишь, но я не воин! Я не понимаю, как это вышло с Ричардом, наверное, чудом! Я не выиграю битву, меня убьют!

Рейвен подошел к нему и опустился на колени перед его креслом. Накрыв ладонью побелевшие и сцепленные в замок пальцы Льюиса. Когда он заговорил, его голос зазвучал до

того мягко, что Льюису захотелось себя ущипнуть.

— Не бойся, повелитель. Никто не позволит тебе с ним сражаться. Ты — Великий Ворон, наш господин. Без тебя мы все погибнем, и подвергать тебя опасности невыносимо. За твою защиту отвечаю я, помнишь?

— Да, — Льюиса немного отпустило, — ты сам его убьешь?

— Хотел бы, но не могу. Только Великий Ворон способен вырвать Прекрасному Принцу сердце. Обычным Вороном его не убить. Но сражаться вы не будете, и волноваться тебе не о чем.

Льюис глубоко вздохнул. Он все еще ничего не понимал, но паника отступила и позволила ему соображать. Рейвен знает решение проблемы и защитит его. За ним больше не придут вооруженные убийцы и не попытаются казнить. Ужасы того дня всплыли в памяти так четко, словно все случилось только вчера. Слава богу, у него есть верный и бесстрашный защитник! В этот миг Рейвен показался ему самым замечательным человеком на свете.

— Сядь рядом, прошу тебя. Рейвен, я очень благодарен тебе и знаю, я ценю все, что ты для меня сделал. Ты — самый важный и полезный Ворон в моем окружении. Спасибо тебе. Если я когда-нибудь тебя обижал, знаю, я делал это не со зла, а по невнимательности.

Рейвен усмехнулся и сел в соседнее кресло. Легонько подергал себя за кончик черной косы. Льюис начал узнавать этот жест: с ним Рейвен что-то обдумывал и старался правильно сформулировать дальнейшую речь.

— Ты меня не обижал. Ты — хороший повелитель. Заботливый. Добрый. Умный. А что иногда творишь всякую ерунду — это ничего, у всех так. Не переживай, я умру за тебя, и тебе даже не надо для этого меня хвалить. Это — мой долг и твое право. Хотя приятно слышать, что я нужен и важен. Давненько мне такого не говорили.

Он улыбнулся. Льюис неуверенно улыбнулся в ответ.

— Я определенно не хочу, чтобы ты умирал. Если это настолько опасно, то к Прекрасному Принцу не стоит приближаться никому из Воронов. Я что-нибудь придумаю, чтобы вы не пострадали.

— Элдрик уже придумал. Не беспокойся, я не полезу в лобовую атаку. Охота на Принца проходит по-другому. Я знаю, что делать, и как следует подготовлюсь. У нас впереди семь лет. Отличное преимущество.

— И что ты будешь делать?

— Для начала соберу и подготовлю отряд Воронов-бойцов. Сейчас нас всего семеро, но будет больше. Обычно в охоте участвуют несколько десятков Воронов, но мы справимся и одним, если понадобится. Прекрасный Принц появится после окончания Времени Воронов, и мы будем внимательно следить за городом, чтобы не пропустить его появление. Чтобы стать Принцем, ему придется на кого-то из нас напасть. Это — обязательное условие. В бой с ним Вороны вступать не будут — Прекрасный Принц размажет любого, это бессмысленная жертва. А вот опознать его мы сможем. Город невелик. Он где-то будет есть, где-то — спать. Горожане начнут о нем болтать. Мы выследим его.

Льюис задумался. Пока все выглядело логично: за опасным врагом нужно приглядывать. И, конечно, это стоит делать тем, кто сможет отбиться или вовремя улететь. Воинам.

— А что дальше?

— Дальше мы заставим трактирщика подсыпать ему в еду снотворное, нападём ночью, переломаем ему руки-ноги, крепко свяжем и притащим тебе. Если обзаведется Рыцарями, выманит их, заведем в засаду и убьем. Но постараемся успеть до этого. Я лично буду

держат нож у горла Принца, чтобы даже не дернулся, когда ты вырвешь ему сердце. И все, семь лет отдыхаем до следующего.

— Что? — слабо переспросил Льюис. Ему показалось, что он перестал понимать человеческую речь.

— Ты будешь в полной безопасности, — успокоил его Рейвен, — можем цепями сковать, если хочешь. С переломанными пальцами не поколдуешь, с перебитыми ногами не сразишься. Прекрасный Принц будет беспомощен, ты убьешь его без угрозы для себя.

Льюис схватился за голову.

— Это же бесчеловечно! Безумие какое-то!

— Напротив, все разумно. Иначе ты его убить не сможешь.

— Я никого больше не хочу убивать!

Рейвен пожал плечами.

— Но выбора у тебя нет. Или мы откроем охоту на Принца, или он — на нас. Как только Прекрасный Принц появится, тебе придется запереться в убежище, потому что он будет искать тебя и убивать всех Воронов, что попадутся ему на пути. Ты же хочешь защитить своих подданных?

— Конечно, хочу, но не так же!

Льюис вскочил на ноги. На глаза ему попался дневник Элдрика, с которого все началось.

— Он делал это? Элдрик согласился в этом участвовать?

— Элдрик это и придумал. Он был мудрым правителем: эта тактика позволила ему убить двух Прекрасных Принцев и еще пять лет гонять по городу Белую Мразь.

— Но он же был хорошим человеком! Лечил Воронов, растил тебя!

— Конечно, — в голосе Рейвена появилось удивление, — Элдрик был очень добрым и заботливым. Как ты.

— И он велел тебе похищать и калечить людей для дальнейшего убийства?

— Я тогда был слишком мал, — Рейвен досадливо покачал головой, — мне было пятнадцать, когда Элдрика убили. Он обещал, что я присоединюсь к охоте после двадцати. Но меня готовили к этому, тренировали, я много общался с тогдашними бойцами. Они делились подробностями. Так что я знаю, что делать.

— Я не об этом спрашивал! Как добрый человек мог вообще придумать такой ужасный план? Такой жестокий, такой подлый!

— Жить захотел, — сухо ответил Рейвен, — ты тоже убил, когда понадобилось, разве нет? Я видел это своими глазами. Великие Вороны должны убивать Прекрасных Принцев. Этого не избежать. Вопрос лишь в том, как это сделать с наименьшим риском. Элдрик не был воином, как и ты. Значит, над врагом нужно иметь преимущество. Мы, бойцы, твое преимущество и есть. Мы его ослабим, ты — убьешь.

Льюис рухнул обратно в кресло. Запустил пальцы в волосы. Он вдруг заметил деталь, ускользнувшую от него ранее:

— Ты сказал, что Принца Ричарда гоняли пять лет. Но он не только выжил, но и убил Элдрика. Выходит, охота на Принца не так уж хорошо работает?

Рейвен вспыхнул. Лицо его потемнело, исказилось ненавистью.

— Белая Мразь оказался слишком живучим, только и всего! Он никому не доверял и никого не жалел! Не спал дважды в одном месте и прикрывался Рыцарями, как щитом. Они пробовали его еду и охраняли сон. Их больше десятка убили, но его не удавалось застать

врасплох. Рано или поздно его бы загнали, или среди горожан закончились бы смертники, готовые служить ему. Но Элдрик не дождался этого. Он совершил огромную ошибку — вышел из убежища. И попался им.

— Как? Зачем?

— Затем, что дурак! — заорал Рейвен. — Его заманили в ловушку! Ведь очевидно же было все! Он не должен был выходить! Белая Мразь узнал его слабость и ударил в нее! Подлый ублюдок, чтоб он сдох, пусть еще раз сдохнет и помучительнее! Ненавижу!

Рейвен вскочил и заметался по комнате, как тигр, запертый в тесной клетке. Когти появлялись и исчезали на его руках, пальцы нервно сгибались, будто пытаясь впиться в что-то горло.

Льюис молча наблюдал за его бешенством.

Постепенно Рейвен отдышался и успокоился. Повернулся к нему:

— С тобой этого не случится. Ты не повторишь ошибку Элдрика. В городе ничего о тебе не будут знать. Чем быстрее мы поймем Прекрасного Принца, тем меньше придется просидеть взаперти. Убьем его, и все у нас будет хорошо. Все просто, понимаешь?

— Этому тебя Элдрик научил? — тихо спросил Льюис. — Заботиться о Воронах, плевать на горожан и убивать Рыцарей?

— Конечно. Ты наконец-то понял суть. Горожане — еда, Принц и Рыцари — враги. А Вороны — это мы с тобой. Мы должны выжить, они — умереть. Тогда все будет правильно.

Льюис покачал головой.

— Я хочу побыть один. Я должен это обдумать.

— Думай хоть семь лет, повелитель. А я начну готовиться к охоте на Принца.

Рейвен тепло улыбнулся ему и ушел.

Стук притворенной им двери показался Льюису ударом топора на эшафоте.

В следующие пару дней Льюис заперся у себя в покоях и тщетно пытался найти выход. Господи, неужели Вороны действительно творили такое? Двое Принцев были убиты столь страшным образом. А Рыцарей травили в трактирах и заводили в засады. Почему же горожане помогали убивать своих защитников?

Он спросил об этом у Рейвена, и тот дал чудовищный в своей простоте ответ:

— Тоже жить хотели. Не отравит еду Принца — умрет сам. Но Элдрик всегда сначала уговаривал по-хорошему: скажем, семья трактирщика получала охранную грамоту от наших нападений. Тогда что есть Прекрасный Принц, что его нет — трактирщику уже все равно. Бывали принципиальные глупцы, но большинство понимало: Принцы меняются, а Вороны в городе будут всегда. Эти грамоты даже во Время Принца действовали, хотя Белая Мразь за них вешал. Жаль, никого из тех трактирщиков уже нет в живых, придется подкупать новых.

Льюис молча ушел. Он ничего не мог на это сказать и не собирался спорить. Рейвен, на удивление, стал относиться к нему дружелюбнее: чаще улыбался, охотно делился подробностями своей жизни и подбадривал, явно считая охоту на Принца решенным делом.

Льюис думал о Принце Ричарде. Он был далек от всепрощения, и этот человек все еще вызывал в нем гнев, но теперь стало ясно откуда взялась его жестокость. Пять лет жизни в аду: постоянная тревога, ни одной спокойной ночи и вечное ожидание нападения. Регулярные смерти друзей. Предатели-горожане, за которых Прекрасный Принц продолжал

сражаться. И Вороны, способные на любую подлость и нечеловеческую жестокость. Поневоле начнешь считать их монстрами.

К некоторому своему замешательству, он понимал и Элдрика. Тот страстно хотел выжить и не нашел лучшего способа, чем методично уничтожать любую угрозу, наплевав на мораль. Читая его записи об охоте на Принца, Льюис прочувствовал безнадежность, сквозящую в них. Похоже, Элдрик не был дурным человеком изначально, а лишь смирился со своей новой ролью проклятого Великого Ворона. Он был добр к своему окружению, поддерживал порядок в убежище, но относился по-человечески только к Воронам. Ради их мирной жизни Элдрик погрузил город в хаос, полный страха и насилия. Неудивительно, что его хотели убить любой ценой. Жестокость Ричарда стала зеркальным ответом жестокости Элдрика.

В городе шла полноценная война, с постоянными жертвами с обеих сторон. Но как прекратить ее? Попробовать договориться с новым Прекрасным Принцем? Но Ричард ничего не желал слушать. Взять в плен? Неплохой вариант, но тогда его постоянно придется калечить, иначе он разнесет убежище своей огромной магической силой. Льюис представил, как пленнику регулярно ломают пальцы, и содрогнулся. Нет, невысказанно, нельзя так обращаться с людьми! Так как же избежать битвы с ним? Допустим, Льюис может навсегда запереться в убежище и запереть в нем же Воронов. Но что за жизнь это будет? Рано или поздно Прекрасный Принц начнет нападать на них и убивать. У Воронов впереди семь спокойных лет, а чтобы продлить их, нужно уничтожать каждого нового защитника города.

Но это же безумие! Каждые семь лет убивать человека, а то и нескольких, и так, пока очередной Принц не перехитрит Льюиса и не убьет его самого. А потом начнется очередная кровавая жатва беспомощных проклятых.

Нужно что-то придумать. Разорвать порочный круг. Льюис не станет таким, как Элдрик. Не будет растить бойцов и отправлять их на смерть вместо себя. Защищать слабых это одно. Учить мальчишек, подобных Рейвену, убивать — другое.

У города больше не будет безжалостного и коварного Великого Ворона, топящего его в крови. Льюис не пойдет этим путем. Пусть он слаб, но по течению плыть не намерен. Он найдет другой вариант решения проблемы.

Пока в городе не объявился Прекрасный Принц — время еще есть.

Льюис понятия не имел, насколько ошибался.

Напряженный Рейвен привел к нему двух Воронов: мужчину средних лет и крепкого молодого парня, новичка, тренируемого в бойцы. Оба они рассказали о нападении на них во время охоты. Истории были похожи: ночь, крики жертв и вооруженный воин, вступившийся за них. Ворон постарше улетел сразу, как только воин выхватил меч из ножен. Боец попытался помериться силой, метнул чернильное пламя, но противник ловко увернулся и атаковал. Парень получил крепкий удар в челюсть и мечом по касательной, после чего испугался и сбежал. Теперь он с опаской поглядывал на Рейвена, явно боясь нагоняя, но тот выглядел задумчивым, а не сердитым.

У Льюиса упало сердце.

— Это новый Прекрасный Принц? Так быстро?

— Не может быть, — отрезал Рейвен, — Время Воронов только началось! Да и будь это

Принц, им живыми бы не уйти. Вы видели у него магию и сияющие белые доспехи?

Оба Ворона покачали головами.

— Значит, приезжий. Не понял еще, куда попал. Бывает.

— Он не приезжий, — возразил старший Ворон, — это был стражник.

— Смеешься, что ли? — фыркнул Рейвен. — Стражники — трусы! Они вечерами на улицу и носа не высунут, чтобы не стать кормом.

— А разве им не положено патрулировать город? — удивился Льюис. — Днем я их точно видел.

— Так то днем. С Воронами стражники не связываются, боятся.

— Но он был в форме! Я хорошо ее разглядел, когда взлетел!

— Я формы не видел, — признался парень, — а вот волосы у него короткие, так что похож на стражника.

Льюис с облегчением выдохнул.

Просто смелый стражник. Ничего страшного. Но вот то, что он нападает на Воронов — очень плохо. С этим нужно что-то делать.

— Я найду его и разберусь, — предложил Рейвен, — остальным Воронам передам, чтобы охотились осторожнее.

Льюис испытал прилив симпатии к нему. Как все-таки хорошо, что Рейвен оказывал ему такую поддержку. Эту проблему он решит сам.

Льюис кивнул.

— Я рассчитываю на тебя.

— Спасибо, повелитель.

У Рейвена знакомо заблестели глаза, и Льюис вдруг сообразил, что «разобраться» он может со смертельным исходом для стражника. А ведь тот — просто порядочный человек, который не смог пройти мимо, услышав крики о помощи. Стражник, по сути, выполнял свой долг. И что же, Льюис позволит убить его за это?

— Рейвен, слушай меня внимательно. Это — приказ, и ты должен будешь его выполнить.

— Я всегда выполняю твои приказы, повелитель.

— Найди этого человека и убеди, чтобы он прекратил свои нападения. Но не убивай и не калечь, ясно? Нельзя винить его за исполнение обязанностей. Обойдись с ним мягко и скажи, что скоро Вороны перестанут нападать на людей.

Рейвен пожал плечами.

— Ладно. Но когда он поймет, что это ложь, то снова начнет нападать.

— Это не ложь. И позови ко мне Сольвейна и Шарлотту, пожалуйста. А вы оба свободны. Тебе нужна помощь с раной?

— Нет, повелитель, это царапина.

Вороны ушли, а Льюис подошел к окну, распахнул его и подставил лицо свежему ветру. Улыбнулся.

— Спасибо тебе, отважный стражник. Теперь я знаю, что мне делать.

Прекрасный Принц и Рыцари напали на Воронов не просто так. У них была четкая причина: защищать горожан. А если угрозы для людей не будет, не будет и причины для вражды. Значит, пора всему убежищу учиться покупать пищу у добровольцев. Льюис, Сольвейн и Шарлотта покажут им, как это сделать.

Глава 10. Племянник Рыцаря

Рейвен и несколько Воронов-бойцов патрулировали улицы сверху, пока другие охотились. Не хватало еще, чтобы чертов стражник напал на кого-то менее прыткого, чем первые двое. Задание Льюиса Рейвен понял так: безголового дурака следовало немного проучить и отпустить. Пусть до конца жизни благодарит доброту Великого Ворона. Зачем говорить, что Вороны перестанут нападать на людей, он не знал, но раз приказали, то скажет. И все-таки, откуда взялся такой непуганый идиот? Наверняка приезжий. Иначе знал бы, что стражники с Воронами не связываются.

Рейвен заметил снизу мужчину, уверенно идущего по ночной улице. Пригляделся: форма, меч, короткие волосы. Вот он. Попался.

Рейвен спикировал вниз и приземлился прямо перед ним.

— Это ты, что ли, тот болван, который...

Договаривать фразу не имело смысла: они стояли под фонарем, и Рейвен мгновенно узнал его. И был узнан в ответ.

— ТЫ! — это они произнесли одновременно и с одинаковой яростью.

— Я мог бы догадаться. Только у тебя хватило тупости перейти дорогу Воронам, — процедил Рейвен. — Зачем вернулся?

— Это — мой город.

— Город принадлежит Воронам. Тебе здесь не место.

— Так попробуй меня выгнать, — он выхватил меч.

Рейвен зло расхохотался и бросился на него.

Совсем не изменился, наглый ублюдок. Все еще считает себя неприкосновенным из-за своего дядюшки? Стоит сообщить ему печальную весть.

Нил Янг был племянником убитого Рыцаря Рутгера Янга.

Они схлестнулись, и, надо признать, драться это ничтожество где-то научилось. Быстро одолеть его не вышло, защита была поставлена неплохо, и Рейвен отступил, измотав его как следует. Стоило применить магию, но почему-то хотелось раскатать щенка без нее. Только теперь Рейвен разглядел его: тощий мальчишка вырос в крепкого, физически развитого мужчину. Широкоплечего, рослого, сильного, с такими же, как у дяди, каштановыми волосами и гневными карими глазами.

Рейвен оскалился.

Одна кровь, одна порода. И стремление убивать Воронов тоже одно.

Нил Янг поудобнее перехватил меч, зорко отслеживая его действия.

— Где дядя Рутгер?

— Что за глупый вопрос? Мертв, конечно. Рыцарей всегда убивают после смерти Принца.

— Куда дели тело?

— Сожгли. А стоило скормить крысам. Черт, почему эта идея пришла мне в голову так поздно? — поцокал языком Рейвен.

Нил Янг стиснул зубы, но не повелся на провокацию. Рейвен неожиданно понял, что издеваться над ним словесно не менее приятно, чем бить клинком. Рано или поздно он сорвется и нападет, тогда и получит за все. А пока можно было повеселиться.

— Думал, дядюшка ждет тебя тут с распростертыми объятиями? Да он стыдился и

старался забыть о твоём существовании. Весь город знает, что племянник Рутгера Янга — законченный трус. Ты поэтому подался в стражники? К таким же трусам и ничтожествам?

— Ничего умнее не придумал? Косу отрастил, а мозги усохли. Кто убил дядю Рутгера? Ты? Или Великий Ворон?

— А тебе-то что? Поплакать и в ногах поваляться хочешь, чтобы тебя пощадили?

— Я спросил, кто это сделал. Говори. Или боишься моей мести?

Рейвен презрительно улыбнулся.

— Вороны. Рыцарскую шваль в этом городе убивают Вороны.

— Мне нужно имя.

— Попляши, тогда скажу, — ухмыльнулся Рейвен.

Лицо Нила Янга исказилось.

— Отвечай, чертова ты сволочь!

Он бросился в атаку. Рейвен уклонился и ударил его чернильным пламенем. Несильно, но болезненно. Добавил коленом в живот. Вышиб клинок из рук и принялся избивать. Нил Янг попытался перестроиться на рукопашный бой, но еще две магических атаки сломали это намерение, и его защита просела. Рейвен подножкой уронил его на землю, сел сверху и схватил за горло. Выпустил когти, давая как следует их ощутить, но не вонзая.

Нил Янг тяжело дышал и с яростью смотрел на него.

Трепка явно была слабовата, но Рейвен вспомнил приказ Льюиса обойтись с ним мягко и сдержался.

— Ты уедешь из города и больше никогда сюда не вернешься. Понял меня?

— Нет.

Рейвен неглубоко вонзил когти. По шее поверженного противника побежали кровавые ручейки.

— Мне объяснить еще доступнее?

— Тебе меня не запугать. Можешь убить, но из города я не уеду. Я буду защищать его.

— Ты даже себя защитить не можешь! Ты — всего лишь еда!

— Я — племянник Рыцаря! И если доживу, то через семь лет мы будем биться на равных!

Рейвен опешил. Вот наглец! Его затопила волна гнева. Рыцарем хочет стать? Убивать Воронов? Маленькая мразь, да он сдохнет здесь и сейчас! Рейвен почти вырвал ему глотку, но опять вспомнил запрет Льюиса и с трудом остановился.

Нельзя. Но трепку он заслужил серьезную.

Рейвен оскалился прямо в лицо Нилу Янгу.

— Много о себе мнишь. Один раз ты сбежал, поджав хвост. Единожды трус — трус навеки. И я напомню тебе, чего ты боялся.

Рейвен принялся вытягивать его жизненную силу. Нил Янг рывком попытался сбросить его и получил удар когтями по лицу. Заметный след, ни с чем не перепутаешь. Памятка горожанам и ему самому, чем заканчивается сопротивление Воронам. Нил Янг зашарил руками вокруг себя в поисках оружия, но ничего не нашел. Рейвен злорадно наблюдал, как воля к сопротивлению покидает его вместе с силами.

— С возвращением в город, ничтожество. Обещаю, твоя жизнь в нем будет короткой и болезненной.

— Пошел ты, — едва слышно пробормотал Нил Янг и потерял сознание.

Рейвен поднялся, посмотрел на обмякшее тело и удовлетворенно кивнул. Дело сделано.

Очнется — сбежит. Явиться в город в начале Времени Воронов и объявлять о желании стать Рыцарем — да он совсем сумасшедший!

Или будущий Прекрасный Принц. Только Принцы настолько отчаянны, что бросают вызов врагу, будучи всего лишь людьми. Рыцарям проще, они знают, что получают силу от Принца, но самому Принцу никто не дает гарантий. Чтобы стать им, нужно бросить вызов Воронам, рискуя быть убитым. Именно это сотворил только что чертов племянник Рыцаря, Нил Янг.

Рейвена мороз пробрал по коже. Возможно ли? Нет, чушь, он же трус, такое ничтожество не сможет стать Принцем! Или сможет? Бродил ночами в одиночку, напал на Воронов, пощады не просил. Драться научился.

Сможет. Всем условиям соответствует, гаденыш.

Рейвен недоверчиво уставился на распластанное на земле тело. Он? Он — замена Белой Мрази? Убить, немедленно! Раздавить, пока не очнулся! Скорее!

Рейвен зажег на ладони чернильное пламя и остановился.

Льюис приказал не убивать и не калечить его. Еще сказать что-то надо было. А, к черту, все равно не услышит. Но с остальным-то что делать? Льюис узнает об убийстве и рассердится. Или ладно? Ну, накажет он Рейвена, отругает, обидится, но не воскресит же Нила Янга? А этого ублюдка точно надо убить, пока он не стал Прекрасным Принцем!

Воля Великого Ворона — закон для его подданных.

Рейвен застыл.

Элдрик. Он нарушил приказ Элдрика, и все полетело в тартарары. И снова не слушается, а ведь Великому Ворону виднее! Он — главный! Бойцы должны подчиняться, а не спорить с ним! Нет, нельзя. Приказы Льюиса он нарушать не будет.

Рейвен едва не застонал от досады.

Нельзя убивать Нила Янга сейчас. Может, потом? Он убедит Льюиса, объяснит, зачем это нужно, и получит разрешение.

«Как же, — мрачно подумал Рейвен, вспоминая все их споры с повелителем, — не разрешит он убить горожанина. Льюис над ними трясется, как над детьми. Не пугать, не трогать... убить точно не даст, пока гаденыш не станет Прекрасным Принцем».

Рейвен глубоко вдохнул. С ненавистью уставился на Нила Янга.

Ничего. Разберется с ним иначе.

Семь лет — долгий срок. Он выпшвырнет ублюдка из города или отобьет ему желание выпендриваться раз и навсегда. И все снова будет в порядке.

Глава 11. Нил

Нил пришел в себя только под утро и с трудом добрался до дома: два равнодушных горожанина довели, держа под руки. Один из них оказался доктором и обработал его раны, второй вскипятил чайник и наскоро пожарил картошки из запасов Нила.

— Горячая еда — первое лекарство после нападения Ворона, — сочувственно заметил он, — и отдых, да, доктор?

— Совершенно верно. Сегодня спим и из дома не выходим. На службу не идти! Завтра и еще дня три — никакой тяжелой работы. Все понятно?

— Да. Спасибо.

От денег оба отказались и ушли. Нил молча ел жареную картошку, размышляя, что мир не без добрых людей. А могли бы обчистить карманы, снять обувь и сбежать.

Повезло.

Нил коснулся зудящих царапин на лице.

Он проиграл. Только везение его и спасло. Столько лет считал себя умелым, опытным воином, а Рейвен раскатал его всмятку. В следующий раз, наверное, убьет. Ничего не изменилось: подлый Ворон все еще сильнее него. Первые две победы ничего не значили: он просто не столкнулся с серьезным противником. Зачем он вообще вернулся в этот город?

Затем что должен защищать его. Это — его призвание. А еще потому, что он обязан сделать это для дяди Рутгера. Самого смелого и достойного человека из всех, кого Нил когда-либо знал. Родного и важного члена семьи. Человека, который был бы жив, если бы Нил умел исполнять свои обещания.

Он закрыл глаза, проваливаясь в воспоминания.

Нил родился в этом городе и знал каждую его улочку. Облазил все крыши, сады и заборы. Даже Вороны его никогда не пугали. Да и как могло быть иначе, когда его дядя был Рыцарем Прекрасного Принца? Самого Принца Ричарда Нил видел пару раз и запомнил лишь ослепительно белые доспехи и внушительную фигуру. Дядя же был его кумиром. Он часто рассказывал о схватках с Воронами, о том, как важно защищать город от зла, даже если это тяжело и опасно. Он учил маленького Нила рукопашному бою и основам сражения на мечах. Родителям это не слишком-то нравилось, но прямого запрета на тренировки не звучало. Его отец был талантливым гончаром, мать — счетоводом, и оба они пытались передать Нилу свои умения. Но для создания посуды, как и для возни с цифрами, Нил был слишком непоседлив. А еще — упрям. Он с самого детства понимал, что по стопам родителей не пойдет. Вот стать Рыцарем, как дядя Рутгер — другое дело. Чем старше Нил становился, тем громче звучало недовольство его родителей этим выбором. Отец несколько раз кричал на дядю, а тот отвечал ему неизменно твердо и спокойно.

— Богом клянусь, если не прекратишь втягивать моего сына в беду, мы уедем из этого проклятого города!

— Арнольд, ты же знаешь, что у вас не получится. Зачем грозить попусту?

— Мы с Кэтрин найдем повод. Продадим дом и тут же уедем, чтобы некуда было возвращаться! А ты умирай, раз так решил! Но Нила я тебе убить не позволю! Это же чудо, что мы еще живы, весь город знает, чьи мы родственники!

— Дом и семью нужно защищать, — негромко сказал дядя Рутгер, — а не закрывать глаза на угрозу, надеясь, что жертвой станет кто-то другой. Подожди немного, и мы все

будем жить мирно.

— Мы и жили мирно, пока ты не присоединился к этому безумцу! А теперь я буду копить на переезд, чтобы убраться отсюда, пока моих жену и сына не убили Вороны!

Нил мрачно слушал это и думал, что никуда не уедет, даже если папа с мамой так решат. Как можно уехать, когда здесь — вся его жизнь? Когда нужно сражаться с Воронами и защищать от них город? Он останется с дядей и станет Рыцарем. Его лучший друг, Дирк Уайлд, нормально жил один, после того как его родители покинули город. Никуда с ними не поехал, остался с Нилом. А Дирк был ненамного старше него. Нил тоже справится сам, даже если мама и папа сбегут.

Это — его город, он любит его и никуда не уедет. Никто не заставит его это сделать.

Но он все же уехал. Когда ему исполнилось двенадцать, на него напал Ворон. Сильно избил и высосал до полусмерти. Нил три недели приходил в себя и не понимал, что произошло, но взрослые не задавали глупых вопросов: было ясно, что случившееся — месть Рыцарю Рутгеру Янгу за победу Принца Ричарда над Великим Вороном Элдриком. В городе наступило Время Принца, и он обрел мир, но для родителей это стало последней каплей. Как только Нил поправился, они продали дом и уехали к маминой дальней родне в Гринфолл.

Дядя Рутгер не спорил. А вот Нил попытался:

— Я не хочу уезжать. Можно мне остаться с тобой?

— Ты еще слишком мал. Ты должен слушаться родителей.

— Но я не могу! Он велел мне убраться из города и решит, что я испугался его угроз! А я не сбегаю, я ему покажу! Чертов Ворон! За что он со мной так?

Нил закусил губу, чтобы не расплакаться. Вся его жизнь была разрушена. Мечты — растоптаны. Теперь дядя Рутгер считал его слабаком, недостойным того чтобы стать Рыцарем.

Большая теплая рука легла ему на макушку. Ласково потрепала по волосам. Дядя Рутгер улыбался, но глаза его потемнели от гнева:

— Снова тот Ворон? Вот же живучая тварь. Никак не сдохнет. Не бойся, Нил, я достану его. Ты вернешься, когда будет безопасно. Если захочешь вернуться.

— Конечно, захочу! Я не трус, я стану Рыцарем!

Дядя Рутгер долго смотрел на него, затем кивнул.

— Тогда слушай меня внимательно и постарайся запомнить. Проклятье Воронов лежит только на нашем городе. Те, кто покидают его, моментально забывают обо всем, что с ним связано: о Воронах, Рыцарях, Принце. Ты тоже забудешь. Поэтому нужна веская причина чтобы уехать и не менее веская, чтобы вернуться. Вороны не могут стать такой причиной, так что найди что-нибудь другое.

— А тебя я тоже забуду?

— Нет. Я буду писать тебе письма. Моего приглашения и твоего желания будет достаточно. Если не передумаешь быть воином и не станешь все-таки гончаром.

Дядя Рутгер подмигнул ему. Нил рассмеялся. Тяжесть на душе немного ослабла.

— Я ничего не забуду, обещаю! И стану самым сильным воином во всем мире!

— Уж постарайся.

Но он забыл. Через несколько месяцев, носясь по улицам Гринфолла, гуляя на его огромных ярмарках и играя с местными ребятами, он потерял желание возвращаться. Да и зачем? В том городе ему было плохо, родители вечно ругались, а Гринфолл был в три раза

больше и интереснее. Нет, поначалу он хотел вернуться: навестить любимого дядю, продолжить воинские тренировки, пойти по его стопам. Но возникла проблема. Память Нила исказилась весьма причудливо: он помнил, что хотел стать таким же как дядя, но кем тот был? Стражником? Должно быть так, потому что в своих письмах он часто писал о безопасности города и о том, что защищает его. Что в городе все спокойно: и семь лет спустя, и десять, и даже четырнадцать. Нил любил получать его письма и много писал в ответ: о жизни на новом месте, о том, как верховодит ватагой мальчишек и имеет среди них непререкаемый авторитет, как добился-таки своего и стал учеником известного воина. Теперь родители его полностью поддерживали и гордились им. Наставник Нилу достался хороший: благодаря нему Нил не только овладел умением драться, но и побывал в разных странах, где это умение применял. В отличие от дяди Рутгера, наставник не собирался всю жизнь охранять и без того безопасный город, а стремился туда, где людям требовалась настоящая помощь. Вместе они гоняли ледяных троллей на границах Хайнхельма и разбойничьи банды из деревень, сопровождали инкогнито путешествующих принцесс и освобождали из плена работоторговцев похищенных людей. Нил успел поучаствовать в нескольких крупных военных конфликтах и закалиться как клинок. К двадцати шести годам он сам мог брать учеников, стать почетным телохранителем или командиром гвардии в трех королевских семьях, присоединиться к любой группе героев (с некоторыми из которых он осуществлял совместные задания и заслужил среди них хорошую репутацию), но ничего этого ему не хотелось. Он все это уже видел и пробовал. Тем более, Нил не собирался становиться каким-то там стражником в захолустном городишке, чье название прочно забыл. Пусть любимый дядя и призывал его вернуться, напоминая о давнем обещании. Нилу было неловко и немного стыдно, но как объяснить, что ту детскую болтовню не стоило принимать всерьез? Его мечты изменились. Навестить дядю Рутгера, конечно надо было (из-за чего они с родителями тогда вообще поссорились?), но Нил все откладывал, не находя достаточно веской причины, чтобы сделать это. А потом причина появилась.

Но дяди в городе уже не было. Его дом стоял пустым, последнее письмо пришло месяца три назад, и соседи не видели его столько же времени. Нил обратился в городскую стражу и узнал, что дядя у них никогда не служил, хотя все горожане его хорошо знают.

И что он убит.

— Кем? Где похоронен? Как это случилось?

— В городе наступило Время Воронов.

— И что это значит?

Грузный, краснолицый начальник стражи сокрушенно покачал головой:

— Да ты совсем все забыл? А Рутгер-то думал, ты станешь ему заменой. Великий Ворон вернулся. Убил Прекрасного Принца и всех его Рыцарей. Твой дядя был Рыцарем, помнишь? Много лет защищал город от нечисти.

Вот тогда Нил вспомнил. Воспоминания накрыли его лавиной и погребли под собой, ломая всю его устоявшуюся жизнь и знание о ней.

— Выпей-ка, — начальник стражи усадил его на стул и плеснул вина, — и отдышись. Тяжко, понимаю. Но ты с этим справишься. Все справляются.

— Спасибо, — пробормотал Нил, держа в руках стакан, но и не думая пить. Выпивка ничем бы не помогла. Только затуманила бы и без того смутный разум.

Ему хотелось надавать себе оплеух. Беспамятный идиот! Как можно было отказаться от своей судьбы, своего предназначения?! Почему не вернулся, когда звали, почему позволил

себе снисходительно думать о службе дяди? Высокомерный осел! Приехал бы на пару месяцев раньше и, быть может, не дал бы ему погибнуть! Встали бы плечом к плечу против зла! А что теперь?

Начальник стражи поглядел на него, порылся в ящике стола и протянул ему ключ:

— Это от дома Рутгера. Моя свояченица ему готовила и прибиралась, а потом ее Вороны сожрали. Я все собирался вернуть ключ, да не успел. Ты теперь наследник, живи, если хочешь. Или ты уедешь?

— Нет, — твердо сказал Нил, отставляя стакан и забирая ключ, — больше я отсюда никуда не уеду.

Он вернулся в дом дяди. Маленький и старый, дом явно был местом, куда Рутгер Янг приходил лишь поесть и поспать. В нем было много оружия, а из личных вещей только одежда, посуда (сделанная руками отца), да пачка писем от родных.

Писем, в которых Нил выкручивался, выдумывая, почему не может приехать. А сам и не собирался, чтобы не объяснять дяде, что настоящие герои в стражники не идут.

Спесивый засранец.

Горе, стыд и вина рвали его на части. Он должен был отомстить за дядю Рутгера, но как добраться до его убийцы? До самого властелина тьмы? И он ли убил дядю? Принца Ричарда — несомненно, но Рыцарей, потерявших светлые силы, мог уничтожить любой Ворон по его приказу. Значит, предстояло выяснить, кто это сделал. Убийцу — покарать, а город защитить. Стать тем, кем обещал стать дяде. Но Время Воронов длится семь лет. Прекрасный Принц не появится раньше, и Рыцарей у него не будет.

Семь лет ждать, господи...

Нил стиснул зубы.

Ничего. Дождется. Четырнадцать лет блаженного забвения закончились. Пора вернуться на правильный путь.

На следующее утро Нил первым делом отправился в городскую стражу и попросился на службу, чтобы сражаться за город, который обещал защитить. Это звучало правильно, но в глубине души он понимал, что наказывает себя за гордыню и спесь, обрубая им головы на корню. Нил больше никогда не будет гнаться за славой и внешним лоском. Его приняли. Он честно выполнял самую нудную и рутинную работу, а потом попросился в ночные патрули. И патрулировал один после того, как более опытный напарник, покрутив пальцем у виска, отправился отсиживаться в трактире.

— Я Воронам на закуску идти не собираюсь!

Честно говоря, Нил рассчитывал на такой ответ. Ночные патрули нужны были ему для сражений с Воронами. Он надеялся, что его сила и опыт помогут справиться с противником обладающим магией. И почти убедил себя, что все получится, пока не наткнулся на *этого Ворона*.

Рейвен. Тот, кто избил его много лет назад. И сделал это снова.

Ненависть пронзила сердце ледяной иглой, да так там и осталась. Эта сволочь все еще была сильнее него. Отделай его кто-нибудь другой, Нил, возможно, действовал бы более разумно. Но теперь твердо знал: он скорее умрет, чем позволит вновь вышвырнуть себя из города. Умирать лучше было не в одиночку, а вместе с Рейвеном, а совсем хорошо — отправить к праотцам его одного. Но тут уж как повезет.

Нил усмехнулся себе под нос. Доел последний ломтик картошки и встал.

Он везучий. И упрямый, как стадо ослов.

Ничего, отлежится и придет в себя. А завтра будет новый день, новая ночь и новая битва за безопасность его родного города.

Глава 12. Красавица и чудовище

Льюис, совершив несколько удачных обменов золота на жизненную силу, собрал подданных и прочитал им прочувствованную речь о том, что они — проклятые люди, а не чудовища, и вести себя, как чудовища, больше не станут. Они же не грабили ради еды раньше? И сейчас не будут. Отныне каждый Ворон перед охотой будет получать один золотой и уговаривать людей продать им жизненную силу. Таков приказ Великого Ворона. Подданные были в растерянности, но услышав про золото и помощь Шарлотты с Сольвейном, повеселели.

— А Великий Ворон, что, добрый? — как-то изумленно спросил новичок у другого Ворона.

— Очень добрый. Да и прав он: что мы, нелюди какие?

У Льюиса потеплело на сердце. Он сможет. У него получится. Ради этих людей и их несчастных жертв они больше не будут ни на кого нападать, а придут к соглашению и мирной жизни. Льюис был доволен собой, хотя Рейвен возмутился и попытался спорить.

— Это приказ, — твердо ответил Льюис, — ты будешь подчиняться моим приказам, Рейвен?

— Я всегда подчиняюсь! Но это несусветная дурость! Как мне кормить стариков, если жертвы не согласятся?

— Это не будет проблемой. У нас уже множество желающих.

Работницы квартала красных фонарей, убедившись, что Вороны их не съедят, все охотнее продавали жизненную силу. Слухи об этом разнеслись по городу подобно лесному пожару. Чтобы не привлекать слишком много внимания, встречи перенесли в ночные парки, и вскоре состав добровольцев стал разнообразнее: бедняки, студенты, безработные. Льюис строго-настрого велел быть со всеми вежливыми, не задерживать тех, кто внезапно испугался и передумал, не брать жизненную силу больше одного раза у одного человека. И — больше никогда не охотиться на людей.

Если ему удастся приучить Воронов к добровольным сделкам, то им не придется рисковать жизнью и нападать, а горожанам нечего будет бояться. И Прекрасному Принцу не понадобится их защищать.

— Скажи, Рейвен, а что с тем стражником? Ты поговорил с ним? Проблема решена?

Рейвен ответил не сразу, будто Льюис отвлек его от каких-то размышлений:

— Да, повелитель. Он больше не нападает. Никто из Воронов с тех пор не пострадал.

— Ты молодец, — Льюис улыбнулся ему, — я знал, что ты справишься. Со всеми можно договориться мирно.

Рейвен встряхнул головой, не то раздраженно, не то отрицательно.

— Я думаю, нам стоит поставить в парках охрану.

— Зачем?

— На всякий случай. Людей, подобных ему, хватает. Если они нападут группой, а меня там не будет, возможны жертвы. Пусть несколько бойцов охраняют питающихся Воронов.

Льюис задумался.

— У нас же их всего семь? Хватит для охраны?

— Десять. Новички появляются регулярно. Хватит.

Льюис вздохнул. Он и сам замечал новые лица в убежище: испуганные, потерянные,

несчастливые. Заботу о них брали на себя многие Воронессы, находя своеобразное утешение в помощи другим.

Проклятье ловило в силки новых жертв.

— Хорошо. Поручаю это тебе.

Однажды во дворе устроили танцы. Вытащили стулья для отдыха, женщины нарядились и надели украшения, музыканты заиграли веселые мелодии. Льюис наблюдал за ними, думая, что человек может привыкнуть ко всему. Полгода назад ему казалось, что жизнь кончена, а сейчас он просто начал новую. Научился принимать титул Великого Ворона, как данность. Нашел себе цель в жизни. И пытался улучшить ее не только для себя, но и для других. Кажется, у него получалось.

Льюис услышал звонкий смех. Шарлотта, как обычно, была окружена кавалерами. Она танцевала то с одним, то с другим, нимало не утомляясь. Льюис невольно улыбнулся. Любоваться на нее со стороны было приятно. Какая же она все-таки красивая.

На Шарлотте было платье насыщенно-синего цвета, а на груди темнела черная брошь. Льюис потер глаза. Странный цвет для украшения. Да и блеск металлический, будто у монеты.

Льюис вздрогнул и вытащил из кармана свою черную монету. Теперь сомнений не было: на аверсе был вычеканен именно его профиль. С некоторых пор Льюис носил ее с собой в качестве напоминания о том, что все в его руках: судьба Воронов, горожан и его собственная. Он частенько доставал монету и разглядывал, гадая, какой будет его жизнь через семь лет. Брошь Шарлотты неуловимо напомнила ее, и Льюис захотел рассмотреть вещь поближе. Напомнив себе быть терпеливым, он подошел и пригласил Шарлотту на танец.

Та заулыбалась и набрала полную грудь воздуха.

— Только не о шляпках. Пожалуйста, — взмолился Льюис, кружа ее в танце.

Шарлотта прыснула.

— Как пожелает повелитель. А вы заметили, как Рейвен недобро на вас смотрит? Явно ревнует.

Рейвен на них не смотрел вовсе: разговаривал со своими бойцами. Он потанцевал с Шарлоттой несколько раз, но быстро заскучал и оставил ее развлекаться самой.

— Недавно он угрожал сломать ноги Картеру, если тот не прекратит ко мне приставать, — доверительно сообщила Шарлотта, — хотя тот ничего особенного не делал. Такой ревнивый!

Льюис вздохнул. Он не понимал, зачем Шарлотта выдумывала небылицы, и точно знал, что Рейвен не ревнив: тот не реагировал ни на ее откровенный флирт с другими мужчинами, ни на то, как она очаровывала добровольных жертв в последние пару месяцев.

— Но вам, конечно, не о чем волноваться. Не сломает же он вам ноги за то, что вы рассматриваете мою грудь?

— Я смотрел на брошь, — возразил Льюис смущенно, — почему она полностью черная? Что за материал такой? Похож на серебро.

— Конечно же, она серебряная. Ох, ужас, чем я ее только не чистила! Не оттирается и все! А такая была красивая, сияла, как лунный свет!

— Она была светлой? Давно потемнела?

— Давно.

— Ты купила ее прежде, чем стать Воронессой?

— Это подарок. От важного человека в моей жизни, — тон Шарлотты стал странным.

Не то едким, не то горьким.

Льюис поколебался. Мысль, посетившая его, была глупой, необоснованной, но он все-таки спросил:

— А ты никогда не думала, что твоя брошь связана с проклятием Воронов? Когда ты ее получила? Не перед тем, как твои волосы начали чернеть?

Шарлотта молча смотрела на него.

Льюис досадливо вздохнул.

Не понимает. А есть ли что понимать? С чего он взял, что существует какая-то связь? Его монета не просто почернела, она изменилась. Брошь Шарлотты могла быть из чистого серебра без примесей, оно темнело при ненадлежащем уходе.

— Мне не нужно обдумывать это, повелитель. Я знаю, что меня прокляли именно ею.

Музыка стихла, и они остановились.

Сердце Льюиса заколотилось, как бешеное.

Неужели угадал?

— Пожалуйста, расскажи мне об этом.

— Зачем?

— Я хочу узнать больше о проклятии. Понять, как и почему люди становятся его жертвами.

— Все знают, что проклятье притягивают дурные люди.

— Неправда. Сольвейн — хороший парень. Рейвен был проклят в детстве. Что такого ужасного мог натворить ребенок, чтобы быть проклятым на всю жизнь? Да и ты явно не плохой человек, раз тебя все любят.

Губы Шарлотты дрогнули.

— Быть хорошим человеком и казаться им — разные вещи.

— Я очень тебя прошу, расскажи мне.

Шарлотта устало вздохнула и оглянулась.

— Только не здесь. Пойдемте в замок.

Льюис поспешил за ней, чувствуя, как любопытство разгорается в нем, подобно костру. Выходит, его монета, как и брошь Шарлотты оказалась проклятой! Конечно, ведь именно получив ее, он превратился в Великого Ворона! Украденные деньги господина Хэрринга не причем! Надо спросить Сольвейна и Рейвена, нет ли у них подобных вещей!

Шарлотта привела его в маленькую гостиную и изящно опустилась в кресло. Льюис сел напротив. Все-таки она невероятная красавица. Если бы только не ее постоянная болтовня...

Он вдруг кое-что заметил.

— Шарлотта, ты больше не трещишь и не перебиваешь меня. И говоришь довольно разумные вещи.

Шарлотта хихикнула и похлопала ресницами.

— Мы можем обсудить шляпки, если хотите.

— Ты мне голову морочила? Подшучивала надо мной?

— Я старалась вам разонравиться.

— Но зачем? — изумился Льюис.

— Затем, чтобы вы не приказали мне лечь к вам в постель. Я уже не раз страдала от мужской страсти, а от Великого Ворона меня некому защитить.

— С чего ты взяла, что я такой мерзавец? — возмутился Льюис.

— Я же не знала, какой вы. Сейчас знаю. Вы обещаете ко мне не приставать?

— Обещаю, — нахмурился он, — но больше так не делай.

— Хорошо.

Льюис глубоко вздохнул и успокоился.

— Шарлотта, расскажи про свою брошь. Откуда ты знаешь, что именно ею тебя прокляли?

— Тот, кто это сделал, признался мне. Он хотел сделать меня чудовищем.

— Зачем?

— Это долгая история.

— Я готов слушать.

Шарлотта печально улыбнулась и начала свой рассказ.

Ее мать была доброй женщиной. Однажды, уже будучи глубоко беременной, она увидела маленькую фею, застрявшую в терновом кусте. Она освободила кроху, но маленькое платьице феи было изорвано в клочки, и она горько расплакалась. Мать Шарлотты была швеей и, достав иголку с ниткой, быстро все починила. Фея была так счастлива, что пообещала доброй женщине новый, удачный брак с богатым и любящим мужчиной: отец Шарлотты был человеком грубым, жестким и любил закладывать за воротник. Та отказалась: какой-никакой, а все же муж. Сама выбрала.

— Пусть лучше моя доченька родится и вырастет первой красавицей нашего города. Хочу, чтобы волосы у нее были золотые, а глаза — зеленые и яркие, как изумруды. Чтобы все знали, что она — не простушка какая, а самая настоящая принцесса! И чтобы жених у нее был красавец, достойный ее!

— Хорошо. Ее красота будет столь велика, что никто не сможет отвести от нее глаз. А любой мужчина, которого она полюбит, станет таким же красивым, как она сама. Но и тебя я не обделю: ты спасла меня и заслуживаешь счастья для себя, а не для других.

Отец Шарлотты бросил пить, а без выпивки оказался до того толковым работником, что вскоре разбогател. Выстроил новый просторный дом, избавил жену от нужды работать, нанял служанку, а потом кухарку и горничную. Он стал нежнее относиться к жене и души не чаял в дочери, считая ее своим талисманом. Соседи наперебой старались подружиться с их семьей.

Шарлотта росла в достатке. Мать наряжала ее как куколку и любила вместе с ней гулять по городу, ловя восхищенные и завистливые шепотки.

— Ты у меня принцесса, — говорила она, расчесывая золотые волосы дочери, — каждый мечтает быть рядом с тобой. Но выбирай не спеша: ты — лучшая и получишь самого лучшего жениха. А остальные пусть трудятся ради твоей улыбки. Эдакой красавице услужить — уже за счастье будет!

Мать и отец были людьми простыми и не слишком умными. Оба были уверены, что красота даст ей все, что нужно для счастья. Да и как могло быть иначе, когда об их дочери с придыханием говорил весь город? Когда ей дарили подарки просто так, чтобы улыбнулась?

Все любили их Шарлотту! Так что росла она балованной, самоуверенной и черствой девушкой. Когда-то она и правда могла болтать только о шляпках часами, перебивая и не слушая никого, кроме себя. Поклонники не переводились, но и надолго не задерживались. Ее это не волновало, пока она не влюбилась. Вначале один раз, потом другой. Оба возлюбленных в конце концов бросили ее, честно признавшись, что не могут долго ее выносить. И что Шарлотта умеет любить только себя, что было возмутительной ложью!

Ведь оба они похорошели от ее любви.

У Джеймса были кривые, желтоватые зубы. В остальном он был хорош, но стеснялся улыбаться. Его улыбка стала великолепной, благодаря любви Шарлотты. У Джонатана был крупный, кривой нос. Он превратился в гордый орлиный из-за чего его сравнивали с полководцами древности. Шарлотта любила их обоих и доказательства ее любви были у них на лице! Но они оба разбили ей сердце!

И вот однажды, когда она плакала над этой ужасной несправедливостью, к ней подошел человек и сказал, что поможет ей исправить ее главный недостаток. И тогда ни один мужчина больше никогда ее не бросит.

Увидев его лицо, Шарлотта завизжала. Такого уroda она не встречала никогда: весь перекошенный, горбатый, хромой, да еще и почти лысый, с жидким младенческим пушком и хохолком на голове. Она хотела прогнать его, но не удержалась и спросила:

— И какой же у меня главный недостаток?

— Глупость. Ты тупа, как пробка, девочка. В твоей голове свищет ветер. Даже не понимаешь, что окружающие не любят тебя, а хотят использовать. Двоим это удалось. Продолжишь быть глупой, и никто никогда не полюбит тебя по-настоящему.

Шарлотта рассердилась.

— Да как ты смеешь? Черт колченогий, уж тебя-то точно никто не полюбит! А меня обожает весь город!

— Тогда почему ты плачешь? Где твой принц, принцесса?

Шарлотта надулась. Хромой урод засмеялся.

— А вдруг приедет и так же тебя бросит, как другие? Не стоит ли подготовиться, чтобы не ударить в грязь лицом?

— Я не упаду в грязь, тем более лицом!

— Эх, принцесса, ты даже шуток не понимаешь. Стать бы тебе чуть поумнее, и принцы за тебя драться будут.

— А как мне стать умнее?

— Могу научить.

Шарлотта оглядела его и поморщилась. Страшный, как ночной кошмар, но так и быть, она потерпит его немного.

— Научи.

Горбун улыбнулся.

— А что ты мне за это дашь?

— Я? Тебе?

— А как же. Я на тебя буду тратить время и силы. Что я за это получу?

Шарлотта растерялась. Она привыкла, что люди стараются ей услужить просто так, безо всяких условий.

— А что тебе нужно?

— Молодец! Правильный вопрос. Мне, моя прекрасная принцесса, хочется перестать

быть уродцем. И ты можешь это для меня сделать. Ты ведь волшебное создание.

— Не могу. Красивыми становятся только мужчины, которых я люблю.

— Так полюби меня. Я дам тебе ум, а ты мне — красоту.

Шарлотта рассмеялась.

— Как же я тебя полюблю, если ты такой страшный?

— Поумнеешь — полюбишь. Ты поймешь, что люди любят не за внешность, а за то, что внутри. Поэтому тебя, красавица-пустышка, никто не любит, так же, как и меня. Но я сделаю тебя умницей, а ты меня — нормальным. И это будет сделка, которая осчастливит нас обоих. Согласна?

Шарлотта хихикнула и встряхнула золотыми волосами.

— Ладно! Но если не полюблю тебя, то выйду замуж за прекрасного принца, что за мной приедет.

— Договорились. А теперь позволь представиться: Фредерик Андерсен. Но студент зовут меня Рики с хохолком.

Он подергал себя за жидкую прядку на голове, и Шарлотта прыснула.

Рики преподавал в университете основы логики и этики. Прозвище было ласковым: студенты обожали его за острый ум, чувство юмора и умение найти правильный подход к каждому. Он взялся обучать Шарлотту в свободное от службы время. Он читал ей книги, рассказывал увлекательные истории и обсуждал, разбирая по косточкам все поступки персонажей. Спрашивал, как Шарлотта поступила бы на их месте. И — почему. Объяснял, что такое мораль и дружба, на чем держится любовь и как отличить ее от мимолетной страсти. Рассказал о Воронах и Рыцарях: Шарлотта была так зациклена на себе, что не замечала ничего творящегося в городе. Устраивал маленькие экзамены: как-то, например, взялся водить ее по городу, и горожане изумленно пялились на них. Это было так неприятно и стыдно, что на середине прогулки она сбежала, бросив его. Все ее знакомые потом спрашивали Шарлотту зачем она вообще подала руку такому страшилищу. Но и эту ситуацию они подробно обсудили с Рики. После нее Шарлотта впервые задумалась, как живется людям, не родившимся с ее красотой. И как Рики вообще смирился со своим уродством. Он не жалел себя, не боялся выходить к людям, не обращал внимания на чужие насмешки и нескрываемое отвращение. А ведь под этой противной оболочкой скрывался самый интересный человек в ее жизни. Остроумный, веселый, понимающий. Учитель от бога. Каждый экзамен, устроенный Рики, делал Шарлотту мудрее, человечнее, отзывчивее. Каждый вечер, проведенный в его обществе, стоил десятка прогулок под луной и сотни подарков, что складывали к ее ногам другие мужчины.

Лучшего друга нельзя было и желать.

Но полюбить его Шарлотта так и не смогла. Она больше не брезговала гулять с ним под руку, могла обнять, но одна мысль о поцелуе с ним вызывала у нее тошноту. Она понимала, что Рики был достоин ее любви, что с ним она была бы счастлива, а его уродство исчезло бы, но не могла пересилить себя. Каждый вечер Шарлотта молила бога, чтобы ее волшебство расколдовало его, чтобы ее новый ум заставил глупое сердце полюбить его, но все было тщетно. Рики был лучшим мужчиной в ее жизни, но абсолютно нежеланным.

А потом она познакомилась с Гансом.

Ганс был стражником: красивым, ловким, сильным. Он не читал умных книг, но готов был на все, лишь бы увидеть ее, добиться, впечатлить. Когда он целовал ее ладонь Шарлотта таяла, как масло на солнце. Ганс переносил ее на руках через лужи и пел серенады под

окнами. Отец беззлобно гонял его, мать посмеивалась, а Шарлотта высовывалась из окна второго этажа, свешивала волосы и дразнила, требуя, чтобы Ганс допрыгнул до них. Однажды ему удалось вскарабкаться по стене, и он влюблено поцеловал кончик золотой пряжи, глядя на Шарлотту снизу вверх. И позвал замуж.

Она согласилась мгновенно. Глупое сердце не слушало разум. Ей больше не нужны были принцы, а Гансу нужна была она сама, а не ее волшебство. Родители, глядя на их счастливые лица, полностью одобрили брак.

Рики кричал на нее больше часа. Поливал отборной бранью, покрывая такими словами, которых Шарлотта никогда не слышала.

— Лживая шлюха! Столько лет на тебя потратил, и все впустую! Обхаживал, учил, объяснял, а ты все равно выбрала какого-то тупого самца! Зачем я тебе мозги развивал, дура?! Чтобы ты ими не пользовалась?!

— Прости, Рики, — плакала Шарлотта, — я не могу тебя полюбить, просто не могу! Ты слишком страшный! Замечательный, умный, но страшный! Мы можем остаться друзьями, я всегда буду тебя поддерживать и...

— Друзьями?! Да нет у тебя друзей, идиотка, и никогда не будет! Всем нужно только твоё тело, ни один мужчина на твои мозги даже не посмотрит!

Шарлотта убежала. Она чувствовала себя подлой и грязной, но ничего не могла с собой поделать. Ей было жаль Рики, но жалость не превратилась в любовь.

Она мучилась виной перед ним, но за три дня до свадьбы Рики прислал ей длинное письмо с извинениями. И прекрасную серебряную брошь, идеально подходящую к свадебному платью.

«Она светлая, как твоя душа. Прошу, носи ее, если не побрезгуешь подарком старого друга».

Шарлотта растаяла и пригласила Рики на свадьбу, но он не пришел. Конечно же, она надела его подарок. А наутро, после брачной ночи, с удивлением увидела, что брошь почернела.

Потом начали чернеть ее волосы.

Родители были в ужасе. Шарлотта все время плакала и пыталась закрасить черноту, но ничего не выходило. Ганс молча убегал на службу. Однажды днем ее зашел навестить Рики. Посмотрел на черные волосы, на бледное, заплаканное лицо и сыто, гадко заулыбался:

— Что, принцесса, превратилась в чудовище? Скоро сожрешь муженька?

— Как ты можешь над этим шутить? Господи, за что мне все это?

— Как за что? Я же написал, что брошь будет светлой, как твоя душа. Вот она какая на самом деле. Дурная ты девица. Злая и неблагодарная.

Шарлотта заплакала. Но внезапно остановилась.

— А откуда тебе знать, что она почернела? И почему ты не удивлен, что я — Воронесса?

— Брошка-то проклятая. Видал я такие в городе. Кто их носит, всегда Вороном становится.

— Но как же ты мог мне ее послать?! Неужели из мести? А как же совесть, честь, доброта, которым ты меня учил?

— Ты ко мне доброй не была, обманщица, — отрезал Рики, — никогда не понимала, каково мне жить таким! Как в зеркало смотреть и ненавидеть то, что видишь! Ничего, теперь поймешь. От такого чудовища, как ты, и родители сбегут, и муж. Один я останусь. Я тебя

простил, Шарлотта. Спрячу, кормить буду. И ты меня полюбишь, потому что больше тебе любить будет некого.

Шарлотта стиснула кулаки. Ее затопила волна гнева.

— Это ты — лжец! Я тебе сразу сказала, что не смогу полюбить! Пусть лучше меня Принц и Рыцари убьют, чем с тобой жить! Убирайся отсюда, ничтожный уродец!

Рики перекосило.

— Ничего, поглядим, как ты позже запоешь! За каждое слово мне ответишь!

Он ушел, а Шарлотта впервые испытала испепеляющее чувство ненависти. И как она не разглядела его злобу раньше? Почему повелась на сладкие речи? Всю жизнь ей разрушил, злодей!

Тем же вечером Ганс предложил ей уехать из города. Но городские ворота не выпустили ее, даже когда он нес ее на руках. Попытались перебраться через стену, тоже не вышло.

— Справимся, выстоим, — твердил Ганс, — не отдам я тебя Воронам! Защищу мою златовласку. Придумаю, что-нибудь. Не плачь, все будет хорошо, сокровище мое.

Справившись с потрясением, он взялся действовать. Бросать и не думал, как и мама с папой. Кормили Шарлотту по очереди, но что делать с ее сидением дома? Это же первейший признак проклятия, скоро Принц и Рыцари нагрянут. Как уберечься от смерти?

Однажды радостный Ганс притащил ей светлый парик.

— Надевай и ходи в нем!

Парик был ужасен. Волосы — пакля, цвет бледный, разве что длина совпадала. Шарлотта с отвращением спрятала под него свои чудесные, мягкие волосы.

Уродство.

В дверь постучали и Ганс пошел открывать. Шарлотта прислушалась.

Голоса. Мужские, резкие. Несколько.

— Нам нужна госпожа Шарлотта Нойманн. Пусть выйдет сюда.

— Вы не имеете права вот так врывать в наш дом! Я — стражник!

— Стража подчиняется Прекрасному Принцу. Приказ наместника. Альберт, Йохан, держите его. Я поищу ее.

Раздался шум борьбы. Шарлотта бросилась туда.

— Стойте! Я — та, кого вы ищете! Не трогайте Ганса, пожалуйста!

Рыцари обернулись к ней. Разглядывали ее около минуты.

— Мы обыщем дом. Йохан останься. Альберт, за мной.

Шарлотта и Ганс взялись за руки и нервно слушали, как хлопают двери, отодвигаются шкафы и кровать. Наконец, обыск был завершен.

— Приносим свои извинения, — спокойно сказал старший из Рыцарей, Рутгер Янг. Шарлотта несколько раз видела его в городе. — Произошла ошибка. Нам сказали, что хозяйка дома была сожрана Воронессой.

— Кто сказал?

— Ваш друг, Фредерик Андерсен. Он волновался, что вы давно не выходите из дома и не зовете гостей.

— У меня медовый месяц, — прошипела Шарлотта, — я хочу быть только с мужем.

— Понятно. Хорошего вам вечера.

Рыцари ушли. Ганс обнял ее и поцеловал.

— Вот и все. Мы выстояли, солнышко мое! Больше они к нам не придут.

Парик продержался неделю, а после — моментально почернел. Ганс, мама и папа

постоянно покупали ей новые. Шарлотта маскировала их шляпками, платками, крупными украшениями, но знакомые все равно заметили, как «подурнели ее волосы». Свои родные Шарлотта отстригла под корень, чтобы удобнее было носить парики. Она плакала, глядя, как они падают на пол, но выбора у нее не было: не вовремя выскользнувшая прядь могла погубить ее. Ганс все равно любил ее и баловал подарками, пытаясь развеселить. Ей пришлось выходить из дома, чтобы больше не вызывать подозрений, но Шарлотта казалась себе уродиной и не поднимала глаз от земли. Была и другая причина не смотреть по сторонам: теперь Шарлотта видела огромный, черный замок, появившийся в городе. Каждый раз, как она смотрела на него, кто-то словно подталкивал ее в спину: иди. Там твое место. Вороны ждут тебя. Родители и Ганс замка не видели.

Подруги, заходя в гости, спрашивали, не бьет ли ее Ганс. Шарлотта была несчастна, и потухшие глаза не удавалось скрыть даже самым умелым макияжем.

Пару раз она встречала в городе Рики и презрительно проходила мимо, не здороваясь. Он обучил ее достаточно хорошо, чтобы она наконец поняла: Рики оказался расчетливым мерзавцем, и никакие таланты не делали его добрее или порядочнее. Он с самого начала пытался использовать ее, а когда не вышло — обозлился.

Ум и сердце все-таки были разными вещами.

А потом в ее дом снова пришли Рыцари, вместе с Принцем Ричардом, и Ганс погиб давая ей возможность сбежать.

Льюис удивился.

— Но почему? Они ведь уже видели тебя.

— Должно быть, Рики смог объяснить им, что я ношу парики. Может, Рыцари проследили за родителями и заметили, что те постоянно их покупают.

— С ними все в порядке?

— Да. Мы с Гансом жили отдельно. Родители, конечно, сильно горевали, когда я пропала, а он погиб. Отец даже решился спросить Принца Ричарда о моей судьбе. Узнал, что я сбежала, и рассказал маме. Это их немного успокоило. Недавно я осмелилась их навестить. У меня, оказывается, младший брат родился. Маленький, смешной такой. Они дали мне его понянчить немного. Мама потребовала, чтобы я пересказала ей все о трех годах жизни в убежище. Я рассказала об осенней уборке и прочих ваших выдумках. Не говорить же о том, как я охотилась на людей и боялась выйти за ограду?

Льюис ощутил, как его накрывает сочувствием к Шарлотте. Неудивительно, что она опасалась мужчин и их желаний. Один из них сломал ей жизнь.

— Неужели этому мерзавцу все так и сошло с рук? Хотя, знаешь, у нас основы логики и этики вел другой преподаватель. О Фредерике Андерсене я даже не слышал.

Шарлотта улыбнулась. В ее зеленых глазах появилось что-то жуткое, стылое, как грязный весенний лед в Рейнпорте.

— Рики так старался сделать из меня чудовище, что у него получилось. Учитель от бога, что вы хотите. Он отчего-то думал, что право на месть есть только у него, оскорбленного и обманутого. Что ж, в некотором роде это и не было мезью. Это был ужин.

— Ужин? — медленно переспросил Льюис.

— На который я пригласила своих новых друзей. Рейвен часто использовал меня как

приманку. Красивая девушка одиноко бредет поздней ночью по небезопасному кварталу. Конечно, за ней кто-нибудь да увяжется. Однажды, глядя на очередное остывающее тело, я спросила Рейвена, почему Вороны не нападают на дома. Он ответил, что это долго, неудобно и нет гарантий, что хозяева дома. Соседи могут услышать и позвать Рыцарей. Тогда я предложила посетить один подходящий дом: стоит на отшибе, хозяин всегда рано ложится спать, а запасной ключ хранит в горшке с уличным цветком. Попросила только позвать побольше Воронов. И разбудить Рики, чтобы он видел и понимал, что с ним делают. Я взяла в руку свечу, чтобы он мог меня разглядеть. Как он перепугался! Все умолял меня, чтобы я остановила остальных, каялся, клялся исправиться, твердил, что я добрая и так с ним не поступлю... а Вороны ели. Я хотела сказать ему напоследок что-нибудь остроумное, подобное той фразе про мою душу, но это было бы слишком похоже на него, понимаете? Так что я просто молча держала свечу и смотрела, как Рики умирает.

Льюис рвано вздохнул.

Жестоко. Что там говорил Сольвейн? Что в Шарлотте есть что-то страшное, но это трудно объяснить. Она отняла чужую жизнь, сознательно, из мести. Но может ли он осуждать ее? Рики не получил бы наказания за свой поступок, если бы она не взяла дело в свои руки.

— Рейвен не спросил тебя, зачем все это нужно?

— Он спросил, почему я отказалась есть со всеми. Пытался меня заставить, но я уперлась и не стала. Побрезговала. В убежище мы поссорились, и я все ему рассказала. Он хмыкнул и сказал, что я поступила правильно, он бы тоже разобрался с ублюдком, но это не повод отказываться от еды. И что я — самое красивое чудовище на всем белом свете. А однажды стану еще красивее: у меня будут черные когти и крылья, на которых я буду летать в небесах, как птица. Не обманул. Люблю мужчин, которые не болтают попусту.

Шарлотта выпустила когти, полюбовалась ими и довольно улыбнулась.

— Я снова красива, правда ведь, повелитель?

— Правда, — признал Льюис, — ты его любишь?

— Если бы я любила Рейвена, вы бы ослепли от его красоты. Мне нужен был любовник, которого не убьют и которому не нужна моя любовь. Он мне нравится. Нам хорошо вместе, и этого достаточно. Мы оба чудовища, для которых убийства — привычная часть жизни. Не смотрите на меня так. Вороны приносят смерть и это естественно.

— Нет, — твердо возразил Льюис, — Шарлотта, я понимаю, что тебе пришлось пережить ужасные вещи, как и многим здесь. Но больше Вороны никого убивать не будут. Ты ведь одна из первых отказалась нападать на людей. Ты не хочешь делать им больно, если можно питаться по-другому.

— Так и они мне ничего не сделали. Мне нравится, когда все происходит по взаимному согласию.

— Можешь отдать мне свою брошь? Я хочу разобраться в проклятии.

Шарлотта поколебалась, но сняла ее.

— Держите.

— Зачем ты ее вообще носишь?

— Затем, чтобы не забывать, кто я и чем заплатила за свою доверчивость.

Дверь в гостиную распахнулась, и вошел Рейвен. Огляделся.

— Повелитель, что-то случилось? Шарлотта что-то натворила?

— Нет. Мы просто разговариваем.

— Вы даете ей какое-то задание? Я могу его выполнить.

— Нет, спасибо. Твоя помощь не требуется.

Шарлотта хихикнула и послала ему воздушный поцелуй.

— Не ревнуй. Мы ничего неприличного не делаем.

Рейвен фыркнул, бросил на нее насмешливый взгляд и ушел.

Льюис рассматривал брошь.

— На самом деле у меня будет для тебя задание, Шарлотта. Узнай, пожалуйста, у каждого Ворона в убежище, есть ли у них подобная вещь из почерневшего серебра. Только осторожно и не рассказывая о проклятии. Сможешь?

— Легко, повелитель. Я могу идти?

— Иди.

Шарлотта выпорхнула из кресла. Проходя мимо, неожиданно наклонилась и поцеловала Льюиса в щеку.

— Спасибо, что убили Белую Мразь, повелитель. Это он отнял жизнь Ганса. Он заслужил смерть.

— Шарлотта, обещай мне больше никого не убивать.

— Обещаю, — она нежно улыбнулась и оставила его одного.

«Надо было уточнить условия, — обеспокоенно подумал Льюис, — если в следующий раз она снова попросит Рейвена, то формально ничего не нарушит. А он даже не задумается зачем ей это нужно. И что мне с ними обоими делать?».

Глава 13. Проклятое серебро

Догадка Льюиса подтвердилась: каждый Ворон имел когда-то серебряную вещицу, резко почерневшую примерно в то же время, что начали чернеть их волосы. Сольвейн принес ему дешевое кольцо с крупным поделочным камнем.

— Раньше оно выглядело благородно, а стоило пару медяков. Я купил его у старьевщика. Мама сказала, что я дурачок: кольцо наверняка краденное. Я решил, что если объявится хозяин, то обязательно отдам, а пока поношу сам. Думаешь, оно проклято?

— Почти уверен.

Льюис все ему рассказал и взял в помощники. Пока Шарлотта вела расспросы среди Воронов, Сольвейн отправился в библиотеку, читать о проклятиях. Льюис же составил список проклятых вещей и обстоятельств, при которых люди их получали. Во всех случаях вещи были мелкие и часто используемые: гребень, заколка, пряжка для ремня. Что-то недорогое, но прилично выглядящее, купленное случайно, полученное в дар или найденное на улице. Все вещи просто темнели, но не менялись так же, как монета Льюиса.

— Может, дело в том, что ты — Великий Ворон? — предположил Сольвейн. — Твое проклятье отличается от нашего. Вот и сработало по-другому.

— Но почему именно монета? Она же должна была пройти через десятки рук, но почернела именно в моих, причем за пару секунд. У остальных Воронов вещи чернели не раньше чем через несколько часов, а то и дней.

— На монетах чеканят профиль королей. Это все, что мне сейчас пришло в голову.

Льюис постучал пальцами по столу.

— Я почитаю, что Элдрик писал о проклятии. Но мне нужно получить эти вещи. Будет очень странно, если я выкуплю их у Воронов?

Сольвейн подумал и кивнул.

— Да. Это привлечет внимание. Платить золотом за серебро? Это всколыхнет интерес. Если прикажешь их отдать, и то будет лучше.

— Но они же спросят зачем?

Шарлотта, молчаливо слушавшая их разговор, тихо хихикнула.

— Вы делаете проблему из ничего. Я достану проклятые вещи, повелитель. Но что вы с ними собираетесь делать?

— Изучать проклятье.

— Для чего?

— Для того чтобы его снять.

Шарлотта ахнула. Сольвейн открыл рот от изумления.

— А ты сможешь?

— В книгах, что ты мне пересказывал, почти всегда есть условие для снятия, — заметил Льюис, — это ведь магия, а магию можно развеять. Для этого нам может понадобится какой-нибудь волшебный артефакт или уничтожение источника проклятия. Мне кажется, оно связывает Ворона с полученной им вещью, поэтому я хочу собрать и сохранить их. Но я не желаю, чтобы кто-то об этом узнал, особенно другие Вороны. Поэтому прошу вас никому не рассказывать, чем мы занимаемся.

— Почему? — спросил Сольвейн.

Льюис грустно взглянул на него.

— Вы оба смотрите на меня с такой надеждой, словно я могу снять его щелчком пальцев. А я даже не маг. Это может занять очень много времени и закончиться ничем. Если я дам Воронам надежду, а потом отниму ее, они меня возненавидят.

Все замолчали.

Наконец Шарлотта, нарушила тишину:

— Вы правы, повелитель. Лучше сохранить это в тайне. Я никому не скажу.

— И я!

— Спасибо вам.

И все-таки Льюис находился в приподнятом настроении. Несмотря на трудности, он увидел выход из лабиринта. Если удастся снять проклятье с каждого Ворона, то и Прекрасного Принца больше не будет: ему не с кем станет сражаться. Его не придется убивать. Если Льюис успеет за семь лет — он спасен. Они все будут спасены.

Он углубился в записи Элдрика, но не нашел ничего подобного своим мыслям. Похоже, Элдрик даже не задумывался о такой возможности.

Что ж, значит, больше подсказок не будет. Дальше придется действовать самому.

Шарлотта добыла проклятое серебро с непринужденным изяществом: она рассказала Воронам, что Льюис увел ее с танцев, чтобы обсудить ее брошь. Оказывается, повелитель очень любит потемневшее серебро и собирает его. Один намек, и Шарлотта подарила брошку, а Великий Ворон обрадовался и был очень доволен ею. И спросил, нет ли у нее еще таких.

Вороны тоже поняли намек.

К Льюису потянулась цепочка подданных, желающих засвидетельствовать свое почтение мелким подарком. Льюис искренне всех благодарил и тепло улыбался. Парочке новичков Шарлотта рассказала об этом, как об уже существующей традиции. Некоторые страшно переживали, что оставили серебро дома и спрашивали разрешения вернуться за ним. Льюис разрешил, и уже через пару недель у него было собрано все, за исключением одной вещи.

Принадлежащей Рейвену.

Намеки и откровенные разговоры Шарлотты на него не подействовали. Выразить почтение он не хотел, заявив, что в его верности не может быть сомнений. Сольвейн попытался расспросить его о вещи, но наткнулся на агрессивный отпор и капитулировал. Выходит, решать проблему предстояло Льюису.

Он подготовился к разговору и вызвал Рейвена к себе.

Едва взглянув на него, Льюис понял, что будет сложно. Тот явно был не в духе.

— Рейвен, я с некоторых пор собираю потемневшее серебро. Не мог бы ты подарить мне то, что есть у тебя?

— Это приказ?

— Нет. Просьба.

— Зачем оно тебе?

— Есть причины.

— Какие?

— Это мое дело.

— Тогда не дам.

Рейвен непримиримо скрестил руки на груди.

Льюис вздохнул.

— Эта вещь тебе дорога, как память?

— Нет.

— Быть может, я могу ее у тебя выкупить?

Серые глаза Рейвена насмешливо блеснули.

— Обменяй.

— На что?

— На правду. Что, черт возьми, здесь происходит? Я спрашивал Шарлотту, но она не говорит мне. Вы с ней и Сольвейном что-то задумали. Я трижды спрашивал и предлагал свою помощь, но ты говорил, что она не требуется. Я плохо тебе служил, раз мне нет доверия?

До Льюиса дошло.

— Ты что, обиделся?

— Я не люблю, когда не понимаю, что происходит. Раньше ты доверял мне, сейчас нет. Что я сделал не так? Что вы затеяли, о чем мне знать не положено?

Льюис замялся. Он не то чтобы не доверял Рейвену, но не хотел, чтобы его в очередной раз высмеяли. Он был уверен, что Рейвен его не поймет и привычно обзовет задумку полной чушью.

— Я расскажу, но ты должен будешь сохранить все в секрете. Знаем только я, Сольвейн и Шарлотта.

— Понял.

— И если ты засмеешься, я отправлю тебя отмывать весь замок, от темниц до угловых башен!

Рейвен сощурился.

— Это опять какие-то странные фантазии?

— Мои прошлые «фантазии» прекрасно работают, — огрызнулся Льюис, — все убежище питается в парках!

— Хорошо. Если засмеюсь, ты меня накажешь. Говори уже.

И Льюис рассказал.

Лицо Рейвена стало задумчивым. Затем посветлело.

— Повелитель, это же отличная идея! С чего ты взял, что я буду смеяться над ней?

— Да? Ты правда так думаешь?

— Конечно! Взять власть над проклятьем — это очень полезно! Мы сможем выбирать будущих Воронов! Будем проклинать боеспособных мужчин, из них я соберу тебе такую армию, что охота на Принца пройдет как по маслу! Выходит, нужно просто подкинуть проклятую вещь подходящему человеку?

Льюис содрогнулся.

— Нет! Никого я проклинать не буду, наоборот! Я хочу вас всех расколдовать и превратить обратно в людей!

— Но тогда Принц и Рыцари нас легко уничтожат!

— Им это не потребуется, вы же больше не будете угрозой горожанам. Будете жить нормальной жизнью, как раньше. И питаться обычной едой.

Рейвен ошеломленно уставился на него.

— И ты можешь это сделать? Прямо сейчас?

— Сейчас не могу. Я не знаю как.

Рейвен шумно выдохнул. На его лице появилось заметное облегчение.

— Тогда что вы с Шарлоттой и Сольвейном делаете?

— Изучаем проклятье и собираем заколдованное серебро. Полагаю, ты не захочешь в этом участвовать?

Рейвен помолчал.

— Захочу. Скажи, что надо делать, и я сделаю.

— Но мы не будем никого проклинать им, — предупредил Льюис.

Рейвен дернул плечом.

— Как скажешь. У нас есть время собрать бойцов и так. Но я ничем не хуже Шарлотты и Сольвейна. Ты говорил, что я нужен тебе. Что я — самый полезный Ворон в твоём окружении.

— Разумеется.

— Значит, поручи мне то же, что и им.

Льюис наконец понял, где допустил ошибку. Рейвен не претендовал на власть, но он привык быть правой рукой для него и кем-то особенным для Элдрика. Первый среди равных, верный слуга Великого Ворона. Отвержение больно ударило по его самолюбию.

Льюис улыбнулся ему.

— Ты прав. Без тебя мы точно не справимся.

Рейвен смягчился.

— Я готов выполнять любые приказы, повелитель.

— Пока что мне нужна только твоя проклятая вещь. Отдашь мне ее?

Рейвен отвел взгляд и подергал себя за кончик косы.

— Отдал бы, но не могу. У меня ее нет.

— А где она и что это было?

— Нож с серебряной рукоятью. Я потерял его двадцать лет назад, когда был ребенком.

Льюис закусил губу.

— И ты даже примерно не помнишь где именно?

— Почему, помню. Последний раз я видел его в руках Рыцаря, Рутгера Янга. Но что он с ним сделал — не знаю. А спросить мы уже не сможем.

Сделки между горожанами и Воронами становились привычной частью жизни города. В ночных парках стало появляться больше добровольцев: теперь среди них можно было увидеть не только нищих и «жриц любви», но и обычных людей, которым нужны были деньги. Иногда их было даже больше, чем Воронов, и золото доставалось не всем. Выбор был за Воронами, люди напряженно ждали, когда к ним подойдут. Однажды Льюис встретил там одного из своих бывших преподавателей и решился поговорить с ним. Тот был изумлен, но затем обрадовался:

— А я-то подумал, тебя съели. Так расстраивался, ты ведь был очень способным студентом. И вдруг исчез. Ты сможешь мне со всем этим? Мне, правда, очень нужны деньги.

— Конечно, помогу. Давайте присядем вон на ту скамейку. Не бойтесь. А зачем вам нужны деньги, господин Ларге?

Тот тяжело вздохнул.

— В карты проигрался в пух и прах. Не отдам деньги, меня изобьют.

Льюис покачал головой.

— Что ж, теперь вы сможете закрыть долг.

— Если бы! Я много должен. Скажи, а могу я и дальше приходить именно к тебе? Уж ты-то меня точно не съешь, ты — порядочный парень. Или ты хочешь жизненную силу у девушек брать? Я тут видел одного Ворона, он вечно красавиц выбирает, кланяется им, руки целует, ну чисто кавалер на танцах! Потом стихи им читает на весь парк.

Льюис рассмеялся.

— Я знаю о ком вы. Мне все равно, главное, чтобы вам было не страшно. Тогда приходите каждый четверг, я буду здесь. Могу я попросить вас об ответной услуге?

— Конечно! Только если это никому не повредит, — спохватился господин Ларге.

— Мне нужен план учебной программы и список книг моего бывшего факультета. Хочу продолжить обучение самостоятельно.

— Тягу к знаниям ничем не убить? Достоинство уважения. Это будет непросто, но я постараюсь.

— Благодарю вас.

Свободного времени у Льюиса было более чем достаточно, и он решил не тратить его зря. Записи Элдрика он изучил полностью, книгам по медицине уделял около двух часов в день, а изучение проклятья хоть и очень вдохновляло его, но продвигалось медленно. Если ему удастся расколдоваться, то он обязательно вернется в университет, и нельзя к тому времени забыть все, что он уже изучил.

Он продолжал навещать госпожу Солону, но больше не приходил с пустыми руками: денег в сокровищнице было много, их хватало на мелкие презенты ей, покупку качественных перьев, бумаги и чернил для самого Льюиса, а однажды к нему обратился смущенный Сольвейн с просьбой помочь:

— У меня девушка появилась! Мы с ней познакомились в парке, она — добровольная жертва, но пришла не за деньгами, а за ощущениями. Джейн — писательница и ищет вдохновения. Она совершенно меня не боится, говорит, я — ее муза. А я не могу даже угостить ее сладостями или подарить цветы, потому что у меня нет денег! Льюис, будь другом, выдай мне немного из сокровищницы! Если Джейн сочтет меня скрягой, я этого не перенесу!

— Ладно, — рассмеялся Льюис, — ты много трудился и заслужил жалованье. Только остальным Воронам не говори, а то ко мне все убежище придет с протянутой рукой.

— Буду нем, как могила, — пообещал тот, — огромное спасибо!

Вечера Льюис теперь проводил в компании троих приближенных подданных, обсуждая как проклятье, так и дела в убежище или городе. Иногда это превращалось в простые посиделки: Сольвейн рассказывал о своей девушке, Шарлотта давала советы, а Рейвен дремал в кресле, прикрыв глаза и не вступая в разговор, пока Льюис не начинал обсуждение чего-то серьезного или не обращался лично к нему. В последнее время он часто выглядел сонным.

— У тебя все в порядке? Ты плохо спишь?

— Нет, повелитель. Все нормально. Ты собрал проклятое серебро и прочитал книги о проклятиях. Что дальше будем делать?

— Дальше надо понять, откуда оно берется в городе. Рейвен, сколько Воронов появляется в убежище ежегодно?

— Пятнадцать во Время Воронов, десять во Время Рыцарей и около пяти — во Время

Принца.

— Около пяти? Первые два числа ты назвал точно.

— Не все добирались до убежища живыми, пока Белая Мразь со своей шайкой ходили по домам.

Повисла тишина. Лицо Шарлотты окаменело. Сольвейн закусил губу.

— Что такое Время Рыцарей? — спросил Льюис, меняя мрачную тему.

— Это когда живы и Великий Ворон, и Прекрасный Принц.

— Почему же это называется Временем Рыцарей?

— Я знаю! — оживился Сольвейн. — Потому что без Рыцарей не наступит Время Принца! Пока Прекрасный Принц не соберет отряд из трех смелых горожан, последней битвы с Великим Вороном не случится!

— Брехня, — обронил Рейвен.

— Я тоже слышала, что без Рыцарей Прекрасному Принцу не одолеть Великого Ворона, — заметила Шарлотта.

— Глупые суеверия. Горожане чего только не выдумают. Рыцари — пешки, которых Прекрасный Принц постоянно скармливал нам, прикрывая свою шкуру. Они выигрывали ему время, только и всего. Чтобы отрубить беспомощному врагу голову, помощь Рыцарей не нужна.

Льюис вздрогнул и поежился. Изменилось бы что-то, приди за ним Принц Ричард в одиночку? Вряд ли. Он все равно был сильнее всех, кто там находился, и погиб исключительно из-за собственной самоуверенности.

— Почему же, по-твоему, этот период зовется Временем Рыцарей, Рейвен?

— Не знаю. Но Рыцари заменимы и даже могут перестать ими быть. Рутгер Янг — единственный, кто продержался возле Белой Мрази от начала и до конца. Большую часть Рыцарей убили, один заболел и умер во Время Принца, еще один уехал из города после смерти Элдрика.

Льюис постучал пальцами по подлокотнику кресла.

— Время Воронов длится уже семь месяцев. Сколько у нас новичков?

— Девять.

— Значит, в городе сейчас должно быть шесть проклятых вещей. Я хочу найти их. Будем искать по лавкам, старьевщикам и просто на улицах. Выкупайте их, я выделю каждому денег из сокровищницы.

— Но это же все равно, что искать иголку в стоге сена! Каковы шансы, что мы их найдем? — обескуражено спросил Сольвейн.

— Неважно. Каждая найденная вещь спасет человека от превращения в Ворона. Если я прав, то это — способ остановить проклятие.

— А если нет? — спросил Рейвен, не сводя с него испытующего взгляда. — Если серебро просто испортилось от нашей тьмы, выдавая в нас Воронов? Как те птицы, что привлекли внимание к твоему дому или наши почерневшие волосы? Тогда ты заблуждаешься и гонишься за собственной выдумкой.

Льюис нахмурился.

— Но у каждого Ворона есть такая вещь. Это не совпадение.

— Серебра в городе много. Оно красиво смотрится, и из него делают почти все.

— Почему ты считаешь, что я не прав? У тебя есть нормальные аргументы против моей теории?

— Все в городе знают, что Вороны становятся из-за дурных дел или характера. Так было и так будет. Не обижайся, повелитель, но мне кажется, ты просто не хочешь смириться с проклятием. Все Вороны поначалу ищут выход, страшась будущего и своей новой сути. Я помню, как Эдрик говорил со мной об этом: «Надежда на чудо дурманит разум. Но проклятие Воронов необратимо. Его не снять ни магией, ни верой, ни молитвами. Не позволяй пустым мечтам сломать тебя».

Рейвен замолчал и серьезно взглянул на Льюиса.

— Что будет, если ты ошибаешься? Это ломает тебя, повелитель?

Льюис закусил губу. Ему захотелось заткнуть уши и выгнать Рейвена из комнаты, но он подавил этот порыв. Вопрос был разумным. Что если он не прав насчет «проклятого серебра»? Подгоняет удобные факты под свою веру в спасение? А никакого спасения нет, и он зря обнадежил Сольвейна и Шарлотту?

— Не ломает. Но я должен проверить эту теорию. Я не отступлюсь, даже если ошибался. И не успокоюсь, пока не узнаю правильный ответ.

Рейвен коротко кивнул.

— Я тебя понял. Чем быстрее мы это сделаем, тем меньше ты будешь расстроен результатом. Если хочешь знать точно, то нужно найти «проклятую вещь» прежде чем она почернеет и подбросить ее кому-нибудь. Если он станет Вороном, то ты оказался прав. Если нет — ошибся.

Простое и быстрое решение. Неоспоримый аргумент в его пользу.

Полностью ломающий чью-то жизнь.

— Мы не будем их никому подбрасывать, — отрезал Льюис, — просто посчитаем. Если до конца года Воронов будет меньше на количество собранных вещей, значит, источник проклятия найден. И мы сможем остановить его распространение по городу. Если кто-то не хочет этим заниматься, то лучше скажите сейчас. Я никого не заставляю. Пойду искать сам.

— Я с тобой, — тихо ответил Сольвейн, — если уж убивать надежду, то собственноручно.

— Люблю ходить по лавкам, — хмыкнула Шарлотта, — и выбирать безделушки. Не вижу причины отказываться от этого.

Льюис выразительно взглянул на Рейвена, но наткнулся на совершенно спокойный взгляд в ответ.

— Я найду то, что тебе нужно, повелитель. И ты успокоишься. Быть Великим Вороном — твоя судьба. Я помогу тебе принять ее и жить счастливо.

Глава 14. Ворон и стражник

Рейвен рассекал воздух крыльями, как ночная птица, вылетевшая на охоту. Наслаждение от полета немного рассеивало его раздражение, но полностью отдалиться этому чувству он не мог: внимательно разглядывал городские улицы.

И снова увидел того, кого искал.

— Да когда же ты уймешься, скотина?! — с ненавистью выдохнул он, приземляясь перед ним. — Сколько тебя нужно бить, чтобы в твоей пустой башке хоть что-то появилось?!

Нил Янг рассмеялся ему в лицо и выхватил меч:

— Утомился, стервятник? Не нравится, когда тебя не боятся?

— Я тебе сейчас все пальцы переломаяю и зубы в глотку вобью!

— Смотри, как бы тебя самого не ощипали, петух бойцовский!

Рейвен зарычал.

Ночные драки с этим полоумным самоубийцей изрядно его достали. Некоторые Вороны все еще питались вне парков: относили золото родным или из азарта пытались уговорить ночных гуляк (бойцы делали это на спор, после подначек Шарлотты, меряясь числом добровольцев). А тут это рыцарское отродье шляется! Не хватало еще, чтобы кого-то убил! Сколько Рейвен его ни «вразумлял» — ни черта не слушается!

Дядин наследничек.

Драка кипела бешеная, подкрепляемая взаимной ненавистью и злостью. Силы были примерно равны, и победу Рейвену всегда приносило чернильное пламя, по чему Нил Янг не стеснялся проходиться:

— Как назвать труса, прячущегося за своей магией? Думаю, скоро их будут звать «рейвенами».

— На себя посмотри, кусок беспомощного дерьма! На кой ты снова притащился за взбучкой? Сдохнуть хочешь?

— Нет, тебя убить. А ты что такой добренький? Почему не убил меня до сих пор?

— Не наигрался еще с тобой! Надоест — сожру и шкуру выплюну!

Чертова засранца на этом свете держал только запрет Льюиса на его убийство. Из-за этого Рейвену приходилось сдерживаться, хотя будь его воля — зубами глотку бы вырвал! Но говорить об этом было нельзя: узнает о своей безнаказанности, совсем вразнос пойдет. Так как же его выгнать из города? Дом ему сжечь? Ерунда, найдет новый. Был бы здесь хоть кто-то для него важный, можно было бы похитить, но Нил Янг — одиночка, а единственного его родственника Рейвен уже убил. Даже друзей нет у паршивца, не за что зацепиться. Оставалось только лупить в надежде, что однажды тот сдастся.

И издеваться, когда упертый баран, продолжал свои расспросы о смерти Рутгера Янга.

— Кто убил его? Ты? Или кто-то из твоих дружков?

— Любой Ворон на это способен.

— Ты-то явно не смог. В штаны бы напрудил, если бы хозяин велел к нему подойти, — презрительно усмехнулся Нил Янг, — так что же, Великому Ворону самому пришлось избавляться от Рыцарей, пока вы скулили и целовали ему пятки?

— Наш повелитель умен, — Рейвен оскалился. Будет этот щенок его провоцировать, ха! Его жалкие попытки видны, как на ладони. — Он знает, как очистить город от всякой гнили. А своими руками, чужими ли — неважно. Вороны — его крылья и когти. Что прикажет, то и

сделаем.

— Так что же не сказать-то, раз сделал? Уж ты бы точно гордился таким поступком!

— А если не скажу, заплачешь? Поплачь, я хочу посмотреть на это!

Нил Янг стиснул зубы.

— Ты у меня сейчас сам рыдать будешь! И молить о пощаде!

Передышка закончилась. Но прежде, чем они вновь набросились друг на друга, неподалеку раздались громкие крики. В ночное небо взлетела Воронесса, и она была явно напугана.

Рейвен раскрыл крылья и рванул к ней.

Это была Хлоя — полнотелая молодая швея, известная в убежище своим трудолюбием, бойким языком и заботливым отношением к окружающим.

— Что случилось? Кто на тебя напал?

— Не на меня! Господин Рейвен, помогите Трише, пожалуйста!

Хлоя дрожащей рукой указала вниз. Рейвен посмотрел туда и увидел крепкого мужчину бандитского вида, настороженно глядящего на них. Рядом стояла еще одна женщина — горожанка.

— Я покупала у нее еду, а тут он, увидел золото и выхватил нож, угрожая нас обеих порезать!

— Порезал?

— Не успел.

Рейвен махнул рукой.

— Черт с ним. Ты ведь уже поела. Это не наше дело.

Бандит, прислушавшись к их разговору, ухмыльнулся, подобрал оброненный нож и повернулся к горожанке.

— Выворачивай карманы, пока кишки не выпустил! Где еще золото? Небось, всю ночь Воронов кормила, делись давай!

Хлоя вцепилась Рейвену в руку:

— Нужно же что-то сделать! Это хорошая женщина, я у нее не впервые еду покупаю! Остановите его! Никто нас кормить не будет, если плату отберут!

Рейвен недовольно цыкнул, но все-таки слетел вниз и за пару минут разобрался с бандитом. Обрушил на него град ударов, а потом и подкормился, уткнув лицом в землю.

Хлоя спустилась и обняла плачущую от страха горожанку.

— Все закончилось, Триша, не бойся.

— Отойти от них, монстр!

Нил Янг наконец нашел место драки, но вместо того, чтобы тихо напасть сзади, глупейшим образом предупредил Рейвена о своем появлении. Еще и встал между ним и женщинами, будто они могли стать следующими жертвами.

Полный идиот.

— Отпусти невинного и сражайся с тем, кто может дать тебе отпор!

— И зачем мне это? — проворчал Рейвен, отпуская обмякшего бандита и поднимаясь.

— Господин стражник, он не невинный! — вмешалась Хлоя. — Это гнусный бандит, он напал на нас с Тришей!

Нил Янг на секунду сбился и бросил короткий взгляд через плечо.

— Вы про этого Ворона? Я знаю, что он — отпетый негодяй, я говорил про его жертву.

— Так и я про жертву! Вы поглядите на эту рожу! Он нас ограбить пытался! Если бы не

господин Рейвен, я не знаю, что бы с нами было!

— Что?

Рейвен нахмурился.

— Кстати, почему ты его не подожгла? Взлетела ты правильно, он бы тебя не достал, дальше нужно было швырять в него черное пламя, пока уродец не превратился бы в кучку пепла.

— Да что я, по-вашему, убийца какая? А если бы я промахнулась и в Тришу попала?

— А ты не промахивайся.

— Я не умею! И не хочу! Я испугалась и не знала, что мне делать!

Горожанка всхлипнула и отстранилась.

— Спасибо, что не бросила. Я думала, убьет, они же звери похуже Воронов!

Нил Янг обернулся и внимательно оглядел обеих.

— Вы — Воронессы?

— Только я, — возразила Хлоя, — а Триша — моя бывшая соседка, она меня подкармливает. Думаю, сегодня тебе лучше пойти домой. Хватит потрясений.

— Нет! Мне нужны эти деньги! Джорджу доктор сказал покупать белый хлеб и мясо, а то не поправится, а откуда я деньги возьму? Мне же и детей кормить надо и себя хоть немного, а прачкам платят гроши! Хлоя, милая, ты — моя последняя надежда!

Нил Янг потряс головой.

— Что здесь вообще происходит? Это засада? Где остальные Вороны?

— Много чести тебя в засаду заводить. Я и сам тебя раскатаю.

— Я же вам все уже объяснила, — возмутилась Хлоя, — господин стражник, вы не слушали или работать не хотите? Я плачу Трише за ее жизненную силу золотом, ведь Великий Ворон запретил нам нападать на людей. Велел уговаривать по-хорошему. А пока мы менялись, подошел этот бандит и напал на нас! Я взлетела и закричала, прилетел господин Рейвен и спас нас. Хоть кто-то в городе невинных людей защищает. Вам бы того бандита арестовать, чтобы он горожан не грабил. Разве не для этого нужна городская стража?

— Нет, — Рейвен ухмыльнулся, — стража нужна, чтобы по кабакам сидеть да дурью маяться. Стражник из тебя ничуть не лучше чем боец. Занимаешься черт-те чем, а в трех шагах людей убивают.

Нил Янг дернулся. Повернулся к Трише:

— Госпожа, вы подтверждаете их слова? Все так и было?

— Именно так. Если бы не этот господин Ворон, меня бы ограбили и убили. Я теперь вас тоже должна накормить? Раз вы мне жизнь спасли?

— Не надо, — Рейвен отмахнулся. Он был сыт. — Иди в следующий раз в парк, наши бойцы охраняют и Воронов, и жертв. Там тебя никто не тронет.

Триша испуганно поклонилась.

— Так и сделаю, господин Ворон.

Нил Янг яростно вздохнул.

— Госпожа, идемте со мной. Я отправлю грабителя за решетку, но мне нужны ваши показания. Этот город защищают не Вороны, а стражники.

Она сжалась.

— Я... я не хочу. Простите, не пойду. Его дружки завтра выкупят, и он мне отомстит. А так, может, не запомнил. Хлоя, пойдём отсюда. Идем в парк, там безопасно.

— Но, госпожа, там же Вороны! Там не безопасно!

— Отстаньте от нее, — потребовала Хлоя, — толку от вас никакого, раз не можете сами никого арестовать. Нечего других подставлять! Мы с нее бумажек за защиту не потребуем!

Женщины ушли. Рейвен с нескрываемым удовольствием наблюдал, как Нил Янг трясется от гнева и бессилия, провожая их взглядом.

— Понял теперь? Это — город Воронов, и все об этом знают. Ты здесь никому не нужен.

— А это мы еще посмотрим, — Нил Янг неожиданно успокоился и посмотрел на зашевелившегося бандита, — предлагаю перенести нашу драку на завтра. Мне нужно выполнить свой долг.

— Сдаешься?

— Никогда не сдамся. Завтра вечером на этом же месте.

Рейвен фыркнул, но он был слишком сыт, а одними тумачами этого болвана не вырубить.

— Черт с тобой. Мне есть чем заняться сегодня.

Он улетел, вернулся в убежище и остаток ночи проспал как младенец. В прекрасном настроении явился следующим вечером на место драки и, как дурак, ждал Нила Янга целый час. Взбесился, облетел весь город, но не нашел его. И на следующую ночь тоже. И еще через две. К концу недели Рейвен готов был плюнуть на запрет Льюиса и придушить скотину, когда найдет, но вдруг сообразил, что добился успеха.

Племянник Рыцаря сбежал из города, поджав хвост!

Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Через некоторое время Нил Янг снова появился на ночных улицах, но уже не в одиночестве. Несколько пар стражников патрулировали город, нервно вглядываясь в небо. Рейвен хотел было шугануть их, но вспомнил, что пугать людей Льюис тоже запретил. Да и смысла в этом мальчишестве не было. Жертв больше не требовалось запугивать.

Встречных Воронов Нил Янг не трогал.

Похоже, чертов придурок вспомнил об обязанностях стражника и принялся их исполнять, плюнув на Рейвена. За такое стоило бы набить морду, но у Рейвена и самого появилось больше дел. Шарлотта предупредила, что если он продолжит столь редко посещать ее спальню по ночам, то она все-таки соблазнит повелителя, а кое-кто пусть дальше шатается непонятно где. Угрозе Рейвен не поверил, но искать Нила Янга перестал. В этом больше не было нужды.

Льюису же требовалась помощь в избавлении от его фантазий, для чего Рейвен целыми днями прочесывал город в поисках серебряных безделушек, а вечерами сидел рядом с Сольвейном и Шарлоттой, разбирая их, пытаясь отличить проклятые вещи от обычных, и обсуждал дальнейшие планы. Или рассказывал о Воронах и Рыцарях, а Льюис слушал его с большим интересом. Это было приятно. И, как надеялся Рейвен, бесполезно: он ведь в детстве тоже ревел и просил Элдрика отпустить его домой, не желая понимать, что стал Вороном навсегда. Но тот был терпелив, много объяснял, какой теперь будет жизнь маленького Вороненка, и все время был рядом. И Рейвен успокоился. Льюису нужно принять правду и чтобы рядом был кто-то, кто ее донесет. Рейвен позаботится об этом, и все будет хорошо.

Некогда ему было гонять Нила Янга.

К черту этого щенка, сдохнет как-нибудь сам. Не стать ему Прекрасным Принцем

никогда. А Рейвен лучше навестит Шарлотту и проведет ночи в куда более приятной компании.

Глава 15. Работа над ошибками

Нил приехал в город несколько месяцев назад, но все еще был жив. «Удачу в карман поймал» — сказал бы Дирк. Множество ночных патрулей и жестоких схваток, а голова Нила все еще была при нем.

Жаль, что самому Дирку такой удачи не досталось. Нил потерял друга много лет назад, но город напоминал о нем каждой улочкой, погружая Нила в воспоминания о безмятежном детстве. Тогда ему казалось, что можно одолеть любую напасть, если вырасти достаточно смелым и сильным. Что ж, вот он и вырос. От детских заблуждений не осталось и следа.

«Стражник из тебя ничуть не лучше чем боец».

Самое паршивое, что в этом была доля правды. Он вновь поддался высокомерию: пошел в городскую стражу, а сам гонялся за Рейвеном и пытался выбить из него имя дядиногo убийцы. А что же его обязанности? Выполнял ли он их на совесть?

Нет. Он просто подогнал новую службу под собственные цели. И вот результат: горожанка предпочла просить защиты у Воронов, а не у него! Насколько же низкой была репутация городской стражи?

Начальник, господин Карл Отто, публично похвалил Нила за пойманного преступника и поставил его остальным в пример, но напарник насмешливо сообщил, что смысла в этом не было:

— Без свидетельств жертвы его отпустят через неделю.

— А если я разыщу ее и уговорю дать показания?

— Попробуй, — расхохотался тот, — она сегодня их даст, а завтра — заберет. И вся морока впустую.

Нил нахмурился.

— Она сказала, что боится его мести.

— Еще бы. Его дружки могут ее навестить, запугать или подкупить. Ни черта ты с этим не сделаешь.

— Так как же вы справляетесь в подобных ситуациях?

— Никак. Тебе что, больше всех надо? Тогда ты выбрал не то место службы. Езжай в город покрупнее, там и показывай свою прыть. В армию иди или в герои.

Нил сжал зубы.

Проклятый Ворон был прав. Местная стража бесполезна. Все что они могли — это ловить и сажать буйных драчунов, да бессмысленно бродить по улицам, никого не защищая. Почти как он сам.

У него было два варианта: либо плюнуть и уволиться, сосредоточившись на Воронах, либо попытаться что-то сделать для защиты горожан, как стражник.

Снова выбор между личными целями и долгом. Но в этот раз Нил выучил урок. Вначале нужно сделать так, чтобы городская стража перестала быть сборищем бесполезных дармоедов, а потом заняться Воронами. И начнет он с себя: Нил запоздало сообразил, что от его ночных стычек с Рейвеном горожанам было пользы не больше, чем от сидения его напарника в кабаке. А раз так, то незачем тратить на это время. Рейвен будет считать его трусом, если он не придет на место драки? Пусть считает, на его мнение Нилу было наплевать.

Нил взял дневные смены и принялся подавать другим личный пример: он был

внимателен к горожанам, предотвращал драки и недостойное поведение, поймал несколько воришек и посадил их. Напарники Нила по дневным патрулям поначалу смотрели на него, как на идиота, но он убеждал их, что служить нужно на совесть, игнорируя насмешки и обидное изумление.

Не все же они пришли сюда манкировать своими обязанностями? Наверняка были и нормальные ребята. Нил был ровно дружелюбен со всеми, не отказывался пропустить по кружечке пива после службы и охотно рассказывал о себе и своих приключениях, бесконечно отвечая на один и тот же вопрос: что он забыл в этом городе и в городской страже? Ведь мог бы добиться большего! Зачем такому известному воину как он, служить стражником?

Неудивительно, что после этого ему приснился дядя Рутгер.

— Избежал неудобных объяснений? — насмешливо спросил он племянника. — Увильнул от своей судьбы? Нравится тебе, что вышло?

— Нет. Прости, что не был рядом, когда тебе требовалась помощь.

— Не о том сожалеешь. Ты нарушил слово и смалодушничал. Не желал отвечать за свое решение и сообщить мне его. Вот это — плохо. Что толку в твоей храбрости, если ты думаешь только о себе? Рыцарь служит другим: Прекрасному Принцу, людям, городу. Кому намерен служить ты? Своим амбициям? Своей жажде мести? Гордыне, которая не дает тебе отступить и показаться слабым?

Нил рвано вздохнул. Дядя Рутгер никогда не щадил его, с беспощадной честностью тыча носом в совершенные ошибки.

— Людям. Люди в этом городе нуждаются в помощи и защите. Я дам им ее, неважно, как Рыцарь или как стражник. Мне не нужно больше никому ничего доказывать. Я сделаю это, потому что сам так хочу. Это — мое призвание, защищать людей и бороться со злом, каким бы оно ни было.

Дядя Рутгер одобрительно посмотрел на него и кивнул. Его карие глаза потеплели.

— Понял наконец. Держись, Нил. Это будет трудно, но ты выступишь. Оставляю город на тебя.

Он развернулся и пошел прочь, в темноту. У Нила сжалось сердце.

— Дядя, постой! Кто убил тебя?

— Ворон, — бросил тот через плечо, — Рыцарей всегда убивают Вороны. Рази всех — не ошибешься.

Проснувшись, Нил долго думал о его словах. Навестил ли его дух дяди, или это его совесть приняла знакомый облик? Почти все сказанное Нил постоянно обдумывал и сам, кроме последней фразы. Ее дядя Рутгер говорил при жизни.

Который Ворон его убил? Нил не собирался уничтожить всех в надежде случайно попасть в убийцу. Ему нужно было имя. Но, может, дядя сам не знал его? Если Ворон был ему незнаком или напал со спины.

Великий Ворон. Если он справился с Принцем Ричардом, то смог бы убить и Рутгера Янга. Он силен и опасен, битва с ним будет тяжелой. А Нил пока не может одолеть даже его верного пса, Рейвена. Что ж, через семь лет сможет. А пока — будет защищать горожан, по заветам дяди Рутгера.

На службе было установлено ежедневное время тренировок во внутреннем дворе: около часа в день, чтобы не потерять форму. Ставился этот час в конце дня или в обед, так что большинство предпочитало просто болтаться на площадке или и вовсе уходило домой раньше. Нил неизменно тренировался и предлагал спарринги другим стражникам. Охотно учил новым приемам всех желающих, и вскоре возле него завелась группка молодежи, стремящейся ему подражать. Нил ненавязчиво рассказывал им о связи силы и ответственности за нее, о необходимости беречь и защищать слабых, об ошибках следования легкими путями. Сам он упрямо трудился и добился-таки осуждения напавшего на горожанку грабителя. Уговаривал потерпевших не отказываться от показаний и лично ходил разбираться с угрозами бандитов, заполняя камеры и делая городские улицы чище.

Некоторые стражники начали следовать его примеру. Таких Нил неизменно поощрял: его похвала и одобрение поддерживали в них стремление стать лучше. Этому он научился еще в детстве: слабые тянулись за сильным, и он мог задать им любое направление, хорошее или дурное. Благо начальник, господин Отто, ему в этом не мешал, а старшие офицеры посмеивались над его стараниями, вплоть до того момента, пока Нил не начал их доставать. Услышав от горожан, что у стражников форма — «линялые тряпки», Нил невольно признал, что это правда. Конечно, форма должна быть практичной, но и заметной — тоже. Много начиналось с внешнего вида, стражник в ветхой, потрепанной одежде не вызывал у горожан доверия. Да что там, его пару раз принимали за конкурента карманники, когда он ловил их за руку. Они одевались примерно так же непритязательно, чтобы не привлекать внимания. Нил отправился выбивать новую форму из сержанта, отвечающего за снабжение. Тот много раз посылал его, то прямо, то окольно, заставляя заполнять бумажки, но Нил не отставал, требуя исполнять свои обязанности, как следует. Наконец сержант выдал комплект новой, хорошей формы... ему одному.

— Ты на себя бумаги оформлял, — ехидно заметил сержант, — носи с удовольствием, герой. Не ходи же тебе в наших обносках, как всем остальным?

Нил едва удержался, чтобы не высказать все, что думает о такой подставе. Она для того и была организована: сержант понял, что новая форма выставит Нила в дурном свете перед остальными стражниками, вынужденными носить старую. Служит без году неделя, а уже получает привилегии. Решение пришло быстро: Нил собрал своих ребят и объяснил, что получить форму все-таки можно, если проявить достаточное упорство. А с заполнением бумаг он поможет.

Одновременно с этим он выбил из другого сержанта разрешение проводить на тренировочной площадке больше времени, после окончания рабочего дня. Часа катастрофически не хватало. Тот тоже уперся, заявляя, что это запрещено, но Нил закопался в устав городской стражи и нашел этому опровержение. Площадка была отвоевана, а количество «его стражников» заметно возросло. Теперь почти вся молодежь предпочитала проводить вечера на тренировках, а не в кабаках, которые Нил больше не посещал.

Потом ему потребовалось перераспределить патрули, чтобы устроить своим ребятам проверку на смелость, и он пошел к третьему сержанту.

После этого его вызвал к себе начальник стражи.

— Угадай, что это за пачка бумаги на моем столе? — добродушно спросил он Нила.

— Заявления от горожан?

— Жалобы на тебя. В основном от офицеров, но некоторые стражники тоже недовольны. Ты всех взбаламутил и очень многих раздражаешь.

— Я плохо справляюсь со своими обязанностями? — спокойно спросил Нил.

— Излишне хорошо. Вот эта пачка — благодарности от горожан.

Благодарностей было раза в четыре меньше жалоб, но Нил все равно улыбнулся.

Выходит, не зря трудился.

Начальник стражи покачал головой.

— Рутгер тобой, конечно, гордился бы, но мне-то что делать? Ты порождаешь много проблем.

— Я сам их решу. Не думаю, что хорошая работа городской стражи — это проблема.

— Молод ты еще и наивен. Что ж, давай посмотрим, на что ты способен. Держи. Это — твое назначение на пост сержанта. Так ты перестанешь доставать людей и сможешь официально командовать молодняком, а мне перестанут строчить бумажки. В жалованье ничего не выиграешь, зато обязанностей прибавится. Как тебе такой расклад?

— Спасибо, господин Отто, — Нил оценил поддержку начальника, — я вас не подведу.

— Я надеюсь на это.

Нил жил в городе больше полугода. Дела налаживались, репутация стражи немного улучшилась. Сержант-снабженец выдал ему десять комплектов новой формы, насмешливо предложив одарить любимчиков. Нил собрал ребят и раздал несколько штук тем, кто заполнял прошения, а остальным объяснил, что форма будет выдана в качестве поощрения за хорошую службу. Вскоре шесть наиболее активных и трудолюбивых стражников уже носили ее, а Нил перешел к давно задуманной «проверке на смелость».

Он предложил стражникам взять ночные патрули и не отсиживаться в кабаках, а действительно охранять город.

Предложение встретила гробовая тишина.

— А как же Вороны? Нас же сожрут! — ошеломленно воскликнул Томас.

— Меня не сожрали.

— Так ты сильный и смелый!

— Ты тоже сильный. А смелый ли — решать тебе.

— Нам за это что-то будет? — неуверенно спросил Сэм. — Форма новая, премия?

— А ты готов ради них рисковать жизнью?

Сэм отвел взгляд и не ответил.

— Ты хочешь, чтобы мы дрались с Воронами вместе с тобой? — задорно предположил Анри.

— Я хочу, чтобы вы не боялись выходить на улицы по ночам, — мягко ответил Нил, — бандиты ведь не боятся. И многие горожане тоже. Мы должны защищать их, невзирая на Воронов. Но если я увижу, что Ворон напал на человека — я вмешаюсь.

— Да нечего нам бояться их, — вступил в разговор Гийом, — Вороны теперь едят только тех дураков, что к ним за золотом в парки ходят. Моему отцу, как-то вечером, Ворон тоже предложил деньги, тот отказался, и его не тронули! Отец у меня умный.

— Что же умного в отказе от золота? — не выдержал Сэм.

— Любому ясно, что от Воронов добра не жди. Пастухи отару тоже кормят и холят, а потом под нож пускают. Небось, в парках и жрут с концами.

Нил замер. Проклятье, надо же быть таким идиотом! И как он сам не догадался? Людей просто заманивали деньгами в одно место, чтобы легче было убивать!

— Так что я Воронов не боюсь и пойду в ночной патруль, — закончил свою мысль Гийом и улыбнулся, — Нилу с трусами дружить незачем, а на меня можешь положиться.

— И я пойду! — завопил Анри.

— Я тоже!

— Нет тут трусов, все пойдем!

Стражники загалдели, но замолкли, как только Нил начал говорить:

— Молодцы. Я рад, что могу доверять вам. Но помните, мы идем не сражаться с Воронами, а защищать горожан от бандитов. Это — то, что должна делать городская стража. И мы сделаем это хорошо.

А в парк Нил пойдет один, чтобы не подставлять ребят под когти Воронов.

Время Воронов длилось вот уже год. О Великом Вороне ничего не было известно, никто даже не знал, как его зовут. Его иногда видели пролетающим в ночи над городом, но вниз он не спускался. Однако должен же он и сам был охотиться на людей? Или сидел безвылазно в убежище, как Великий Ворон Элдрик?

Идея с раздачей денег у него отлично сработала: Нил с беспокойством увидел в парке несколько десятков человек. Если кого-то из них незаметно убьют, а тело спрячут, вместо того, чтобы бросать на виду, то «резать отару» можно очень долго, горожане все равно будут приходить. Блеск золота затмил им разум.

Нил оглядел Воронов. Как определить, есть ли здесь их хозяин? Все, что о нем известно, лишь то, что Великий Ворон — мужчина. Он может быть любого возраста и внешности. Может, Вороны при нем иначе себя ведут? Почтительно кланяются, охраняют его?

Охрана в парке была. Нил заметил нескольких вооруженных Воронов за деревьями. Один из них, не скрываясь, двинулся к нему.

— Так-так. Кто-то явился за золотишком? Понял, наконец, свое место в этом городе?

Нил вспыхнул. Знакомо-издевательский голос Рейвена хлестнул по нему плетью. Ненависть, едва присыпанная пеплом, вновь закипела в крови.

Врезать бы ему сейчас хорошенько! Избить так, как он уже не раз избивал самого Нила. И бить, пока не заскулит и не замолит о пощаде!

Нельзя. Он пришел сюда не за этим.

Нил глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Охраняешь повелителя? Или он не снизойдет разделить с вами «трапезу»?

— А ты хочешь продаться именно ему? Думаешь, расскажу ему, насколько ты вкусный?

Нил дернулся. Рейвен смотрел на него со злобной жадностью, впитывая каждую реакцию.

— Я останусь здесь, пока люди не разойдутся по домам, — жестко сказал Нил, — никто из вас не посмеет причинить им вреда.

— Ха, защитничек нашелся! Они сюда приходят добровольно.

— За золотом, которым вы их приманиваете. Это мерзкая идея, обманывать обездоленных, играя на их нуждах. И глупая: рано или поздно люди поймут, для чего вы это делаете.

— Согласен, зачем платить за еду, которую можно взять даром? Только лишняя возня. Но раз Великий Ворон так велел, будем платить. Его воля — закон для города.

— Только для Воронов. Горожане ему не служат.

Рейвен ухмыльнулся и обвел парк широким жестом:

— Да ну? А это что такое? Служат, да еще с какой прытью! Купить можно всех, тебя в том числе.

Нил презрительно фыркнул.

— Ты совсем безмозглый петух. Хоть бы иногда думал, что говоришь, и не позорился.

Рейвен заулыбался. Нилу показалось, что он слышит гадючье трещание в его вкрадчивом голосе:

— А если я расскажу, кто убил дядюшку Рутгера, накормишь меня?

Нил вцепился в рукоять меча до побелевших костяшек.

Вот же дрянь подколотная! Все он знает, но не скажет же! Издевается, гад ползучий!

Нельзя-нельзя-нельзя, не сейчас, еще шесть лет ждать, боже, но потом он раскатает эту заразу в кровавую кашу!

Нил отвернулся от Рейвена и зашагал по парку, стараясь успокоиться.

— Куда побежал, рыцарское отродье? Не хочешь за дядю отомстить?

— Чтоб ты подавился своей злобой, бессердечная тварь! А Великий Ворон — своим поганым золотом! Ничего, я вас обоих достану! Элдрика уничтожили, так и на твоего нового хозяина управа найдется! Я лично ему голову отрублю!

Рейвен бросился на него.

— Не смей произносить этого имени, гаденыш! Я тебе кишки вырву и на них же подвешу!

Нил поставил блок, увернулся и с наслаждением врезал ему по лицу. Челюсть Рейвена хрустнула, он болезненно взвыл и отшатнулся. Люди вокруг испуганно закричали и заметались, а Вороны-охранники бросились к нему. Их растащили, и Нила вышвырнули из парка. Бить почему-то не стали.

Нил торжествующе захохотал. Победа! Будет знать, чертов стервятник, как трепать языком! Больно, небось, засранцу!

Горожане спешили прочь из парка. На Нила косились и обходили его по широкой дуге. Вороны поднимались в небо и улетали прочь. Нил прищурился, пытаясь разглядеть их в темноте.

Крылья. Дядя рассказывал что-то про крылья Великого Ворона, вроде бы, они отличаются от обычных. Но чем, Нил не помнил.

Через несколько дней весь город говорил о том, как он разогнал толпу Воронов в одиночку. Ребята на службе встретили его радостным свистом и потребовали рассказать все в подробностях. Он рассказал, чем вызвал бурю восторгов.

— Нил, да ты будущий Прекрасный Принц! Вороны тебя уже боятся! — радостно воскликнул Анри.

— Точно, если кто и сможет им стать, так это наш Нил!

Прекрасный Принц? Нил собирался стать Рыцарем, как дядя Рутгер, служить настоящему герою и встать с ним плечом к плечу против зла. Ему больше не нужна была слава, он хотел защищать людей. Но ведь именно Прекрасный Принц — главный защитник города и тот, кому надлежит отрубить Великому Ворону голову.

Да. Вот оно. Он доберется до убийцы дяди Рутгера и спасет горожан от подлой твари и ее приспешников. Если не найдется более достойного воина, чем он, то город изберет его и даст священную силу для борьбы с тьмой.

И все наконец-то будет правильно.

Нил приходил в парки еще несколько раз, но с Рейвеном больше не сталкивался. Вороны-охранники смотрели на него недружелюбно, но не трогали. Людей из парка уходило столько же, сколько приходило. Нил поговорил с некоторыми из них и попросил сообщить, если вдруг это изменится. Жертвы Воронов смотрели на него с опаской, но когда Нил представлялся, успокаивались. Все-таки в городе у него была хорошая репутация.

В ночных патрулях к нему несколько раз подходили Вороны и предлагали золото. Обычно это были молодые женщины, пытающиеся с ним заигрывать, или спокойные пожилые Вороны. Один раз к нему обратилась совсем ветхая старушка, за которой на небольшом расстоянии следовал молодой Ворон. Похоже, приглядывал, чтобы не обидели. После отказа она пожелала ему хорошей службы и ушла, а Нил остаток смены размышлял о Воронах.

«Рази всех — не ошибешься».

Но не нападать же ему на стариков и беспомощных женщин? А под проклятье попадали самые разные люди. Не все они были подобны Рейвену.

Дядя Рутгер утверждал, что смотреть на внешность Ворона нельзя и уничтожать нужно всех: проклятье выжигает их изнутри, подселая демона на место сожженной человеческой души. Но как бы Нил ни любил и ни уважал его, он знал, что это не так. А вот в то, что душа некоторых людей темнеет, как уголь, мог поверить с легкостью.

Если только не была чернее сажи с самого начала.

Глава 16. Сила и разум

Сказать, что Льюис рассердился, было сильным преуменьшением. Он был возмущен до глубины души.

— Ты хоть понимаешь, что ты натворил? Напал на человека, на глазах у наших добровольцев! Перепугал всех и вызвал панику! Кто вообще придет к нам за золотом после такого?

Мрачный Рейвен попытался что-то ответить, но сморщился от боли.

— Помолчи, я еще не закончил, — Льюис продолжал исцеление, удерживая его челюсть в ладонях, — я запретил нападать на людей всем Воронам, а лично тебе еще и пугать их. И что я узнаю? Что ты игнорируешь мои приказы! А как же все твои слова о верности Великому Ворону? Это что пустой звук и доверять им нельзя?

— Ни янх... внвт...

— Тихо ты! Говорю же, не закончил еще!

Льюис попытался успокоиться. Нет, так дело не пойдет. Пока он злится на Рейвена, исцелить его не выйдет. Так. Ему больно. И будет больно очень долго, если его сейчас не вылечить. Рейвен — чертов агрессивный придурок, но он свой придурок, а Льюис главный и должен о нем позаботиться. И выслушать его объяснения, может, в них будет что-то разумное?

Льюис сосредоточился. Несколько минут они оба молчали.

— Пошевели челюстью. Больно?

— Нет. Спасибо, повелитель.

— Теперь объясняй.

— Это все Нил Янг виноват!

Льюис раздраженно вздохнул:

— Свидетели говорят, что в парк пришел стражник. Никого не трогал, вел себя тихо, а ты подошел и начал оскорблять его. Когда он попытался уйти — накинулся на него. Защищаясь, он сломал тебе челюсть. Кто виноват, я не спрашиваю, это очевидно. Зачем ты к нему прицепился? Кто такой этот Нил Янг?

— Племянник Рыцаря, Рутгера Янга, — в голосе Рейвена звучали гнев и отвращение, — он опасен для нас. Никогда не приближайся к нему. Он хочет убивать Воронов.

Льюис нахмурился.

— Он пришел в парк за золотом и никого не трогал, кроме тебя.

— Ни черта, он притащился разнюхивать обстановку! Собирался разыскать Великого Ворона!

— Он хотел со мной поговорить?

— Нет! Нил Янг строит из себя защитника людей и метит в Прекрасные Принцы! Я пытался отучить его от этого и вышвырнуть из города, но он не поддается!

Льюис вздрогнул.

— Ты же говорил, что еще слишком рано!

Рейвен встал и принялся нервно расхаживать по комнате.

— Сейчас рано, а через шесть лет город выберет новую Белую Мразь, и Нил Янг подходит на эту роль. Он заявил, что отрубит тебе голову! Давай избавимся от него? Прикажи, и я...

— Нет, — отрезал Льюис, — я запретил нападать на людей! За шесть лет он может десять раз передумать и уехать отсюда. Мы не будем его трогать, если он не представляет угрозы.

— Но он представляет!

— Я сказал не трогать. Рейвен, почему ты не подчиняешься моим приказам?

— Подчиняюсь, — хмуро ответил тот.

— Ничего подобного. Ты их нарушил уже несколько раз. Если ты не хочешь меня слушаться, то мне нет смысла тобой командовать. Ты ненадежен, и мне придется поискать кого-то другого, в ком я могу быть уверен.

Рейвен опешил. Лицо его вспыхнуло и пошло красными пятнами.

— Я надежен! Я сделаю все, что ты прикажешь!

— Я уже приказал тебе не трогать людей, а ты напал на Нила Янга.

Рейвен раздраженно выдохнул и переступил с ноги на ногу.

— Он сам виноват. Но я приму любое наказание, если ты этого желаешь.

— И какой в этом смысл? Ты же все равно творишь что вздумается. А раз ты не собираешься мне подчиняться, а только приносишь проблемы, то полезнее будет просто тебе ничего не поручать. Так ты хоть вредить не будешь.

Рейвен побледнел.

— Но, повелитель, я же... Я все понял. Я не должен был нападать на Нила Янга без твоего позволения. Прости меня. Я все испортил в парке и напугал людей. Этого больше не повторится. Ты можешь мне доверять, я же умру за тебя! Я живу, чтобы служить тебе!

Его пальцы принялись нервно драть за косу, а в глазах нарастало беспокойство. Льюис впервые видел Рейвена таким потерянным. Похоже, мысль о том, что он подвел Великого Ворона, была для него чем-то большим, чем задетым самолюбием. Рейвен не просто хотел служить, ему это было необходимо.

— Что мне сделать, чтобы доказать это? Не молчи! Я буду слушаться, буду! Какой бы приказ ты не отдал, все сделаю! Мне надо умереть? Убить? Что, повелитель?!

Льюис смущенно подумал, что перегнул палку. Он хотел только пригрозить, ударив в единственную известную ему слабость, но, кажется, перестарался. Что он такое сказал-то, что Рейвен так разволновался? Неужели его так напугало возможное отстранение от службы, за которую ему даже не платят?

— Довольно. На первый раз прощаю. Но с Нилом Янгом больше не сражайся, понял?

— А если он нападет на меня, мне что, умереть?

— Если нападет, тогда защищайся, но других Воронов Нил Янг не трогает. Не лезь к нему, и все будет хорошо.

Рейвен глубоко вздохнул. Лицо его прояснилось. Он отпустил свои волосы.

— Да, повелитель.

Льюис решил сменить тему. Он опустился в кресло и указал Рейвену на соседнее. Тот сел, заметно расслабившись и вытянув ноги. Прикрыл глаза и откинулся на спинку.

Льюис подивился, как быстро он меняет свое настроение, и спросил:

— Год закончился. Сколько у нас всего новичков?

— Двенадцать. Есть трое мужчин, из которых я сделаю пристойных бойцов, — Рейвен повеселел, — знаешь, повелитель, похоже, ты был прав насчет проклятого серебра. Мы можем это использовать. Я соберу тебе отличную армию, если мы проклянем подходящих людей.

— Мы никого не будем проклинать, — четко, чуть ли не по слогам проговорил Льюис, — забудь об этом.

— Но нам нужно больше Воронов для охоты на Принца! — Рейвен выпрямился. — С Нилом Янгом будет нелегко справиться. Повелитель, прошу тебя, в твоих руках такая власть, а ты ей не пользуешься! Это же для твоей безопасности! Нам будет проще, если нас будет больше!

Льюис тяжело вздохнул. Рейвен был безнадежен.

— Никакой охоты на Принца не будет. Я запрещаю ее.

— Что? Но ты не можешь с ним сражаться сам, тебе нельзя! Нил Янг убьет тебя, ты не победишь в битве один на один!

— Я и не собираюсь. Я решу эту проблему по-другому.

— Как?

Льюис оценивающе посмотрел на него. Рассказать, что он надеется снять проклятье до окончания Времени Воронов? Нет, Рейвен в это не верит. Объяснить, что Нил Янг, судя по его поступкам, не плохой человек, и с ним можно попробовать договориться? Тем более нет, не поймет. Для Рейвена если проблему можно было решить насильем, то незачем искать другие способы.

Может, дать ему почитать что-нибудь об этике и морали? Но не покажется ли ему это скучным чтивом? Какие книги он вообще предпочитает читать?

Льюис решил отложить этот вопрос на более подходящее время.

— У меня есть несколько вариантов, но ты все равно начнешь спорить, так что иди-ка ты спать. Челюсть точно не болит?

— Точно, — Рейвен поднялся и посмотрел на него с досадой, — ты запрещаешь охоту потому что жалеешь Нила Янга? Но он тебя не пожалеет. Для Принца и Рыцарей мы — нелюди, которых нужно уничтожать. К ним нельзя относиться как к Воронам или горожанам. Их нужно будет убить, даже если ты не хочешь этого.

— Я сам решу, что делать. Спокойной ночи.

— Тебе тоже, повелитель.

Рейвен ушел, а Льюис подавил вновь вспыхнувшее раздражение. Непробиваем. И что ему делать с жестоким и бешеным нравом своего верного сторонника? Как им управлять? Чем останавливать? Вот как можно быть таким упертым и агрессивным?

Можно, если очень хочется жить.

Льюис внезапно вспомнил тот страшный день, когда стал Великим Вороном. Тогда Рейвен был готов без колебаний погибнуть, чтобы дать ему уйти, но, одновременно, умирать не хотел и бился за свою жизнь, как одержимый. Даже когда его повалили и удерживали двое Рыцарей, он продолжал бороться, в то время как Льюис почти смирился с собственной смертью. Где бы он был сейчас, не будь Рейвен таким яростным и нестигаемым? Даже четырнадцать лет Времени Принца не сломили его дух. Не убей он Рыцарей, Льюиса не было бы вовсе, так что стоило проявить чуть больше терпения и благодарности.

Рейвена нужно было чем-то занять. Ему просто некуда выплескивать свою кипучую натуру в мирное время. Охрана парка слишком скучна для него, нужно было подобрать что-то более деятельное.

На всякую силу находился разум. Упрямство Рейвена нужно было не ломать, а направлять в нужное русло.

Решение этой проблемы неожиданно принесла другая: Сольвейн рассказал, что на добровольных жертв Воронов стали все чаще нападать преступники, отбирая золото. Бедняги не знали, что с этим делать: в парк грабители не совались, ночные патрули стражи обходили. О ситуации рассказала девушка Сольвейна, устраивающая небольшие встречи добровольцев и объяснившая, почему людей в парках стало меньше. Не из-за Нила Янга и той драки, а именно из-за грабителей.

Рейвен предложил заняться этим.

— Позволь мне разобраться с ними. Ты слишком добр, повелитель, а иные люди понимают только язык силы.

— И что ты собираешься делать? — хмуро спросил Льюис.

Он был зол. Черт бы побрал этих бандитов! Они подкарауливали добровольцев у парков и отнимали честно заработанное золото, вместо того чтобы пойти и получить его самим! Проклятые паразиты, он тут пытается войну остановить, а ему мешают ради собственных шкурных интересов!

— Пора бойцам показать себя. Мы будем летать сверху и приглядывать за уходящими людьми. Потом спускаемся, надираем грабителям задницы, бьем. Высасываем из них силы. Не до смерти, а чтобы крепко запомнили, кому перешли дорогу. Исключи бандитов из числа тех, на кого нельзя нападать, и через некоторое время они зарекутся трогать наших жертв.

Льюису не понравилась эта идея. Вроде бы и правильно, но насилие порождает насилие. Люди снова начнут бояться Воронов.

— Может лучше обратиться в городскую стражу? Это же их обязанность.

Рейвен насмешливо фыркнул.

— Стражники в этом городе бесполезны. Даже сейчас они только ловят мелких воришек да щеголяют в новенькой форме. Это наша проблема, повелитель и мы должны решить ее сами. Никто из стражников и не подумает влезать в это.

Никто? Даже тот, кто уже влез?

Нил Янг. Будущий Прекрасный Принц.

Льюис оживился.

Конечно, он может отказаться, но если этот человек собирается защищать город, то ловить бандитов ему по службе положено! И он не испугается Воронов!

Но тут он взглянул на едва не приплясывающего от нетерпения Рейвена. Тот явно желал доказать свою нужность и исправить недавнюю ошибку. Его и бойцов нужно было чем-то занять, пока они со скуки не переубивали друг друга. Распоясавшихся бандитов необходимо призвать к порядку, и уж что-что, а запугивать и подавлять Рейвен умел. С этим он справится идеально.

Может, удастся обойтись малой кровью?

— Хорошо. Займитесь этим. Но никого не убивать и не калечить.

Рейвен заулыбался.

— Как прикажешь, повелитель.

— И сообщи Нилу Янгу о происходящем. Шарлотта говорила, в городе у него репутация честного и ответственного стражника. Спроси его, будет ли городская стража выполнять свои обязанности по защите горожан от преступников, или Воронам придется справляться самим?

Рейвен скривился.

— Вороны всегда справляются сами. Но я передам ему твой приказ, повелитель.

— Просьбу. Нил Янг мне не подчиняется. Напомни ему, что жертвы грабителей — горожане, а не Вороны. Они должны быть под его защитой.

Льюис тоскливо подумал, что хоть Вороны и живут в городе, они будто изгнаны из него. Они не могут учиться, работать, обратиться за помощью в городскую стражу. Ставший Вороном исключается из нормальной жизни. И есть только один способ исправить это — снять проклятье. Еще бы понять как.

Что ответит Нил Янг на его просьбу?

А что сказал бы Принц Ричард?

Льюису показалось, что он снова слышит его уверенный, равнодушный голос:

— *Горожане, помогающие Воронам — предатели, продавшиеся тьме. Пусть не рассчитывают на нашу защиту.*

С чего он вообще взял, что Нил Янг чем-то от него отличается? Ведь Рейвен знал обоим куда лучше Льюиса и уже оказывался прав. Переговоры с Принцем Ричардом были бесполезны. Но что же, и не пытаться решить проблему мирно?

Он будет надеяться на лучшее. Но рассчитывать — только на себя и своих Воронов.

Глава 17. Причина ненависти

Рейвен был доволен.

Ночные стычки с бандитами стали отличной тренировкой для его новых бойцов. Конечно, это не то же самое, что сражаться с Рыцарями, но сгодится для начала. Когда могли, бандиты убегали, но если им навязывали драку, то бились они отчаянно, страшась гибели. Но куда им до бойцов Рейвена? Вороны в этих драках отделялись синяками и легкими ранами, гордились ими и даже не ходили за лечением к Льюису. Узнав об этом, он пришел к ним сам. Рейвен в то утро задержался у Шарлотты, подоспел к концу лечения и наблюдал забавную картину: тринадцать полураздетых бойцов почтительно внимали речи Великого Ворона, исцеляющего чью-то царапину.

— Ваша готовность сражаться за нас, защищать слабых Воронов и людей заслуживает уважения. Вы проявили большое мужество, и оно должно быть оценено по достоинству. Не стоит пренебрежительно относиться к своим ранам и терпеть боль. Вы в любой момент можете обратиться ко мне за помощью. Не стесняйтесь. Как ваша рука, Курт?

— Не болит, повелитель. Совсем прошла. Спасибо вам.

— Не за что. Мне всегда было интересно узнать о причинах, по которым Вороны вступают в боевой отряд. Вот вы, Курт, чем руководствовались, решив это сделать?

Квадратный, широкоплечий детина покраснел и смутился.

— Так это... надо же что-то делать? Пользу приносить. Я в город на службу приходил, а теперь вот навсегда остался. Папаша мой всегда говорил: делай то, к чему годен. Ты сильный, Курт, вот и трудись, береги слабых.

— Достойные слова. Ваш отец воспитал хорошего сына, — Льюис одобрительно улыбнулся и обернулся к остальным, — а как насчет вас? Господин Берnard, верно?

— Верно, повелитель. Я здесь давно, еще вашему предшественнику служил. Полжизни в армии, полжизни — Вороном. Я понимаю, зачем нужны солдаты. И буду сражаться за вас, пока я жив.

Бернард был самым старым Вороном в отряде: недавно ему исполнилось пятьдесят. Но он все еще был крепким и здоровым. Умелый, опытный воин, на которого Рейвен привык полагаться.

— Вы воистину благородный человек, — негромко заметил Льюис, — вы не устали от постоянных сражений?

— Нет, повелитель. Устал я от Времени Принца, но вы с ним покончили и снова дали нам лучшую жизнь. Мне нравится чувствовать магию и силу в руках. Вороном быть лучше, чем беспомощным человеком.

Льюис помолчал и обратился к следующему бойцу:

— А что вас привело в отряд?

— Рейвен, — честно сказал тот, — он велел мне прекратить ныть и притворяться слабаком. Пригрозил яйца оторвать, если не начну вести себя, как мужчина.

Бойцы грохнули от хохота. Рейвен улыбнулся. Но Льюис неожиданно нахмурился.

— Он вас заставил? Так дело не пойдет. Вы не обязаны рисковать своей жизнью, если не хотите. Вы можете оставить службу с этого момента.

Взгляды бойцов дружно сошлись на молодом Вороне. В воздухе повисло напряжение с явственным оттенком презрения. Тот торопливо помотал головой:

— Нет, что вы, повелитель! Все он правильно сделал! Я и был слабаком, все время себя жалел, а теперь я людей защищаю! Недавно девушку спас от бандита, так она меня за это поцеловала! Я хочу с ней снова увидеться!

Бойцы одобрительно засвистели и принялись хлопать его по плечам. Рейвен усмехнулся. Парень давно уже влился в отряд и теперь ни за что бы не расстался с новым положением. Бойцов в убежище уважали. Сражения давали им повод для гордости собой, а служба Великому Ворону — цель в жизни. Да и подчиняться было куда проще, чем решать, что делать, когда прежняя жизнь рухнула из-за проклятия. Тут многим требовалась твердая рука, направляющая в нужную сторону. Командовать бойцами было несложно, зная, чего они хотят и чего боятся — этому Рейвена научил прошлый командир, Рауль Сорес, погибший много лет назад. Как и тому, что жалость — самое никчемное чувство на земле. Жалеть себя все равно что превращаться в мешок с навозом. Больно? Терпи. Страшно? Одолей страх. Плохо так, что хочется умереть? «Попробуй только сдохнуть, тюфяк, ноги переломаю и за них же подвешу! А ну живо на тренировку, пока голова не опустеет!» — рывкал он и гонял Рейвена до изнеможения. И душевная боль уходила, разбивалась на сотни осколков, а потом стиралась в мелкое крошево. Сорес никогда не был по-настоящему жесток с ним, а его уроки помогли Рейвену выжить и занять его место. И не дать остальным Воронам сломаться после наступления Времени Принца еще на семь лет.

Жаль, что он не дожил до появления Льюиса. Элдрику Сорес верно служил много лет и был полезен. Да и порадовался бы, узнав, что Белой Мрази вырвали сердце.

— Рейвен, что ты там прячешься? Иди сюда, — позвал Льюис, заметив его.

Тот подошел и спросил:

— Ты доволен своими бойцами, повелитель?

— Более чем. Ты проделал большую работу, собирая и тренируя их. Молодец. Не бросался бы еще на людей — цены бы тебе не было.

Рейвен ухмыльнулся.

— Ты меня продать что ли решил?

— Ни за что, — Льюис рассмеялся, — ты слишком ценный, чтобы тебя кому-то отдавать. Ладно, мне пора. Хорошего вам всем дня, господа.

Бойцы дружно попрощались, подождали, пока он уйдет, и загомонили, обсуждая визит повелителя.

— Со мной впервые в жизни кто-то так уважительно говорил, — потрясенно выдохнул Курт, — все деревенщиной называли, смеялись, а тут! И кто? Сам Великий Ворон!

— Раны наши пришел лечить, расспрашивал о жизни. Ему будто и не наплевать на нас!

— Ему и не наплевать, — сказал Рейвен, — Великий Ворон всегда заботится о своих подданных. Мы защищаем его, а он — нас.

— Давно забытое ощущение, — обронил Берnard, — приятно служить достойному господину. Ничего, еще поживем. Главное, чтобы повелитель не погиб. Рейвен, что с тем рыцарским выкормышем, который метит в Принцы? Может, навестим его? А тело в реку сбросим, вроде как утонул?

Рейвен с сожалением покачал головой.

— Нельзя, повелитель запретил.

— Так он не узнает.

— Нельзя, я сказал! Приказы Великого Ворона не должны нарушаться.

Бернард насмешливо хмыкнул.

— Тебе виднее.

Рейвен свирепо уставился на него, но Бернард уже отвернулся. Ничего больше не сказал.

А что он говорил тогда, много лет назад? И говорил ли? Рейвен помнил, как его проклинали, как кричали и толкали, как кто-то предложил повесить, и гул голосов одобрил это решение.

И как Рауль Сорес дернул его за шиворот, откидывая за спину, и заорал, перекрикивая всех:

— Тихо! Если Элдрик хотел, чтобы щенок выжил, значит, он выживет! Я лично за этим прослежу! Кто посмеет нарушить приказ Великого Ворона, будет казнен!

И они отступили. Презирали, ненавидели, но не тронули.

Бойцами управлять несложно. Кто сильнее — тот и прав. Сорес показал, что спорить с ним нельзя. Что порядок держится на имени Великого Ворона.

Даже когда самого Великого Ворона больше нет.

Очередной бандит завыл и скорчился, прикрывая голову под градом ударов.

— Прошу, пощадите! Я больше никогда не буду мешать Воронам! Умоляю, не убивайте!

Отлично, с этого хватит. Рейвен схватил его за шею и принялся вытягивать жизненные силы. Добровольная жертва давно убежала, и Рейвен лениво подумал, что скоро все проблемы будут решены.

— Отпусти его, чертов ты монстр!

Кроме одной.

— Проваливай. Я сегодня уже сыт.

— Так я и думал, доброты Великого Ворона надолго не хватило, — Нил Янг стоял позади него, — повернись ко мне и сражайся, не то на этом твои злодеяния закончатся!

— Как ты меня достал со своей болтовней, — Рейвен резко поднялся и выхватил меч.

Нил Янг атаковал мгновенно, будто этого и ждал. Впрочем, почему «будто»? Все притворяется благородным героем и соблюдает бессмысленные правила честного боя. И перед кем старается? Нил Янг мог сколько угодно кичиться своим благородством, но Рейвен знал, что внутри него — гниль, такая же, как у его дяди. Их честь и принципиальность — всего лишь раскрашенные маскарадные маски, надетые для обмана дураков. И кому как ни Рейвену это знать?

Застарелая, глухая ненависть вновь подняла голову. Все, кого он ненавидел, были мертвы, все, кроме этого маленького ублюдка! На кой черт он вернулся в город? Почему не подох где-нибудь в другом месте?

Ничего, сейчас он ответит за все и за сломанную челюсть тоже! Сам напал, Льюис не будет сердиться! Рейвен не нарушил его приказа!

Дрались они неистово, но в этот раз Нил Янг отчего-то начал теснить его. Он успешно избегал атак Рейвена, блокировал их и прерывал, не давая нанести себе серьезного урона. Взгляд у него был ясный, острый, не замутненный гневом. То ли поганый недоносок где-то поднабрался навыков, то ли Рейвен повторялся? Проклятье, точно! Щенок-то изучил его приемы! Рейвен уже столько раз с ним дрался, что невольно натренировал! Надо было убить его с самого начала!

Тут он вспомнил о приказе Льюиса и резко взлетел.

— Сбегаешь? Чего и следовало ожидать от стервятника, — Нил Янг тяжело дышал, но в голосе его слышалось торжество.

Рейвен едва удержался, чтобы не вернуться в битву.

Нельзя. Приказы повелителя важнее всего.

— Великий Ворон велел тебе кое-что передать.

— Мне?

— Тебе. Ты ведь городской стражник, так?

— Так. И что?

Рейвен указал на валяющегося в стороне грабителя.

— Глупые люди повадились грабить наших добровольных жертв. Я взялся поучить их уму-разуму. Пока что бандитов не велено убивать, но я бы никого из них не щадил. Великий Ворон хочет знать: будешь ли ты защищать горожан, или нам самим разбираться с этими крысами?

Нил Янг отдышался и выпрямился. Нахмурился.

— В участок не приходили ограбленные жертвы. Почему я должен тебе верить?

— Мне ты ничего не должен, и мне плевать, веришь ты или нет. Великий Ворон с чего-то решил, что тебе есть до них дело, и велел спросить. Так ты будешь ловить грабителей, бесполезный стражник? Или на стражу, как всегда, надежды нет?

Нил Янг ответил не сразу. Посмотрел на избитого бандита.

— Я спрошу его, когда он придет в себя. Если виновен в ограблении — арестую. Передай Великому Ворону, что я займусь этим. Не смейте больше нападать на людей.

Рейвен оскалился.

— Это наш город, и не тебе решать, что будут делать Вороны, а нашему повелителю! Запомни это, ничтожество!

Он швырнул в Нила Янга чернильное пламя. Затем еще и еще. Пусть попляшет, герой! В воздухе ему Ворона не достать!

Ногу обожгло болью. Рейвен взвыл и возмущенно уставился на метательный нож, всаженный в нее.

Чертов мерзавец!

Нил Янг метнулся к деревьям. Поди попади в него между стволами! Кроны надежно скрывали его от атак сверху.

— Хочешь продолжить — спускайся и дерись, как мужчина. А не хочешь — лети к хозяину, стервятник!

— Ах ты, скотина! Недолго тебе радоваться, подохнешь, как дядюшка Рутгер!

Но нога болела зверски, и Рейвен предпочел отступить. Не хватало еще истечь кровью и умереть из-за этого молокососа! Нет, умирать он не собирался! Через шесть лет он возглавит охоту на эту мразь и лично переломает ему ноги!

Он летел в убежище и проклинал Нила Янга последними словами. Если бы хоть часть проклятий сработала, тот уже корчился бы от боли, но, увы, надежд на это не было. К счастью, лететь было недолго.

Штанина пропиталась кровью, и Рейвен поковылял к Льюису, прикидывая, ждать ли разноса на этот раз. Вроде бы ничего не нарушил и не испортил, вопрос задал и получил на него ответ. Глупо, конечно, толку от Нила Янга не будет, но раз повелитель приказал, нужно выполнять.

Льюис еще не спал, но уже переоделся ко сну. При виде Рейвена он охнул и поспешил

усадить его. Когтями распорол штанину и осторожно извлек нож. Взялся лечить, и Рейвен расслабился.

Теперь все будет хорошо. С магией и заботой Великого Ворона ему не о чем волноваться.

— Это бандиты тебя ранили?

— Ха! Таким слабакам меня не достать. Я передал Нилу Янгу твой вопрос, повелитель. Он сказал, что займется этим, и просил не трогать их.

— Вы опять подрались?

— Он напал первым. Я не нарушал твоего приказа.

Льюис сощурился.

— И не провоцировал его? Не оскорблял?

— Нет, — искренне ответил Рейвен.

Льюис вздохнул и сосредоточился на лечении. Наконец закончил и отправился мыть руки. Рейвен продолжал сидеть в кресле, наслаждаясь ощущением стихнувшей боли.

Сила. Свобода. Магия.

Воистину, жизнь при Великом Вороне была прекрасна.

— Почему вы вечно сражаетесь? — Льюис вернулся и устроился в кресле напротив.

Прочь не гнал, так что Рейвен не спешил уходить. Рядом с повелителем он всегда чувствовал себя спокойно и безмятежно. Беседовать с ним было приятно, даже о проклятом рыцарском щенке.

— Потому что ненавидим друг друга.

— А почему ненавидите?

— Он племянник Рыцаря.

— И все?

— Этого достаточно.

— Нет. Должна быть более веская причина. Ты цепляешься к нему с самого его появления в городе. Из-за чего?

Рейвен не ответил. Льюис подождал и сказал:

— Я беспокоюсь о тебе. Постоянные сражения с Нилом Янгом однажды могут плохо закончиться. — В его голосе зазвучал мягкий укор. — Ты же не бессмертный. Зачем рисковать попусту и нарываться на драку с ним?

Рейвен закрыл глаза.

Тепло. Хорошо.

Как с Элдриком.

Остро захотелось, как раньше, положить голову ему на колени и рассказать обо всех тревогах. Выпустить их из себя, выплеснуть и послушать, что Элдрик скажет. Как объяснит тяготы жизни и научит с ними справляться. Или просто погладит по голове и ласково, легонько подержит за ухо.

Льюис тоже волнуется о нем. Он нужен Льюису, как когда-то был нужен Элдрику.

Рассказать? Он поймет? Или осудит, как осудили бойцы, за глупость, оплаченную страшной ценой?

Рейвен глубоко вздохнул и признался:

— У меня есть причина ненавидеть Нила Янга. Он виновен в гибели Элдрика.

— Но ведь его убил Принц Ричард. При чем здесь Нил Янг?

— Элдрик не покидал убежище, и до него было не добраться. Белой Мрази нужно было

как-то его выманить. Элдрик вышел, потому что меня схватили и грозились убить, если он не придет. Я был непослушным глупцом, не хотел сидеть взаперти и думал, что со мной ничего не случится. Я нарушил приказ Элдрика и полез туда, куда не следовало. Это оказалась ловушка, и завел меня в нее Нил Янг — племянник Рыцаря, мечтающий пойти по стопам дяди и убивать Воронов. Все его благородство — пыль, пускаемая в глаза. Внутри он гнилой, как червивый орех. Ради своих целей он пойдет на любую подлость и оправдает ее так же легко, как это делали Белая Мразь и Рутгер Янг.

— Вот, значит, какой он человек, — вздохнул Льюис, — жаль, я надеялся, что он другой.

— Он притворяется. Никогда не верь Рыцарям, они любят болтать о чести, а сами... ты видел, что творят. Нил Янг хочет стать Прекрасным Принцем из мести и тщеславия. Маленький крысеныш! Никогда его не прощу! Обвел меня вокруг пальца и отправил на смерть! А убили Элдрика! Проклятье, ну зачем он вышел? Я должен был там умереть, а не он!

Рейвен скорчился и обхватил себя руками. Если бы он не был таким идиотом, ничего бы не случилось! Элдрик ведь предупреждал его быть осторожнее! Даже наказывал за непослушание, но Рейвен считал, что ему все позволено, и внушения хватало ненадолго. Как все дети, он научился врать и хитрить, считая свои желания важнее наказов приемного отца.

За это и поплатился. Только не своей головой, что было бы справедливо, а жизнью Элдрика. Великого Ворона, который обменял ее и благополучие всего убежища на спасение одного бестолкового, но любимого Вороненка.

Льюис положил ему руку на плечо.

— Не вини себя. Элдрик не мог допустить твоей смерти и принял такое решение. Нельзя винить ребенка, попавшего в беду.

На его лице появилось задумчивое выражение.

— Сколько тебе тогда было лет?

— Пятнадцать.

— А Нилу Янгу?

— Двенадцать.

— Его могли заставить в этом участвовать.

Рейвен вспыхнул.

— Никто его не заставлял, он сделал это добровольно! Это он во всем виноват! Почему ты пытаешься его оправдать? Он мне жизнь разрушил!

— Я пытаюсь понять. Мотивы людей бывают сложнее, чем тебе кажется. Но не будем об этом больше. Рейвен?

— Что?

— Держись от Нила Янга подальше. Не сражайся больше с ним, улетай, если он нападет.

Рейвен стиснул зубы.

— Это приказ, повелитель?

— Ты же не слушаешься приказов, когда они тебе не нравятся. Так что это просьба. Позаботься о себе. Ты нужен мне живым.

— Я не умру, я убью этого щенка!

Льюис нахмурился и заговорил строго, почти жестко:

— Никто никого убивать не будет. Вот это я запрещаю. Послушай, мне обязательно

приказывать? Мои просьбы для тебя все еще пустой звук?

Рейвен вздрогнул.

— Нет, повелитель. Они важны для меня.

— Тогда оставь Нила Янга в покое. Месть еще никого до добра не доводила. Тебе не станет легче, если ты убьешь его.

— Станет.

— Тебе так только кажется. Ты выполнишь мою просьбу? Или для тебя важнее Нил Янг?

— Нет, повелитель. Я оставлю его в покое. Но этот ублюдок рано или поздно станет Прекрасным Принцем. Что тогда будем делать, если охоту на него ты запретил?

— Придумаем. Время еще есть.

Рейвен тоскливо подумал, что Время Воронов не может длиться вечно. Ничего, он свой урок усвоил. Приказы Великого Ворона больше никогда не будут нарушены. Бойцы подготовятся к схваткам с Рыцарями. Когда появится Прекрасный Принц, Льюис запрется в убежище, а Рейвен будет сутками его охранять. Не оставит одного и ни за что не позволит погибнуть. Впрочем, у Льюиса ведь нет того, кого Нил Янг мог бы похитить и заставить его выйти. Значит, все будет в порядке, и Великий Ворон будет править этим городом всегда.

Глава 18. Боишься — не делай. А делаешь — не бойся

Начальник стражи смотрел на Нила, как на сумасшедшего.

— Сынок, ты видно совсем спятил. Организовать ночные патрули вокруг парков, где питаются Вороны? Ты ребятам смерти желаешь?

— Их не убьют. Меня же не убили. Нам нужно защитить людей, что ходят в эти парки, и тех, кто их грабит. Иначе Вороны их просто вырежут.

— Туда им и дорога, — махнул рукой начальник стражи, — кто виноват, что у них ума не хватило к Воронам не лезть?

— Защита горожан — обязанность городской стражи. Это наш долг.

Господин Отто тяжело вздохнул и покосился на флягу с чем-то горячительным, отставленную в сторону. Перед приходом Нила он явно собирался ее распить.

— Послушай, сынок, я тоже был когда-то юнцом с горящими глазами, мечтавшим изменить мир вокруг. Поэтому и поступил в стражу. Сделал неплохую карьеру, как видишь. Но вот что я тебе скажу: мы ничего не сможем поделать с Воронами. Мы — обычные люди, и наше дело — сторона.

— Но я же не предлагаю стражникам нападать на Воронов. Мы будем ловить бандитов и защищать людей, вот и все.

— Так ведь Время Воронов! Они свободно шастают по ночным улицам, а ты хочешь, чтобы я наших парней отправил прямо им в когти? Ну, вот что: такого приказа я не отдам. Но ты — сержант и можешь попытаться. Если стражники не придут жаловаться, то будут тебе патрули. А если кто придет, то не обессудь, отменю. Меня за такое с должности снимут.

— Я вас понял, господин Отто. Могу идти? — сухо сказал Нил.

— Да ты не злись, я ведь дело говорю. Рутгер бы со мной согласился. Но вы, молодые, все горячие и упрямые, вечно ищите себе врагов. Хочешь коньяка со мной выпить?

— Благодарю, но я на службе.

— Иди тогда.

Нил раздраженно подумал, что дружить с таким безответственным человеком дядя Рутгер бы не стал, но начальнику явно нравилось вспоминать их знакомство. Прикрываться Воронами чтобы не защищать людей, ничего себе идея!

Что ж, значит, опять придется пользоваться влиянием на юных стражников.

Нил собрал их и честно обрисовал ситуацию: заставить он никого не может, но помощь ему очень нужна.

— Но зачем нам в это лезть, если Вороны сами карают преступников? — рассудительно спросил Гийом. — И «еду» свою они защищают без нашей помощи.

— Люди — не еда, — резко ответил Нил, — не зови их так. Затем, что жертвы грабителей — горожане. И грабители тоже. Это наше дело — обеспечивать безопасность на улицах. То, что Вороны делают это за нас — позор и плевок в лицо всей городской страже. Значит, мы настолько паршиво справляемся, что и бандиты, и их жертвы нас вообще не воспринимают всерьез.

Стражники зашумели. На их лицах появилось заметное возмущение.

— Так давайте докажем, что нас тоже нужно уважать! — воскликнул Анри.

— Но как? — возразил Сэм. — Нам что, бандитов у Воронов отбивать? Это же самоубийство!

— Мы будем их перехватывать, — пояснил Нил, — если охранять людей будем мы, Вороны прекратят это делать.

— Так мы за них всю грязную работу, что ли выполним? — уточнил Гийом. — А они снимут сливки?

— Я буду делать это ради людей, своей совести и чести. Ты можешь выбрать любую причину. Или перейти в дневной патруль.

У Гийома сверкнули глаза.

— Я пойду с тобой, Нил, но, чур, я — твой напарник!

— Эй, так нечестно! Почему ты? — завопил Анри. — Я тоже хочу!

— А давайте монетку бросим? — предложил Сэм. — Кому орел выпадет, тот идет с Нилом, а решки — друг с другом.

Нил рассмеялся.

— По очереди пойдете. Чтобы никому обидно не было. Гийом, ты — в следующую ночную смену.

— Почему он?

— Потому что первый согласился пойти со мной.

Патрули вокруг парка худо-бедно начались. Вороны регулярно летали над их головами, но стражников не трогали. Нил с Гийомом наткнулись на грабителя в первую же ночь и уговорили несостоявшуюся жертву написать заявление. По дороге в участок им пришлось вмешаться еще раз и действительно отобрать грабителя у Ворона в последнюю минуту.

— Передайте Великому Ворону, что стража справится сама, и Воронам патрулировать улицы больше нет нужды, — твердо сказал Нил, готовясь к драке.

Но незнакомый Ворон, не в пример Рейвену, оказался спокойным и спорить не стал. Пинком отправил грабителя им в руки и улетел.

— Ничего себе, — пробормотал Гийом, сноровисто связывая его, — впервые видел Ворона так близко. Я думал они страшнее.

— Бывают и страшнее.

— Он тебя послушался!

— Это вряд ли. Скорее всего, у него приказ не драться с нами.

Но, несмотря на патрули стражников, Вороны продолжали нападать на грабителей и время от времени Нил с напарниками натыкались на бессознательные тела. Многие из них потом от всего отпирались, заявляя, что просто гуляли и были атакованы ни с того ни с сего. Нил бы даже поверил им, но парочку из них он знал: уже ловил на кражах и попытках ограбления. Да и вряд ли ночные улицы в двух шагах от кормящихся Воронов были подходящим местом для прогулок.

Великий Ворон и не думал отзывать своих слуг.

Нил злился. Зачем было просить о патрулях стражи, если Вороны делали то же самое?

Однажды, когда его напарником снова был Гийом, они наткнулись на Рейвена, избивающего сразу троих бандитов. Двое уже валялись на земле и скулили от страха, зажимая кровоточащие раны, третий еще пытался сбежать, но Рейвен не давал, издевательски высмеивая каждую попытку.

Вот сволочь.

— Оставь их, — велел Нил, — мы их заберем. Почему вы все еще здесь? Я же сказал,

что городская стража сама решит проблему с преступностью.

Рейвен хищно оскалился.

— Глядите, кто объявился. А этого ты мне на закуску привел?

Гийом сглотнул и положил ладонь на рукоять меча.

— Именем наместника, вы арестованы! Сложите оружие и...

Рейвен расхохотался.

— Еда решила со мной пошутить! Оружие? Какое оружие? Вот это? Или это?

Он распахнул черные крылья во всю ширину, выпустил когти и зажег на ладонях чернильное пламя. По его лицу запрыгали жуткие тени, а глаза превратились в два темных провала.

— Ты любишь гореть, еда? Испытывал когда-нибудь настоящую боль?

— Гийом отойди в сторону и не вмешивайся, — велел Нил, прикрывая его собой.

Но тот замер, оцепенело разглядывая Рейвена.

В этот миг третий бандит в очередной раз попытался сбежать, но Рейвен ударил его крылом и швырнул на землю. Небрежно погасил огонь и опустил руки.

— Великий Ворон доволен тем, что ты взялся прибираться этот мусор, но пока не докажешь, что справляешься, мы будем присматривать за нашими жертвами. Ты можешь забирать то, что осталось.

Нил раздраженно подумал, что Великий Ворон — тот еще высокомерный засранец. Выставил все так, словно бы делает одолжение, хотя действия Нила шли ему на пользу.

Неважно. Люди — вот о ком Нил должен думать, а не о своей гордости.

Напасть на Рейвена сейчас? Спускать такое поведение нельзя, но Гийом может пострадать. Но пока Нил прикидывал, как лучше поступить, Рейвен взглянул на него с отвращением и взлетел, даже не сказав привычных гадостей напоследок. Насытился, что ли? Почему не стал драться?

Гийом шумно выдохнул.

— Жуть какая! Я думал нам конец!

— От этого Ворона держись подальше, — предупредил Нил, подходя к грабителям, которые так и не осмелились подняться, — никогда с ним не дерись, а если есть возможность — беги.

— Только у них это не получилось, хотя их трое, а он был один, — мотнул головой Гийом, — но с тобой он драться не стал. Бойтся?

— Просто не захотел. Помоги мне их связать. Вы арестованы за попытку ограбления.

— Слушай, а ведь он передал тебе послание от самого Великого Ворона! С чего бы владыке тьмы с тобой вообще разговаривать? Разве что... Нил, так это не шутка была, что ты станешь Прекрасным Принцем? Ты действительно им станешь?

— Постараюсь. Пошли, у нас много дел.

На другой день об этом знал весь участок, на третий — весь город. Нила засыпали похвалами, льстили, пытались угощать на рынках и звали в кабаки. Люди молили его не отступать и защитить город от зла. Его имя передавалось из уст в уста. Нила это все смущало и беспокоило. Если его весь город будет знать в лицо и по имени, то во Время Рыцарей он станет легкой добычей для врага. Помнится, Принц Ричард постоянно скрывался и ни с кем не завязывал близких отношений, опасаясь предательства. Людей он сторонился: дядя Рутгер рассказывал, что те могли быть до смерти запуганы Великим Вороном, после чего в пищу Принца могло попасть снотворное или яд. Рыцарей заманивали в засады и убивали.

Маленький Нил был страшно возмущен подобной подлостью, а теперь придется ее учитывать. А не подкупом ли горожан занимался нынешний Великий Ворон, щедро рассыпая золотые монеты? Не натравят ли всех тех, кого Нил сегодня защищает, на него же?

«Боишься — не делай. А делаешь — не бойся!» — зазвучал в его голове озорной голос Дирка. Ох, скольким проказам предшествовали эти слова! Дирк ничего не боялся и всегда умел подбодрить Нила, заставить его забыть о страхе. Все самые отчаянные поступки в его жизни сопровождал этот голос, давно уже ставший воплощением внутренних лихости и авантюризма.

О том, что случилось с его настоящим владельцем, Нил старался не вспоминать.

Он глубоко вздохнул.

«Не боюсь. Сделаю» — решил Нил и выбросил лишние мысли из головы. Когда станет Прекрасным Принцем, тогда и будет опасаться. А сегодня он — стражник и должен защищать людей.

Патрули вокруг парков длились вот уже несколько месяцев. Вороны и стражники заключили негласный договор: грабителей сильно не бьют, выпивают часть жизненных сил и сдают с рук на руки страже. Потерпевшие не убегают, а дожидаются и содействуют арестам. Большого Нил добиться не смог: Великий Ворон явно ему не доверял. Зато добровольные жертвы все чаще стали обращаться в стражу. Нил говорил с ними дружелюбно и расспрашивал о «делках» с Воронами. Не принуждали ли их? Не пропадал ли кто из знакомых? Не видели ли они Великого Ворона? На все вопросы он получал отрицательный ответ. То, что эти люди не страдали, было, разумеется, хорошо, но то, что они продолжали скармливаться Воронам, его напрягало. Вроде бы их никто не заставлял, все были довольны, и на других людей Вороны больше не нападали, но Нилу все равно казалось, что он допускает какое-то скрытое зло. Цели Великого Ворона не могли быть благими, значит, за всем этим таился коварный план. Чего же все-таки он хотел добиться, притворяясь добрым и милосердным?

До конца Времени Воронов оставалось пять с половиной лет.

Однажды, часа в четыре утра, когда Нил заполнял бумаги на очередного пойманного грабителя, тот внезапно разрыдался. Паренок был совсем юным: лет шестнадцать, не больше. В бандиты нередко попадали чьи-то младшие братья или сироты, отнюдь не все они были матерыми преступниками.

Нил старался смягчить для таких приговор, надеясь, что для них еще не все потеряно.

— Чего ревом? Грабить людей — плохо. За это сажают в тюрьму. Мама не рассказывала тебе об этом?

— Ворон! Он все знает! Убьет... всех убьет...

Паренька Нил забрал у Рейвена, обменявшись парочкой привычных оскорблений, а тот действовал устрашающе на многих. Неудивительно, что бедняга испугался до мокрых штанов.

— Не бойся, здесь он тебя не достанет. У нас прочные стены и надежные камеры.

— Не меня! Он остальных убьет! Я их выдал на расправу Воронам! — парень заревел так горько, что дрогнуло бы и каменное сердце.

Нил отложил перо и нахмурился.

— О чем речь? Рассказывай, давай.

— Не могу, меня же убьют! И их убьют! Вороны всех растерзают!

— Я — будущий Прекрасный Принц, — резко сказал Нил, — я никого не дам растерзать. Говори, если хочешь, чтобы я остановил Воронов.

Юный грабитель замолк и уставился на Нила круглыми глазами. Размазывая сопли по лицу, принялся говорить.

Парнишка состоял в банде, собранной каким-то хитрым наемником, в основном из таких вот наивных юнцов. Вначале поил и угощал, потом предложил «отличное дело»: грабить добровольных жертв Воронов. Они слабые после «кормежки», покажи им нож — сопротивляться не будут, сразу отдадут золото. Маршрут патрулей стражи наемник изучил и посылал дураков в «правильное время», умолчав о том, что Вороны его не соблюдают. А тех, кто попадался, заранее убеждал не выдавать «своих» из соображений «воровской чести». Конечно же, «они сами были виноваты, умные не попадаются». Вначале позволял оставлять золото себе. Потом стал требовать по одному золотому в общак, а парням — то что сверху. Тех, кто не справлялся, он и его дружки били. «Не можешь добыть золото так, сам иди кормить Воронов, но чтоб без него не возвращался!». Паренек и ходил, ведь над головой летали Вороны, стражи стало больше, а всех мало-мальски опытных бандитов переловили. Но вот, решился наконец ограбить одинокую девушку и попался в руки Рейвена. О пощаде начал молить прежде, чем тот к нему приблизился, и сдуру признался, что сам был жертвой и даже пару раз кормил именно этого страшного Ворона! И не хотел он грабить, его заставили! Рейвен его узнал и вытряс о банде все: где собираются, когда, сколько их. Парень болтал без умолку, до жути боясь, что его сожрут. Из парка-то отпускали, но тут могли и растерзать.

Не растерзали.

— Только не говорите, что это я вам рассказал! — взмолился он, сообразив, что убивать его не будут.

Жуткий Ворон засмеялся. Страшнее смеха парень не слышал ни у кого.

— Мертвецам будет без разницы, кто их сдал.

А потом появилась стража, и парня забрали. Даже бить никто не стал.

Только тогда он понял, что натворил.

— Там ведь Тони-пекарь, Джон-сапожник, Луис-ткач! Они мои друзья! Мы давно хотели уйти, но не могли! А Вороны всех убьют! — рыдал парнишка. — Спасите их, прошу вас!

Нил судорожно соображал, что делать. Бежать сейчас? Нет, поздно, по словам парня, сбор банды проходил в три утра. Рейвен вряд ли пойдет убивать их один, наверняка соберет других Воронов. Но и тянуть не станет: нападут наверняка завтра. Значит, банду нужно взять до того, как появятся Вороны, иначе беды не миновать. Пусть некоторых грабителей еще не будет, их можно будет взять потом. Главное — успеть первыми. Даст ли начальник стражи свое разрешение? Не даст, не позволит рисковать стражниками ради бандитов. Значит, к черту его, позовет ребят с собой, как обычно.

Молодые стражники, выслушав его план, дружно согласились. Они давно уже воспринимали его затеи, словно веселые приключения, и, не задумываясь, лезли за ним куда угодно. Нил обеспокоенно подумал, что если они столкнутся с Воронами, то будут жертвы. Может ли он тащить их с собой? Не прав ли господин Отто, называя его сумасшедшим? Но один он не справится, а позволить Воронам убивать людей нельзя.

Банда была взята за считанные минуты. Серьезных бандитов там было мало, а остальные побросали оружие и подняли руки, услышав заветные слова: «Городская стража! Именем наместника, вы арестованы!».

Бандитов связали и вывели во двор. Нил едва успел с облегчением выдохнуть, как услышал хлопанье крыльев.

Стражники опередили Воронов на каких-то десять минут.

Он выступил вперед.

— Городская стража! Что вам здесь нужно?

— Да какого черта? — Рейвен явно был раздосадован. — Откуда ты узнал об этом месте?

— Это мое дело. Эти люди арестованы, и вам здесь делать нечего.

Вороны сердито заворчали и разразились ругательствами. Нил явственно услышал слова «рыцарский ублюдок» и «горло перерезать новой Белой Мрази». Напрягся. Стражники встали за его спиной, прикрывая.

— Нил, что будем делать? — шепнул Гийом.

Еще бы он знал.

Велеть им укрыться в доме? Или вступить в бой? Но если Вороны взлетят и атакуют их магией, мечи стражников будут бесполезны. У самого Нила было всего три метательных ножа и этого явно было мало.

— Ничего, пока я не прикажу.

Или пока не прикажет Рейвен. Одно его слово — и Вороны набросятся на них.

Нужно было его отвлечь. Попытаться устроить переговоры.

Нил подавил нервный смех. Договориться! С Рейвеном! С этим безумным стервятником, обожающим запугивать и причинять людям боль!

— Я выполнил желание Великого Ворона, — громко сказал он, — последняя банда взята. Ваши жертвы в безопасности.

— Их мы должны были раскатать, а не ты, — процедил Рейвен.

Почему-то он медлил, не отдавая приказ о нападении.

— Какая разница? Твой хозяин получил что хотел. Можешь доложить ему, что все сделал сам.

— Делать мне больше нечего. Тихо! — прикрикнул он на своих бойцов. — Великий Ворон запретил трогать людей! Черт с ними, сделали и сделали! Зато нам не пришлось тащить эти тела в участок.

— Он велел вам подкинуть трупы к участку? — вскинулся Нил.

Рейвен взглянул на него как на идиота.

— Какие трупы? Великий Ворон приказал отдавать грабителей вам, немного побив. Этим ждала та же участь.

— Но мальчишке ты сказал, что убьешь их.

— Больше будет бояться, дольше проживет.

— Рейвен, давай проучим этого наглого выродка, — громко и четко предложил немолодой Ворон, глядя на Нила, — переломаем руки-ноги так, чтобы нормально не срослись, и посмотрим, как он через пять лет калекой сражаться будет.

Стражники схватились за мечи. Вороны одобрительно загоготали.

Нил напряженно смотрел на Рейвена.

— Ну его к черту, — неожиданно равнодушно ответил тот, — повелитель запретил его

убивать и калечить, он будет недоволен. А желания Великого Ворона важнее наших. Как станет Принцем, тогда и переломаем все, что надо. Пока пусть живет. Полетели отсюда.

Он первый поднялся в воздух, и остальные Вороны потянулись за ним.

Нил выдохнул и вытер пот со лба.

Невероятно. Рейвен не использовал такой шанс с ним расправиться. Да что это с ним, в монахи решил податься?

— Вот звери, — с ненавистью произнес Гийом, — такое задумать только нелюди могли!

— Наоборот. Люди, — до Нила, наконец, дошло, — они нас пытались запугать, но сделать ничего не могли, ведь Великий Ворон им запретил. Это была пустая бравада. Они бы не посмели его послушаться. А так вы будете знать, что грозит мне и тем, кто меня поддержит.

Но почему Великий Ворон запретил его убивать? Что за нелепость? Боятся, что репутация «доброе злодея» разрушится? Хочет честного поединка с достойным противником?

— Мы их не боимся! — гневно сказал Анри. — Ты сможешь выбрать себе Рыцарей среди нас!

Рыцарей? Тех, кто будет пробовать его еду, чтобы не отравили? И умирать за него?

Нет. Туда он ребят не потащит.

Нил улыбнулся им.

— Возвращаемся в участок. Вы все молодцы и отлично справились. Я горжусь вами. Предлагаю отпраздновать взятие банды сегодня, как засунем преступников в камеры.

Стражники радостно и одобрительно завопили.

А завтра его могут уволить.

«Но оно того стоило, ведь так?» — азартно спросил его Дирк. — «Мы победили! Всех спасли, никто не пострадал! Даже *этот Ворон* оказался не такой уж злобный и страшный. Любит пугать, но ты же не тот рыдающий мальчишка, чтобы верить в его угрозы? Давай сами его напугаем! Вот станешь Принцем, ух, как он тебя бояться будет!».

Нил захохотал взахлеб, запрокинув голову в светлеющее небо.

Он победил! Он доживет до Времени Рыцарей, станет Прекрасным Принцем и уничтожит Великого Ворона! Никто его не остановит! Все эти злобные Вороны сами будут бояться к нему подойти!

Он выстоит, во что бы то ни стало.

Глава 19. Мирное время

Льюис был Великим Вороном вот уже три с половиной года.

Не так он представлял свое будущее, приезжая сюда, но, как ни странно, был вполне доволен жизнью. Проблема с преступниками сошла на нет, к Воронам люди постепенно привыкли, больше не впадая при них в панику, а добровольные жертвы не переводились, охотно делясь жизненной силой в обмен на золото. Город вновь был мирным местом, даже без Принца Ричарда и его Рыцарей. Льюис с удовольствием бродил по нему, наслаждаясь пешими прогулками не меньше, чем полетами. Жаль только ему редко кто составлял компанию: Сольвейн предпочитал гулять со своей девушкой, Шарлотту было почти не застать в убежище, а Рейвен, хоть никогда не отказывался, откровенно скучал, не понимая, зачем бесцельно бродить по улицам. Однажды они издали увидели компанию стражников и среди них Нила Янга, после чего Рейвен изрядно напрягся и утащил Льюиса прочь, пока их не заметили.

А жаль, Льюис хотел бы поговорить с ним и сам составить о нем правильное мнение.

— Он выглядит, как обычный человек и держится скромно. Совсем не похож на Принца Ричарда.

— Это пока. Вот получит белые доспехи и огромную силу, тогда и выпустит гниль наружу, — мрачно ответил Рейвен, — не приближайся к нему. Стоит ему узнать кто ты — моментально нападет.

Льюис вспомнил, как доброжелательно прошла его первая встреча с Принцем Ричардом, когда тот считал его простым горожанином, и как вторая, когда в нем увидели монстра. Увы, Рейвен был прав. Трудно доказать, что ты не чудовище, когда тебя им считают.

— Но он больше не нападает на Воронов?

— Нет.

Льюис довольно улыбнулся. Его расчет оказался верным: будущий Прекрасный Принц не вредил просто так, у него были определенные причины. Возможно, прожив еще несколько лет в мирном городе, он убедится, что защита тому не нужна, и уедет.

А может, у Льюиса все-таки получится снять с Воронов проклятье, и причина для битвы исчезнет.

С проклятыми вещами дело шло по-прежнему: Льюис, Сольвейн, Шарлотта и Рейвен искали их по всему городу. Нередко они находились буквально под ногами: тускло поблескивающие, привлекательные, будто кем-то оброненные. Льюис давно научился отличать их от обычных вещей по ряду мелких признаков: весу, форме и виду. Но главное, однажды он заметил, что проклятые вещицы повторяют уже существующие: шпук пять колец были копиями кольца Сольвейна, три броши ничем не отличались от той, что принадлежала Шарлотте. Это было очень странно: кузнецы и ювелиры никогда не делали одинаковых вещей, хоть в мелочах, но отличия были. А проклятое серебро походило на размноженное отражение одного и того же предмета. Разве что монета Льюиса ни разу за три года им не попадалась.

В одной из лавок Сольвейну удалось обнаружить постоянный источник проклятого серебра: каждые два-три месяца возникала новая вещь. За год выходило пять. Льюис лично пошел беседовать с владельцем, но тот понятия не имел, откуда они берутся: в лавке скупали

старые вещи за бесценок, частенько целой кучей. Торговец очень старался услужить «благородному господину», и они договорились, что «безделушки» ему будут откладывать, как постоянному покупателю. Приходил за ними все равно Сольвейн. Но их было всего пять, а должно быть пятнадцать. Шарлотта нередко находила другие на барахолках и приносила еще три-четыре, Рейвен подбирал парочку на улице, но новые Вороны все равно появлялись и именно в том количестве, что было упущено. Льюис упорно искал все источники проклятья, но пока не получалось.

— Мы ведь все равно молодцы, — подбадривал его Сольвейн, — за три года спасли почти тридцать человек от нашей участи. Ты был прав. Как только сумеем собрать все, проклятье будет остановлено.

— Этого мало, — угрюмо возражал Льюис, — мы все еще не знаем, как его снять. Столько книг о магии прочли, а толку-то? В них и близко нет того, что нам нужно.

— Однажды ты найдешь способ.

Он старался, но никак не мог отыскать нужного заклинания. Сольвейн вызвался помочь, и Льюис опробовал на нем больше десятка вариантов исцеления от проклятий, но светлые чары соскальзывали с черных волос Сольвейна, не меняя их. Целый год Льюис посвятил попыткам использования магии Великого Ворона для этой цели, но безуспешно. С ее помощью он мог лечить раны и болезни, мог взбодрить не выспавшегося друга или, наоборот, усыпить, изменить его настроение, но ни один приказ, направленный на отмену проклятья, не подействовал.

Нужно было менять подход. Льюис почти физически ощущал, как блуждает в потемках, а все, что находит на ощупь, пытается пристроить к делу. Ему не хватало знаний, а метод проб и ошибок не помогал.

Поиск проклятия шел тяжело, а вот перемены в отношении горожан к Воронам, складывались неожиданно легко. О Воронах стали говорить лучше, молодежь перестала их бояться, а в городе пошла мода красить волосы в черный цвет. Старшее поколение ее страшно осуждало, и Льюис несколько раз слышал за своей спиной ворчание: «Юнцы совсем с ума сошли! Сами призывают проклятье на свои пустые головы!». Шарлотта рассказывала, что у многих Воронов и Воронесс внезапно стала складываться личная жизнь: добровольные жертвы и стражники из ночных патрулей флиртовали направо и налево, что привело к нескольким романам. Черные волосы стали считаться красивыми, а крылья и когти будоражили, а не пугали. Объяснение всему этому нашла Шарлотта, принесла на одну из вечерних посиделок книгу с непонятным названием «Полумрак».

— Ею зачитывается вся молодежь города, передавая из рук в руки. Не читать «Полумрак» считается постыдным признаком отсталости и страха перед родителями. Это история о прекрасном Вороне, влюбленном в юную деву. Она готова отдать ему все, от своего сердца до невинности, он же разрывается между порочной страстью, вороньим голодом и чистой, искренней любовью к ней. А знаете, как зовут главного героя?

— Как?

— Сольвейн.

— Что? — тот подскочил и забрал у Шарлотты книгу. — А кто автор? Джейн Норридж? О, нет, Джейн!

Он схватился за голову и рухнул в кресло.

— Там ведь нет эротических сцен, правда? — безнадежно спросил он.

— Есть, — глаза Шарлотты шаловливо блеснули, — хотите, я прочитаю вам пару глав

вслух?

Рейвен равнодушно пожал плечами. Льюис покачал головой.

— Я не поклонник любовных романов. А почему у главного героя твое имя, Сольвейн?

— Потому что Джейн — моя бывшая девушка! — застонал тот. — Но мы же расстались по-хорошему, я был честен и все сделал, чтобы она на меня не обижалась! За что?

— По-моему она тобой восхищается и нежно любит, — заметила Шарлотта, — ты описан в книге таким идеальным, что кажешься выдуманным. Но я все-таки прочту одну главу вслух, повелитель. Просто чтобы вы знали, что именно сделало нас такими привлекательными в глазах городской молодежи.

— Ладно, читай.

Сольвейн закрыл лицо руками.

Фантазии Джейн Норридж вызвали у Льюиса чувство неловкости, зато Рейвен хохотал как безумный на описаниях великолепного владения Сольвейном клинком и магией. Когда же книжный Сольвейн пронзил сердце злого Прекрасного Принца, спасая свою возлюбленную Мэри от его похотливых посягательств, Рейвен завыл и замолотил кулаками по подлокотникам кресла.

— Она что, приезжая? — едва выдохнул он сквозь хохот. — Не знает, что Прекрасного Принца может убить только Великий Ворон и всего одним способом? Что за бред?

— Джейн — дочь известного поэта и переехала в наш город пару лет назад, уже после того, как Льюис запретил нападать на людей, — мрачно ответил Сольвейн, — для нее Вороны — ожившая сказка. Я давал ей погладить свои крылья, когти и, конечно же, убеждал, что Вороны неопасны для горожан. Но я не думал, что у меня получится настолько хорошо.

— У тебя все получается хорошо, — хихикнула Шарлотта, — судя по постельным сценам, ты — первый любовник нашего города. Скажи, то, что тут написано, правда?

Сольвейн пробежал глазами по тексту и густо покраснел.

— Нет! То есть, да, кое-что правда, но в основном, она все преувеличила!

Шарлотта заулыбалась.

— Сольвейн, милый, а что ты делаешь сегодня вечером?

— Лечу ругаться с Джейн, — буркнул тот, — как она могла меня так подставить? Говорила, что я — ее вдохновитель, лучший мужчина в жизни, что я достоин остаться в истории как главный герой... подожди-ка.

Его лицо озарилось внезапной догадкой.

— Она обещала увековечить мое имя, чтобы все узнали о моем великолепии!

— И ты ей это разрешил? — уточнил Льюис.

— Да! Но я думал, что она просто так признается мне в любви! Я тоже обещал носить ее на руках до конца времен, но не буквально же!

— Меньше надо было языком трепать, — ухмыльнулся Рейвен.

Шарлотта покосилась на книгу и мечтательно вздохнула.

— А почему вы расстались? Судя по книге, она очень хорошо к тебе относится.

— Да как-то так получилось, — Сольвейн смутился, — вначале я был занят, помогая Льюису, потом Джейн постоянно писала книгу и устраивала литературные встречи. Мы редко виделись. Однажды я встретил в парке Марту, и меня как громом поразило! С того мига мое сердце принадлежало ей. Пришлось признаться Джейн и расстаться с ней. Она расстроилась, конечно, но потом махнула рукой и сказала: «Мужчины преходящи, искусство

— вечно. Давай останемся друзьями». Мы и остались.

Он тяжело вздохнул.

— Думаете, я сам во всем виноват?

— Нет, — утешил его Льюис, — ты не мог такого предположить. Но если эта книга действительно обелила репутацию Воронов, то она очень полезна, несмотря на свое сомнительное содержание. Не переживай, рано или поздно о ней забудут.

— А я слышала, что выйдет вторая часть, — заметила Шарлотта, — женщины в убежище только об этом и говорят.

Сольвейн побледнел.

— Главное, чтобы это не дошло до мамы. Остальное я переживу.

За три года Льюис озаботился не только благополучием потенциальных Воронов, но и одного конкретного, чье стремление к неприятностям его сильно беспокоило. Рейвен, к его облегчению, держал слово и больше не приближался к Нилу Янгу. Это явно требовало от него серьезных усилий, и Льюис старался помочь, взяв в союзницы Шарлотту. Вместе они чутко приглядывали за Рейвеном, занимали делами и развлекали. По мнению Льюиса, счастливый человек, живущий полной жизнью, мстить никому не станет. Но вдобавок к этому он все-таки взялся поработать над моральным обликом верного соратника и подобрал тому несколько подходящих книг, попросив прочитать для дальнейшего обсуждения. Рейвен отнесся к идее без восторга и за месяц не осилил и нескольких страниц.

— Повелитель, мне обязательно это читать?

— Слишком скучно? Хорошо, я подыщу что-нибудь поинтереснее. Как насчет сборника притч и сказаний?

— Я не ребенок. Мне не нужно читать сказки.

— Сказки и сказания — разные вещи. Попробуй их.

— И кому мне это читать? В убежище нет детей.

— Хотя бы Шарлотте, если тебе хочется делать это вслух.

Но и здесь дело не пошло на лад. В результате именно Шарлотта выдала «страшную тайну», которую Льюис в упор не замечал.

Рейвен не умел читать.

Льюис был обескуражен.

— Почему ты мне сразу не сказал? И как так получилось, ведь в городе очень много образованных людей? Здесь даже детей бедняков учат, подкармливая, чтобы точно приходили на занятия!

— Я умею читать! Просто это тяжело и бессмысленно! — огрызнулся Рейвен. Он напоминал нахохлившегося воробья под дождем. По просьбе Льюиса он прочел вслух несколько строк: мучительно медленно, по слогам, спотыкаясь на длинных словах и неверно расставляя ударения. — Я ходил в церковную школу, где меня научили читать и писать, а потом я двадцать лет этим не пользовался! Только счет и пригодился! Зачем вообще ты заставляешь меня это делать? Если тебе нужно, чтобы кто-то читал, то прикажи Сольвейну и Шарлотте, они умеют лучше. А если это наказание, то за что? Я же ничего не сделал, чтобы такое заслужить!

Льюис онемел. Некоторое время они с Рейвеном молча смотрели друг на друга, пока Шарлотта, тихо хихикающая в ладонь, не рассмеялась в голос.

— Повелитель, читать любят не все. Простым горожанам чтение нужно только для дела: вести учет товаров, проверять разрешения от гильдий и так далее. Рейвен, ненаглядный мой, для повелителя чтение сродни полету. Он обожает его и хочет открыть тебе новое удовольствие, чтобы ты им наслаждался и был счастлив.

Рейвен недоверчиво нахмурился.

— Ты не шутишь? Повелитель, ты серьезно меня этим порадовать хотел?

— Примерно так, — кашлянул Льюис.

— Тогда у тебя не вышло. Но я рад уже тому, что все закончилось. Давай лучше вместе над городом летаем. Это понравится нам обоим. Шарлотта, полетишь с нами?

— Полечу. Переоденусь только в штаны.

В воздухе Шарлотта постоянно дразнила Рейвена, носилась вокруг него кругами и дергала то за кончики крыльев, то за косу. Рейвен притворно ворчал, но в глазах его разгорались веселые огоньки. Во время очередного «нападения» он сам схватил Шарлотту и раскрутил в воздухе, под ее звонкий визг. Вскоре они уже гонялись друг за другом, хохоча, обнимаясь и целуясь, когда ловили. О Льюисе оба явно позабыли.

Определенно у Шарлотты прекрасно получалось делать Рейвена счастливым. Он больше не выглядел пугающим головорезом: страшный взгляд исчез, серые глаза стали ясными и спокойными, а худое лицо перестало выглядеть изможденным. Мирная жизнь и озорная любовница понемногу забирали его печали, смягчали жесткий характер.

Это было замечательно, но изначальная проблема никуда не делась. Как научить Рейвена морали, если он не желал и почти не умел читать? Книги — это целый мир, они учили думать и сопереживать, расширяли горизонты, помогали человеку превратиться в гармоничную личность. Как передать нужные знания иначе?

И почему Элдрик, занимавшийся его воспитанием, не позаботился обучить любимого приемного сына тому, что знал сам? Он ведь был хорошо образованным человеком.

Льюис аккуратно расспросил Рейвена и получил некоторое представление о ходе мыслей своего предшественника.

— Он хотел, чтобы я стал настоящим Вороном и жил без забот, — Рейвен тепло улыбался, вспоминая детство, — я рос свободным и целыми днями делал, что хотел, не волнуясь ни о чем. Никаких больше уроков, скучных книжек и высидивания положенного времени в церкви. Моя человеческая жизнь кончилась, и Элдрик советовал забыть ее, как сон. Меня научили новым правилам, показали, как летать и обращаться с магией, разрешили тренироваться с бойцами, потому что я к ним рвался и вечно торчал на тренировочной площадке. А если я чего-то не понимал, то шел к Элдрику и спрашивал. У него всегда находились для меня ответы. Великий Ворон для того и нужен, чтобы простые Вороны могли жить, не терзая себя лишними раздумьями. Он решает, мы исполняем. И все довольны.

Льюис задумался.

Простая и четкая иерархия, где все знали свое место, была удобна для управления подданными. Из Рейвена не готовили наследника, да он и не смог бы им стать: титул Великого Ворона передавался случайным образом. Элдрик научил приемного сына, как жить Вороном, в остальном же просто баловал, любя и оберегая. Он желал, чтобы Рейвен прожил легкую жизнь.

Легкую жизнь? Будучи проклятым Вороном? Да как такое возможно?

А ведь можно, если жить по простым правилам и не думать лишнего. О потерянном не будешь плакать, если не знаешь, что потерял. Эдрик знал. Рейвен — нет. Для него нормальной была именно жизнь Ворона. Зачем учить географии того, кто навсегда заперт в городе? Рассказывать о морали тому, кто вынужден каждую неделю нападать на людей и высасывать из них жизнь?

Эдрик пытался избавить Рейвена от лишних сожалений.

Льюис вздохнул. Ему неприятно было это признавать, но такой подход был разумным в тех условиях, в которых Рейвен рос. Эдрик был уверен, что проклятье не снять, а значит, нужно было под него подстроиться, и ребенку это было сделать куда проще, чем взрослому. Не это ли помогло Рейвену выстоять после гибели приемного отца, в атмосфере безысходности Времени Принца?

Тогда это было правильно, но сейчас все изменилось. Больше не было жестоких битв и убийств невинных людей. И не будет, пока Льюис — Великий Ворон. Город будет мирным, и Рейвену не нужна жестокость, чтобы выжить. Значит, от нее надо избавляться.

Так как научить его ценить чужие жизни, если не через книги?

Сольвейн, которого Льюис призвал на помощь, выслушал его и предложил читать Рейвену вслух:

— Талантливые сказители могут озолотиться на своих историях: люди всегда приходят их послушать. Только нужно выбрать что-то, что заинтересует Рейвена, а не тебя, иначе он снова будет скучать.

— Но какие у него интересы? Драки? Полеты? Постельные радости с Шарлоттой?

Сольвейн улыбнулся.

— Ты сам все понял. Ищи истории о великих битвах, драконах и любви. От себя добавлю, что ему могут понравиться сюжеты о мудрых королях и верных подданных. Только смотри, чтобы там не было благородных рыцарей и отважных принцев, иначе Рейвен поймет такую историю превратно.

Сольвейн оказался прав. Рейвен с живым интересом слушал и обсуждал старинные легенды и исторические сражения. Он негодовал на сценах предательства и подлости, проявленной врагами, однако те же действия героев вызывали у него полное одобрение. Все, что делали «свои» с «чужими» было допустимо. Льюис пытался достучаться до него и объяснить, что есть вещи чудовищные по своей сути, до которых нельзя опускаться никому, но Рейвен не желал этого принимать.

— Знаешь, что меня удивляет в твоих мыслях, повелитель? — однажды спросил он. — Ты ко всем относишься так, словно они — твои подданные, и о них нужно заботиться. Я понимаю, почему ты так ведешь себя с горожанами: город твой, и они все тоже твои. Ты сделал так чтобы хорошо жилось всем, и Воронам, и людям. Это странная идея, но она действительно работает. Но почему ты загодя думаешь, как не причинить вреда врагам? Они никогда не будут твоими подданными.

— Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе, — пояснил Льюис, — к тем, кто ведет себя жестоко, и враги будут относиться жестоко. Прояви милосердие, и ты получишь его в ответ.

Рейвен вздохнул и покачал головой.

— Нил Янг ждет силу, чтобы убить тебя. Не будет он к тебе милосерден, что бы ты ни делал.

— Мы этого не знаем.

— Еще как знаем. Почему ты так легко забываешь зло? Вспомни Белую Мразь. Ты не делал ему ничего дурного, он же пришел убить тебя. И никакого милосердия ты не получил. Зачем метать бисер перед свиньями?

— Ты запомнил эту фразу! — оживился Льюис.

— Она правильная. Даже твои любимые книги подтверждают мою правоту. Нельзя быть хорошим для всех. Как бы умен ты ни был, не стоит выдумывать лишнего там, где все ясно. Убьешь ты или убьют тебя. А за тобой и нас всех.

— У нас еще есть время, чтобы это изменить, — возразил Льюис.

— А когда оно закончится, только тебе решать, продолжим ли мы жить мирно во Времени Воронов или будем постоянно сражаться во Время Рыцарей. Решай мудро, повелитель. Наши жизни в твоих руках.

Льюису показалось, что Рейвен возложил ему на плечи весь город. Это было слишком тяжело. Как он может справиться с такой ношей? Он — неудавшийся студент-историк, проклятый глупец, неспособный освободиться от своего проклятья? Ему нужна была помощь, но он даже не знал у кого ее попросить.

Ничего, справится сам. Время еще есть для всего: и для мирной жизни Рейвена, и для поисков проклятия. Он найдет способ вырваться из этой ловушки, а не пойдет в нее, даже если Рейвен называет это единственно верным путем.

Глава 20. Ворон не считай, а то Вороны налетят

Рудольф Бьернссон был странствующим наемником, приплывшим на большую землю с далеких северных островов. Как многие его сородичи, он обладал внушительным ростом, огромной силой и умением сражаться хоть на море, хоть на суше. Внешность Рудольфа выдавала его происхождение за милю: квадратная челюсть, светлые глаза и волосы, короткая борода и густые усы. Отряд его родичей давно разбили, конунг погиб, на родину не тянуло, и он решил жить просто: сражаться за того, кто больше заплатит. Но после десяти лет странствий захотелось передохнуть, и Рудольф осел в городе. Здесь постоянно находилась работа в охране. Последний наниматель платил щедро, а врагов не имел вовсе. Всякая шушера при виде внушительной фигуры охранника разбегалась сама, но хозяин все равно дико боялся каких-то «воронов», про которых в городе бродили байки. Вначале Рудольф был начеку, но те появлялись только ночами в парках, а заказчик трясся везде и всегда. Закатывал истерики, требуя его защитить, даже когда все было спокойно, так что вскоре Рудольф счел его трусливым недоумком и расслабился. Дурень собственной тени боялся. Да кому он был нужен? Впрочем, Рудольф не жаловался: платили ему щедро, город был хорош и жизнь в нем тоже хороша. Много денег, вкусное пиво, женщины красивые. Работенка была левой: таскаться за хозяином и отгонять «источники ужаса» — черноволосых людей, в которых тот тыкал дрожащим пальцем. Рудольф подходил к ним и дружелюбно просил свалить подальше. Если начинали бузить, то достаточно было просто крепко стиснуть чужое плечо, чтобы спор закончился. И все было просто прекрасно до одного случая.

Очередной источник хозяйского страха отказался уходить, а после болезненного захвата полоснул когтями по руке. Рудольф выругался, изумленно уставился на пять кровоточащих царапин, потом на втягивающиеся когти. Люди такого не умели, а значит, перед ним был именно Ворон. Рудольф выхватил меч, готовясь к драке, но результат получился неожиданным. Ворон испуганно взвизгнул и взлетел, распахнув огромные крылья. Дал деру по воздуху — только Рудольф его и видел.

Вернее, не только он.

Дело происходило днем, на людной улице. Началась паника, люди с криками ужаса разбегались прочь, а хозяина при этом немного потоптали. Рудольфа рассчитали в тот же вечер, обозвав остолопом и паршивым охранником.

И он был очень зол.

Из-за какого-то крылатого поганца потерять такую работу! Ну, попадись он Рудольфу еще раз, ответил бы за все, петух крылатый! Уж во второй раз не остолбенел бы, а надрал ему задницу! И что это еще за нечисть такая шляется по улицам его города? Рудольф жил в нем полгода и успел всерьез привязаться. Даже уезжать не хотелось.

О Ворогах ему рассказал трактирщик «Сытого лиса», где Рудольф не только ел, но и снимал комнату. Узнав, что таких засранцев в городе много, а их лидер — могущественный маг, Рудольф немного струхнул, но тем громче звучали его угрозы в адрес Воронов. Вот кинет он клич, так к нему друзья со всей страны приедут! И пойдут они всей дружиной в парк, лупить этих самых Воронов! В пух и прах разобьют! Пусть не думают, что Рудольф тут один! А Великого Ворона Рудольф на вертеле зажарит, как куропатку!

Трактирщик встревожено зашикал на него, но среди посетителей нашлись те, кто его поддержал. Они тоже одобрительно покричали и даже поставили Рудольфу выпивку. В

следующие несколько дней его узнавали и нередко поили, прося разобраться с обнаглевшей нечистью. Расспрашивали о дружине. Рудольф охотно описывал знакомых бойцов, надеясь, что крылатый паршивец узнает и будет трястись от страха. Конечно, врать столь откровенно не стоило, но он увлекся. К тому же всегда можно было «великодушно простить» того Ворона или свалить куда подальше, если что-то пойдет не так. Трусом Рудольф не был, но и дураком — тоже. Он знал, когда нужно отступить, а когда — драться до последнего.

Слава о его смелости облетела весь город.

Однажды вечером на улице к нему подошла роскошная красотка с такой пышной грудью, что все мысли о Воронах выбила слету. Флиртowała откровенно, но денег не просила. Таких женщин Рудольф любил: они не требовали затрат, но мужское обаяние приходилось врубить на полную катушку. Он вился шмелем вокруг нее, рассказывал о своих подвигах, планах, о способности повергать даже ужасных Воронов в панику. А Великого Ворона он на клочки порвет, если тот явится! Красотка охала и восхищенно хлопала длинными ресницами. Личико у нее тоже было хоть куда. И сладкий голосок. Она много говорила, но о непонятных вещах. Очень уж ей было интересно, не собирается ли Рудольф стать каким-то принцем и не разберется ли с соперником за титул?

Рудольф посмеялся.

— Это что, у вас любой принцем стать может?

— Не любой. Только самый смелый и сильный мужчина, — от ее взгляда его бросило в жар, — но ты-то настоящий герой. Давно у нас таких в городе не было. Нил Янг тебе и в подметки не годится. А если одолеешь его, так тебя принцем и изберут.

— Турнир что ли у вас проводят?

— Нет. Просто найди его и покажи кто здесь главный. И все женщины города будут твоими.

— Мне только одна нужна, — хрипло возразил Рудольф, пожирая ее глазами, — как тебя зовут-то?

— Шарлотта. Так разберешься с Нилом Янгом?

— Э, нет, давай вначале ко мне! А потом кому хочешь морду набью. Хоть Ворону, хоть принцу.

— Все с тобой ясно, — усмехнулась Шарлотта, — пойдём, герой. Я знаю одно уютное местечко.

Она привела его в парк и увлекла на широкую скамью. Рудольф удивился, но спорить не стал. Вечер был теплым, темнело, и в парке никого уже не было. Хочется ей тут, пусть так и будет.

— Мужчин ценят за поступки, а не слова, — промурлыкала Шарлотта, позволяя Рудольфу обнимать себя, но уворачиваясь от поцелуев, — но ты полон силы, а это всегда хорошо. Поделишься ею со мной, милый? А я заплачу за нее.

— Я тебя понял, крошка. Найду я этого Нила Янга и отбивную из него сделаю, — пообещал Рудольф, — иди ко мне.

— Будем считать это согласием. Закрой глаза и позволь мне сделать тебе приятно.

Рудольф сглотнул и выполнил ее пожелание. Нежные пальчики Шарлотты принялись развязывать ему штаны, а затем потянули их вниз. Рудольф сбросил их моментально, гордо демонстрируя свое достоинство.

Шарлотта звонко рассмеялась и погладила его по щеке.

— Вижу, что герой. Всех Воронов разгонишь этой штукой. Думаю, весь город должен

знать насколько ты хорош. Как внимателен и способен распознать врага.

— Ты о чем это? — Рудольфу вдруг стало тяжело сидеть, и он оперся о скамью двумя руками.

Открыл глаза.

Шарлотта улыбалась, но в ее зеленых глазах он разглядел злорадство. Интуиция Рудольфа отвесила ему пинок. Подстава. Он резко оглянулся, но засады не увидел. Сама же Шарлотта была безоружна и продолжала гладить его по щеке.

— Наш город принадлежит Воронам. Запомни это хорошенько. Великий Ворон милосерден, поэтому твой длинный язык останется при тебе. Но кое-что я у тебя заберу. Впредь думай, что говоришь.

— Да какого хрена? — Рудольф отшатнулся, и у него резко закружилась голова. — Ты что мне подлила, дрянь?

Изящная ладошка больно впиалась в плечо.

— Какой же ты дурачок. До сих пор не понял? Ты же защищал хозяина от Воронов. Правильно он тебя выгнал: не увидишь угрозу даже под самым носом.

Сознание Рудольфа плыло. Он собирался обругать ее, но вдруг заметил на пальцах Шарлотты черные когти. И вспомнил, наконец, как хозяин визжал, тыча в любого черноволосого человека.

Вороны были черноволосыми. Это был самый простой и заметный их признак.

Кудри Шарлотты мягкими, темными волнами струились по ее плечам.

— Ах ты чертова стер...

Рудольф потерял сознание.

Когда он очнулся, было уже утро. Рудольф лежал на все той же скамье. Руки-ноги затекли и плохо слушались.

Живой. Повезло.

«Но кое-что я у тебя заберу. Впредь думай, что говоришь».

Страшная мысль обожгла его, и Рудольф схватился за самое дорогое. Фух, на месте. Не отрезала, гадина.

Кто-то засмеялся. Рудольф поднял голову и увидел двух женщин, смотрящих на него. Они поспешили уйти, но все время оглядывались и прыскали. Мимо него проходили люди, и все пялились на...

Штаны! Где его штаны и трусы? И рубашка пропала! Ничего нет!

Рудольф прикрылся ладонями и судорожно принялся искать одежду, но ни под лавкой, ни под ним самим ее не было. Зато нашлась золотая монета, которой у него явно не было раньше. Откуда только взялась? И почему Воронесса не убила его?

Неожиданно Рудольф все понял.

Вороны платили людям за «еду», и он стал такой едой. Шарлотта расплатилась с ним, как в трактире, заодно обобрав и оставив без одежды.

Ему придется идти до постоянного двора, через весь город, голышом. И голым же объясняться с хозяином, прося открыть ему дверь.

— Стерва! Тварь крылатая! Найду — убью заразу! — взвыл Рудольф.

Минут пять он изливал свое отчаянье, готовясь к унижительному походу, пока к нему не подошли двое вооруженных мужчин.

— Городская стража, лейтенант Нил Янг, — представился один из них, — вы задержаны за нарушение общественного порядка и непристойное поведение. Оденьтесь и

следуйте за мной.

Рудольф задохнулся и уставился на стражника.

— Ты! Она о тебе говорила!

— Кто?

— Воронесса! Она ограбила меня! Вырубила и подсунула золото! Одежду забрала!

Второй стражник фыркнул.

— Портки твои столько не стоят, буян. А Вороны питаются только добровольцами.

Проигрался что ли?

— Анри, будь другом, сбегай в участок и принеси мой плащ, — попросил Нил Янг.

— Да ладно тебе, он явно брешет. Я про этого придурка слышал: ходит, бахвалится, как его дружки Воронам задницу надерут, а сам от одного сбежал, сверкая пятками! Теперь с голой задницей в парке валяется. Герой! — стражник обидно рассмеялся.

Рудольф зарычал и резко встал, после чего его шатнуло, и он рухнул обратно на скамью.

— Анри, пожалуйста. Мы не можем вести его в таком виде.

— Ладно-ладно.

Нил Янг сел рядом с Рудольфом. Снял форменную куртку и протянул ему:

— Вот, прикройся. Я тебе верю. Ты явно подвергся нападению Воронов. Рассказывай, как это случилось и что они говорили обо мне.

Рудольф рассказал, стгорая от стыда. Надо же быть таким идиотом! Ведь чертова девка даже не прятала волосы, а он и не заметил, с кем имеет дело! Только на сиськи ее смотрел!

Нил Янг нахмурился, выслушав его.

— Все понятно. Это явно было наказание за твои слова о Великом Вороне. У тебя и правда есть друзья, готовые напасть на Воронов?

— Есть парочка, — угрюмо признался Рудольф, — но их поди найди еще: мотаются по свету, как и я. Звать не буду. Засмеют.

— Не переживай, могло быть и хуже. Я оформлю тебя как жертву ограбления. Проблем не будет.

Рудольф покосился на него, но Нил Янг и не думал смеяться над ним.

— Хороший ты человек. Слушай, а чего она меня на тебя натравливала? Ты ей сделал что-то?

— Нет. Я даже не знаю такой Воронессы. Думаю, это все еще попытка выгнать меня из города. Через несколько лет я собираюсь дать Воронам бой и навести здесь порядок. Людей нужно защищать от них.

Нил вкратце описал ему способности Прекрасного Принца и его подмоги. Объяснил про местную магию и проклятье. Рудольф слушал его и мрачнел с каждым словом.

Чем-то Нил неуловимо напоминал его погибшего конунга. Честный, благородный и готовый погибнуть, но не отступить.

— Так ты один, что ли, собираешься со всей этой бандой драться?

— У меня будут силы Прекрасного Принца. Я справлюсь.

— Ага, а в спину тебе нож прилетит. Нужно, чтобы кто-то прикрывал.

— Не каждый согласится ждать несколько лет до возможности вступить в бой. Ожидание мучительно. Время Рыцарей наступит только через три с половиной года.

Рудольф уже открыл рот, чтобы заявить, что все это ерунда и он дождетя без труда, но вспомнил едкие слова Шарлотты и презрительный смех стражника. Прикусил язык.

Он слишком много болтает и мало делает. Да и проситься в Рыцари, сидя с голой

задницей среди бела дня, глупо. Он выглядит жалко, и Нил его пошлет. Нужно вначале показать, что он не трус и не слабак, а потом уже поступать на службу.

Раз в этом городе нашелся еще один сумасшедший, готовый биться с Воронами, то Рудольф уж точно не отступит.

Репутация Рудольфа в городе была уничтожена. В глаза ему, конечно, никто ничего не говорил, но за спиной смеялись. История о том, как «победитель Воронов» остался без штанов, пересказывалась как анекдот. Рудольф, взбеленившись, отправился в парк, искать чертову девку и задать ей трепку, но добра из этого не вышло: когда нашел и попробовал подойти, был остановлен Воронами-бойцами. После парочки угроз завязалась драка, и хоть Рудольф был неплохим бойцом, один против пятерых он мало что мог сделать. Его отпинали и вышвырнули, пообещав в следующий раз убить. Рудольф отлежался и отправился искать Нила.

Это было несложно: тот всегда ужинал в «Дрянной сове», и нужно было только дожждаться его появления.

— Привет. Ты мне помог, так что с меня пиво, — бухнул Рудольф, садясь за его столик.

— Спасибо, но я не пью.

— Тогда оплачиваю твой обед. Не спорь, я в должниках ходить не люблю.

Тот пожал плечами.

— Как хочешь. Я слышал, ты подрался с Воронами. Все в порядке?

— Нормально, мне и хуже доставалось.

— Я не любитель раздавать советы, но помни что у Воронов есть крылья, когти и магия.

Даже если они не пускают их в ход сразу. Будь осторожен.

— Это не про меня, — хмыкнул Рудольф, — я тут подумал: тебе нужна будет помощь, когда будешь их бить. Я помогу. Стану твоим Рыцарем.

Нил внимательно на него посмотрел.

— Это довольно опасно. Вороны мягко обходятся с горожанами, но Рыцарей в этом городе убивают. Прошлый Прекрасный Принц потерял больше десяти соратников. Если я проиграю, то тебя в живых не оставят.

— Я — наемник и уже сотню раз мог помереть. Это все равно случится в бою. Пусть уж бой будет достойный. Это хороший город, и мне не нравится, что он во власти этих тварей. Я только сейчас понял, что мой прошлый хозяин неспроста так их боялся. Они захватчики, и рассчитывать на их «милость» глупо. Я знаю, что опозорился, но докажу, что достоин стать твоим соратником. Выбирай время: устроим тренировочный бой. Я покажу тебе свою силу. Со мной твоя спина будет прикрыта.

Нил подумал и кивнул.

— Идет. Покажи на что способен.

Бой прошел отлично, Нил остался доволен. Рассказал и показал, как сражаться с Воронами, какой магией они пользуются и как вытягивают жизненные силы. За Шарлоттой посоветовал пока не гоняться: толку от этого не будет, снова побьют и все. Нужно было дожждаться Времени Рыцарей. Пару раз Рудольф видел драную девку в городе, и она насмешливо посылала ему воздушные поцелуи. Чертова стерва! Опозорила перед всем городом! А с другой стороны, он повелся как сопляк на первые в жизни титьки. Сам виноват.

Однажды они столкнулись с Шарлоттой будучи вместе с Нилом, и Рудольф изумился, с какой смесью злобы и страха она смотрела на него.

— Так чего ты ей сделал-то?

— Ничего, — Нил был удивлен, — я раньше не встречал эту Воронессу.

— Но что-то же было, раз она меня на тебя натравливала? За что мстит-то?

— Давай спросим у нее самой.

Но стоило Нилу сделать несколько шагов к Шарлотте, как она бросилась бежать и быстро затерялась в толпе. Рудольф одобрительно расхохотался и хлопнул того по плечу.

— Молодчина!

Нил нахмурился.

— Не понимаю. Что это с ней?

— У тебя репутация покруче моей будет. Ты же будущий Принц. Небось, испугалась, что ты ее убьешь.

— Я не буду этого делать. Кстати, а как ты собираешься сводить с ней счеты, если представится такая возможность? Не убьешь ведь?

— Нет, — махнул рукой Рудольф, — даже не знаю. Не бить же. Может, тоже без шмоток на улице брошу. Пусть над ней все смеются, как надо мной. Хотя, если заплачет и как следует попросит прощения, можно и без этого обойтись.

А там может и чего сладкого перепадет.

Нил взглянул на него и едва заметно усмехнулся.

— Осторожнее, Руди. Эта женщина опасна. Смотри, как бы второй раз не оказаться гольшом в парке.

Рудольф скис.

— А и черт с ней. Мало их что ли в городе?

— Вот это правильный подход.

Нил Рудольфу нравился. Честный, смелый, неглупый, от драки не бежит, но попусту в нее не лезет. За таким можно пойти. На такого друга можно было положиться.

Они стали проводить много времени вместе: обедали в «Дрянной сове», тренировались вместе, иногда заглядывали ночью в парки, проверяя, не жрут ли Вороны людей. Постепенно над Рудольфом перестали смеяться: город жил своей жизнью и о незадачливом наемнике позабыл.

Со службой у него все еще не ладилось: в охрану больше не брали, и приходилось перебиваться разовыми заданиями. Нил предложил замолвить словечко в страже, но Рудольфу такое место не подходило: он был вольной птицей и ненавидел муштру. Так что когда его позвали сопровождать богатого торговца в соседний город, он с радостью ухватился за этот шанс. Заплатить обещали неплохо, кормежка бесплатная, чего еще желать? Он предупредил Нила, что уедет на пару недель, но через месяц-полтора обязательно вернется.

— Удачи, Руди, — немного рассеянно пожелал Нил. Он был погружен в какие-то свои раздумья. — Не забудь вернуться ко Времени Рыцарей.

— Оно же только через три года будет, — хохотнул Рудольф, — Силвербридж не на краю света. Вернусь, соскучиться не успеешь.

— Если передумаешь становиться Рыцарем, я пойму, — неожиданно сказал Нил, — ты мне слова не давал и ничем не обязан.

— Это еще что за речи? Раз я сказал, что буду твоим Рыцарем, значит буду. Моему

обещанию можешь верить.

— Тогда возвращайся. Я буду рад этому.

Рудольф благополучно выполнил задание, получил щедрую плату и не менее щедрое предложение: поработать в охране еще два месяца. Охотно согласился: заработать стоило побольше, чтобы не сосать потом лапу в городе. Объехал с торговцем еще несколько городов. В Лихтпорте встретил старого боевого товарища и загудел на две недели. Потом нанялся на корабль: за китовую охоту опытным морякам платили чистым золотом. Да и весело: давно он не был в море. А как вернулся на сушу, прилип к смешливой, рыжей вдовушке и просадил на нее все деньги. Полгода счастья — и она его выставила. Женщины! Пришлось снова впрягаться в охрану, чтобы свести концы с концами.

Иногда он вспоминал, что обещал хорошему парню Нилу поучаствовать в какой-то серьезной драке, но та планировалась года через три? Два? Рудольф позабыл и не спешил возвращаться. А куда торопиться? Успеет.

В город он вернулся только через год. Снял жилье, забросил туда вещи, выглянул в окно и все вспомнил.

Горестно выругавшись, бросился искать Нила.

Идиот беспамятный, снова опозорился! Столько болтал, а выполнить обещанного не смог! Ну как так можно? А может и не страшно? Рано же, есть еще время! Перед Нилом он извинится, Нил — свой человек, поймет. И никаких бед дурость Рудольфа не принесет.

Он немедленно направился к дому Нила, но проходя по его улице, услышал знакомый голос. Свернул к каким-то грязным развалинам и оцепенел.

Окровавленного Нила избивал Ворон. Нил еще держался, но было видно, что из последних сил. Наконец пропустил удар, пошатнулся и едва не упал.

Рудольф, яростно взревев, бросился на помощь.

— Оставь его, жопа крылатая! Убью, тварь!

Ворон уклонился от удара его клинка и ощерился.

— А ты кто такой? Проваливай, пока не стал следующим!

— Я тебя самого сейчас в землю провалю!

Больше Рудольф не болтал: бил без остановки. Ворон выстрелил в него черным пламенем, обжег плечо, затем попал в грудь. Рудольф заорал от боли и пошел напролом, как таран. Что ему боль? И крепче доставалось! Пока живой, будет драться!

Ворон отступил. Взлетел, раскрыв огромные черные крылья. Завис в воздухе, тяжело дыша. Тут только Рудольф заметил, что он тоже был потрепан: на лице кровь, в плечо всажен нож.

— Я тебя запомнил, ублюдок, — процедил Ворон, — даю сутки, чтобы убраться из города. Потом найду и распотрошу, а труп на городской площади повешу!

— Пошел ты!

Ворон сплюнул, промахнулся, затем бросил полный ненависти взгляд на Нила и улетел. Рудольф прокричал ему вслед несколько оскорблений и обернулся к раненому другу.

— Ты как, живой? Давай лекаря поищем, он тебе явно нужен.

— Спасибо, Руди. С возвращением в город.

Рудольф смущенно кашлянул.

— Я это... задержался. Прости меня.

— Ничего, бывает, — Нил говорил очень тихо, а потухшие глаза смотрели мимо Рудольфа, — я должен был тебе сказать, что ты забудешь о Воронах, когда покинешь город.

Это проклятье, и ты ничего не мог поделать.

— Но я помнил, что обещал помочь тебе. А сам... паршивый из меня друг. Слушай, прости, а? Я не трус, не болтун, я тебя больше не подведу! Никуда не уеду, дождемся Времени Рыцарей и раскатаем этих поганцев вместе!

Нил вскинулся и неожиданно улыбнулся. Глубоко вздохнул, будто сбрасывая с плеч невидимую тяжесть. Выпрямился.

— Ты — очень хороший друг, Руди. На тебя можно положиться. Пойдем отсюда. Тебе тоже нужен лекарь.

Глава 21. Сгоревшая дружба

За взятие банды Нила назначили лейтенантом. Начальник стражи бурно расхваливал его на публике, наедине же устроил грандиозный разнос.

— Как ты посмел такое сделать за моей спиной? Совсем с ума сошел! Забыл, кто здесь главный? Да если б ты не прикормил весь молодежь, я бы вышвырнул тебя сегодня же! — бушевал он. — Но они тебя любят и дружно уйдут в тот же день в знак протеста! Ох, прав был сержант Клейн, одни проблемы от тебя!

— А с чего вы взяли, что ребята уйдут со службы, если меня уволят? — удивился Нил.

— Гийом Лассар намекнул, что среди стражников бродят такие настроения! Ты им головы заморочил своим героизмом, они все хотят походить на тебя! Скорее бы уж ты стал Прекрасным Принцем и убрался сражаться с Воронами, а не баламутил тут всех!

Нил хмыкнул. Гийом, значит, подсобил. Умный мальчик. Подумал о последствиях. Что ж, Нил не сомневался, что голова у него светлая, и при желании он сделает хорошую карьеру в страже. Сообразил же, как выкрутиться, чтобы прикрыть всех участников этой авантюры и не подставиться под гнев господина Отто. Надо будет поблагодарить его.

В наказание за самоуправство на Нила свалили кучу дополнительных обязанностей, но он не спорил. Хорошо, что все обошлось. Он знал, на что шел, но сейчас ему не хотелось уходить из стражи. Пока нет. Служба ему нравилась, и он понятия не имел, что будет делать без нее. Время и так тянулось нестерпимо медленно: каждый прожитый месяц приближал к главной цели, но это ожидание выматывало. Пустой дом раздражал, и Нил старался лишний раз там не появляться.

Вороны вели себя тихо и не нападали на людей, их господин затаился, и даже стычки с Рейвеном полностью сошли на нет. Иногда Нил видел его в городе или в парке, несколько раз они сталкивались в ночных патрулях, но Рейвен просто смотрел на него с отвращением и избегал его. Этому следовало порадоваться, но не получалось. Нил больше не желал ему смерти: помнил, как Рейвен увел Воронов, не дав им напасть на стражников. Убийцей дяди Рутгера был Великий Ворон, Рейвен же сполна получил и за боль, причиненную Нилу, и за свой поганый язык. Черт с ним, если сам не полезет, Нил его пощадит. Но кое-что не давало ему покоя, зудя на краю сознания, как надоедливый комар. Почему Рейвен вдруг так резко прекратил свои нападения? Это Нил должен был испытывать брезгливость по отношению к проклятому Ворону, а никак не наоборот. Ненависть врага была естественна, а вот омерзение коробило.

«Так подойди и спроси, чего это он? Не ответит, так хоть подеретесь», — подначивал его Дирк.

«Глупости! Это хорошо, что он от меня отстал. Я не ради развлечения с ним сражался», — возражал Нил.

«Ой, кто у нас хороший мальчик! Такой правильный, такой разумный, — потешался над ним Дирк, — кому ты врешь-то? Себе? Уж я-то тебя знаю. Пока вы с ним дрались, ты чувствовал себя живым. А сейчас помираешь со скуки. Стухнешь скоро. Сходи, покажи ему кто сильнее! Синяки заживут, а ты повеселишься. И спроси его уже. У тебя есть шанс узнать правду».

«Заткнись! Ты вообще не Дирк, ясно? Ты — всего лишь моя дурость! Ничего он мне не скажет, мы — враги! И это не игра. Незачем лезть на рожон и плодить раны. Я должен

дожить до Времени Рыцарей, защитить людей и отомстить за смерть дяди».

«Не хочешь со мной говорить, так перестань меня в своей голове представлять! Я, что ли, виноват, что у тебя друзей нет? Кроме воображаемых», — Дирк победно показал ему язык и успокоился.

Ему и в жизни постоянно требовалось оставить последнее слово за собой. Терпеть не мог проигрывать в спорах, и именно Нил был тем, кто благоразумно замолкал первым. Спорили они, впрочем, нечасто, понимая друг друга с полуслова и думая об одном.

Нил устало подумал, что слишком заигрался. Сколько можно тащить за собой образ этого ребенка и их безмятежной детской дружбы, зная, что с ним произошло? Пора было отпустить случившееся, но стоило Нилу вспомнить тот вечер, как в его душе разверзлась бездна. Сердце рубили на кусочки, и оно истекало кровью. Он сделал все, что мог, но этого оказалось недостаточно. Почему так получилось? Почему он потерял лучшего друга, несмотря на все свои старания? Он ведь был сильным, смелым, верным!

Дирк-в-голове дурачился и озорничал.

Настоящий Дирк сгинул в огне.

Больше у Нила не было человека, которого он решился бы назвать своим другом.

Пустые месяцы складывались в годы. Нил выполнял свои обязанности в страже, проверял парки с Воронами и отсчитывал дни до решающей битвы. Тоскливые будни всколыхнулись знакомством с Рудольфом. Нил искренне посочувствовал бедолаге, мимоходом отметив, что Великий Ворон способен на изощренную месть: Нила за его борьбу просто били, Рудольфа — унизили. С каждым врагом Великий Ворон обходился по-своему, выискивая, куда бы ударить побольнее. Чертова сволочь, ни капли совести нет.

Рудольф к некоторому удивлению Нила не бежал подальше от позора, а, наоборот, остался и захотел стать Рыцарем. В этом решении было много гнева и желания расквитаться с обидчиками, но твердость его духа Нилу нравилась. Как и его боевая подготовка. Рудольф умел не только сражаться, но и убивать, четко понимая, что иначе убьют его. Из него получился бы хороший Рыцарь, и Нил согласился его им сделать. Пожалуй, неплохо иметь кого-то, кто прикроет ему спину. Да и общение с ним Нилу нравилось: он взбодрился впервые за долгое время. Совместные тренировки и планы разогнали тоску.

У Рудольфа был только один заметный недостаток: он много болтал. Вскоре об их уговоре уже знал весь город. Это могло спровоцировать Воронов, но проблемы неожиданно возникли с другой стороны.

Ребята из стражи его не поняли и пришли выяснять отношения.

— Нил, как ты мог? — возмутился Анри. — Взять в Рыцари какого-то тупого наемника, которого любая девица вокруг пальца обведет? Рыцарей же всего трое может быть! Ты должен был выбрать кого-то более достойного!

Остальные стражники согласно загудели. Все они сгрудились вокруг Нила и демонстрировали заметное недовольство.

— У Рудольфа много достоинств, — отшутился Нил, — он большой, сильный и смелый. А что еще Рыцарю надо?

— Я серьезно говорю!

— И я серьезно. Не переживай так, Анри. До Времени Рыцарей еще три года

Согласится ли Рудольф столько ждать — большой вопрос.

— Нет, конечно, — фыркнул Анри, — он же наемник! Разве можно доверять таким, как он? Свалит куда подальше при первой же возможности!

Нил ничего не ответил. Такая вероятность существовала, но Анри она ничем бы не помогла: Нил не собирался брать в Рыцари никого из своих ребят. Они были хорошими людьми, отличными стражниками, но в драке с Воронами быстро погибли бы. Он будет их лейтенантом, а не Принцем. Нил никогда не говорил этого вслух, но кое-кто явно догадался о ходе его мыслей. Стражники все чаще шептались за его спиной и смотрели на него с вызовом. Их доверие к нему явно уменьшилось.

Может, оно и к лучшему. Восторженные юнцы выросли и учились думать своими головами, а не слепо верить его словам. У них появлялись свои цели и желания. Практичный Сэм стал сержантом снабжения, сменив своего вздорного предшественника, и с хозяйственной частью больше не было проблем. Томас женился и обзавелся ребенком, рассказывая всем, кто не успел сбежать, как его малышка замечательно сидит, гулит и кушает кашу. Гийом дослужился до лейтенанта, и они с Нилом часто обсуждали меры по развитию городской стражи, исправляя в мелочах то, что не получалось менять по-крупному. Многие инициативы Нила формулировал Гийом, чтобы «ленивый старик Отто», как его называли молодые стражники, не зарубил их сразу. Он был ценным союзником, но очень уж себе на уме.

Гийом умел производить приятное впечатление на людей, чем нередко пользовался. Его внешность способствовала этому: он был стройным, миловидным, даже, пожалуй, красивым юношей с золотисто-русыми волосами и кошачьими, светло-кариими глазами. Гийом легко находил общий язык с кем угодно, от рыночных торговков до начальника стражи, который ему явно благоволил. Свой талант он нередко использовал на службе: сбор нужной информации был его коньком. Но Гийом еще и умел с ней правильно обращаться: упаковывал в подходящие фразы и сообщал ровно столько, сколько считал нужным для дела, аккуратно замалчивая «лишние» подробности. Болтливостью он не страдал, несмотря на то, что легко мог задать тон любой беседе или увести ее в сторону. Врагов у него не было, хотя Нил знал, что Гийом склонен язвить и высмеивать неприятных ему людей. «Ленивый старик Отто» понятия не имел, что это прозвище придумал безукоризненно вежливый с ним лейтенант Лассар. Да и о самом прозвище вряд ли догадывался. Гийом умел выходить сухим из воды.

Нилу его излишняя хитрость не нравилась, но, как и прочие стражники, Гийом стремился стать лучше и свои недостатки проявлял нечасто. Достоинств у него было куда больше: он был смелым, трудолюбивым, энергичным, отлично сражался и всегда доводил дело до конца, сколько бы усилий для этого не требовалось. Был хорош в организации людей и мероприятий. Много делал для Нила, отмахиваясь от ответных услуг и попыток угостить его чем-то в благодарность. Кажется, ему нравилось чувствовать себя полезным и совершать поступки, достойные уважения.

Но иногда он становился совершенно невыносим.

Когда Рудольф уехал из города, Гийом нередко осведомлялся, пишет ли он Нилу письма и как скоро вернется. Ах, не пишет? Ну да, вряд ли наемник обучен грамоте. Не вернулся спустя два месяца? Наверное, дорогу до Силвербриджа размыло, придется ждать до лета, пока не подсохнет. Если, конечно, Рудольф сказал правду о том куда поехал. Полгода разлуки с новым другом? Нил, наверное, скучает по нему. Гийом бы непременно скучал. Но

что подделаешь, такова жизнь. Есть люди, верные своему слову, а есть брехуны, которые примазываются к чужой славе, чтобы прикрыть собственный позор.

— Гийом, заканчивай, — терпение Нила наконец лопнуло, — если ты хочешь высказать мне претензии, говори прямо. Или продолжай обсуждать это с Анри, Сэмом и Томасом за моей спиной, как вы это частенько делаете. Избавь меня от своего яда.

Гийом на секунду напрягся, а потом хмыкнул.

— Но ты же понимаешь, в чем проблема, верно?

— Понимаю. Вы отчего-то решили, что Руди занял ваше место. Хотя я не помню, чтобы обещал его кому-то из вас. А вы уже готовы глотку чужаку за него порвать.

— Кажется, я переборщил, — Гийом неловко усмехнулся, — ты сильно злишься, да?

— Мне еще два с лишним года ждать битвы с Великим Вороном. И мне не нравится, что ты тычешь меня в мое решение носом, как нашкодившего котенка.

— Нил, все, что тебе нужно — это признать свою ошибку. Ты положился не на того человека. Так бывает. От того, что ты упорно отрицаешь это, лучше не станет.

Нил фыркнул.

Если он и был разочарован в Рудольфе, то самую малость. Он ни на что не надеялся с самого начала, давно уже решив, что будет сражаться один. Взять Рудольфа в Рыцари было интересной идеей, да и только. Хоть он и был неплохим парнем, Нил с самого начала подозревал, что Рудольф не выдержит длительного ожидания и уедет, так что сейчас испытывал лишь легкую досаду. Которая давно бы уже прошла, если бы Гийом не ковырял ее вновь и вновь.

— Допустим. Так что тебе это даст? Чувство морального превосходства? Ощущение восстановленной справедливости? Желание побыть самым умным?

— Я хочу стать твоим Рыцарем, Нил, — прохладно обронил Гийом, — Анри, Сэм, Томас, Роуэн, Дерек, Франц и другие тоже хотят. Все мы готовы служить и защищать тебя. А ты якшался с каким-то нелепым наемником и пообещал взять его в Рыцари вместо нас! Неужели мы мало доказывали тебе свою преданность? Ты мог бы найти более достойных друзей, чем он.

— У меня нет в этом городе друзей и никогда не было! — огрызнулся Нил. — Одни кредиторы вокруг, и всем я должен! Руди может и был болтливый наемником, но он не присасывался ко мне, как пиявка, а вы только это и делаете! Никого из вас я в Рыцари не возьму, ясно? Можешь так и передать остальным, трепло! Продолжайте перемывать мне кости дальше!

Гийом был ошеломлен.

— Нил, ты не слишком разошелся? Пусть ты зол, но нельзя же так говорить! Мы с тобой почти пять лет дружим, я впервые тебя вижу таким!

— Когда это я говорил, что мы друзья? Это ты ко мне в друзья набиваешься, пытаешься выгадать с этого побольше!

Нил пожалел о сказанном тут же, но было уже поздно. Он устал, очень устал от своего одиночества, от мучительного бездействия, от подначек Гийома и сорвался, выплеснув все накипевшее ему на голову.

Гийом молча смотрел на него.

Нил глубоко вздохнул.

— Извини. Я погорячился.

— Да нет. Кажется, ты только сейчас и был искренним. Я ведь всегда замечал, что ты

смотришь на нас сверху вниз. Ты нас учил, воспитывал и использовал, когда мы были тебе нужны. Но равными никогда не считал. Ты не выделял никого из толпы своих поклонников, потому что все мы были лишь щенками, тыкающимися носами тебе в ладонь. Мы слишком слабы и недостойны дружбы со знаменитым Нилом Янгом.

— Я не это имел в виду. Я просто не хочу, чтобы вы погибли. У вас вся жизнь впереди. И я не буду тем, кто оборвет ее.

Гийом встал и покачал головой. В его голосе зазвучала горечь:

— Ты выразился предельно ясно. У тебя нет друзей. Значит, я зря считал себя одним из них все эти годы.

Он ушел, оставив Нила в одиночестве.

«Дурак ты, — тихо и грустно сказал Дирк, — скоро совсем один останешься».

«Уже. Между прочим, ты должен толкать меня на проказы, а не вести душеспасительные беседы».

«Так ведь тебе одиноко, вот ты и болтаешь со мной. С тем, кого еще смеешь называть другом. Хотя меня, на самом деле, здесь нет. Но ты знаешь, где я есть. Пойдем».

«Зачем?» — Нил не спросил куда. Он знал, но ужасно не хотел идти.

«Затем, чтобы ты вспомнил, что случилось с настоящим Дирком Уайлдом. Не прятался за этим твоим «Дирк сгинул» и болтовней со мной, а взглянул правде в глаза. Прими это уже. Будет больно, но потом полегчает. Ты взрослый. Ты сильный. Ты смелый. Иди».

И Нил отправился на пепелище дома Дирка.

Сколько Нил себя помнил, Дирк всегда был рядом с ним: они жили на одной улице, их родители дружили, и маленького Нила постоянно оставляли с Дирком, который был на три года старше. Дирк учил его перелезать через заборы и взбираться на крыши, устраивать тайные убежища и доставать кошек с высоких деревьев. Он и сам был ловкий как кошка и совершенно не боялся высоты. У него всегда была куча идей, чем заняться, даже если Нила наказали и заставили сидеть весь день дома. Дирк забирался к нему в окно второго этажа, перелезая с раскидистой яблони, и проводил все время с ним, хотя в иные дни ненавидел сидеть в четырех стенах. Нил обожал его и тянулся к старшему товарищу, уверенный, что их дружба никогда не закончится.

Глупец.

Нил огляделся.

От дома Дирка осталась пара стен, да куча сгнивших досок. Во дворе торчал пересохший колодец. Огонь уничтожил все, до чего смог добраться.

Воспоминания накатили волной и неудержимо понесли туда, откуда Нил до сих пор до конца не выбрался. Вот он, двенадцатилетний, вбегает в горящий дом, услышав крики с улицы. Дым ест глаза, от огня идет нестерпимый жар, но он должен найти Дирка: это был его голос, он узнал его и должен спасти! Но где же он? В дыму ничего не было видно. Потом Нил споткнулся и растянулся на полу, зато наконец заметил Дирка, лежащего в паре метров от него. Бросился к нему, попытался поднять, что-то спрашивал, но тот не отвечал ему.

Дирк кричал.

Он бился, как сумасшедший и выл, а глаза у него были совершенно безумные, пустые и смотрели сквозь Нила, как у слепого. Нилу никогда в жизни не было так страшно, но он

схватил нож и бросился перерезать веревки на Дирке. Сумел освободить его ноги и попытался поднять, но Дирк не мог стоять и все время падал. Тогда Нил взвалил его на плечи и потащил к окну. Было ужасно тяжело, рядом обрушилась горящая балка, но Нил упрямо тащил, почти ничего не видя от едкого пота, заливающего глаза. Легкие раздирало дымом, он едва мог дышать и ничего не понимал, что случилось, почему Дирк связан, отчего так страшно кричит? Почему дом загорелся, в нем же давно уже никто не жил?

Неважно. Он должен был спасти Дирка! Только это имело значение.

И он сделал это! Он сумел вытащить друга из пожара и спасся сам! Все должно было закончиться хорошо!

Но не закончилось.

Дирк обезумел. Огонь сжег его разум, и он так никогда и не стал прежним. Нил потерял его. Но даже годы спустя, при слове «друг» перед глазами всплывало знакомое лицо. В ушах звучал хохот Дирка, тянущего его на очередное «приключение».

А потом все вновь поглощало пламя и жгучая, нестерпимая боль.

И все это произошло именно здесь.

Нил запнулся об обломок доски и отшвырнул его в сторону. Под ногой снова что-то хрустнуло. Он поднял и очистил от грязи предмет, с удивлением узнавая его. Это был нож, который дядя Рутгер подарил Нилу на его двенадцатилетие. Им он разрезал веревки на Дирке, потом выронил и потерял. Надо же, сохранился за столько лет. Забрать? Или не стоит, ведь нож с пепелища никогда не даст позабыть, что здесь произошло?

«Мне взять его или оставить?».

Дирк-в-голове молчал. Здесь был только Нил и никого больше.

Впрочем, как и всегда.

Нил глубоко вздохнул, закрыл глаза и размахнулся, собираясь забросить нож подальше.

— Стой! Отдай мне его. Это мой нож.

Знакомый голос заставил его вздрогнуть.

Рейвен стоял в десяти шагах от него. Нил похолодел. Проклятье, давно он тут стоит? И почему не было слышно шума крыльев? Пешком что ли пришел? Черт, нельзя было так расслабляться, убить же могли!

— Тебе я и гнилого яблока не дам. Это — мой нож, а не твой.

— Разуй глаза, крот слепой, — презрительно скривился Рейвен, — ты уже не в первый раз его находишь. Взгляни на рукоять.

Нил посмотрел и неожиданно вспомнил. Вот он, семилетний сорванец, находит на улице самый потрясающий в мире нож. Блестящий, с серебряным эфесом, острый, как настоящий меч. Захлебываясь восторгом, несется показывать и делится радостью с тем, кто поймет и оценит. И в тот же день нож переходит в другие руки.

А вот ему двенадцать. Дядя Рутгер поздравляет его с днем рождения и говорит, что он уже совсем взрослый и личный нож ему пригодится. Нил рад, ему приятно, но что-то мешает насладиться подарком. Что-то неясное, трудноуловимое, тревожащее.

Сходство. Ножи были похожи.

— Сам протри глаза, безголовый тетерев, — процедил он, — твой нож был с серебряной рукоятью. Мой — с темной.

— Отдай, я сказал.

Нил зло усмехнулся. За нож, который он минуту назад собирался выбросить, он теперь готов был драться.

— Попробуй, отбери.

Рейвен явно разозлился, затем оглянулся. Поежился.

— Не здесь. Пошли отсюда.

— Именно здесь. Это — хорошее место для драки.

Лицо Рейвена окаменело, затем исказилось в безумной гримасе.

— Я заберу его с твоего трупа! И плевать, что повелитель потом со мной сделает!

— Я тебя самого убью и мне все только спасибо скажут!

В тот миг, когда они набросились друг на друга, Нил был почти счастлив.

Все снова шло правильно.

Завязался яростный бой. Место, однако, было неподходящим: под ноги попадались доски, камни, Нил постоянно спотыкался и налетал спиной на останки стен. Он уже трижды пожалел, что не согласился уйти. Удар в болевую точку Рейвена обернулся еще одной проблемой: тот был в бешенстве. Он не обращал внимания ни на что: ни на неудобство, ни на множасься раны. Нил задел его уже несколько раз, но Рейвен не отступал и бился исступленно, безрассудно, не позволяя просчитать свои атаки. Это было плохо: тактика Нила перестала помогать ему, он не понимал, откуда прилетит удар и чем: клинком, когтями, магией? Его жизнь могла оборваться в любую секунду.

Нил отступил и наткнулся спиной на старый колодец. Вот же глупец! Он истекал кровью, был опален чернильным огнем и совершенно выдохся. Он, что умрет здесь, так и не став Прекрасным Принцем? И все из-за какого-то глупого, ненужного ему ножа?

Он так никогда и не узнает правду.

Нил вздрогнул. Вытащил нож.

— Подожди! Хочешь получить его? Предлагаю обмен. Ответь на один вопрос и забирай.

— Давай его сюда!

— Не ответишь, выброшу нож в колодец! Доставай потом, как хочешь!

Рейвен остановился. Он понемногу начал приходить в себя: безумие в серых глазах затухало, сменяясь обыкновенным гневом.

— Твоего дядю убили Вороны. Сколько можно спрашивать?

— Не это. Ты помнишь, что случилось здесь много лет назад. Я рисковал жизнью, вытаскивая друга из огня. Так почему ты возненавидел меня за это, Дирк? Почему напал, как только я развязал тебя?

Рейвен застыл, а затем дико расхохотался.

— Ты смеешь спрашивать меня об этом? Ты?!

— Да, я! Я стольким рисковал, дружась с Вороном, за спиной у дяди! Пять лет это скрывал! Я верил, что ты не причинишь мне вреда, что ты не изменился даже после проклятья! Я спас тебе жизнь, неблагодарный ты ублюдок!

— Спас? Ты предал меня, маленький крысеныш! Это ты виноват в смерти Элдрика! Все случилось из-за тебя! Отдай нож, или я тебе все кости переломаю!

Нилу показалось, что он уже это сделал. Боль от чудовищной несправедливости мучила его сильнее физической. Синяки зажили, но это терзало его много лет. Почему друг, ради которого он был готов пойти на все, ополчился против него?

Слова Рейвена были словами безумца. Элдрика убил Принц Ричард, это все знали. Обвинять своего спасителя и пытаться убить его мог только абсолютно бессовестный человек. И никогда Нилу не узнать, почему его верный друг, Дирк Уайлд, превратился в эту полную ненависти тварь по прозвищу Рейвен.

Нил размахнулся и метнул в него нож.

— Забирай. Дарю еще один.

Рейвен схватился за плечо.

— Ах, ты мразь! С меня хватит! Сегодня ты ответишь за все!

Он бросился в атаку.

Нил защищался, понимая, что это конец. Сил у него не осталось, а пощады ждать не приходилось. Его боевой дух был сломлен.

— Оставь его, жопа крылатая! Убью, тварь!

Рудольф выскочил как черт из табакерки и набросился на Рейвена. Тот отступил от неожиданности.

— А ты кто такой? Проваливай, пока не стал следующим!

— Я тебя самого сейчас в землю провалю!

Нил привалился к стене, наблюдая за их битвой. Дрался Рудольф отменно, магии не испугался, под удары когтей подставлял плотные кожаные нарукавники с металлическими вставками.

Прикрывал спину Нилу, как и обещал.

Рейвен взлетел. Он был вымотан до предела и явно не потянул бы еще одну битву. Нож все еще торчал в его плече.

— Я тебя запомнил, ублюдок, — пригрозил он, — даю сутки, чтобы убраться из города. Потом найду и распотрошу, а труп на городской площади повешу!

— Пошел ты! — фыркнул Рудольф.

Рейвен злобно сплюнул, но ни в кого не попал. Ненависть в его взгляде обожгла Нила, но снова в драку Рейвен не полез и улетел.

Рудольф вытер пот со лба и повернулся к Нилу.

— Ты как, живой? Давай лекаря поищем, он тебе явно нужен.

— Спасибо, Руди. С возвращением в город.

Нил устало выдохнул. Очередная битва осталась позади.

Живой. Снова живой не смотря ни на что.

Рудольф неловко переступил с ноги на ногу.

— Я это... задержался. Прости меня.

— Ничего, бывает, — Нилу было ужасно паршиво. Ему хотелось снова стереть себе память. Начисто, с корнем вырывая все воспоминания о Дирке, как хорошие, так и плохие. Или исчезнуть из города, в котором его бывший друг сошел с ума и превратился в верного приспешника Великого Ворона. — Я должен был тебе сказать, что ты забудешь о Воронах, когда покинешь город. Это проклятье, и ты ничего не мог поделать.

Вот именно. Рудольф не был виноват в ситуации, это Нил не объяснил ему, что произойдет. Но хоть не четырнадцать лет пришлось ждать, как дяде Рутгеру. Рудольф оказался порядочнее его самого и сдержал слово.

Нил покачнулся, и Рудольф поспешил подставить плечо. Голос его звучал виновато.

— Но я помнил, что обещал помочь тебе. А сам... паршивый из меня друг. Слушай, прости, а? Я не трус, не болтун, я тебя больше не подведу! Никуда не уеду, дождемся Времени Рыцарей и раскатаем этих поганцев вместе!

Друзья. Люди, которые готовы были рисковать за него своими жизнями, помогать и поддерживать его. Рудольф всегда считал его своим другом, как и Гийом.

Он никогда не был один.

Дурак. Ой, дурак!

На этот раз внутренний голос звучал, как его собственный.

Нил глубоко вздохнул и выпрямился. Улыбнулся разбитыми губами.

— Ты — очень хороший друг, Руди. На тебя можно положиться. Пойдем отсюда. Тебе тоже нужен лекарь.

Сердце все еще ныло, но, кажется, немного слабее.

К черту прошлое. Нил больше никогда не оглянется назад.

Глава 22. Дирк и Рейвен

Рейвен ждал возмущенного выговора и гневных увещаний, но повелитель и не думал ругаться, даже когда услышал, с кем Рейвен снова подрался. Льюис хмуро, молча исцелял его раны. Темные глаза повелителя были полны беспокойства и усталости.

— Этот человек — вечный источник проблем. Я начинаю думать, что идея выгнать его из города была не такой уж плохой. Может, найдется подходящее заклинание для этого?

Рейвен закусил губу. Было бы удобно обвинить во всем врага, но он четко понимал, кто виноват в случившемся.

— Я напал на него первым и нарушил твой приказ.

— Знаешь, мне уже все равно, кто это начал. Ты старался этого не допустить, и у тебя получалось. Ты — близкий мне Ворон, и я приложил много усилий, чтобы у тебя все было хорошо, а Нил Янг разбил их вдребезги одним ударом. Я начинаю понимать, почему он тебя так бесит.

Рейвен тихо усмехнулся, но веселье не продлилось долго.

Чертов придурок! Все ему испортил! А ведь последние несколько лет были такими мирными! Пусть поначалу хотелось найти наглого щенка, вновь сделать ему больно, но Рейвен твердил про себя, что повелитель этого не желает, а его воля важнее всего. Он терпел и сдерживался изо всех сил. Дни сменялись ночами, Льюис поручал ему разные дела, Шарлотта звала вместе летать, и жгучая ненависть ослабла, стихла, сменившись спокойствием и удовлетворением. Рейвен стал забывать о существовании Нила. Он просто жил, и все у него было хорошо. Повелитель был им доволен. Случались плохие дни, когда он видел Нила в городе, и со дна его души поднималось нечто мутное, душное и злое, требующее расплаты за предательство. Тогда он сжимал зубы и напоминал себе, что снова нарушать приказы не будет: он надежный, он обещал Льюису исправиться, он сумеет сдержаться и не рухнуть в это снова.

Не сумел. Не сдержался.

Рейвен вцепился в косу и принялся нервно ее дергать.

Он опять все испортил. Нарушил приказ Великого Ворона.

Ничего не менялось ни в пятнадцать, ни в тридцать четыре года.

— Успокойся, — негромко заметил Льюис, кладя руку ему на плечо, — я тебя не виню. Ты не можешь себя контролировать рядом с ним. Он сводит тебя с ума, хотя в иное время ты спокоен и разумен. Я бы хотел что-то сделать с этим, но пока работает только держаться от него подальше.

— Я виноват. Накажи меня. Элдрик наказывал.

— А Элдрику это помогло уберечь тебя от неприятностей?

Рейвен вздрогнул.

Элдрик тоже запрещал ему приближаться к Нилу, но Рейвен нарушил этот запрет, беспечно полагая, что с ним ничего не случится. Не выдаст же его лучший друг дяде-Рыцарю? Рутгер Янг сразу его убьет, это было очевидно им обоим. Но — выдал. И не видит в этом ничего дурного.

«Так почему ты возненавидел меня за это, Дирк?».

Рейвен закрыл глаза.

Это имя будило в нем полузабытые воспоминания: теплые материнские объятия, запах

выпечки в отцовской булочной, маленький Нил, которого он за руку водил ловить головастика в пруду. Сколько им тогда было? Пять и восемь, кажется. Обратный счастливый Нил нес крошечного лягушонка, которого Дирк ему поймал. Тот еще долго жил у него в огромной банке.

Он раздраженно отмахнулся от этих глупостей.

Элдрик редко называл его Дирком, предпочитая ласковые прозвища вроде «маленький Вороненок» или «непослушный ребенок». А когда Дирк полностью овладел всеми Вороньими способностями, Элдрик торжественно нарек его Рейвеном и повелел забыть прошлую жизнь. Ничего из нее в новой не пригодилось бы. «Рейвен» — значило «Ворон», могучий, сверхсильный, особенный. Не чета слабым людям, которые могли быть только добычей. Ему нравилось быть Рейвеном: он быстро переучился и вскоре почти забыл прежнее имя.

Но затем снова встретился с Нилом. Тому тогда было семь, и он постоянно путался, называя его по-прежнему. Рейвен махнул на это рукой. Он скучал по другу, по их играм, по общению. В убежище детей не было, и он часто слонялся без дела, пока не сообразил, что может вернуться и снова играть с Нилом. Это была отличная идея! Нил без него, небось, совсем скис от скуки!

Элдрик запретил приближаться к племяннику Рыцаря. Но не подкрепил приказ магией, а серьезного внушения хватило едва ли на месяц. Ему, правителю города, и в голову не могло прийти, что кто-то может его послушаться.

Дирк Уайлд был самым непослушным ребенком на свете, о чем постоянно слышал от матери. Ни проклятье, ни новое имя не могли изменить его натуру: когда он чего-то сильно хотел, никакие запреты его не останавливали. Он и так проторчал в убежище кучу времени, не отходя от Элдрика, а осмелев, отчаянно бросился на волю. Как можно было иметь крылья, но летать не дальше одного старого квартала? Быть могучим Вороном и бояться подходить к племяннику Рыцаря?

Чушь какая. Он хотел видеть Нила и продолжать с ним дружить, так кто мог ему помешать?

Рейвен легко разыскал его в городе. Пока он хвастался крыльями и когтями, Нил радовался его возвращению и изумленно спрашивал, как получилось, что Ворон Дирка не съел? Ведь всегда же так бывает, стал Вороном — считай умер, сожрали изнутри. Рейвен объяснил, что это вранье. Вороны — те же люди, только черноволосые и волшебные.

Тогда он еще считал так.

— Но дядя Рутгер сказал...

— Не говори при мне про него! — рявкнул Рейвен. — Никогда не упоминай, или улечу и не вернусь!

— Ладно, ладно! Не буду.

— Я — Ворон. Никто меня не съел. Мне лучше знать, чем твоему дяде.

Нил замолк. Затем улыбнулся.

— А покажи еще раз крылья. Можно потрогать?

— Можно.

Маленький Нил был очарован ими. Рейвен вырвал ему перо в подарок, но оно растаяло уже через пять минут, оставив их гадать, почему. Чернильное пламя не было горячим, пока Нил совал в него пальцы, а прочность когтей они проверяли на деревяшках, камнях и старом, погнутом доспехе. Их дружбе не мешало то, кем они были, Воронья магия стала лишь новым

поводом для игр. Нил поклялся ничего не рассказывать дяде, и Рейвен поверил ему, прилетая вновь и вновь. Он научился врать Элдрику, где летает, и попался на вранье лишь однажды, после чего был наказан. Но этого снова не хватило надолго.

Что понимали эти взрослые в их дружбе? Нил бы его не предал, Рейвен это твердо знал. И плевать, что Рутгер Янг был Рыцарем, которого Сорес и остальные Вороны-бойцы гоняли по всему городу. Нил — не его дядя и ни в чем не виноват.

Но он ошибся, а Элдрик оказался прав. Нил предал его, заманив в ловушку и выдав Рутгеру Янгу.

Родительский дом был сожжен вместе с верой в дружбу и порядочность проклятого племянника Рыцаря. И что с того, что вытащил его из огня? Если бы не предал, Рейвен бы там вообще не оказался, а Элдрик остался бы жив. Жизнь Воронов не превратилась бы в кромешный ад на четырнадцать лет, а Рейвен не загибался бы от вины и ненависти, выжигающих его нутро. Кто его знает, этого болвана, зачем он полез в пламя? Снова, небось, захотел поиграть в героя и доказать свою храбрость.

Столько лет прошло, а Рейвен снова повторял те же самые ошибки. Не мог держаться подальше от Нила, хотя это дало ему спокойную жизнь. Не сумел отпустить то, что давно уже следовало развеять пеплом, как тело Рутгера Янга. Наказание было бесполезно. Даже смерть Элдрика его ничему не научила.

Так как прекратить все это?

Тут ему в голову пришла очевидная мысль. Даже странно, что он не додумался до нее раньше.

— Ты можешь использовать на мне магический запрет. Тогда у меня не будет шанса нарушить его, — предложил Рейвен.

И черт с ней, со свободой, если он не мог правильно ею распорядиться.

Льюис удивленно на него взглянул.

— О чем это ты?

— О твоей власти, как Великого Ворона. Прикажи, используя магию, и ни один из Воронов не сможет не подчиниться, даже если прикажешь умереть. Погоди, ты, что не знал об этом?

Льюис приподнял брови.

— А кто мне об этом рассказал?

Рейвен неловко кашлянул. Очевидно, это должен был сделать он, но мысль об абсолютной власти Великого Ворона казалась чем-то настолько естественным, что ее не требовалось проговаривать вслух.

Шарлотта, изящно сидящая напротив на тахте, тихо хихикнула. Когда Рейвен появился, они с Льюисом обсуждали последний улов «проклятых вещей», но бросили все, суетясь вокруг него. Сейчас она уже успокоилась и лукаво улыбалась.

— А мне об этом сообщили в первый же день. Я жутко боялась, что ты окажешься дурным человеком, повелитель, и натворишь дел.

— Такое нелестно слышать, знаешь ли. Так что, если я магией запрещаю тебе драться с Нилом Янгом, ты просто не сможешь этого сделать?

— Именно так. Элдрик как-то заставил меня стоять посреди пустой комнаты без движения целый час. Я не мог пошевелиться и чуть с ума не сошел.

Льюис нахмурился.

— Зачем он так с тобой поступил?

— Он узнал, что я продолжал встречаться с Нилом после его запрета. Это было мое наказание.

— Выходит, смысла в этом нет. Ты ведь продолжил с ним встречаться.

— Если ты запретишь мне именно это, то я не смогу нарушить твой приказ.

Льюис погрузился в раздумья. Шарлотта вспорхнула с тахты и присела рядом с Рейвеном. Легонько поцеловала его в щеку и опустила голову на плечо. Рейвен обхватил ее тонкую талию. Какая же она красавица. И все еще была с ним. Забавно, что ветренная Шарлотта оказалась куда вернее «честного» Нила, хоть ничего ему не обещала.

«Я верил, что ты не причинишь мне вреда, что ты не изменился даже после проклятья! Я спас тебе жизнь, неблагодарный ты ублюдок!».

Рейвен стиснул зубы.

Он был дома, в безопасности, в окружении тех, кто его любит. Так зачем вспоминать прошлое? Зачем гореть заживо от ненависти и гнева на предательство лжеца, притворявшегося другом? Лучше забыть о нем, как и о том, что Нил Янг остался единственным человеком, помнящим Дирка Уайлда.

Дирк был человеком. Слабым, глупым, доверчивым, за что и поплатился.

Рейвен — Ворон и знает, как нужно жить, кому верить, а кого убивать. Свои не предадут, а чужим веры нет.

Льюис встряхнулся и покачал головой:

— Нет, это я использовать не буду. Мне не нравится сама мысль о таком магическом контроле. Если бы мой начальник имел надо мной такую власть, я бы его боялся и ненавидел.

— Но ты — не начальник, — возразил Рейвен, — ты — Великий Ворон. Наши жизни в твоих руках.

— Я не такой как Элдрик. Давай не будем больше об этом, — отрезал Льюис, — до твоего прихода Шарлотта порадовала меня хорошими новостями: она выследила старьевщика, у которого регулярно появляются еще пять проклятых вещей. Она выкупила все. Я горжусь тобой, Шарлотта. Ты спасла пятерых человек от нашей ужасной судьбы.

Шарлотта расцвела:

— Я хороша в поиске вещей. У меня есть еще пара идей, но потребуются помощь. Можешь снарядить Сольвейна мне в помощь?

— Сольвейн занят. Рейвен, поможешь Шарлотте. Заодно найдешь себе дело.

— Да, повелитель.

Льюис перевел взгляд на окровавленный нож, лежащий на серебряном подносе.

— Итак, это тот самый? Можешь объяснить, как получилось, что он был в руках Нила Янга, но тот не стал Вороном ни сейчас, ни в детстве?

— Нил нашел этот нож, когда ему было семь лет. Показал мне. Я пришел в восторг, и этот дурак мне его тут же подарил. Ловко избежал проклятья. Нож почернел уже в моих руках.

Рейвен невольно вспомнил, что ребенком Нил был невероятно отзывчивым и щедрым. Немало детских «сокровищ» перекочевали от него к старшему товарищу. Рейвен, в ответ, делился с Нилом всеми интересными и тайными местами города, куда менее ловкие дети, а тем более взрослые, попасть не могли. Одно из таких мест стало их секретной площадкой для игр и пять лет скрывало дружбу Вороненка и племянника Рыцаря от чужих глаз.

А потом Нил показал его дяде, и в очередную встречу Рейвена ждала засада из Рыцарей.

Сам вероломный друг даже не соизволил явиться, чтобы объяснить, с чего вдруг решил погубить его.

— А куда делся нож потом? Ты говорил, что он был у Рутгера Янга?

Рейвен постарался вспомнить.

— Я потерял его много лет назад, сбегая из дома, когда пришли Рыцари. Я помню, как мама схватила нож и кинулась на Рутгера Янга, но он заломил ей руку и отобрал его. Наверное, забрал как трофей и передал Нилу. Этот глупец считает, что ножи просто похожи, — фыркнул он.

— Значит, проклятье срабатывает только один раз, — сделал вывод Льюис, — или Рыцари защищены от него. А скорее всего, и то и другое. Знать бы, откуда эти вещи берутся в нашем городе?

— Просто появляются? — предположила Шарлотта. — Это же магия. Она возникает из ниоткуда и исчезает без следа.

— Возможно. Но это ничего не объясняет.

Льюис вздохнул. Затем перевел взгляд на Рейвена. Заговорил неожиданно мягко:

— Рейвен, ты молодец, что принес нож, но не стоило так рисковать ради него. Без тебя он — бесполезная безделушка. И ты *не молодец*, что продолжаешь цепляться к Нилу Янгу. Я понимаю, тебе непросто забыть о его предательстве, но постарайся все же это сделать. Я поищу способ избавиться от этого человека.

Шарлотта встрепенулась.

— Повелитель, я тут читала о ядах, которые парализуют и сводят с ума.

— Шарлотта! Мы же договорились, что больше ты никого не убиваешь!

— Яд и не убьет Нила Янга, только подорвет его здоровье. Угрозой нам он больше не будет. И пусть живет себе спокойно.

— В охоте на Принца применялись такие методы, — вспомнил Рейвен, — это тебе Бернард посоветовал?

— Да. Пока Нил Янг не обзаведется Рыцарями, его легко отравить, потом будет сложнее. Правда, чем подкупать трактирщиков вместо охранных грамот? Можно и золотом, но есть шанс нарваться на кого-то принципиального. Думаю, сочетание золота и угроз сработает лучше всего.

Льюис раздраженно вздохнул.

— Спасибо, теперь я точно знаю, чего мы делать не будем. Нил Янг может и мерзавец, но такого не заслужил. Я придумаю, как решить эту проблему. Вы оба держитесь от него подальше. Вы меня поняли?

— Да, повелитель.

Льюис продолжал:

— Рейвен, пожалуйста, побереги себя. Если ты погибнешь в очередной стычке с этим человеком, то это причинит боль не только Шарлотте, но и мне. Вспомни о боли, которую тебе причинила смерть Элдрика. Мы будем скорбеть о тебе не меньше.

Рейвен содрогнулся. Он столько раз проклинал приемного отца за то, что тот обменял свою жизнь на его голову. Ненависть к Нилу была отдушиной, но она же толкала его на глупости. Что если подобная ситуация возникнет вновь, и кто-то из них, Шарлотта или Льюис, повторят поступок Элдрика? Нет, Шарлотта точно нет, она разумна и себя любит больше, чем кого-либо, а вот с Льюиса станется выйти из убежища, если Рейвена снова возьмут в заложники. Проклятье, он никогда себе этого не простит! Почему он снова бежит

по кругу, как крыса в колесе? И как из этого замкнутого круга вырваться?

— Я больше не буду драться с ним или провоцировать его на драку. Клянусь. Ты сможешь положиться на меня, повелитель.

— Спасибо, — ответил Льюис, — скажи, а ты спрашивал Нила Янга о причинах предательства?

— Он хотел выслужиться перед дядей.

— Это его слова или твое предположение?

Рейвен нахмурился.

— Это очевидно. Нил всегда хотел стать Рыцарем.

— Но выдал тебя не сразу, как ты появился, а только через пять лет. У такого жестокого поступка должна быть серьезная причина. Возможно, сейчас, пока он еще не стал Прекрасным Принцем, ты можешь его об этом спросить.

— Не буду я его ни о чем спрашивать! Он лжец и предатель!

— Таким как он веры нет, — тихо подтвердила Шарлотта, и Рейвен обнял ее, безмолвно благодаря за поддержку.

— Я не заставляю тебя это делать. Это было предложение, а не приказ, — Льюис зевнул и потер глаза. — Уже поздно. Идите спать. Спокойной вам ночи.

— Спокойной ночи, повелитель.

Они поклонились и ушли. Всю дорогу Шарлотта молчала, но в спальне повернулась к Рейвену и сказала:

— Как только Нил Янг станет Прекрасным Принцем, с ним нужно будет покончить. Так или иначе.

Шарлотта Нила презирала и желала ему смерти. Она переносила на него всю свою ненависть к Белой Мрази, убившей ее мужа. Они с Рейвеном нередко обсуждали «охоту на Принца», и Шарлотта была весьма изобретательна в поисках уязвимостей будущей жертвы.

— Льюису это не понравится.

— Льюис слишком добрый. Мы все любим его, но он надеется снять проклятье до появления Прекрасного Принца и не марать больше рук. Замараем сами.

Рейвен покосился на нее.

— Ты не веришь, что у него получится?

— Я буду счастлива расколдоваться, но что если не выйдет? Мы должны готовиться к худшему. Нил Янг «благороден» сейчас, пока беспомощен. Если бы не приказ Льюиса, ты давно убил бы его. Мы с тобой знаем, какие Рыцари на самом деле. Как только он получит силу, Вороны начнут умирать. Он заставит Льюиса покинуть убежище, убьет и продолжит охотиться на нас. Этого нельзя допустить.

Рейвен стиснул зубы. Все верно. Показное благородство Нила — ложь. А вот доброта Льюиса настоящая. С него станется пожертвовать собой ради них. Они должны защитить его. И сделают это вместе. Как только наступит Время Рыцарей, Вороны начнут охоту. Иscalечат, изувечат, сломают врага. Добить не выйдет, но Шарлотта права: пусть живет жалким калеккой, которого Льюису не придется убивать.

Почему-то эта логичная и правильная идея Рейвену не нравилась.

Льюис будет очень сильно разочарован в нем. Он так старался научить Рейвена ценить чужие жизни, не убивать бездумно, а решать проблемы иначе. Он не желал смерти Нилу даже сейчас, хотя стоило отдать один приказ, и все было бы кончено.

Но как остановить Прекрасного Принца, не калеча и не убивая его? Это невозможно

Либо он, либо Льюис. Все, что они делают, нужно для защиты Воронов, их повелителя и спокойной жизни.

— Ты права. Сделаем все сами.

Нил Янг выбрал свою судьбу. Пусть принимает последствия.

«Дирк, смотри, лягушка! Давай поймем ее!».

Рейвену на миг стало больно. Почему он не мог забыть эти глупости? Почему память о тех днях не могла просто исчезнуть?

Как мог Нил его предать? За что?

Неважно. Он просто сделает то, что должен, и не будет думать лишнего. Обезвредит угрозу, забудет о предателе и будет жить счастливо.

Глава 23. Враги Воронов

Жизнь Нила вошла в привычную колею: он продолжал служить в страже, дружить с Рудольфом и готовиться к битве с Великим Вороном. Он регулярно получал письма от родителей и часто писал им в ответ, но от поездки в гости отговаривался службой. Он скучал по ним, но понимал, что город больше не покинет: слишком велик был риск снова позабыть свой долг. Интересно, испытывал ли дядя Рутгер те же чувства? Боролся ли с соблазном хоть раз навестить семью?

Ничего, Нил справится с этим. Не зря дядя растил его своей заменой.

До Времени Рыцарей оставалось полтора года. Нил надеялся, что достаточно доказал свою доблесть и заветный дар получит сразу же, без промедления. Конечно, с того момента ему придется стать очень осторожным и готовиться к постоянным нападениям Воронов, но Рудольф поклялся быть рядом, а его слову Нил верил. Его поддержка придавала Нилу душевных сил, а мысль о других Рыцарях больше не вызывала у него отторжения. Вчетвером город было бы защищать намного легче. Но кто мог бы ими стать?

Анри, Томас и Сэм все еще были его ближайшими приятелями в страже, но, так же, как и раньше, Нил не хотел звать их на эту роль. Анри был вспыльчив и безрассуден, а Сэм обленился на должности снабженца и потерял хорошую физическую форму. Томас же несколько раз приглашал Нила домой и познакомил со своей семьей. У него были чудесные жена и дочка, ощущение тихого счастья окутывало их дом, и Нил испытал смутные сожаления, близкие к зависти. Он бы тоже хотел возвращаться домой к любящим его людям, беречь и баловать их, но Принцу такая роскошь была недоступна. И тем более нельзя было лишать ее Томаса и подвергать опасности его семью.

Пожалуй, лучшим выбором стал бы Гийом: за годы службы он закалился в стычках с уличными бандитами, был умен, внимателен и надежен, но их дружба с Нилом так и не восстановилась. Нил приходил извиняться еще раз, но Гийом сделал вид, что не понимает, о чем речь, одновременно избегая его общества, сведя отношения до рабочих. Нил не стал навязываться. Когда обретет силы Прекрасного Принца, тогда и позовет Гийома в Рыцари, сейчас думать об этом было рано.

Город жил своей мирной жизнью, удивительной для Времени Воронов. Люди совсем перестали их бояться. Нил постоянно замечал в толпе черноволосых людей, которые выходили из глухих переулков или, наоборот, спешили в них, чтобы взлететь, никого не пугая. Воронопоклонницы бродили стайками, хихикали и обсуждали «Полумрак». В участок нередко прибегали родители, заявляя о пропаже своих почти взрослых чад, и Нил находил тех в парках, флиртующих с Воронами или зарабатывающих воронье золото. Нил пытался поговорить с ними и объяснить все риски, но юнцы не слушали его, презрительно фыркая и обзывая отсталым.

— Не нужен нам Прекрасный Принц, у нас Великий Ворон есть! — огрызалась очередная недовольная девица, принудительно сопровождаемая домой. — Он добрый и благородный! А вам лишь бы запрещать!

— Ты никогда его не видела, — сдержанно отвечал Нил, — он ни капли не благородный. Великий Ворон — убийца Принца Ричарда и всех его Рыцарей.

— Ха, да кому они были нужны? И без них все хорошо!

Нил подавил порыв гнева.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать, а что?

— Ты одиннадцать лет жила в безопасности благодаря Принцу Ричарду. Прояви чуть больше уважения. Великий Ворон может легко передумать и снова начать охоту на людей. И тогда те, с кем ты сегодня флиртовала, высосут тебя досуха.

Девушка громко фыркнула и поправила крашеную черную прядь.

— Вот зануда! Да я лучше в когтях Ворона сгину, чем с унылым стражником встречаться! Бревно в доспехах, все веселье испортил!

Нила коробило такое отношение, и, похоже, не только его. Некий пастор Браун начал постоянно читать проповеди об опасности связей с Воронами, и люди толпами стекались на его службы. Старшее поколение все громче возмущалось падением нравов и тем, что Вороны бродят среди бела дня, совершенно не скрываясь. Однажды к Нилу подошел хорошо одетый человек и пригласил на вечер, посвященный обсуждению защиты города от Воронов.

— Вы и господин Рудольф Бьернссон — почетные гости. Мы хотим показать, что несмотря на всеобщее помешательство молодых людей, город поддерживает и уважает своих главных защитников. Для нас будет честью, если вы появитесь и расскажете правду о Великом Вороне и его гнусных приспешниках.

— Благодарю вас. Я приду.

— Мы так же хотели бы почтить память вашего уважаемого дяди, погибшего в борьбе со злом. Рутгер Янг — достойный пример для подражания, и мы будем рады, если вы скажете о нем хоть пару слов. Город должен знать своих героев.

У Нила потеплело на сердце. Благодарность грела его, как солнце, вышедшее после долгой зимы.

— Несомненно. Я с удовольствием расскажу о дяде. Могу я узнать ваше имя?

— Уильям Бломфилд. Я — торговец украшениями и драгоценностями. Занимаюсь благотворительностью и забочусь о благе общества в меру своих сил и возможностей, — приятно улыбнулся собеседник, пожимая ему руку. Это был степенный мужчина средних лет, с густыми русыми волосами, завитыми усами и аккуратно подстриженной бородкой. — Мы с пастором Брауном ведем просветительскую работу среди молодежи. Я уверен, что правильными словами можно подобрать ключ к любому сердцу. Мы должны достучаться до тех, кто пленен речами Воронов, и объяснить, как опасно доверять нелюдям.

— Вороны — проклятые люди, но в остальном вы правы, — согласился Нил, — я передам ваше приглашение Рудольфу.

— Будем ждать вас.

Вечер прошел замечательно. Господин Бломфилд арендовал большое помещение со стульями и трибуной, с которой Нил произнес короткую речь, вызвавшую бурные аплодисменты. Люди восхищались им и Рудольфом, благодарили, предлагали свою помощь в борьбе с Воронами. Пастор Браун назвал Нила последним оплотом чести и порядочности в городе, а Рудольфа — его вернейшим сподвижником и призывал сплотиться вокруг них, оказать всяческую поддержку героям, уже побеждавшим Воронов. Воодушевление людей было так велико, что все они пообещали стоять за Нила до конца. Уильям Бломфилд предложил всем пришедшим объединиться в союз, назваться «Врагами Воронов» и приложить все усилия для защиты города. Люди единодушно поддержали эту идею.

«Враги Воронов» собирались регулярно для обсуждения противодействий Воронам и их злостному воздействию на горожан: кто-то убеждал людей отказываться от вороньего

золота, другие требовали запрета «Полумрака» с его дурным влиянием на детей, третьи предлагали ввести штрафы для всех, красящих волосы в черный цвет. По каждому вопросу обязательно спрашивали мнения Нила и Рудольфа, внимательно прислушиваясь к их словам. Нил продолжал рассказывать о дяде, и многие вспоминали Рутгера Янга, как достойного, честного и скромного человека, проклиная Великого Ворона за его убийство. Вспоминали и Принца Ричарда: бесстрашного, волевого, выстоявшего адские пять лет в борьбе с чудовищным Элдриком.

Людей на собраниях становилось все больше, и однажды Уильям Бломфилд со смущением признал, что денег на аренду помещений и прочие расходы уже не хватает. Пастор Браун призвал каждого пожертвовать небольшую сумму, кто сколько сможет и ни в коем случае не осуждать тех, кто по бедности на это не способен. Рудольф прилюдно отдал пастору целый кошель, заявив, что на благое дело денег не жалко. Его репутация тут же взлетела до небес, а люди охотно последовали его примеру. Нил тоже оставил несколько монет. Собрания стоило проводить в тепле и удобстве, к тому же господин Бломфилд предложил часть денег отдавать несчастным жертвам, чьи родные были убиты Воронами.

— Мы должны не только говорить, но и делать, — твердо заявлял он, — только так мы сможем бороться с Воронами. Я знаю много несчастных семей, влачащих жалкое существование после гибели мужей и отцов от когтей проклятых нелюдей! Есть ли до них кому-нибудь дело? Никому! Наместник делает вид, что его это не касается! Но мы-то с вами не будем бежать от ответственности за наш город? Давайте поможем им! Вместе мы — сила!

— Да! Верно говоришь!

— Кто, если не мы?

— Поможем вдовам и сиротам!

После этого взносы стали постоянными и обязательными.

Все было прекрасно, но с определенного момента Нила начал подтачивать червячок сомнений. Пастор Браун и господин Бломфилд твердили о Воронах, как об одержимых демонами мертвецах, и сколько бы Нил не объяснял, что это не так, его не желали слушать. Дошло до того, что пастор начал затыкать его и выворачивать слова Нила наизнанку, будто бы он — недалекий вояка, чья задача не думать, а рубить головы. Нилу это не нравилось. Как не нравилась все растущая агрессия «Врагов Воронов», которую они начали выплескивать на невинных людей.

В городе случилось несколько драк с воронопоклонниками, а на троих девушек, замеченных с «Полумраком» в руках, напали, отобрали книги и угрожали им расправой, поливая грязными оскорблениями.

Юнцов с крашенными волосами стали обливать водой и прочими, менее чистыми жидкостями.

Пастор Браун и не думал призвать распоясавшихся последователей к порядку, напротив, поощрял их на «праведную борьбу со злом». Просьбы Нила прекратить беспорядки пропускались мимо ушей.

Людям нравилось чувствовать себя героями.

У Нила наконец открылись глаза. Он заметил, что «Враги Воронов» приносили городу мало пользы, но много неприятностей. Городская стража была завалена жалобами на их выходки. Посещать собрания Нил прекратил.

Рудольф же его искренне не понял.

— Ты чего, Нил? Почему больше не приходишь? Ребята о тебе спрашивают, пастор просил поговорить с тобой.

— Руди, неужели ты не видишь, что мы занимаемся пустой болтовней? Я не собираюсь в десятый раз рассказывать о жуткой смерти моего дяди, — хмуро ответил Нил, — я не знаю, как он умер: быстро или медленно, ранил ли Великого Ворона или же не сумел этого. А пастор превращает мои слова в душещипательные истории для заведения толпы.

— Боевой дух тоже важен. Что плохого в том, чтобы рассказать о славном воине, погибшем в борьбе со злом? Я бы гордился таким родственником.

— Я им горжусь. Но мне надоело, что его именем прикрывают действия, которые дядя вряд ли бы одобрил. Нападать на беспомощных горожанок и оскорблять, потому что они сделали глупость? Меня не так учили обращаться с женщинами. «Враги Воронов» нарушают общественный порядок, а пастор призывает продолжать это делать. Мое мнение там вообще никого не интересует, хотя все твердят, что «Враги Воронов» существуют для помощи нам с тобой. Неприятно слушать откровенную ложь.

Рудольф хмыкнул и хлопнул его по плечу.

— Да брось! Пастор Браун малость увлекся своими проповедями, но в остальном он неплохой человек. Давай объясним ему, в чем он не прав, и это прекратится.

Нил покачал головой.

— Руди, мне некогда тратить на это время. У меня служба. Пусть лучше пастор объяснит остальным, чтобы не распались зря и соблюдали законы города. В следующий раз публичными извинениями и оплатой испорченных книг дело может не обойтись. Я не буду никого покрывать.

— Я ему передам. Приходи, когда освободишься.

Нил промолчал. Некоторое время он и правда был сильно занят, но и после к «Врагам Воронов» совершенно не тянуло, хотя его звал туда уже не только Рудольф, но и Анри с Томасом. Многие стражники охотно вступили в ряды защитников города. О «Врагах Воронов» стали говорить все чаще, у них появились свои отличительные знаки, а проповеди пастора Брауна собирали больше и больше народа. Однажды Нил узнал, что «Враги Воронов» организовали собственные дозоры и самовольно патрулируют город. Они останавливали людей и не пропускали их в парки, разумеется, не будучи при этом особенно вежливыми. Каково же было его негодование, когда он узнал, что многие стражники тоже занимались этим, а за создание и распределение патрулей отвечал никто иной, как Гийом.

— Вы что творите? — Нил пришел поговорить с ним, Анри и Томасом. — Вы — стражники и должны обеспечивать порядок в городе, а не приставать к горожанам. «Враги Воронов» не имеют права кого-либо останавливать и задерживать, но вы назвали свои имена и место службы, чтобы запугать воронопоклонников. Страже должны доверять, а не бояться ее.

— Мы ничего незаконного не делали, — возразил Томас, — Нил, ты же сам понимаешь, что людей нужно держать подальше от Воронов, особенно глупых юнцов. Мы должны уберечь их от неприятностей.

— Не тебе решать, что им делать. Кстати, Марк Эванс вполне взрослый мужчина и тоже стражник. Анри, зачем ты на него набросился?

— Он первый начал! — огрызнулся тот. — Я велел ему уходить, а он полез на меня с кулаками!

— Он хотел пойти в парк, а вы не пропускали его. У него там девушка.

— Вот сожрет она его, будет знать! Я пытался ему помочь, остолопу!

— Запретив свободно передвигаться по городу и угрожая расправой? Думаю, ты чувствовал себя очень смелым, с девятью товарищами за спиной, — неодобрительно заметил Нил.

Анри покраснел, Томас нахмурился, а Гийом неожиданно улыбнулся.

— Что такое, Нил? Кто-то отнял у тебя право защищать город и больше не заглядывает в рот, лоя каждое слово? Неприятно, да?

— Гийом, ты же не дурак. Неужели не видишь, что «Враги Воронов» только баламутят народ, а реальной пользы от них нет?

— Как и от тебя. Продолжай сидеть и ничего не делать, если хочешь. А мы займемся защитой людей.

Нил стиснул зубы. В светло-карих глазах Гийома светилось злорадство. Кто бы мог подумать, что он настолько злопамятный и обидчивый.

Неважно. Он не ругаться сюда пришел.

— Ты видел, какими Вороны бывают. Простым людям с ними не справиться. Это — задача Прекрасного Принца и его Рыцарей.

— Трусов здесь все еще нет. Разве что только один.

— Это ты меня назвал трусом?

— А как ты думаешь?

Нил сделал шаг вперед. Гийом встал. Томас влез между ними.

— Ребят, ну вы чего? Нил, он не это имел в виду.

— А мне кажется, именно это. Повтори, глядя мне в глаза, Гийом: ты считаешь меня трусом?

Тот усмехнулся.

— Вообще-то нет. Я считаю тебя лицемером и жалким ханжой, но трусом? Что ты, Нил, никогда бы тебя так не назвал. Хотя забавно, что ты — единственный здесь, кто принял это на свой счет.

Анри хрюкнул от смеха и с вызовом ответил на холодный взгляд Нила. Томас смущенно опустил глаза, но ничего не возразил.

Плохо. Что же так повлияло на них? Проповеди пастора Брауна? Или Гийом постарался настроить остальных против него? Хотя Сэм вроде не поддался всеобщему веянию и продолжал общаться с ним дружелюбно. И во «Врагах Воронов» он не состоял.

— Ты совершаешь ошибку, — сказал Нил, подавляя гнев, — личная обида — не повод устраивать то, что ты сейчас делаешь.

— Обида? — в глазах Гийома вспыхнула такая ярость, что Нил ожидал удара, но не дождался его. — Нил, твое высокомерие всех достало. Больше никто не хочет поддакивать и быть у тебя на побегушках. Ни мы, ни «Враги Воронов». Если относишься к людям, как к грязи, не жди уважения в ответ.

— Я никогда не относился к тебе, как к грязи.

— Конечно, ведь признавать свои ошибки это ниже твоего достоинства. Нил Янг всегда прав, а подпевалам не положено иметь своего мнения.

— Да очнись же ты! Думай обо мне что хочешь, но ваши патрули — угроза безопасности города, а вы лично порочите честь городской стражи! Прекращайте плясать под дудку пастора, он заморочил вам мозги!

— Какой негодяй, отнял твою привилегию! — зло рассмеялся Гийом. — Знаешь что,

Нил, иди-ка ты отсюда. К новичкам, им и вешай лапшу на уши, о чести, гордости и о том, каким должен быть настоящий стражник. Здесь доверчивых дураков больше не осталось.

— Вот именно! — поддержал Анри воинственно. — Мы и без тебя защитим город от Воронов! Рыцарями для этого быть необязательно!

Томас молчал.

Нил оглядел их, подавил желание начать драку и ушел. Все было куда хуже, чем он полагал. Требовалось немедленно отыскать Рудольфа.

Тот нашелся в кабаке, в окружении десятков людей, многих из которых Нил знал по собраниям. Его узнали, но он заметил неприязнь во взглядах. Рудольф бодро рассказывал о своих морских битвах и выглядел очень довольным.

— Нил, дружище! Иди к нам, выпей!

— Некогда. Отойдем в сторонку, надо поговорить.

Рудольф выслушал его и недоуменно почесал в затылке.

— Да с чего ты взял, что будут проблемы с этими патрулями? Я сам в них хожу, ничего народ не буянит. Мы не расшаркиваемся с воронопоклонниками, но и не бьем их. Тот парень сам полез на Анри, их просто растащили, да и все.

— В стражу поступает все больше жалоб. Но есть еще кое-что, о чем вы не подумали: пока что Вороны молчат, но если вы продолжите гонять добровольцев из парков, то обязательно вмешаются. Кем они будут питаться?

— Это их проблемы.

— Нет, Руди, это наши проблемы. Если добровольцев не будет, Вороны снова начнут нападать на людей, а они сильнее нас. Ваши патрули просто растерзают.

— Ха, пусть попробуют! У нас достаточно оружия, чтобы уничтожить проклятых тварей!

— Откуда?

— Господин Бломфилд достал. Мы потихоньку вооружаемся и готовимся к решающей битве с ними! Ой, — Рудольф спохватился, — меня же просили тебе не говорить об этом!

Нил не поверил своим ушам.

— И ты молчал? Где это оружие?

— На складе. Слушай, ну не подставляй ты меня, мы же с тобой друзья!

Нил рвано вздохнул.

— Руди, включи голову! Толпа агрессивных людей собирает оружие и рвется в бой. Как ты себе это представляешь? Вы пойдете в парк и перебьете там всех?

— Да! И больше Вороны в наш город не ползут!

— Вороны — это проклятые горожане, — едва сдерживая гнев произнес Нил, — проклятье может пасть на любого, тебя в том числе. Они всегда будут в городе, их не истребить до конца.

— Конечно, если этим будут заниматься только Принц и Рыцари! А если весь город, то мы выжжем эту заразу!

— Руди, ты меня вообще не слышишь? Они люди! Сейчас Вороны ни на кого не нападают! С кем ты собрался воевать, с женщинами, детьми и стариками?

— Да почему ты их защищаешь? Вороны — проклятые твари, а не люди!

— Ты теперь словам пастора будешь верить, а не моим?

— Пастор Браун дело говорит! Ты же будущий Прекрасный Принц, ты их ненавидеть должен!

— Нет, не должен, — отрезал Нил в ярости, — где этот склад с оружием?

— На севере, у реки, в Кожевенном квартале. Что ты собираешься делать?

— То, что уже давно пора. С меня хватит. Дам дружеский совет: немедленно выходи из рядов «Врагов Воронов». У них скоро начнутся большие проблемы.

И Нил им их обеспечит.

От начальника стражи Нил выходил еще более злой, чем от Рудольфа. Господин Отто не стал реагировать на угрозу сам и Нилу не дал.

— Горожане имеют право на защиту от Воронов, — добродушно отмахнулся он, — это будет твоя армия, как станешь Прекрасным Принцем.

— Какая еще армия? Наравне с Воронами могут сражаться только Рыцари. Посылать против них обычных людей — смертоубийство. Господин Отто, у нас в городе группа смутьянов собирает оружие и планирует устроить резню, а мы ничего с этим не делаем?

— Да брось, мало ли чего в кабаке наболтают? Там все герои. Никого же не убили? А за разговоры мы сажать в темницу не можем. Расслабься. Взгляни, какой у меня роскошный перстень. Хорош?

— Хорош, — заскрипел зубами Нил, — господин Отто, мы должны забрать это оружие. Я возьму стражников и...

— ...вломишься в чужую собственность, как грабитель? Нет, Нил, так не пойдет. Мне нужны доказательства, а не болтовня твоего друга-наемника. И попробуй только послушаться: уволью всех, кто посмеет за тобой пойти.

Нил подавил гнев и попытался мыслить разумно. Что он может сделать один? Ограбить чертов склад? Пойти к пастору Брауну и господину Бломфилду с требованием прекратить подзуживать горожан? Но тогда оружие со склада переместят, и найти его будет невозможно. Попросить помощи у Рудольфа? Они ведь друзья, он сможет достучаться до друга и правильно ему все объяснить! Позвать еще Сэма, Дерека и других ребят из стражи, с кем сохранились хорошие отношения.

Нет, их уволят из-за него.

Он бы позвал Гийома, но Гийом его теперь ненавидит.

— Нил, ты в порядке?

Он поднял голову. Томас неловко переминался с ноги на ногу у его стола. Уже было поздно, и он явно собирался уходить.

— Может тебя подменить сегодня? Иди домой, выспись.

— Спасибо, но мне это не поможет. А тебя разве не ждут дома?

Томас закатил глаза.

— Мы с Жоржеттой поссорились, и она третий день на меня дуется. Не хочу домой. Да я и не собирался, у нас сегодня патруль по городу.

— У «Врагов Воронов»?

— Да. Гийом меня ждет, мы вместе собирались идти.

— Но ты предложил остаться и заменить меня.

Томас тяжело вздохнул.

— Знаешь, мне не нравится, что происходит вокруг. В участке все разбились на какие-то враждебные кучки, не здороваются, гадости друг о друге говорят. Марк недавно Анри в

лицо плюнул, и их опять пришлось разнимать. А все потому что Анри прошелся по его подружке-Воронессе. Я никогда не думал, что в нем столько злобы может быть. Гийом над Сэмом смеется, что тот продолжает ходить за тобой хвостом, а ведь Сэм просто не присоединился ни к одной из групп и со всеми пытается ладить. А я вспоминаю, как мы все вместе тренировались или ту банду брали. И никто никому за спиной зла не желал. Как мы до всего этого докатились?

Нил устало потер лицо.

— Прости. Я должен был заметить раньше и что-нибудь сделать. Завтра я соберу ребят и поговорю с ними. Может хоть кто-то ко мне прислушается.

— Хоть кто-то? Нил, тебя все уважают. Хоть Гийом и язвит о твоем высокомерии, но когда у стражников случаются трудности, то все идут к тебе, а не к нему, хотя вы оба — лейтенанты. Все знают, что ты сможешь решить любую проблему, ничего не прося взамен. Ты надежен и доброжелателен. А что не сблизился ни с кем, так это твое дело. Я не думаю, что ты высокомерен.

— Спасибо.

Они помолчали, затем Томас развернулся, чтобы уйти.

— Ладно, если я ничем не могу тебе помочь, то мне пора.

— Можешь. У меня к тебе есть просьба.

— Какая?

— Иди сейчас домой, а не в патруль, — попросил Нил, — весь раздор, что ты видишь, возник после появления «Врагов Воронов». Они вбили клин между людьми и подталкивают нас к бессмысленным дракам. Я буду добиваться запрета этого общества и советую покинуть его ряды. Если мое слово для тебя имеет хоть малейший вес — иди домой.

Томас замер, затем запустил пальцы в волосы.

— А знаешь, Жоржетта ведь тоже самое говорила. Из-за этого мы с ней и поссорились. Но я так хотел доказать, что я сильный, смелый и достоин быть твоим Рыцарем, что не хотел ничего слушать.

— Томас, прости, но я не могу взять тебя в Рыцари. Не потому что ты чем-то плох, а потому что у тебя семья. Что с ними будет, если тебя убьют? Разве не их ты должен защищать в первую очередь?

Томас огорченно опустил голову.

— Но я так об этом мечтал. Столько лет хотел быть героем и защищать город бок о бок с тобой.

Нил улыбнулся.

— Так ведь мы именно это и делаем. Служим вместе в страже и защищаем город. Ты научился не бояться Воронов и бандитов и не раз выручал меня. Ты уже герой и достоин уважения. Вспомни, ведь Жоржетта вышла за тебя замуж, потому что ты смелый, сильный и добрый. И не раз об этом говорила.

Лицо Томаса посветлело.

— Ты прав. Она ведь всегда гордилась мной. И зачем я вообще которую ночь таскаюсь с этими дураками по улицам? Пойду, пошлю Гийома к черту. Пусть ехидничает сколько хочет. Переведусь в твою смену или к Сэму.

— Передай Гийому, что я хочу с ним поговорить. И жалею о том, что потерял его уважение.

— Да кому оно нужно? — фыркнул Томас. — Ты бы слышал, что он о тебе говорил!

— Но я не слышал и будем считать, что этого не было. Передашь?

— Передам. Доброй ночи, Нил.

— И тебе.

Но доброй эта ночь не была.

Через несколько часов в участок ввалился избитый, окровавленный человек и целенаправленно доковылял до его стола, игнорируя вопросы и предложения помощи от дежурных стражников. Тяжело рухнул на стул.

— Нил, все плохо. Мы в заднице.

— Дерек, сбегай за лекарем, — приказал Нил одному из стражников, — Шульц, носи бинты, заживляющую мазь и теплую воду. Кто тебя так, Руди? Что произошло?

Тот скривился.

— Ребята Ворона грохнули. И девчонку. И меня... почти.

— Какие ребята?

— Патрульные из «Врагов Воронов». Патрулировали большой группой, да еще заведены были очередной речью пастора. А потом наткнулись на эту парочку. Ворон с подружкой. Я узнал его. Это был тот поганец, из-за которого я потерял работу.

Рудольф дернулся и застонал.

— Все ребра отбили, сволочи! Я собирался поучить его уму-разуму, но не сильно, так, потрясти да попугать. А парни бросились за мной, хоть я их и не просил. Начали бить, а он их когтями... поцарапал кого-то. Крылья раскрыл, но растерялся: не решился бросить свою девчонку среди агрессивной толпы, а ее уже оттерли в сторону. Кто-то начал стрелять, пока он не улетел. Попали. А потом его просто изрубили в мелкие кусочки. Девица так кричала... а сбежать не додумалась. А они как озверели. Вкусили крови... Я пытался их успокоить, остановить, она же не Воронесса была — подавальщица из «Сытого лиса», я там постоянно ем. Глупая девчонка, да и только! Прикрыл ее собой, меч выхватил: думал отступят, не станут со своим-то драться... ага, как же! Они ничего уже не слышали. А я не такой мастак, чтобы с десятком одновременно справиться. Замешкался еще, не хотел им сильно вредить. А меня повалили и давай пинать. Хорошо еще, не добили. А когда очнулся, все уже было кончено.

Нил сжал зубы.

— Девушка тоже мертва?

— Да. Пастор, скотина, давно уже вещал, что тех, кто Воронов защищает, падать не стоит, гореть им в аду, как и Воронам... да только я уже не знаю, кто тут большие нелюди. Так зверствовать над обычной девицей... у нас в дружине за такое вешали. А в городе их повесят?

— Да, — поклялся Нил, — ты сможешь опознать убийц?

— А чего опознавать-то, я ведь знаю с кем в патруль ходил. Про всех тебе расскажу. Отдохну только немного, — пробормотал Рудольф и неожиданно начал заваливаться набок. Нил едва успел его подхватить.

Его осторожно уложили на пол и передали заботам подросшего лекаря. Нил взял несколько стражников и отправился искать тела жертв. Нашли наутро: парочка гуляла далеко от парка. Это их и погубило: будь они ближе, ночной патруль стражи или Вороны-бойцы услышали бы крики.

Нил замер.

Вороны еще не знали о гибели своего. Но скоро узнают. Какой будет реакция Великого

Ворона на это?

Мечь.

Он должен успеть посадить убийц как можно скорее. Конфисковать оружие и принудительно распустить «Врагов Воронов». Успеет ли? Как быстро Великий Ворон отдаст приказ напасть на горожан? И как его можно замедлить?

Просить злодея о милости бесполезно, но что если предложить ему что-то? Хоть пару дней да выиграет.

Ему срочно требовалось найти Рейвена.

Глава 24. Сделка

Рейвен усилил охрану в парках, но людей все равно едва набралось нужное количество. Все они были жутко напуганы. Вороны-бойцы, напротив, злились и требовали расправы над убийцами. Рейвен заткнул их, велел ждать приказа Великого Ворона, однако он понимал, что ожидание будет бесплодным.

Льюис не желал отправлять карательный отряд.

— Да как так-то?! — бесился Рейвен, носясь от стены к стене в покоях повелителя. — Мы спустим им с рук убийство наших?! А дальше что? Неужели ты не понимаешь, что эти обнаглевшие людишки — результат твоей доброты? Они восприняли ее как слабость! Кем еще ты готов пожертвовать, чтобы остаться хорошим в их глазах?

— Рейвен! Не говори так! — возмутился Сольвейн.

— А как еще мне говорить? Я предлагал разобраться с «Врагами Воронов» намного раньше, но мы же не обижаем людей, да, повелитель? Ведь если ко всем относиться по-хорошему, то в ответ тебя будут любить, а не прогнут и растопчут? Так вот, это не сработало! Теперь ты доволен?!

Льюис молчал. Голова его была опущена и волосы скрывали выражение лица. Побелевшие пальцы были сцеплены в замок.

Шарлотта укоризненно покачала головой.

— Это не вина повелителя. Я выяснила, что смогла, о лидерах движения, Гекторе Брауне и Уильяме Бломфилде. Первый — фанатик, ему мир с нами был поперек горла, и он принялся запугивать паству речами Белой Мрази. А второй неожиданно высоко поднялся с момента основания «Врагов Воронов». Он заметно разбогател и стал вхож в дома самых известных людей города, включая наместника.

Рейвен остановился и шумно выдохнул.

— Я вывешу их распотрошенные трупы на главной городской площади. Чтобы остальные горожане вспомнили, что Время Воронов еще не закончилось!

— Нет, — Льюис поднял голову. Он был бледен, а его губы были искусаны в кровь. — Если ты это сделаешь, то «Враги Воронов» придут мстить в парк.

Рейвен нехорошо ухмыльнулся.

— Отлично. Мы с бойцами там их встретим, после чего проблема решится раз и навсегда.

— После массовых убийств никто больше не придет к нам добровольно. Нужно придумать другое решение.

— Какое?

— Не знаю! — сорвался Льюис. — Дай мне хоть немного подумать! Оставьте меня все! Уйдите!

Он сгорбился и спрятал лицо в ладонях.

Рейвен ощутил, как гнев сменяется тихой досадой. Он должен был не давить на Льюиса, а помочь ему. Тот всегда был слишком мягок, а жесткие меры принимал именно Рейвен.

— Повелитель, просто отдай мне приказ разобраться, — заговорил он намного спокойнее, — и я все решу.

— Нет. Никто ничего делать не будет без моего ведома. Я же сказал, мне нужно побыть одному. Шарлотта уведи его!

Та подхватила Рейвена под локоть и потянула на выход.

— Идем. Ты слышал повелителя.

Рейвен, Шарлотта и Сольвейн вышли в коридор.

— Все наши в убежище? — хмуро спросил Рейвен.

— Да. Пару дней мы сможем потерпеть, но потом некоторым придется выйти ради жизненной силы, — вздохнул Сольвейн, — я стараюсь всех успокоить, но Вороны тревожатся. Они ждут реакции Льюиса, а он не хочет к ним выходить. Но его тоже можно понять: он в шоке и винит себя за случившееся.

— Бедный Джон, — Шарлотта сморгнула слезы, — он был хорошим парнем. Совсем молодой еще.

— И бестолковый, — раздраженно добавил Рейвен, — учил же: взлетайте, если опасно! Он и в бойцы не годился и выжить не смог. Но мы должны отомстить за его смерть, чтобы больше подобного не повторилось.

— Ты никогда не думаешь дальше, чем на один шаг, — покачала головой Шарлотта, — ситуация сложная, и Льюис прав, взяв время на размышления. Просто убить всех «Врагов Воронов» будет недостаточно. У большинства из них есть семьи. Они будут жаждать мести. За каждым убитым встанет несколько новых врагов. А весь город мы вырезать не можем, нам кем-то нужно питаться. Убийства всех подряд могут стать достаточно веской причиной, чтобы люди все-таки сумели бежать из города. Даже во времена Элдрика были какие-то гарантии безопасности: не трогали детей, стариков, беременных женщин и не сильно вредили тем, кто был покорен. Люди верили, что при правильном поведении беда обойдет их стороной. Льюис не может просто взять и нарушить все свои прежние обещания. Ему тогда больше никто и никогда не поверит.

Рейвен презрительно цыкнул, но спорить не стал. В словах Шарлотты был смысл, но кровь смывалась только кровью. Горожане расслабились и позабыли страх, от этого пошли все беды Воронов. А не стоило ли взять дело в свои руки? Разобраться хотя бы с Бломфилдом и Брауном, показывая другим, что их ждет? Если Льюису тяжело принимать такие решения, то Рейвен охотно снимет с него эту ношу. Потом получит положенное наказание, и на этом все закончится.

Нет. Нельзя. Да и не будет Льюис его наказывать, просто перестанет доверять и поручать что-либо. Не позволит служить ему. Он и так был слишком терпелив к постоянным нарушениям своих просьб и приказов.

Может, тайно велеть разобраться Бернарду? Тот с удовольствием расправится с врагами и получит прощение на первый раз. И проблема будет решена. Нет, Льюис же не дурак, он поймет, чьих рук это дело, и почувствует себя преданным. Нож в спину от того, кому полностью доверяешь — Рейвен слишком хорошо знал, каково это, и не собирался становиться предателем. Льюис никогда его не простит, как сам Рейвен не простил Нила. Нужно дождаться приказа или убедить Льюиса его отдать. Бойцы не думают, бойцы подчиняются Великому Ворону.

Льюис не выходил из покоев двое суток. В конце концов Рейвену пришлось вести очередную группу Воронов в парк: они уже не могли терпеть голод. Он взял с собой всех бойцов и парк охраняли на земле и в воздухе. Пусть «Враги» только сунутся, Вороны порвут их на части! И высосут досуха, раз уж еда обнаглела до такой степени, что забыла свое место.

Людей в парке было совсем мало, и когда из темноты подошли еще двое Рейвен был

почти рад. Но стоило их разглядеть, как радость сменилась гневом.

Это были Нил Янг и его дружок Рудольф. Последний выглядел крепко побитым, но зачем-то притащился в парк. Помереть в бою что ли решил?

Вороны окружили пришедших и недобро уставились на них.

— Чего тебе? — мрачно спросил Рейвен.

Нил держался спокойно.

— Передай Великому Ворону мою просьбу: я сам разберусь с убийцами Ворона и его девушки. Они будут арестованы и осуждены по законам города. Не нужно мстить и устраивать резню.

— На кой ты нам сдался? Это наша проблема, наши враги, и они заплатят за то, что сделали.

Нил упрямо качнул головой:

— Наказание преступников — дело городской стражи. Но я обращаюсь к Великому Ворону не как стражник, а как будущий Прекрасный Принц. Я стану им через год. И мне есть что предложить в обмен на выполнение моей просьбы.

Рейвен был изумлен настолько что решил его выслушать:

— Что же?

— Безопасность для Воронов. Я обещаю, что подобных ситуаций больше не будет. Если вы продолжите покупать жизненную силу у добровольцев, то я никого не трону, став Прекрасным Принцем. Нас с Великим Вороном ждет поединок, и я продолжу исполнять свое обещание после его смерти. Время Принца будет для вас мирным. Его жизнь больше не будет гарантией вашей безопасности. Ею станет мое слово.

— Ах ты наглый ублюдок! — Рейвен поперхнулся от возмущения.

Верить слову предателя? Положиться на его милость? Да он ничуть не изменился за эти годы! Собирается убить Великого Ворона и думает, что ему это позволят? Бесстыжий щенок!

Нил заметил его бешенство, но не дрогнул.

— Передай своему хозяину мои слова. Я буду ждать ответ завтра, здесь же. А пока — усилию патрули вокруг парка, чтобы «Враги Воронов» больше не натворили дел. Вы будете в безопасности, но от прогулок по городу советую воздержаться.

Нил развернулся и пошел прочь. Избитый наемник поковылял за ним.

— Мы даже теперь не переломаем ему ноги и не вырвем трепливый язык? — громко спросил Берnard.

— Нет! — рявкнул Рейвен. — Повелитель запретил! Если бы не это, я бы убил его давным-давно!

— Что ж ты его щенком-то не высосал? — проворчал Берnard. — Пожалел тогда дружка, а мы до сих пор расхлебываем.

Рейвен резко повернулся к нему.

— Я тебя сейчас так «пожалеею», костей не соберешь! Язык вырву, если еще хоть раз эту дрянь моим дружком назовешь! Ты меня понял?

— Да понял-понял. Не кипятись. Достал он меня, а ведь еще даже Белой Мразью не стал. Повелителю стоит передавать его брехню, или сделаем вид, что его тут не было?

Рейвен задумался. Льюис не обрадуется, услышав угрозы, но вариант со стражей его заинтересует. Свалить все на маленького крысеныша и ждать результата? Так себе идея. Но решать все еще повелителю.

А с другой стороны, своей жизнью Льюис всегда дорожил и не позволит ее отнять.

Рейвен вспомнил, как тот вырвал сердце Белой Мрази, и его настроение улучшилось. Может хоть теперь Льюис одобрит охоту на Принца?

— Я расскажу ему об этом.

У Льюиса предложение Нила вызвало заметное облегчение, но Рейвен поспешил развеять его иллюзии:

— Как ты помнишь, верить Нилу Янгу нельзя: слово предателя не стоит и медной монеты. И никакого поединка между вами не будет. Я этого не допущу. Лучше послать его к черту.

— Но ведь тогда он будет нападать на Воронов! — встревожено заметил Сольвейн.

— Маловероятно. Он ведь не нападает на нас сейчас. И не покрывает «Врагов Воронов», а собирается их арестовать, — задумчиво возразил Льюис, — сдаюсь мне, господин Янг пытается торговаться при пустых карманах. Его обещание не стоит ничего, а убийц он обязан ловить как городской стражник. Но мне нравится его предложение. Нам главное, чтобы убийцы оказались на виселице, и он это обеспечит. Если подать это как услугу ему, то он станет моим должником. Позже мы сможем прийти к мирным переговорам. Скажем, обменять мою жизнь на безопасность горожан.

Рейвен закатил глаза.

— Опять идем сложным путем вместо простого? Нил Янг — лжец! Плевать ему на людей, он легко пожертвует ими, чтобы добраться до тебя!

— Так ведь я не собираюсь никого убивать. И достать он меня не сможет. Если убийц казнят, то горожане будут знать, что Воронов убивать нельзя. Это прищемит хвост «Врагам Воронов».

— Но не остановит их, — резко возразил Рейвен, — ты отрубаешь хвост, а нужно отрубить голову. Нам необходимо разобраться с этими мерзавцами, иначе нападение может повториться. Их нужно полностью уничтожить.

Льюис помотал головой.

— Я не собираюсь убивать тех, кто непричастен к убийству Джона.

— Уничтожать не обязательно физически, — вступила в разговор Шарлотта, — нужно придумать, как развалить эту организацию. По отдельности ее члены не представляют угрозы, они опасны лишь сбившись в толпу.

Лицо Льюиса посветлело.

— Вот именно! Шарлотта, ты просто умница! Нил Янг пусть разбирается с убийцами мы — с «Врагами Воронов». Рейвен, передай, что я согласен на сделку с ним, но я хочу быть в курсе происходящего, так что он должен рассказывать о своих успехах. Его будет навещать один из Воронов, но такой, который сможет справиться с внезапным нападением. Подбери кого-нибудь из бойцов, достаточно опытного и хладнокровного. Сможешь?

Рейвен сжал зубы. Послать кого-то из своих к лживому ублюдку, твердящему о чести? Нет уж, нельзя, чтобы он задурил им головы, а потом ударил в спину. Отправить Бернарда или одного из старых бойцов Элдрика? Нет, с них станется все-таки прибить мерзавца, а он пока нужен живым.

Оставался только один выход.

— Я сам буду следить за ним.

Льюис нахмурился.

— Ты уверен? Мне точно не нужно, чтобы вы сцепились, забыв о деле.

— Не сцепимся. Обещаю.

В этот раз он сумеет удержаться и оправдать доверие Великого Ворона.

Глава 25. Рубить головы, а не хвосты

В убежище был траур. Вороны бродили притихшие и расстроенные, друзья Джона Солта горевали по нему, а Льюис стыдился показаться им на глаза и трусливо отсиживался в покоех. Он не знал, что говорить и как решить эту ужасную ситуацию, а поданные ждали от него правильных слов и действий. Им нужна была уверенность, которой не было у него самого. Льюис никогда не был лидером по натуре, хоть и свыкся со своей ролью Великого Ворона за прошедшие годы. Он справлялся, пока все было хорошо, но понятия не имел, что делать теперь. Больше всего на свете ему хотелось переложить ответственность за случившееся на кого-нибудь другого, получить четкие инструкции что делать и бегом отправиться их выполнять. Правда, даже так он понимал, что «кем-то другим» не должен быть Рейвен: дай ему волю — и город вновь будет ввергнут в хаос с выживанием сильных и пожиранием слабых. Нет, никаких больше жертв и охоты на людей не будет. Льюис этого не допустит. Нужно было что-нибудь придумать, использовать свой хваленый разум, а не силу, только вот голова Льюиса была пуста. Он не мог найти выхода.

К счастью, он был не один.

Сольвейн нашел добровольцев, и те забрали изрубленное тело несчастного Джона для похорон. Нашли даже священника, согласившегося отпеть Ворона в присутствии не только родных, но и других Воронов из убежища. Пастор Фишер заметно нервничал, но когда Сольвейн, присутствующий на похоронах, подошел искренне поблагодарить его за участие, успокоился. Они даже немного поговорили о пасторе Брауне, которого Фишер знал.

— Он всегда был излишне фанатичен и строг, как к себе, так и к окружающим. Но я и представить себе не мог, что он будет благословлять горячие головы на убийство. Это неправильно. Даже если Вороны прокляты богом, не нам решать вашу судьбу. Не нам проливать кровь.

— А кому ее проливать? — со вздохом спросил Сольвейн. — Прекрасному Принцу и Рыцарям?

Пастор Фишер помолчал.

— Раньше я бы ответил так. Но этот погибший Ворон не рассыпался прахом и не сторел от священной силы. По нему скорбят родные и друзья. Вы боитесь за его душу, значит, она у него есть. Как и у вас всех. Так за что же бог отвернулся от вас? И отворачивался ли? Не нам судить. Я просто буду делать свое дело.

— Спасибо вам огромное.

При прощании пастор Фишер передал, что готов принимать Воронов в своем приходе, но в ночное время, чтобы не пугать горожан. Льюис порадовался, что в городе еще остались добрые люди, но эта радость была мимолетной. В голове крутились обвинения Рейвена: это он допустил подобное, ничего не сделав с «Врагами Воронов», когда они только появились, и за это поплатился жизнью его подданный. Еще и несчастную девушку убили. Воображение Льюиса легко ставило его на место Джона: он бы тоже растерялся и не справился с разозленной, вооруженной толпой. Погиб бы сам и не смог защитить близкого человека.

— Но ты смог, — возразил Сольвейн, на правах друга допущенный в покои. Он закончил дела и примчался отпаивать Льюиса чаем с травами, старательно оказывая моральную поддержку. — Ты победил Принца Ричарда и защитил маму. Ты сильнее бедняги Джона, и с этой ситуацией ты тоже справишься.

— Как? Я не хочу убивать невинных. Убийц казнят, но что делать с остальными «Врагами Воронов»?

— Уж точно не убивать. Этого хотят только Вороны-бойцы, но их для того и отбирали, чтобы сражаться за нас. Бойцы заведены, они горячие головы, но Рейвен легко сможет их подавить. О мести говорят только они, остальные Вороны ничего подобного не хотят. Они поддерживают тебя в мирном решении проблемы.

Льюис прикрыл глаза.

— Если бы я знал, как ее решать. Рейвен прав, я добился того, чтобы Воронов перестали бояться, и вот к чему это привело.

— А еще к тому что все эти годы мы живем спокойно, причем как Вороны, так и горожане. Страх ушел из нашего города, и это — твоя заслуга. Ты все сделал правильно, просто плохие люди решили нажиться на этом. Мы должны дать им отпор и продолжать жить мирно. Ты же не хочешь, чтобы нас снова боялись? Чтобы приходилось охотиться на людей?

Льюис покачал головой.

— Нет.

— Значит, мы найдем решение.

Слова Сольвейна были правильными, но как воплотить их в жизнь?

Отрубить голову, а не хвост. Иными словами, избавиться от всей организации «Врагов Воронов», а не только повесить исполнителей. Нужно что-то сделать с ее лидерами. Договориться? Предложить денег, чтобы уехали? Не сработает: судя по собранной Шарлоттой информации, пастор Браун был безжалостным фанатиком, а господин Бломфилд — нечестным человеком, имеющим выгоду со всей этой ситуации. Что же делать? Хорошо бы показать людям, насколько они отвратительны. Тогда горожане отвернутся от них. Но опять же как этого добиться? В интригах и провокациях Льюис был не силен.

Зато в них отлично разобрался кое-кто другой.

Однажды к нему в кабинет пришла Шарлотта. Почтительно поклонилась и попросила разрешения высказать свои мысли. Льюис несколько удивился такому формальному поведению: это было совершенно не в ее характере. Возможно, дело было в сложившейся обстановке? Они все были подавлены.

— Я тебя слушаю.

— Я придумала, как опорочить лидеров «Врагов Воронов», повелитель.

— Отлично! И как же?

Шарлотта выложила перед Льюисом проклятое серебро.

— Нет, — мгновенно ответил он.

Шарлотта мягко улыбнулась.

— Но ты же сразу понял насколько это хорошая идея.

— Это чудовищная идея. Шарлотта, ты ведь сама проклята, как ты можешь обречь на свою участь других?

— Этих убийц мне не жалко. Нам нужно разобраться с ними, Льюис. Лучший способ опорочить их — это показать, что «Враги Воронов» притянули к себе проклятье. Все слова Брауна и Бломфилда станут ложью, никто больше не пойдет к тем, чьи лидеры оказались оборотнями. Их союз развалится, как картонный домик.

— А что потом нам с ними делать? Ты хочешь увидеть их здесь? — рассердился Льюис, с ужасом понимая, что она права. Так они легко уничтожат не только лидеров, но и саму

идеологию «Врагов Воронов». Невозможно будет повторять страшилки о монстрах, когда сами Браун и Бломфилд объяснят соратникам, что они — люди. Беспокоясь о себе, они применят все свое красноречие, доказывая, что проклятье не изменило их. После такого организация просто распадется. А Брауна и Бломфилда можно будет на время посадить в темницу, а потом выпустить. Терпеть их будет неприятно, но если ради дела, то Вороны справятся. Легкий, простой, а главное, бескровный способ решения проблемы.

Пусть бессовестный и жестокий, но имел ли Льюис право пренебречь им, когда Вороны были в опасности?

Шарлотта выпустила и втянула коготки, играя ими, как кошка.

— Нам не придется их терпеть. Как только проклятье сработает мы просто отдадим Бломфилда и Брауна бывшим соратникам. Они сами разберутся с нашей проблемой.

Льюис замер. А ведь если подумать, то такой исход тоже возможен. Еще два убийства, еще несколько повешенных, и репутация «Врагов Воронов» пойдет ко дну. Но какой ценой? Сколько еще людей будут убиты?

Подлость никогда ни к чему хорошему не приводила.

— Нет. Забудь об этом. И не вздумай подбрасывать им проклятые вещи тайком, поняла меня? — Льюис моментально понял, насколько ужасна эта идея. Это хладнокровное убийство, а убивать он больше никого не будет.

Он не такой как Эдрик или Принц Ричард. И не будет таким. Жестокость — это тупик, дорога ведущая к неминуемой смерти. Никакая сила от нее не защитит. Возможно, действия Нила Янга помогут избавиться от доверия к «Врагам Воронов»? Он ведь будущий Прекрасный Принц, его репутация и отказ сотрудничать с ними, могут повлиять на ситуацию.

Шарлотта вздохнула. В ее лице мелькнуло раздражение, а взгляд напомнил Льюису Рейвена.

— Тогда что мы будем делать?

— Ждать. Посмотрим, чего добьется Нил Янг. Пусть Прекрасный Принц защищает наш город, раз уж он так рвется в бой. Рубить головы чудищам — это его обязанность.

Глава 26. Честь и предательство

Начальника стражи на рабочем месте не было, и Нил не стал его дожидаться. Действовать нужно было быстро. Он собрал всех стражников в участке и выступил перед ними:

— Этой ночью в городе было совершено жестокое двойное убийство, группой лиц по предварительному сговору. Убийцы — члены общества «Враги Воронов», уже не раз устраивавшие драки и провокации в городе. Они прикрывались благими речами о борьбе со злом, сами же задирали горожан, чувствуя свою безнаказанность. И вот результат: озверевшая толпа растерзала двух человек и до полусмерти избивала третьего. Если кто-то еще считает, что «Враги Воронов» поступают по совести, то я лично провожу вас в покойницкую и покажу тела их жертв.

В участке висела гробовая тишина. Нила переполнял гнев, и каждое слово он чеканил как приговор:

— Пастор Браун заморочил мозги многим из вас. Я сам верил его словам, потому что хотел верить. Но что из этого вышло? Мы — стражники, защита и опора города, готовы вцепляться друг другу в глотки, оскорблять и унижать несогласных с нами. А в это время убийцы творят что хотят, пользуясь нашими распрями для своих целей. Стал ли город безопаснее от того, что вы доказали кому-то свою правоту? Нет. Делает ли вас лучше ненависть к Воронам? Тоже нет.

Он перевел взгляд на Анри. Тот кусал губы и явно чувствовал себя неуютно. Под пристальным взглядом Нила он начал заливаться краской стыда.

— Вспомните о клятве, которую мы все давали, вступая в стражу. Мы обещали быть честными, справедливыми и порядочными людьми. Я настоятельно прошу вас прекратить низкую и подлую вражду, мелочные оскорбления друг друга и «дружбу» против кого-то. Мы — не враги, мы — товарищи, делающее общее дело. Каждый из нас может и должен вести себя достойно, чтобы не позорить честь мундира и свою собственную.

В рядах стражников появлялось все больше пристыженных лиц. Другие смотрели на Нила с облегчением и явным одобрением. Сэм широко улыбнулся ему. В глазах Марка светилось мрачное торжество. Никто не перебивал и не спорил, ожидая продолжения.

— Спасибо за понимание. В ближайшие дни мне понадобится помощь каждого из вас. Убийцы должны быть осуждены, но в городе возможны беспорядки. Мы не можем допустить этого. Для тех, кто вступил в общество «Врагов Воронов», у меня есть совет: либо немедленно покиньте их, либо отправляйтесь по домам, пока все не утихнет. Вы сейчас в щекотливой ситуации: скоро вам придется сажать в тюрьму бывших приятелей, и это многим не понравится. Я дам вам отгулы, как лейтенант. Томас, ты вчера был в их патруле?

— Нет, я же сказал, что не пойду, — удивился тот, — я домой отправился. А что? Похоже, он не знал, кто участвовал в убийствах, значит, был непричастен. Хорошо. Нил оглядел стражников и встретился взглядом с Гийомом.

В его лице не было и кровинки. Оно было абсолютно белым, а губы дрожали. Черт.

— Все свободны, возвращайтесь к обязанностям. Гийом, подойди ко мне.

Нил отвел его в кабинет, закрыл дверь и безучастно кивнул на стол.

— Садись. Пиши.

— Что?

— Признание. Это — твой единственный шанс избежать виселицы. Сделай вид, что пришел сам и раскаиваешься, сдавай соучастников, помогай расследованию. Вытянем тебе тюрьму. Хоть жив останешься.

— Нил, я этого не делал. Клянусь.

Гийома трясло.

Нил нахмурился.

— Томас сказал, вы собирались идти в патруль вместе. Но он отправился домой. А ты был с ними сегодня ночью.

— Нет! Я тоже не пошел, я пропустил патруль!

Светло-русые волосы Гийома стояли торчком. Он взъерошил их, явно не в первый раз за утро.

— Почему?

— Я... Томас сказал, ты хочешь со мной помириться. Сожалеешь, что потерял мое уважение, — Гийом слотнул, — меня это выбило из колеи. Я не знал, соглашаться или послать тебя, а решить нужно было до утра. Я несколько часов бродил по городу, размышлял, а потом вернулся домой.

— Тогда почему ты сейчас так трясешься?

— Потому что я не идиот! — Гийом рухнул на стул и сцепил пальцы в замок. — Я должен был там быть, я устроил эти патрули, и у меня нет свидетелей, что я бродил в другом месте! Сегодня дежурили двенадцать человек, без нас с Томасом — десять. Думаешь, они точно запомнили, кто был, а кто нет? А уж перед виселицей убийцы кого угодно оговорят, хоть мать родную, не то что меня! Как мне доказать, что я этого не делал?

Нил глубоко вздохнул.

Сможет ли Рудольф вспомнить всех участников? Знал ли он вообще Гийома?

— Кто-то еще из наших дежурил этой ночью? Анри?

— Нет. Я раскидал по два стражника на патруль. Очередь Анри была позавчера.

Нил разглядывал Гийома, пытаясь понять, говорит ли тот правду.

Неверный вопрос. Мог ли Гийом забить до смерти беспомощную девушку? А избить Рудольфа, вставшего на ее защиту?

Нет. Не мог.

— Гийом, я тебе верю. Мне не хочется думать, что ты на такое способен. Но если я ошибся, то ты сейчас упустил свой последний шанс на спасение и отправишься на виселицу.

— Спасибо, подбодрил, — пробормотал тот.

— Если ты невиновен, то тебе ничего не грозит. Я буду верить, пока не получу железное доказательство твоей вины. Болтовня преступников им не станет: твое слово для меня весомее, чем их. Ты — человек, которого я хотел бы называть своим другом, а кого попало я друзьями не считаю. Прости, что относился к тебе высокомерно и недостаточно ценил твою дружбу. Я пожалел об этом.

Гийом вскинул голову и нервно рассмеялся. Он заметно расслабился.

— Знаешь, я часто представлял себе этот момент: как ты стыдишься, просишь прощения, а я обличаю и обвиняю тебя. И ты клянешься больше никогда не повторять этой ошибки. А теперь я чувствую себя каким-то болваном и понимаю, что ошибся сам. Ты правильно сказал о чести и достоинстве стражника. Я забыл о них, стремясь сбросить тебя с пьедестала, доказать, что я лучше и сильнее. Прости, что болтал о тебе гадости и раздул

личную обиду на весь участок. Мир?

Он протянул Нилу руку, и тот пожал ее.

— Мир. Я могу рассчитывать на твою помощь с «Врагами Воронов»?

— Конечно. Я напишу тебе имена всех, кто должен быть сегодня в патруле и где их найти, — Гийом развернулся к столу и подтянул к себе лист бумаги. Он успокоился и сосредоточился. — Но есть еще кое-что, о чем ты должен знать. У «Врагов Воронов» припрятано оружие, на северном складе, у реки. Если не заберем его, то получим не беспорядки, а настоящее кровопролитие. Я собирался сдать место начальнику стражи со дня на день: рассчитывал на капитанские нашивки. Тогда бы стал старше тебя по званию.

— Зря надеялся, — хмыкнул Нил, — господин Отто уже знает, но ничего не желает с этим делать.

— Серьезно? Это же угроза безопасности города! Он спятил?

— Снова не хочет шевелиться, вот и все. Нужно немедленно конфисковать оружие и сделать это до того, как посадим убийц, иначе его перепрячут. Возьми людей и займись преступниками, а я заберу оружие. Если господин Отто после этого меня вышвырнет, доведи дело до конца. Убийцы должны оказаться в петле. Я могу на тебя положиться?

— Конечно, но с чего бы старику Отто... а, понятно, прямое нарушение приказа начальства. Эх, Нил, ты прямолинеен, как таран. Так, смотри, мы с тобой поменяемся: ты произведешь аресты, а я заберу оружие в рамках расследования. Мы ищем орудия убийства, и я получил наводку, что одного из подозреваемых там видели. Это будет достаточным основанием для конфискации. Бломфилд, скорее всего, сделает вид, что знать не знает ни о каком оружии, и назад его не потребует. Все, дело в шляпе. Если что-то пойдет не так, то я получу всего лишь выговор, а к тебе претензий не будет вовсе: мы оба просто исполняли свои прямые обязанности.

Нил благодарно сжал его плечо.

— Хороший план. Мне определенно не хватало твоей смекалки. Поговоришь с нашими ребятами, чтобы они поскорее покинули «Врагов Воронов»?

— Поговорю. Хотя вряд ли там кто-то останется после случившегося. Вот же звери! С чего они набросились на невинных людей? Жертвы — воронопоклонники, да?

— Можно сказать и так. Все, побежали. У нас сегодня будет трудный день.

Аресты заняли больше суток. Некоторые из убийц, проспавшись, попытались сбежать из города, но были вовремя схвачены. Другие спрятались у любовниц, не показываясь дома, и их пришлось искать. Трое оказали сопротивление при аресте. К вечеру у участка собралась возмущенная группа горожан из «Врагов Воронов», но Анри каким-то немислимым образом уговорил их не бунить, а подождать официального расследования. Он, Марк и еще пять стражников до утра контролировали ситуацию, не давая ей перетечь в столкновение, после чего недовольные люди разошлись.

Допросы так же заняли немало времени, но подтвердили, что Гийома и Томаса в патруле не было, а Рудольф действительно пытался защитить девушку. Некоторые убийцы клеймили его предателем, а сами бравировали убийством Ворона. На Нила также полилась волна оскорблений, но он их проигнорировал. От чужих людей это не задевало. А уж к уровню ядовитых речей Рейвена никто и близко подобраться не мог. Все их угрозы казались смешными и беззубыми.

Вечером следующего дня Нил бросился решать иную проблему: нужно было остановить Великого Ворона, пока он не учинил расправы. Но как? Решение пришло тут же: пообещать

самолично покарать убийц. В прошлый раз на него охотно свалили грязную работу, но в этот раз требовалось чем-то подкрепить свою просьбу. Чем? Золота и власти у Великого Ворона вдоволь, так что вообще можно ему предложить? А что принял бы Нил, будь он на его месте?

Безопасность для своих людей.

Конечно, он мог ошибаться, и на подданных Великому Ворону могло быть наплевать. Но других идей у Нила не было. Он заглянул проведать Рудольфа, заодно обрисовав ему свой план. Рудольф обозвал его сумасшедшим, после чего собрался и пошел с ним.

— Я тебе спину обещал прикрыть, и я ее прикрою.

— Ты ранен и не сможешь нормально драться.

— Раз не помер сразу, значит, выживу: на мне все как на собаке заживает. Хоть пару Воронов от тебя отвлеку, все польза будет. И не спорь! Я не для того к тебе в Рыцари пошел, чтобы отсиживаться, когда нужен.

Нил вздохнул и смирился. Спорить все равно не было времени, а выглядел Рудольф неплохо: похоже, обошлось без переломов. Сутки отдыха помогли ему прийти в себя.

Встреча в парке прошла мирно: Рейвен выглядел притихшим и задумчивым, о прошлом столкновении не вспоминал, на Рудольфа и не взглянул. Нил невольно задумался, как себя будет вести Рейвен, когда он действительно убьет Великого Ворона? Будет ли бояться его? Или полезет на рожон, в попытках мести?

Или же выжить ему не позволит приказ хозяина? Вороны-бойцы наверняка будут сражаться до смерти и полягут все. Лишь переступив через их тела получится добраться до Великого Ворона.

У Нила испортилось настроение. Пусть Рейвен — обозленный безумец, но Нила вполне устраивало, что он жив и спокойно живет где-то вдали, не причиняя никому вреда.

Рудольф отправился отлеживаться, взяв с Нила обещание обязательно позвать его, если потребуется помощь. В участке кипела работа, но присутствие Нила не требовалось: арестованы были уже все причастные к убийствам, Гийом оформлял бумаги для суда, Сэм заканчивал опись конфискованного оружия, Анри следил за обстановкой, между делом сообщив, что стражники покинули ряды «Врагов Воронов». Обстановка царила рабочая и вполне дружелюбная.

Нил отправился спать после двух суток на ногах.

Следующим вечером он опять отправился в парк.

— Великий Ворон снизошел до твой мольбы, — мрачно сообщил ему Рейвен, — если убийц казнят, этого будет достаточно. Но ты останешься должен нашему повелителю за эту возможность.

— Я сдержу свое слово, — Нил подавил неприязнь, — Вороны будут в безопасности во Время Принца.

Рейвен презрительно фыркнул.

— Времени Принца никогда не будет. Легко давать обещания, которые не придется исполнять. Ты — должник Великого Ворона. И я буду следить за тем, как ты разбираешься с убийцами. Каждый день буду прилетать. Рассказывай, что уже сделал, чтобы покарать «Врагов Воронов».

Нил вспыхнул, но волевым усилием сдержался.

Спокойно, нельзя сейчас все испортить. Он не поведется на очередную провокацию злобного стервятника, он еле добился безопасности для горожан. Так что он равнодушно

отчитался и объяснил, что через день-два убийц будут судить. Через неделю их повесят.

— Сойдет. Завтра здесь же, в то же время. Проваливай.

Нил проглотил нецензурный ответ и ушел.

Вот же ублюдок! И как веселый и озорной Дирк превратился в эту падаль? Ведь пять лет же был нормальным, хоть и проклятым, а как поехал мозгами, обозлился на весь белый свет. Жаль, что от безумия не существовало лекарства. Нил бы влил Рейвену в глотку столько, сколько нужно, чтобы вытравить из него всю злобу и подлость.

На следующий день явился приболевший начальник стражи. Недовольно оглядел происходящее, вызвал Нила с Гийомом, отругал и объяснил, что они ошиблись в формулировке обвинения:

— Там не два человека убито, а человек и Ворон! Уже другая статья, болваны! А если окажется, что девчонку убили случайно, во время драки с Вороном, то это вообще несчастный случай!

— О случайности и речи быть не может, — отрезал Нил, — мы провели допросы. «Враги Воронов» напали первыми, девушку пытался защитить Рудольф и был за это избит. Ее убили сознательно, чтобы «проучить» за связь с Вороном.

— Так все равно одно убийство выходит!

— Два, господин Отто, — Нил устало вздохнул, — я изучил законы города. Нигде не сказано, что за убийство Воронов людей не судят. Исключение делается только для Прекрасного Принца и Рыцарей. Остальные горожане его не имеют. Умышленное двойное убийство, осуществленное группой лиц. У них было время подумать и никого не трогать. Однозначно виселица.

— Я еще проверю, как вы допросы провели, — рассердился начальник стражи, — вон с глаз моих!

Они вышли из кабинета, и Гийом флегматично заметил:

— Плакали мои капитанские нашивки. Как бы не разжаловали в рядовые. Нил, а ты почему раньше не сказал, что одна из жертв — Ворон?

— Это не имеет значения. Он ни на кого не нападал, просто гулял со своей девушкой. Нельзя игнорировать законы в пользу собственных убеждений. Убивать Воронов безнаказанно могут только Прекрасный Принц и Рыцари.

К немалому удивлению Нила, закон разрешал им убивать не только Воронов, но и людей, но вряд ли этим кто-то пользовался. Возможно, однажды случился прецедент с подкупленными Великим Вороном наемниками и их убийством? После чего в закон внесли исключение.

Гийом покосился на него.

— Знаешь, я не понимаю тебя. Ты же помнишь какие они: злые, жестокие, страшные. Да что там, тебя же самого Вороны несколько раз били. Справедливость справедливостью, но зачем так стараться для своих врагов?

Нил упрямо помотал головой.

— Они мне не враги. Ты ведь знаешь, что проклятье падает на головы случайным людям. Не все они одинаковы. Подружка Марка была ею до того, как стать Воронессой. Он просто ее не бросил. А теперь представь, что завтра проклятье настигло твою девушку. Что ты будешь делать?

Гийом задумался.

— Зависит от того, насколько сильно я ее люблю.

— А если это будет твоя мать?

Гийом вздрогнул.

— Я тебя понял. Бросить близкого человека из-за проклятья бесчестно.

Нил кивнул.

— Я бы такому подлецу руки не подал.

— Все-таки проповеди пастора Брауна задурили мне голову, — Гийом поморщился, — он постоянно говорил о Воронах, как об опасных монстрах. В это легко было верить. Но они уже лет шесть никого не трогают. Так от кого «Враги Воронов» собирались нас защищать? Черт, почему я не подумал об этом перед тем, как вступить в их общество? Чувствую себя деревенским лопухом, спустившим все деньги на игру в наперстки.

— Ничего страшного. Главное — вовремя заметить ошибку и исправить ее. Ты это уже сделал.

— Господин Янг, уделите мне время?

— Говорите коротко и только по делу, — сухо отозвался Нил, не отрываясь от написания отчета, — у меня много работы.

Уильям Бломфилд присел на стул для посетителей. Он выглядел отлично: одет был с иголки, волосы были тщательно уложены, а усы и борода напомажены.

— Недавние события заставили меня взглянуть на вас иначе, друг мой. «Враги Воронов» обошлись с вами без должного почтения. Вы так стараетесь защитить нас всех, но не получили за это никакой благодарности, — вкрадчиво начал он, — это ужасная несправедливость, и она должна быть немедленно исправлена.

Нил поднял голову и озадаченно взглянул на него.

— О чем вы говорите?

— Вы — наш герой и скоро схлестнетесь с Великим Вороном. Но что вы с этого получите? Ничего, ведь Принцу и Рыцарям не платят жалованье. «Враги Воронов» решили изменить это. Вы и господин Рудольф получите достойную оплату вашего риска. Посмотрите, достойна ли вас эта сумма? Мы можем ее обсудить.

Нил окаменел.

— Убирайтесь отсюда. Быстро, иначе я посажу вас за попытку взятки. Убийцы будут казнены, и даже не надейтесь их отмазать.

Уильям Бломфилд покачал головой.

— Вы глупы, юноша. Столько же, сколько Принц Ричард, точно не протянете.

— Не знаю, как он, а мой дядя вас бы уже пинками отсюда гнал. Откуда у вас столько смелости? Судя по возрасту, вы должны были застать те времена, когда Вороны устраивали расправы над теми, кто им противостоял. Вы хоть понимаете, что вас в любой момент могут убить вместе с семьей?

Уильям Бломфилд нагло усмехнулся:

— Если до сих пор не убили, значит, новый Великий Ворон не чета Элдрику. Ох, как я его боялся! Все боялись. А этот что? Ни имени, ни деяний. Так и не вылез из убежища. Егс Вороны — беспомощные тряпки. Могли бы владеть всем городом, а сами прячутся по паркам. Думаю, вы расправитесь с ними и Великим Вороном, даже не вспотев. Но что дальше? Продолжите служить в страже и разнимать пьяные драки в кабаках? Принц Ричард,

помнится, бродил по городу, отчаянно скучая. Его боялись и уважали, поэтому платить ему ни за что не приходилось, но вы же принципиальны. Вам нужны будут деньги и достойная жизнь.

— Она у меня уже есть. Деньги я зарабатываю на службе. И я сомневаюсь, что Принца Ричарда боялись. С чего бы это?

Уильям Бломфилд улыбнулся, показав зубы.

— С того, что он был безжалостен к своим врагам и знал, что спасенный им город принадлежит ему. Вы же — идеалист. Но от ваших принципов пострадаете вы сами. Горожане не оценят защиту Воронов, они обозлятся на вас. Ваша репутация будет уничтожена. Возможно, вам даже придется уехать из города, так и не став Прекрасным Принцем. У вас год впереди, всякое может случиться.

Нил рассмеялся ему в лицо.

— Меня не выгнали отсюда даже Вороны, а вы очень плохи в угрозах, господин Бломфилд. «Враги Воронов» будут меня презирать? Не велика потеря, ваше уважение мне не нужно.

Уильям Бломфилд покачал головой.

— Вы настолько наивны, что мне становится вас жаль. Я последний раз предлагаю вам вписать сумму вашего жалованья, а потом признать, что произошла ошибка, и вы понятия не имели, что убит был Ворон, а не человек. Пара формальных извинений, и все закончится к обоюдному согласию.

— Катитесь к черту, с него и требуйте извинений.

— Вы сделали свой выбор, юноша. Не сетуйте потом на последствия.

Через день прошел суд. Всех убийц оправдали и выпустили, признав невиновными.

Нил не мог оправиться от изумления и ярости. Судья придрался к показаниям, преступники дружно заявили, что Рудольф их оговорил, а признания из них выбили силой. Стражники приуныли.

— Так что, все оказалось зря? — расстроился Анри. — Судью подкупили, и законом можно подтереться?

— Черта с два я это допущу, — процедил Нил, — не унываем, битва еще не кончена. Я поговорю с судьей и добьюсь справедливого приговора.

Разговор вышел тяжелым. Судья наотрез отказывался признавать факт взятки, а доказательств у Нила не было. Отчаявшись уговорить его поступить порядочно, Нил зашел в тупик. Спасло его не иначе чем чудо: в кабинет судьи забежали две маленькие девочки, и бесчестный взяточник явил облик любящего дедушки. Нил понаблюдал за детьми, дождался их ухода и спросил:

— Знаете, что Вороны сделают с ними, если услышат, что вы отпустили убийц одного из них?

Судья посерел.

— Вы... господи, да как у вас язык повернулся...

— Я не угрожаю, я предупреждаю вас об опасности. Мне удалось упросить Великого Ворона не устраивать расправы, если виновные будут наказаны. Если я не справлюсь, они будут мстить. Боюсь, вы и ваша семья будете убиты. Эти деньги стоят того?

Судья закрыл лицо трясущимися руками. Минуты три он молчал, затем выпрямился.

— Соберите бумаги еще раз, но обязательно с подписью начальника стражи. Он может опротестовать мое решение. Я вынесу справедливый приговор.

— Спасибо.

— Вы очень похожи на Принца Ричарда. Полагаю, скоро у города будет новый хозяин, — вздохнул судья.

— Защитник. Мне власть не нужна.

Судья грустно усмехнулся.

— Вы ею уже пользуетесь. У нас всегда так: кто сильнее, тот и вертит городом как хочет. За последние шесть лет я расслабился: присутствие Великого Ворона почти не ощущалось. Забыл, что с хозяевами не спорят.

Нила передернуло.

— Он вам не хозяин. Вы — свободный человек.

— Меня убьют за неисполнение его приказа. Какая же это свобода? Ладно, неважно. Приносите документы, и я все сделаю.

Нил помолчал.

— Вы сказали, я похож на Принца Ричарда. А на Рутгера Янга?

— Нет. Рутгер был честным и порядочным человеком. Он бы предпочел умереть, чем идти на сделку с Воронами.

Нил вышел от него как оплеванный. Проклятье, он же просто пытался добиться справедливого наказания для убийц и уберечь горожан от расправы! Только для этого он пошел на договор с Великим Вороном! Он отказался от денег Бломфилда, так почему же какой-то взяточник считал его подлым мерзавцем? Нил гнул спину перед злом, потому что так надо, а не из трусости или корысти! Будь у него сила, он бы не делал этого, а охранял город вместе с верными товарищами, как это делал его дядя! И что же, тем человеком, которому Рутгер Янг не подал бы руки, стал бы его родной племянник? Он — подлец?

Нет. Это — вынужденная мера. Еще один год, и все пойдет правильно. Больше никаких сделок с Воронами не будет.

Стражники, услышав новость, оживились и взялись за дело. Оставалась одна малость: подпись господина Отто, но тот неожиданно уперся.

— Ты с ума сошел? Как мы теперь будем выглядеть, с арестом оправданных людей?

— Это судебная ошибка, а не наша. Они убийцы и должны быть наказаны.

— Не выдумывай, все четко и ясно: схвачены были невинные, теперь они отпущены. Судье лучше знать.

— Он согласился возобновить дело.

— А я не соглашаюсь! Когда же ты уймешься?

Нил едва не зарычал. Нервы у него были на пределе. Но тут он увидел то, чего не замечал раньше, и все резко встало на свои места.

— Роскошный костюм, господин Отто.

— А? Да, спасибо, — сбился тот, — сшито на заказ, могу посоветовать портного. Берет дорого, но шьет идеально.

— На вас много золота. Перстни, цепочка. Вышивка тоже золотая?

Начальник стражи надулся от гордости.

— Конечно! Солидный человек должен выглядеть солидно, ты согласен?

— А раньше денег на такое у вас не было, — сказал Нил, — давно Бломфилд вам платит «жалованье»?

Господин Отто пошел красными пятнами, но глаза его испуганно забегали.

— Ах ты, щенок! Ты как смеешь? Да я тебя уволю!

— Вы хоть понимаете, что Вороны могут вас убить за это?

— А ты меня Воронами не пугай, я их не боюсь! Никто их больше не боится, сидят как мыши под веником! Мы их всем миром побьем! А ты — трус, понял? Выметайся со службы, мне здесь такие как ты не нужны! Вон!

Нил молча развернулся и вышел за дверь. У него не было сил спорить и пытаться переубедить начальника стражи. Кого еще Бломфилд успел подкупить? Палача? Тюремную охрану? Сможет ли Нил сломить сопротивление всех взяточников города?

Ему казалось, что он пытается перебраться через стену, которая с каждым часом становится все выше и выше.

Гийом, явно подслушавший разговор, догнал его в коридоре.

— Нил, успокойся и не делай глупостей! Пока письменного приказа об увольнении нет, старик Отто может сказать, что пошутил. Я его уговорю. Только не дури.

Нил глубоко вздохнул.

— У нас есть проблемы посерьезнее моего увольнения. Если убийц не осудят, то Вороны будут мстить. Хорошо если только «Врагам Воронов». Могут пострадать невинные люди. Вороны ждут от меня результата, поэтому бездействуют.

— Черт! А можно потянуть время? Соври им что-нибудь, а мы пока снова арестуем убийц.

— Я попробую.

Нил отправился в парк. Сегодня он пустовал, и Рейвен был единственным Вороном в нем. Он нервно расхаживал между деревьями.

— Где ты шляешься, рыцарское отродье? — раздраженно спросил он. — Почему убийц выпустили? Ты не справляешься. Что произошло?

Нил никогда не был хорошим лжецом, к тому же сильно вымотался. Он честно рассказал о судьбе и начальнике стражи, уверенный, что сейчас получит ушат помоев и насмешек еще и от Рейвена. Но тот слушал внимательно, а к концу рассказа потемнел лицом и оскалился.

— Воронов никто не боится? А где живет этот бесстрашный герой? Навещу-ка я его.

— Не смей. Я этого не допущу. Я арестую убийц, мне просто требуется больше времени. Рейвен прищурился.

— Нам нужно, чтобы он испугался достаточно сильно, чтобы вернуть взятку и не мешать тебе. Убивать я его не стану, просто потрясу слегка. Ты пугать не умеешь, а я в этом хорош. А там, глядишь, может, и Брауна с Бломфилдом навестить? И проблема решится без кровопролития.

— Зачем ты мне помогаешь?

— Да делать мне больше нечего. Но если можно пойти легким путем, зачем усложнять? Надо напомнить зарвавшимся людишкам их место, и они сделают все как надо. Пошли сейчас, и я принесу повелителю хорошие новости. Или ты хочешь, чтобы Великий Ворон узнал, что ты опозорился, и карать убийц придется нам самим?

У Нила резко заболела голова. Проклятье, что же делать? Воспользоваться помощью Рейвена и выбить из начальника стражи нужный приказ? Но это уж точно сделка со злом. Отказаться и допустить расправы Воронов над горожанами?

Меньшее зло было очевидно.

Как же низко он пал!

Нил сжал зубы.

— Не вздумай его ранить. Я буду рядом и если увижу, что ты реально ему вредишь, немедленно вмешаюсь.

Рейвен отмахнулся.

— Идем уже. Меня Шарлотта ждет, я не собираюсь торчать тут с тобой всю ночь.

Им пришлось дожидаться возвращения господина Отто домой. К счастью, тот был холостяком и жил один. Нил стоял под окном, слушал его крики и мольбы, издевательства Рейвена и чувствовал себя гаже некуда. Дядя Рутгер ему в лицо за такое бы плюнул, а то и отделал бы, как следует. Каким же мерзавцем нужно быть, чтобы допустить такое? Но только так он может защитить горожан от Воронов. Не замаравшись, он никого не спасет.

Рейвен выскользнул во двор довольный и веселый.

— Готово. Завтра он подпишет все, что скажешь. Учись, пока я жив, мелочь!

— И не подумаю даже. Какой-то ты слишком радостный стал.

— А ты кислый, будто лимон проглотил.

— У тебя убили товарища, и его убийцы до сих пор на свободе. А ты веселишься.

Рейвен фыркнул.

— Тебе-то что? Ты тоже должен веселиться, Ворона же убили.

— Убили человека.

— Ты про ту девчонку? Знал ее?

— Я про них обоих. Это жестокое и несправедливое убийство. Но ты болтаешь и смеешься, а не грустишь по погибшему, — желчно отозвался Нил, — для тебя все это лишь развлечение, и неважно, сколько Воронов умрет, лишь бы тебе разрешили убивать людей.

Рейвен молча смотрел на него. Ноздри его гневно раздулись, но кроме гнева Нил заметил в его лице еще одну эмоцию, куда более сильную.

Удивление.

— Иди в задницу, — как-то равнодушно ответил Рейвен, раскрыл крылья и улетел.

Нил мрачно отправился домой и забылся тяжелым, беспокойным сном. А утром, придя в участок, получил сокрушительное известие: господин Отто собрал вещи и сбежал из города, так ничего и не подписав.

Глава 27. Сотрудничество

Раздосадованный Рейвен докладывал повелителю о провале. Он чувствовал себя паршиво: идея напугать начальника стражи принадлежала ему, осуществил ее тоже он, но предугадать, что тот не подчинится, а сбежит из города, не смог. Тетерев безмозглый, ведь знал же, что люди по-разному реагируют на страх! Кто-то обделается, а кто-то, наоборот, полезет в драку. Легкий путь завел его в ловушку и не впервые. Проклятье, Льюис же говорил ему об этом не раз, объясняя, что не все можно получить силой, но Рейвен пропускал его слова мимо ушей. Идиот. Когда уже он научится думать головой и не повторять свои ошибки?

Легкий путь — это тупик. Насилие не решает всего. Ему придется выучить это наизусть.

Льюис слушал его молча. Он выглядел расстроенным, и Рейвен устыдился своей бесполезности. Он даже не мог служить повелителю как подобает. Бесполезный кусок дерьма!

— Я могу навестить Брауна и Бломфилда, — поспешил предложить он, — с ними я сделаю все правильно. Надавлю и не выпущу, пока «Враги Воронов» не будут распущены. Буду следить за их домами и...

— Это не поможет, — Льюис устало потер лицо, — они просто так же сбегут, а у «Врагов Воронов» появятся новые лидеры. Жаль, я надеялся, что Нил Янг справится. Что ж пусть больше не волнуется, мы сами разберемся. Медлить больше нельзя. Шарлотта предложила толковый план, и мы займемся его воплощением.

Рейвен выслушал ее идею с недоумением, затем оживился.

— Отлично! Я бы предпочел, чтобы мы прокляли кого-то получше, но если «Врагов Воронов» можно будет уничтожить так, то я за. Умница, Шарлотта.

Та послала ему воздушный поцелуй. У Рейвена потеплело на сердце.

Восхитительная женщина. И как она ухитрялась поднимать ему настроение одним жестом?

Сольвейн постучал пальцами по подлокотнику кресла.

— Но не слишком ли это жестоко? Они дурные люди, но, получается, мы ломаем им жизни и проклянем навечно.

— Сами виноваты, — возразил Рейвен, — при Элдрике их бы уже убили. Пусть спасибо скажут, что их жалкие шкуры останутся при них.

— Если останутся, — хмыкнула Шарлотта, — хотела бы я посмотреть на реакцию их последователей.

— Я не собираюсь убивать Бломфилда и Брауна, — отрезал Льюис, — только напугать. Мы публично продемонстрируем их «Врагам Воронов» и заберем в убежище.

— Но, Льюис, ты же обещал, что мы никогда не будем никого проклинать! — возмутился Сольвейн. — Мы собирали проклятое серебро, чтобы другие люди не пострадали, а теперь ты собираешься его так использовать?

— У меня нет выбора, — тихо ответил тот.

— Но как ты собираешься показать их «Врагам Воронов»? Я бы на их месте ни за что не пошел туда, где меня наверняка убьют.

— Я использую магические приказы. Как Вороны, они не смогут не подчиниться мне. Так будет удобнее. Их все равно придется как-то контролировать в убежище.

Сольвейн хотел еще что-то возразить, но Шарлотта прикоснулась к его плечу и резко покачала головой.

Темные глаза Льюиса казались бездонными омутами с ледяной водой. В них не было жизни, одна только безысходность и смирение с текущим положением вещей.

Рейвен вздрогнул и пригляделся к нему.

Он уже видел такой равнодушный, безнадежный взгляд. Слышал подобный безучастный тон. Такие лица и голоса были у многих Воронов после гибели Элдрика. Они понимали, что обречены, и сдались, не пытаясь выжить. Рыцари убивали их десятками.

Но почему Льюис сломлен этим решением? Ему настолько важно не проклинать людей? Это же легко уладит все проблемы!

Легкий путь. Тупик.

Нужно было другое решение.

Нил.

Рейвен встряхнул головой:

— Давай не будем с этим торопиться, повелитель. Если Нилу Янгу удастся казнить убийц, то репутация Брауна и Бломфилда будет уничтожена. Это еще можно сделать. Нилу я придам прыти: скажу, что у него неделя на то, чтобы разобраться с убийцами, а после начнем действовать мы. Если он окажется сильнее, то люди сочтут его правым. Множество стражников уже бросили «Врагов Воронов» и перешли на его сторону. Горожан легко переубедить: они как флюгеры, тянутся за тем, кто складно говорит, но быстро отворачиваются от побежденных. И не нужно будет никого проклинать.

Лицо Льюиса посветлело.

— Ну, конечно же! Переубедить! Рейвен, ты гений! Я понял, что нужно сделать. Шарлотта, прости, но твой план слишком жестокий, мы оставим его на крайний случай. Рейвен, выполняй. Я буду рад, если у Нила Янга получится, но если нет, справимся и без него. Это наш город, наши люди, и я сумею до них достучаться.

Сольвейн облегченно выдохнул, а вот Шарлотта нахмурилась.

— Повелитель, ты опять полагаешься на Нила Янга? Но он — лжец! Может, он специально тянет время? А как получит силу, так плюнет на все договоренности и нападет на нас!

— Нет, — возразил Рейвен, — он старается изо всех сил, но у него не получается. Он добьется успеха, если...

Если ему помочь.

Рейвен застыл, а потом мысленно выругался.

Чертова мелочь! Когда не надо, вечно путался под ногами и раздражал, а как что-то серьезное сделать, так ему снова нужна помощь! Бестолковый щенок! Опять тащить его на своей спине придется!

Рейвен сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

Плевать. Он сделает это ради Льюиса.

— Я прослежу за тем, чтобы у него все получилось, повелитель.

На следующее утро Рейвен подлетел к участку городской стражи. Пролетел мимо окон, заметил в одном из них Нила и незамедлительно влез внутрь. Двое стражников шарахнулись

в разные стороны, а потом схватились за мечи.

Нил, сидящий за столом, даже не вздрогнул.

— Спокойно! Это ко мне. Что велел передать Великий Ворон?

— Что у тебя ровно неделя. Если через семь дней убийцы не будут осуждены и повешены, последует незамедлительная кара.

Нил помолчал, затем обратился к стражникам:

— Гийом, вам удалось кого-то арестовать?

— Конечно. Уже половина преступников сидят по камерам, другую половину возьмем со дня на день, — уверенно ответил смазливый светловолосый парень.

Другой стражник изумленно уставился на него.

— Ты чего, с дуба рухнул? Никого мы не взяли, убийцы попрятались, сидят под охраной из добровольцев, и мы не смогли через них пробиться! Без приказа начальника стражи они нас просто посылают!

— Анри, ты дурак! Да что же вы все такие прямолинейные, бестолочи?!

Рейвен фыркнул.

— Отошли этих шутов. Нужно поговорить наедине.

— Ребята, займитесь пока текущими делами. Я разберусь.

Стражники переглянулись и ушли.

— Разберется он, — проворчал Рейвен, — пока что ни черта у тебя не получается. А времени мало. Мне плевать как, но с «Врагами Воронов» нужно покончить. Кто, кроме начальника стражи, может отдать нужный приказ судье?

— Возобновить дело? Только наместник города.

— Так иди к нему. У тебя есть имя, тебя знают. Зря что ли ты — будущая Белая Мразь? Тебя должны слушаться.

Нил покосился на него.

— Почему белая?

— Что?

— Почему мразь понятно. Но почему именно белая? Я не блондин и не ношу белых одежд. И почему «будущая»?

Рейвен раздраженно выдохнул.

Спокойно. Он будет сдержанным и терпеливым. Чертов щенок не выведет его из себя.

— Белой Мразью мы звали Принца Ричарда. Ты метишь на его место и получаешь такое же прозвище. Белая — потому что доспехи у него были белые.

— Понятно. А моего дядю как называли?

Рейвен усмехнулся.

— Рутгер Янг уже звучало как «безжалостный мясник».

Нил встал. Лицо у него было непроницаемым.

— Я пойду к наместнику. Встретимся вечером в парке.

— Подожди. Мне нужно, чтобы ты справился. Если понадобится помощь, я ее окажу. Любую.

Нил нахмурился.

— Великий Ворон приказал следовать за мной по пятам?

— Ты глухой? Я. Помогу. Тебе. Нет никакого приказа!

— Зачем тебе это?

— Не твое дело.

— Как я могу рассчитывать на твою помощь, если это даже звучит как бред?

Рейвен выпустил когти и раздраженно провел ими по стене, оставив глубокие царапины.

Полегчало.

— «Враги Воронов» должны быть повешены, — ровным тоном объяснил он, — я сгруппировал с твоим начальником, и я это исправлю. Я не хочу, чтобы нам пришлось... одним словом, не хочу. Ради этого я готов забыть о том, как ты меня бесишь, и буду толкать в спину, пока не дойдешь до цели. Так понятно?

Нил усмехнулся.

— Вполне. Где мне тебя найти, если понадобится?

— Я буду прилетать сюда время от времени.

— Договорились.

Рейвен покинул его и отправился в город. Осмотрел здание, которое охраняла группа «Врагов Воронов». Убийцы наверняка прятались внутри. Охранники громко болтали и хохотали, даже не глядя по сторонам. Арбалеты были только у двоих. Рейвен тоскливо подумал, что пятерка Воронов, напавших внезапно, без проблем растерзала бы дураков и прорвалась внутрь. Да что там, он бы сам их раскатал, выведя из строя арбалетчиков. Но — нельзя.

Дальше он отправился к дому Уильяма Бломфилда. Пешком, чтобы не привлекать внимания. Это было унижительно и напоминало о тех днях, когда он был лишен силы и вынужден был перемещаться по городу скрытно, чтобы не попасться в руки Белой Мрази и Рутгера Янга, активно его искавших. Рейвен зло усмехнулся, вспоминая их смерти. Все враги Воронов рано или поздно погибают. А сколько было самодовольства и уверенности, что город принадлежит им! Что все Вороны будут уничтожены их руками! А от самих даже пепла не осталось.

Будет ли Нил таким же, как дядя? Рейвен вспомнил его гневные слова о погибшем Вороне. Странно. Как будто он и правда считал убийство Ворона чем-то неправильным. Но тот, кто сам собирался стать убийцей, не мог так думать. Врет? Конечно, врет, но для чего? Пытается создать себе репутацию благородного героя? Что ж, Белая Мразь тоже любил поговорить о своем милосердии. Но более подлого человека Рейвен не знал.

Нил такой же.

Но ведь он всегда был честным, даже в ущерб себе.

Рейвен раздраженно заметил, что почти перестал использовать его фамилию. Даже мысленно звал по имени. Почему?

Потому что Нил не был похож на дядю. Ни капли. Хоть ты тресни.

Он был похож на самого себя.

Рейвен злобно дернул себя за косу, прерывая поток мыслей. Хватит! Не о чем тут думать, все давно уже ясно. Как бы Нил себя не вел, все это — ложь и притворство. Единожды предатель — предатель навсегда.

Дом Уильяма Бломфилда был роскошен, но хозяин отсутствовал. Рейвен осмотрелся вокруг и отправился к церкви. Пастор Браун был внутри, и к нему постоянно приходили люди. Торчать под окнами было неудобно: Рейвена легко могли заметить. Он огляделся и увидел высокую старую яблоню. Отлично, там он и спрячется. Хотел было взлететь, но, неожиданно для себя, решил вспомнить детство и влез сам. Удобно устроился на толстой ветке. Отсюда он не только видел пастора Брауна в открытое окно, но и слышал все его

разговоры. К пастору приходило множество горожан, почти все спрашивали совета и беспокоились насчет Воронов. Пастор уверенно отвечал, что «твари смердящие» будут истреблены, и город очистится от их присутствия. Рейвен подавил злобное желание ворваться и напугать засранца до грязных штанов, чтобы понял, кто здесь смердит и чем. Забавно, он совсем забыл, как его бесило отношение к Воронам, как к нелюдям, а ведь раньше всегда держал это в голове. Годы правления Льюиса заставили его думать по-другому. Мирный город, по которому можно было спокойно бродить, ничего не опасаясь, добровольцы, сами отдающие жизненную силу, глупые истории с «Полумраком» или воронопоклонниками заставили его забыть о том, что он — не человек и никогда им больше не будет.

Рейвену нравилось быть частью города, а не грязным пятном на его теле. Нравилось жить спокойно и не видеть бесконечный ужас в глазах жертв. Но весь этот мир был хрупок, как хрустальная ваза на краю стола. Один толчок — и люди вновь начнут бояться и ненавидеть Воронов. Все будет потеряно.

Поэтому удар по «Врагам Воронов» должен будет нанести Нил. Пусть его репутация летит к чертям, а не их.

Рейвен сбился.

Но зачем Нилу идти против «Врагов Воронов», если они хотят того же, что и он? В чем смысл?

— Пастор Браун, я прошу вас выслушать меня, — знакомый голос отвлек Рейвена от размышлений. — Это очень важно.

— Я знал, что ты образумишься, дитя мое. Говори. Прощения заслуживает каждый.

— Не каждый, — отрезал Нил, — я прошу вас повлиять на убийц. Они должны сдаться и получить справедливый приговор, иначе городу грозит огромная опасность. Вороны будут мстить.

— Мы дадим им отпор. Для того и было собрано праведное воинство «Врагов Воронов».

— Отпор? Пастор, вы думаете, все Вороны беспомощны, как тот несчастный? Уверяю вас, это не так. Вы бросаете людей на растерзание. Пока что Вороны сдерживались, но неужели вы не помните, что было во времена Великого Ворона Элдрика?

— Я это отлично помню. Твой доблестный дядя сражался с тварями, а не прогибался под них. Никогда Рутгер Янг не пошел бы на сделку со злом и не поддавался бы угрозам! Ему было бы стыдно, что его племянник оказался настолько слаб и труслив.

— Я пытаюсь защитить людей, а вы отправляете их на неминуемую гибель! Но зачем? Никто, кроме Прекрасного Принца, не одолеет Великого Ворона! Все ваши столкновения будут бессмысленными.

— Мы очистим наш город от нечисти, и цена за это не может быть слишком высока!

— Нечисти? Пастор, вы же знаете, что Вороны — это проклятые люди. Неужели никто из ваших знакомых не попадал под проклятье? Вы убедили горожан, что это не так, и они совершили двойное убийство, за что отправятся на виселицу.

— Они сделали благое дело, которое должен был сделать ты. Вороны — чудовища, и то, что ты защищаешь их, а не людей, самое отвратительное предательство, какое только можно совершить! Уходи отсюда и не возвращайся, пока не раскаешься!

Нил покинул церковь. Рейвен дождался пока он пройдет мимо дерева, и бросил в него незрелым яблоком. К его удивлению, Нил ловко поймал его и задрал голову.

— Ты что здесь делаешь?

— Наблюдаю. Что, не выходят переговоры?

— Я никогда не был в этом силен, — равнодушно бросил Нил, — слезай, а то заметят.

Рейвен спрыгнул вниз, и они пошли прочь от церкви. Нил вертел в руках яблоко.

— Я пытался пробиться к наместнику, но какому-то лейтенанту стражи такие встречи не полагаются. Секретарь велел приходить не раньше, чем через три дня, когда наместник решит, достаточно ли у меня важное к нему дело.

— Ты не назвался, что ли?

— Назвался.

— Тогда, что это за чушь? — озадаченно спросил Рейвен. — Ты — будущий Прекрасный Принц. Скоро у тебя будет право творить что захочешь в этом городе. Наместник совсем бестолковый? Не понимает, чем это для него закончится?

Нил нахмурился.

— Я что, похож на бандита? Не думаю, что угрозы наместнику города входят в привилегии Прекрасного Принца.

Рейвен расхохотался.

— Потрясающе! Выходит, я знаю об этом больше, чем ты? Как только ты обрядишься в белые доспехи, тебе можно будет все! Какие там угрозы, ты его голову сможешь выставить на городской площади, и тебе ничего за это не будет! Элдрик рассказывал, что несколько предыдущих наместников были убиты: двое за сговор с Великими Воронами, третий — за отказ сотрудничать. Как ты понимаешь, первых двух убили не мы, а тогдашние Принцы.

Нил стиснул яблоко.

— Почему их не судили? Я знаю, что в законе есть исключение, но не должно же оно работать вот так!

— А как ты осудишь того, кто обладает огромной силой? Будет он тебя слушаться или размажет по мостовой, считая себя праведным воином?

— Да что творится в этом городе? Безумие какое-то!

— Наоборот, все четко и ясно: кто сильнее, тот и прав. У наместника сил нет, он может только командовать горожанами, но те слабее Воронов и Рыцарей, поэтому подчиняются нам, если хотят выжить. Пока идет Время Рыцарей, до горожан никому нет дела, а потом они просто слушаются того, кто победил: Великого Ворона или Прекрасного Принца. Этс сейчас они обнаглели, потому что повелитель был к ним слишком добр и запретил наводить порядок силой. Так что его наведешь ты, напомнив слабакам, что бунтовать против сильных бессмысленно.

— В городе есть законы, и их надо соблюдать, — резко возразил Нил, — мы не тролли из пещеры, чтобы мерится дубинками и ими же выяснять, кто главный. Но все-таки пастор совершил огромную ошибку.

— Он-то да, а вот почему ты споришь с тем, что мы — монстры? До сих пор твое притворство приносило тебе больше проблем, чем выгоды.

— Я не притворяюсь, — холодно ответил Нил, — я дал слово, что не трону Воронов, если вы не станете нападать на горожан. И я не собираюсь убивать невинных людей только из-за того, что на них пало проклятье.

— Мы оба знаем, как ты держишь слово. Мне можешь не лгать, — ядовито ответил Рейвен, — я знаю, какой ты на самом деле. Вот теперь ты очень похож на своего дядю. Тот тоже мастерски притворялся порядочным человеком.

— Он и был им.

— Конечно. Ведь убийство сотен Воронов, включая женщин и стариков, никак не запятнало его чести.

Нил остановился посреди улицы.

— Мой дядя не мог убивать невинных людей.

— Воронов.

— Да какая разница?

Рейвен тоже остановился и обернулся к нему.

— Хочешь сказать, что для тебя этой разницы нет? — насмешливо спросил он.

— И никогда не было! Ты сейчас специально пытаешься вывести меня из себя? У нас есть дело поважнее твоих излюбленных провокаций!

Рейвена захлестнула волна ненависти. Не было?! Чертов щенок никогда не считал его нелюдем? Тогда почему же выдал дяде на расправу? С людьми он так не поступал, бился, как рыба об лед, чтобы спасти их, а стоило его лучшему другу стать Вороном, как добренький Нил Янг показал свою истинную натуру! Лжец проклятый и до сих пор продолжает лгать! Нет бы честно признаться, что Вороны для него — твари, и их можно убивать! Тогда все было бы просто и ясно! Но он осуждает других за убийство незнакомого Ворона, а сам...

— Да пошел ты! Лицемер! Когда ты уже перестанешь лгать мне!

— Я никогда тебе не лгал, придурок сумасшедший!

Рейвен выпустил когти и ощутил сильнейшее желание вонзить их предателю в горло. Затем резко взлетел, перепугав людей на улице, и умчался прочь.

Почему этот паршивец вел себя так, будто не понимал в чем дело?! Сколько можно биться головой о стену лжи, возведенную им? Почему Нил вообще прятался за ней от Рейвена, он же никогда не был трусом, так зачем продолжал лгать? И как эту чертову стену сломать и заставить его сказать правду?!

«А ее обязательно именно ломать? Других способов нет?» — голос Льюиса зазвучал в его голове так четко, словно тот находился за его правым плечом. Рейвен даже обернулся, но рядом, конечно, никого не было. Он был в воздухе один.

Свежий ветер немного остудил пылающую голову.

Итак, если сила не работает, как еще можно добиться желаемого?

Договориться. Заключить сделку. Обменять правду на что-то, что нужно Нилу. А если он снова солжет? Что ж, это и будет ответом. Через год, получив силу Прекрасного Принца, Нил откроет свое истинное лицо, и лгать ему будет незачем.

Но Рейвен узнает правду сейчас. И покончит с глупыми сомнениями раз и навсегда.

Глава 28. Последний рубеж

Нил стоял посреди улицы, мрачно глядя вслед улетающему Рейвену. Люди уже перестали кричать и вернулись к своим делам. Нил глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

Вот же злобная пакость! Никак не мог обойтись без своих сумасшедших выходок, хотя обещал, что будет помогать! У них неделя, чтобы предотвратить резню, а чертов стервятник продолжал провоцировать его! Да что ж такое, почему каждый раз, когда Нилу казалось, что Рейвен может быть нормальным, тот снова все портил?

Воистину, безумие было неизлечимо.

Значит, про дядю он тоже солгал. Не мог Рутгер Янг убивать слабых Воронов, он сражался с бойцами, а невинных проклятых не трогал.

«Рази всех, не ошибешься».

Нил вздрогнул. Он ясно помнил, как дядя произносил эти слова и объяснял, что Вороны — уже не люди, и щадить их бесполезно. Проклятье убивает, человека пожирает демон и занимает его место. Рыцари уничтожали демонов и освобождали захваченные Воронами тела. Оказывали последнюю милость тем, кого никак не могли спасти.

Маленький Нил слушал, кивал и молчал о том, что Дирк не такой. Дирк точно не был мертвым и не превратился в демона. Но Нил знал, что дядя не поверит ему, и понимал, что наказание за опасную дружбу будет очень серьезным. Он боялся даже думать об этом.

А может, дядя был прав?

Нет. Ответ пришел легко и без малейших раздумий. Дирк был Дирком пока не сошел с ума, но такое и с людьми иногда случалось. Демоны не стали бы покупать жизненную силу у добровольцев. Будь бедняга Джон Солт мертвецом, Рудольф не говорил бы о нем, как о человеке, растерзанном толпой.

Рутгер Янг заблуждался. Вороны — проклятые люди.

Рейвен назвал его безжалостным мясником.

Было за что?

Нил потряс головой. Хватит! Словам безумца верить нельзя. И ему некогда копаться в этом, он должен спасти горожан от расправы. Если даже Рейвен обмолвился, что не хочет этого, значит, жертв будет очень много. Нужно помешать этому и осудить убийц по законам города. Тогда кровопролития удастся избежать.

Несколько дней подряд Нил пытался добиться ареста убийц разными способами, но «Враги Воронов» заперлись в одном из зданий и отказывались выходить. Пастор Браун не желал их образумить, а Уильяма Бломфилда не получалось найти: он занимался нанесением визитов известным городским богачам и будто бы не обращал внимания на текущий конфликт со стражей.

Побег господина Отто взбудоражил участок, но Нил с Гийомом сумели сохранить в нем порядок. Они оба были старшими по званию офицерами, и остальные привычно подчинялись им. Посланный Нилом отряд обыскал пригород, но господин Отто уже покинул его. Преследование не имело смысла.

В назначенное время Нил пришел в приемную заместника и с удивлением обнаружил там толпу купцов, счетоводов и прочих посетителей. Оказалось, что секретарь не записал его на встречу, а просто предложил явиться в приемные дни. Нил просидел там до вечера, но до него очередь так и не дошла. Подавляя гнев, он заставил себя прийти на следующий день,

но очередь была не меньше, причем образовалась она значительно раньше приемных часов.

День снова прошел насмарку.

Уговорить секретаря пропустить его к наместнику Нилу не удалось. Господин Август Милн с безукоризненной вежливостью зачитал ему правила посещения и объяснил, что не вправе их нарушать, иначе лишится службы. А кто будет кормить его семью? Настойчивый проситель? Нил закрипел зубами и отступил. Он попытался дождаться наместника у выхода, но ничего не вышло. Очевидно, в магистрате имелся другой, как раз чтобы избежать подобных ситуаций.

Время утекало сквозь пальцы.

Вечером пятницы, после очередного дня ожидания, Нил узнал, что в выходные магистрат не работает, и получил предложение прийти в понедельник. Он ринулся к дому наместника, но охрана вытолкала его прочь, отказавшись даже сообщать о его приходе. Их было четверо, и Нил понимал, что прорваться сможет только через смертоубийство, что было недопустимо. К тому же внутри наверняка были еще люди.

Тупик.

Через два дня Великий Ворон обещал спустить своих слуг на город.

Закон, который Нил защищал и всеми силами пытался соблюдать, работал против него. Чертова бюрократия мешала ему спасти людей! Что ж, значит, ему придется пойти на преступление. Он долго пытался найти другой способ, но ничего не придумал. Ближе к десяти часам вечера он пришел к заднему двору дома наместника. Внимательно оглядел гладкие каменные стены забора и вынул прихваченную из дома веревку.

— Повеситься решил?

— Не дождешься, — ответил Нил, не оборачиваясь, — мне нужно перебраться через стену.

— Так в чем проблема? Стой спокойно, и я тебя перенесу.

— Как?

Рейвен шумно распахнул крылья.

— Уж на четыре метра я тебя подниму. Только не дергайся, а то уроню.

— Ты и так меня уронишь. Я тебе не верю.

Рейвен сжал зубы.

— Я обещал помочь.

— Да. А потом разорался на ровном месте, бросил меня и больше не прилетал. Так себе из тебя помощник.

Рейвен дернулся. Нил отвернулся и принялся искать выступ, на который смог бы накинуть петлю. Как назло, ничего подходящего не находилось.

— Больше этого не повторится. Я выполню свое обещание. — угрюмо процедил Рейвен. — Послушай, разве нам не нужно попасть к наместнику? Чего ты ломаешься?

— Это мне нужно, — отрезал Нил, — а тебе не надо ничего, кроме драк, издевательств и пустой болтовни. Я не доверю тебе свою жизнь.

Рейвен возмущенно засопел, но спорить не стал. Около минуты он молчал, затем снова заговорил. В его голосе слышалась досада.

— Я сожалею, что не оказал тебе нормальной помощи. Каждый раз, как тебя вижу, я бешусь и перестаю думать головой. Веду себя как дурной. Но сейчас я спокоен, и мне нужно, чтобы ты справился. Я обещаю не причинять тебе вреда и помогу перебраться через стену. Первым не нападу. Сегодня ты можешь на меня положиться.

Нил остановился и повернулся к нему. Рейвен выглядел совершенно серьезным. Интересно, выходит, он знал о своем безумии, а ведь сумасшедшие никогда его не признают. Но можно ли было ему верить?

— Зачем тебе это нужно? Только говори честно и без твоего обычного яда.

— Так будет лучше. Я привык решать проблемы силой, но это перестало работать. Каждый раз становится только хуже. А если я не решу проблему с тобой, я окончательно спячу и стану настолько бесполезным, что повелитель не позволит мне служить.

— И как же ты намерен ее решать? — Нил положил руку на эфес меча.

— Да не трону я тебя! Я не могу тебя убить, мне это запрещено! А просто бить бесполезно: сколько раз мы дрались, а ничего не изменилось. Я хочу поговорить с тобой. Задать вопрос. Может, после этого успокоюсь. Сильнее ненавидеть тебя я уж точно не смогу, — Рейвен замолк на несколько секунд, — тебе ведь тоже нужен был ответ? Ты спрашивал, почему я тебя так сильно ненавижу? Ты хочешь знать?

Тут Рейвен будто споткнулся.

— Ты действительно не знаешь?

— Нет, — сухо ответил Нил, — и я спрашивал о другом. Зачем тебе мне помогать? Какая тебе от этого выгода?

— Никакой! Хочу и помогаю, ясно? Слушай, у нас нет на это времени! Продолжим препираться — никогда не переберемся через стену! Предлагаю сделку: я перенесу тебя туда, выбьем из наместника нужный приказ, и каждый задаст другому вопрос. И получит на него честный ответ. Вот что мне от тебя требуется. И мне точно нужно, чтобы ты был жив, иначе говорить ты не сможешь.

Нил нахмурился. Был ли у него выбор? Стена была слишком гладкой, времени почти не осталось, а он должен был попасть к наместнику любой ценой.

— Идет. Но никакого «выбьем». Ты сам заметил, что это не работает. Перенеси меня через стену.

Рейвен кивнул, подошел со спины и подхватил напряженного Нила за корпус.

А затем взлетел.

У Нила екнуло в животе, а внутренности свернулись в тугой узел. К горлу подкатила тошнота. Ему захотелось немедленно вернуться на землю. Господи, вот дурак, он же упадет и разобьется! Зачем согласился на эту авантюру? Рейвену же достаточно просто разжать пальцы, и Нил полетит вниз и переломает себе все, что можно, включая свою пустую голову! Идиот!

Через пять секунд Рейвен спустил его на землю. Не сбросил, а аккуратно поставил на ноги, целым и невредимым.

Невероятно.

— Вот ты тяжелый, мелочь, — проворчал он, разминая плечи, — я думал, у меня руки оторвутся! Хм. Чувствуешь запах? Что это?

— Розы, — Нил сделал несколько успокаивающих вдохов-выдохов, затем оглянулся, — мы в саду.

Сад наместника выглядел впечатляюще даже в полутьме: море зелени, аккуратные дорожки, раскинувшиеся среди клумб, и огромное количество розовых кустов. Два крошечных фонарика подсвечивали белые и алые розы, растущие рядом. Именно они источали самый сильный аромат: один показался Нилу совершенно волшебным, свежим и нежным, другой — терпким и пряно-сладким. В пяти метрах от них располагалась крытая

беседка из белого мрамора. Она была увита декоративным плющом, а внутри нее было абсолютно темно.

— Приятно пахнет. Как сахар с перцем, — Рейвен глубоко вдохнул, — раньше тут такого не было.

— Ты бывал здесь?

— Ребенком. Когда только научился летать.

Нил покосился на него. В такие моменты он забывал (потому что хотел забыть), что они ненавидят друг друга. Все было так привычно, так правильно: стоять рядом, болтать, планировать что-то вместе. Смогут ли они поговорить нормально? Рейвен действительно даст ответ на вопрос, терзавший Нила много лет?

А что хочет узнать он сам?

От дома послышался шум и тихий лязг доспехов. К ним приближалась охрана.

— Кто здесь? Покажись!

Рейвен подобрался и нехорошо ухмыльнулся.

— Никаких драк, — жестко заявил Нил, — они на службе, и мы не будем их за это бить, ясно?

— Вот ты зануда. Спрячься в беседку, я их уведу. Встречаемся здесь же. И только попробуй вернуться с неудачей! Я тебя до конца жизни бестолковой мелочью звать буду!

Нил последовал его совету и скрылся в темноте. Рейвен, напротив, встал в центре дорожки и сорвал розу с алого куста. Принялся демонстративно нюхать.

Охранников было четверо.

— Ты кто такой? — грозно спросил один из них. — Как попал сюда?

— Прилетел, — серьезно ответил Рейвен, — чтобы узнать, хорошо ли вы умеете бегать.

— Что?

Рейвен сорвался с места и бросился прочь. Охранники кинулись за ним. Он дразнил их громким улюлюканьем, и Нил, не выдержав, расхохотался. Господи, под всеми слоями злобы и жестокости этот безумный Ворон все еще был Дирком! Превратить незаконное проникновение в дом наместника в шалость? Как это в его духе! Дирк всегда ненавидел скуку и на отсутствие фантазии не жаловался. Он мгновенно принял новые «правила игры» и подстроился под них. Еще и выиграет небось. Если только Нил его не обыграет.

Улыбка пропала с его лица.

Они больше не были детьми. И на кону стояли не щелбаны, а жизни горожан.

Он поспешил к дому наместника. Забарабанил в дверь, готовясь быстро представиться и настойчиво просить его выслушать. Но когда дверь распахнулась, все заготовленные слова выскочили у него из головы.

На пороге стоял ангел.

Настолько изящной и хрупкой не могла быть живая девушка. Она напоминала фарфоровую балерину из музыкальной шкатулки. С идеально выточенными чертами лица, большими голубыми глазами и облаком длинных светлых волос, девушка казалась совершенным творением гениального скульптора, не допустившего ни одной ошибки. Чудо. Волшебница. Фея.

— Добрый вечер, — ее голос звенел, как тихий колокольчик, — я — Сюзанна де Брисар, дочь наместника Жака де Брисара.

— Нил Янг, лейтенант стражи, — он почтительно коснулся губами ее хрупких пальцев, — мне срочно нужно поговорить с вашим отцом.

— Прошу вас, следуйте за мной.

Нил шел, любуясь на ее ровную спину и идеальную осанку, и пытался не пропасть окончательно. Несомненно, она была доброй феей: вот так взяла и впустила его, да еще и вела к наместнику!

— Стойте! Сюзанна, кто это?

Путь им преградила другая девушка. Хорошенькая, но на фоне Сюзанны де Брисар казавшаяся ужасно обыкновенной: с ладной фигуркой, румяными щеками, длинными ресницами и карими глазами. Светло-каштановые волосы были собраны и украшены дорогими заколками. Таких девушек Нил встречал постоянно, в разных городах и странах. Они могли быть милы или капризны, трогательны или алчны до подарков: никогда не узнаешь, пока не познакомишься поближе. У этой девушки на лице застыла недовольная гримаса.

— Это гость моего отца, лейтенант Нил Янг, — представила его Сюзанна де Брисар.

Нил коротко кивнул. Девушка подозрительно сощурилась. Похоже, он ей не понравился.

— Господин наместник не предупреждал о гостях. И где охрана? Его должны сопровождать гвардейцы, а не ты. Как он вообще сюда попал?

— Постучал в дверь, и я его впустила. Но охраны почему-то нет. Видимо, проводить его придется мне.

Девушка закатила глаза.

— Господи, Сюзанна, ты такая наивная! А вдруг это какой-то проходимец? Вот похитят тебя и продадут в рабство, будешь знать, как открывать всем подряд!

— Госпожа, я — стражник, мою личность могут подтвердить многие люди.

— И где же они? — едко спросила та. — Я тоже могу сказать что угодно. Наместник не принимает просителей у себя дома, тем более без предупреждения!

Нил подавил вспышку гнева.

— Могу я узнать ваше имя?

— Агата Милн. Дочь секретаря наместника Августа Милна.

Нил сжал зубы. Замечательно. Еще одна бессмысленная преграда, мешающая спасти город. Яблочко от яблони недалеко упало.

— Госпожа Милн, мне срочно нужно поговорить с наместником.

— Всем нужно. Приходите в магистрат, там и увидите.

— Я — будущий Прекрасный Принц. Пожалуйста, пропустите.

Агата Милн на секунду сбилась, затем громко фыркнула.

— Будущий? А привилегий требуете уже сейчас? Я думала, Прекрасный Принц защищает город, а не врывается в чужие дома по ночам. Уходите, пока я не позвала охрану.

— Не могу. Где наместник?

— Я иду за охранниками, — процедила Агата Милн, — лучше проваливайтесь, а то окажетесь в тюрьме. Сюзанна, иди к себе. Не оставайся с этим человеком наедине.

Она быстрым шагом покинула дом. Сюзанна де Брисар опустила голову.

— Простите, пожалуйста. Агата не хотела быть грубой. Сейчас придет охрана и проводит вас, как положено.

— Госпожа, я умоляю вас, отведите меня к наместнику сами. Это вопрос жизни и смерти. Я много дней пытаюсь с ним встретиться, но безуспешно. Не справлюсь сейчас — погибнут люди.

— Тогда пойдете к отцу скорее.

Наместник был в кабинете: разбирал какие-то бумаги за письменным столом. Жак де Брисар был полностью седым мужчиной лет шестидесяти с такими же яркими голубыми глазами, что и у его дочери.

— В чем дело? Кто вы такой?

— Отец, это господин Нил Янг, будущий Прекрасный Принц, — взволнованно представила его Сюзанна де Брисар, — тебе обязательно нужно его выслушать, иначе погибнут люди!

— Понятно. Где Агата?

— Она не поверила ему и пошла за охраной, — сокрушенно ответила та.

— Иди к ней. Я приму гостя сам. Охрану пусть пришлет сюда, а вы обе отправляйтесь к себе. Присаживайтесь, господин Янг.

Наместник убрал документы в ящик стола и принялся разглядывать гостя. Он казался спокойным, но Нил заметил, как напряглась его спина.

— Прошу прощения за поздний визит. Я целую неделю пытаюсь к вам попасть, но это просто невозможно. А речь действительно пойдет о жизни людей.

— Я вас слушаю.

Нил все рассказал ему, и наместник помрачнел.

— Я боялся, что так выйдет. Но все намного хуже ожидаемого. Уильям Бломфилд заручился поддержкой многих влиятельных горожан и не только. У него есть покровители из других мест. Он высоко поднялся, играя на своей «благородной борьбе» с Воронами. Чтобы посадить этого мерзавца, нужны весомые доказательства. С Гектором Брауном все еще хуже: он фанатик, имеющий огромное влияние на людей, при этом искренне верит в то, что делает. Нет закона, по которому можно осудить священника за его проповеди. Вы сможете справиться с ними обоими не раньше, чем станете Прекрасным Принцем. Сейчас же все козыри на руках у них.

— Сейчас мне необходимо добиться суда над убийцами, — покачал головой Нил, — остальное буду решать позже.

— Это уже намного проще. Доказательств у вас достаточно. Судье передайте, что сразу после этого дела он должен отправиться на заслуженный отдых, иначе я начну полную проверку всех его приговоров. О любом известном вам взяточнике сообщайте мне, мои служащие знают, что нужно делать. Вас же я назначу начальником стражи, это развяжет вам руки. Вы, как никто другой, достойны этого поста. С вами наш город будет в безопасности.

Нил почувствовал огромное облегчение. Все. Справился. Город спасен.

Наместник быстро написал и передал ему два приказа: один о назначении на пост, второй об аресте виновных в двойном убийстве и повторном суде для них.

— Благодарю вас.

— Не за что. Я рад, что наш новый Прекрасный Принц — достойный человек.

— А старый таким не был?

Лицо наместника окаменело.

— Ни в коем случае. Принц Ричард был очень смелым и сильным воином, защищавшим город много лет.

Нил внимательно на него посмотрел.

— Однако люди говорят о нем другое. Похоже, он злоупотреблял своей властью? Был жестоким человеком? Я не буду таким как он, господин де Брисар. И если однажды Великий Ворон будет угрожать вам или попытается подкупить, сообщите мне. Я сумею защитить вас

и вашу дочь от него. Никто не пострадает.

— Нынешний Великий Ворон не похож на Элдрика, — медленно ответил тот, — и то, что он вообще пошел с вами на переговоры, свидетельствует о его миролюбии. Как и приказ больше не нападать на людей. Он не использует силу там, где мог бы и это удивляет.

— Вы забываете, что он — убийца Принца Ричарда и всех его Рыцарей. Он высокомерен и хитер, а не добр.

— Возможно. Думаю, господин Бломфилд и пастор Браун не подозревают, какого врага себе нажили. То, что он до сих пор ничего с ними не сделал, означает, что его месть будет куда более продуманной, чем парочка демонстративных убийств.

Нил нахмурился. А ведь верно, вряд ли их действия сойдут им с рук.

Наместник же продолжил:

— Благодарю за предложение о защите, но не думаю, что она мне понадобится. Я собираюсь покинуть город, как только подберу себе достойную смену, а Сюзанне — подходящего мужа. Разумеется, того, кто увезет ее отсюда в безопасное место и обеспечит жизнь, не хуже, чем она ведет сейчас. Я предупрежу Августа, чтобы вас всегда пропускали ко мне без очереди. Не сердитесь на него, он просто хорошо исполняет свои обязанности.

— Я понимаю.

— Из моей охраны кто-нибудь жив?

— Я никого из них не трогал, — нахмурился Нил, — вы что, думаете, я их всех убил?

Наместник помолчал и явственно расслабился.

— Вам бы сошло это с рук. Хорошо, что вы — не такой человек. Принц Ричард был страшен тем, что не щадил никого из тех, кто вставал у него на пути, будь то Вороны или люди. Но без него мы бы пропали. Благородных и добрых Прекрасных Принцев Великий Ворон Элдрик уничтожил. Удачи вам в вашей борьбе.

— Спасибо. Мне пора, — Нил встал.

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвалась охрана.

— Стоять! Бросай оружие или мы...

— Довольно. Это мой гость. А вот вы где были все это время?

— Господин наместник, на территорию сада проник нарушитель! Он пытался украсть розы, но мы его прогнали! Госпожа Сюзанна и госпожа Агата не пострадали!

Наместник приподнял брови.

— Прогнали? Почему не задержали?

Охранник замялся.

— Он как-то ухитрился влезть на стену, дразнил нас оттуда, и мы не смогли до него достать. Потом он спрыгнул с другой стороны, а когда мы туда добежали, его и след простыл. Но розы в порядке, мы проверили!

Нил закусил губу, чтобы не рассмеяться. Картинка живо встала перед его глазами.

— Спасибо, что приняли меня, господин де Брисар. Я пойду. Провожать не нужно, я знаю где выход.

Рейвен ждал его у беседки, как уговаривались. Нил торжествующе показал ему приказы.

— Мы справились! Я теперь начальник стражи, а над убийцами будет новый суд. Передай Великому Ворону, что нет нужды никого карать. Спасибо, что помог мне. Без тебя я

бы этого не добился.

— Было весело. Ты бы слышал, как эти увальни вопили, требуя, чтобы я спустился со стены! — Рейвен ухмыльнулся. — Это намного забавнее, чем просто убить их.

— Ты ведь больше не убиваешь людей? — Нил напрягся.

— Нет. Повелитель запретил.

— Хорошо. Надеюсь, ты и без его приказов понимаешь, что это плохо. Дирк, я рад, что все-таки могу на тебя положиться.

— Дирк? — тихо повторил тот. — Ты единственный, кто теперь меня так называет. Все остальные уже умерли. Если бы не ты, я бы сам забыл, кто такой Дирк Уайлд и что с ним произошло. Но я не могу забыть, и это больно. Это сводит меня с ума.

— Что? Погоди, зачем тебе забывать кто ты есть?

— Кем я был, — возразил Рейвен, — я больше не человек и должен жить по-другому. Но я не могу — из-за тебя. Я должен получить свой ответ сейчас. Почему ты предал меня, Нил? Мы ведь были друзьями, и я доверял тебе. Зачем ты это сделал?

— Что ты несешь? Я никогда не предавал тебя!

— Двадцать лет назад я прилетел на наше тайное место для игр и попал в засаду Рыцарей. Я прилетел к тебе, но тебя там не было, а они были. Зачем ты выдал меня дяде? Что я сделал, чтобы заслужить смерть?

Нил напрягся.

У Рейвена опять случился приступ безумия?

Но он не кричал и не пытался его убить. Просто стоял и смотрел с укором в глазах.

В саду наместника было тихо и темно. Охране явно предстоял долгий выговор, так что их разговору никто не мешал. Но то, о чем говорил Рейвен, казалось бессмыслицей.

Мысли Нила заметались, пока вперед не выскочила одна, наиболее здравая:

— Но будь это так, ты был бы убит, а не стоял сейчас передо мной.

— Я нужен был им живым. Меня сутки держали связанным и избитым в доме моих родителей.

Нил замер. Дирк был связан, когда он его нашел. И лежал в горящем доме. Не мог же он сам себя связать и поджечь дом? Кто-то должен был приложить к этому руку.

Обычным людям было не под силу справиться с Вороном.

— Но зачем Рыцарям так с тобой поступать? Зачем брать в плен?

— Им нужно было, чтобы он пришел спасти меня.

— Он?

— Элдрик. Они не могли вытащить его из убежища. Он был недосыгаем. Белая Мразе пообещал убить меня, если Элдрик не придет на битву. И он пришел. Ты ведь запнулся о его тело, когда вбежал в комнату. Помнишь?

Нил хотел ответить отрицательно, но что-то помешало. Хрупкая преграда забвения, оберегающая его разум, треснула и сломалась, выпуская на свет страшные воспоминания. Он провалился в них, и они тысячей рук потащили Нила на дно.

Обезглавленное тело на пороге маленькой комнатки.

Воющий Дирк, сворачивающий шею, чтобы смотреть не на него, а назад, туда, куда испуганный Нил смотреть категорически не хотел.

Бессвязный хрип, в котором можно угадать имя, если его знать. Элдрик.

Теплая улыбка дяди Рутгера и его же потемневшие от гнева, страшные глаза.

Глаза убийцы.

— *Снова тот Ворон? Вот же живучая тварь. Никак не сдохнет.*

Дядя даже не спросил, о каком Вороне идет речь. Он понял моментально. Значит, обо всем уже знал. Но не стал ругать племянника за безрассудную дружбу с врагом, а использовал ее для своих целей. Похитил, а потом бросил пятнадцатилетнего мальчишку умирать в горящем доме.

Человек, научивший Нила чести, сам оказался бесчестным подонком.

Хуже. Детоубийцей.

— Я не знал об этом, — хрипло выдохнул он, — клянусь своей жизнью, я не знал и не предавал тебя! Я бы не стал в этом участвовать, а предупредил бы о засаде!

Рейвен не шевелился. Стоял неподвижно словно каменное изваяние.

— Где ты был в тот день? Мы должны были встретиться, — тихо спросил он.

— Я собирался прийти, но дядя попросил разобрать какие-то вещи в его сарае и случайно запер меня там, — Нил запнулся, вспоминая подробности, — нет. Не случайно. Он оставил мне еды и воды, хотя работы было всего на час, а я был сыт. Я думал, что опоздаю немного, и ты меня дождешься, но просидел в сарае до позднего вечера. Дядя отвел меня домой, когда выпустил. Я примчался утром, но тебя там не было. Раз пять за день туда бегал, а после шестого увидел горящий дом и кинулся внутрь. Ты был там. Но, послушай, как они сражались в той крохотной комнатке? Там же совсем не было места.

Рейвен жутко и знакомо расхохотался. Словно воронья стая закаркала вся разом.

— Сражались? Это ты бы сражался, а Белая Мразь притаился за дверь и отрубил Элдрику голову, когда тот вошел! Даже слова не дал вымолвить! Я закричал, пытаюсь предупредить, но он не успел среагировать! А потом этот ублюдок заявил, что раз обещал меня не убивать, то это сделает за него огонь. И они ушли, смеясь и торжествуя, неся голову Элдрика, чтобы воткнуть ее на пику и выставить на главной городской площади! Твари проклятые!

Рейвен задыхался и раздирал свои волосы, превращая косу в воронье гнездо. Нила трясло. Как дядя Рутгер мог оказаться таким жестоким? Он ведь знал Дирка и хорошо к нему относился до проклятья! Почему он не возразил и не вмешался, а позволил Принцу Ричарду сотворить такую подлость?! Он ведь всегда учил Нила, что нельзя допускать зла, что равнодушный — тот же подлец, что трусость — худший из пороков! Нет, Рутгер Янг не мог быть трусом. Значит, он был согласен с методами Прекрасного Принца и сам их использовал.

Безжалостный мясник. А Нил гордился им и их сходством, стремился походить на дядю и мечтал стать Рыцарем! Рассказывал людям, что тот был достойным человеком! Остался в городе, чтобы искупить свою вину перед ним и стать ему заменой!

Рейвен притих и заговорил намного спокойнее:

— Я ошибся. Я был уверен, что ты выдал меня Рутгеру Янгу, чтобы стать Рыцарем — таким же подлым, лицемерным убийцей, как они все. Но выходит, ты просто ничего не знал. Надо было спросить раньше.

— Поэтому ты возненавидел меня? И все время обвиняешь во лжи, — глухо спросил Нил, — но ведь я спас тебе жизнь. Бросился за тобой в огонь. Разве это ничего не значит?

— Я не мог думать. Не мог дышать от ненависти к тебе, — Рейвен с сожалением покачал головой, — в один день я потерял все: друга, отца, крылья и свободу. Моя жизнь рухнула. Я не искал других ответов, все казалось предельно ясно: Рутгер Янг узнал о нашем секрете от тебя. А сейчас я думаю, что он вполне мог выследить любого из нас. Узнали же

Рыцари откуда-то, что Элдрик дорожил мной? Рутгер был хитрой сволочью, да и Белая Мразь от него не отставал. Я... проклятье, если бы я спросил тебя тогда, ничего бы не было! Почему я не подумал об этом? Почему выход из тупика всегда находится слишком поздно?

Нил молчал.

Одуряюще пахло розами.

Вот оно, волшебное лекарство для Дирка. Правда. Он никогда не был безумен, он проклинал друга, которого считал предателем. Дядя Рутгер сделал с ним то, что навеки уничтожило в нем доверие к людям и ту дружбу, которую они сохраняли долгие пять лет. Такова была цена заблуждения и слепой веры в то, что Вороны — мертвецы. Рутгер Янг не смог бы так поступить с обычным ребенком, другом своего племянника. С нечистью — легко. Ее не имело смысла щадить и относиться к ней по-человечески.

— Но Элдрик все равно оказался прав, — рвано вздохнул Рейвен, — дружба с тобой погубила меня и лишила всего. Если бы я держался от тебя подальше, ничего этого бы не случилось. И повелитель говорит сейчас то же самое. Мне нужно просто подчиняться им, а не своевольничать. Пока я служу Великому Ворону, все хорошо.

Нил встрепенулся.

— Нет! Пусть Элдрик любил тебя, но он был чудовищем! Люди до сих пор боятся его! А твой нынешний господин собирался устроить такое, что даже тебе не хотелось исполнять! У тебя есть совесть и человечность, Дирк! Слушай их, а не своих хозяев! Ты — человек, пусть и проклятый, слышишь меня? Я помогу, я...

— Ты ничем не сможешь мне помочь, — отрезал Рейвен, — я буду делать то, что мне прикажут! Так будет правильно. Постарайся не умереть и не стать Белой Мразью. Я больше не трону тебя и не прилечу без приказа. Похоже, я заслужил свое проклятье целиком и полностью. Только с дурными людьми могло случиться все то, что произошло со мной.

Рейвен распахнул крылья и взлетел.

— Дирк! Постой!

Но тот уже скрылся в темноте. Нил бессильно выругался. Он был опустошен. Все было кончено. Его дядя и Принц Ричард оказались не благородными героями, а бесчестными мерзавцами, слепыми до чужих страданий. Лучший друг не мог простить за то, в чем Нил не был виноват. И что теперь делать?

Приказы, подписанные наместником, едва не выскользнули у него из рук.

Вот что. Защищать город. С остальным он разберется после.

И еще как разберется! Черта с два он позволит Дирку забыть о том, что тот — человек! А вот те, кто снова называют Воронов монстрами, а себя — праведными борцами со злом, ответят за все.

Нил сотрет их в порошок.

Глава 29. Проклятье для дурных людей

Льюис готовил речь, твердо настроившись выступить перед горожанами. Почему он раньше об этом не подумал? Ведь множество проблем удавалось решить с помощью дипломатии! Он расскажет людям, что Вороны — не монстры, объяснит, что тоже хочет мира и незачем «Врагам Воронов» на кого-то нападать. Сумел же это понять Нил Янг, будущий Прекрасный Принц? А чем остальные горожане хуже? Тоже поймут. Нужно лишь найти место и время, чтобы его выслушали. А вот это уже вызывало определенные сложности: придут ли люди его послушать? Или испугаются? Как их туда созвать?

Сольвейн пересказывал ему городские новости: Нил Янг занял пост начальника стражи, немедленно арестовал убийц и приказал распустить патрули «Врагов Воронов», признав их незаконными и угрожающими безопасности города. Все, кто продолжали в них участвовать, объявлялись смутьянами и отправлялись в камеры на несколько дней, а выходили оттуда со штрафами и лишившись личного оружия. Многие после этого спешили покинуть неблагонадежное общество.

Увы, «Враги Воронов» нанесли ответный удар. Пастор Браун выступил с проповедью, что Нила Янга подкупили Вороны. Его видели с одним из них среди бела дня, и общались они как друзья, а потом тот взлетел посреди улицы, напугав горожан. Что же получил вероломный предатель за сговор с нечистью? Место начальника стражи. На прежнего напали Вороны и выгнали его из города, освобождая теплое местечко продажному Прекрасному Принцу. Да какой он Принц, если на стороне зла? Лживый трус, скармливающий горожан Воронам! Городу нужен настоящий защитник, а не эта фальшивка!

Оратором пастор был превосходным. Репутация Нила Янга рухнула: в глаза ему ничего не говорили, но в спину плевали и презирали. Больше никто не верил, что такой человек сможет стать Принцем.

— Как он на это реагирует? — с долей сочувствия спросил Льюис.

— Игнорирует. Любые беспорядки и провокации жестко пресекает. Жених Воронессы Кристины, стражник Марк, говорит, что в участке его все поддерживают, а кто не согласен — молчат. Нил Янг в ярости, и под горячую руку ему лучше не попадаться. Суд уже прошел, убийц казнили. Но тюремные камеры заполнены теми, кто пытался укрывать их и оказал вооруженное сопротивление при аресте. Основное здание «Врагов Воронов» взяли штурмом: эти люди настолько обнаглели, что отказались подчиняться приказам «предателя», пусть он теперь и начальник городской стражи. Теперь воют, что их арестовали ни за что. Марк уверен, что они получают тюремные сроки, после чего даже до самых тупых дойдет, что с будущим Принцем не спорят, и люди побегут из «Врагов Воронов», как крысы с тонущего корабля. В том, что Нил Янг его потопит, никто из стражников не сомневается.

Льюис помрачнел.

— Мне это не нравится. Нарушать закон, конечно, никому нельзя, но это все напоминает сведение личных счетов.

— Сам Нил Янг называет это «наведением порядка». Но нам ведь главное, чтобы Воронам больше ничто не угрожало. К нам он относится лояльно.

Он был прав, но Льюиса все равно не покидало ощущение допущенной ошибки. Он свалил решение проблемы на другого человека, а тот поступал грубо и безжалостно. Нил Янг действовал с позиции силы, подавляя, запугивая и уничтожая врагов, неуловимо напоминая

при этом Рейвена. Разве что действовал в рамках закона.

Рейвен, сообщив об аресте убийц Джона Солта, больше не попадался ему на глаза. Он выглядел подавленным, был молчалив и рассеян. Шарлотту он тоже избегал, не желая объяснять, что происходит. По ее словам, Рейвен целыми днями летал по городу и сидел на разных крышах, появляясь лишь в парках для охраны. К Льюису не заходил, если тот его не звал.

Однажды вечером он принес дурные вести:

— Повелитель, я подслушал разговор Бломфилда, Брауна и еще нескольких человек: остатки «Врагов Воронов» собираются поднять мятеж в городе. Разгромить участок, освободить арестованных и казнить Нила за «убийство праведных борцов с нечистью». Кто-то еще прислал им оружие, какие-то «друзья из других мест». Что будем делать?

Льюис закусил губу.

— Ты предупредил Нила Янга?

— Предупрежу. Еще я был у дома Бломфилда: там все сидят на сундуках. Если что-то пойдет не так, то он моментально сбежит, прихватив семью и ценности.

— А пастор Браун?

— Пастор собирается читать публичную проповедь через пять дней на главной городской площади. Оттуда и поведет распаленную толпу. Повелитель, нам нужно избавиться от этих двоих и быстро. По-хорошему с ними не договориться. Я знаю, ты против, но разреши убить их. Раздавим, как жуков, и все закончится.

— А если нет? Если их смерть только раззадорит «Врагов Воронов», и они бесконтрольно бросятся мстить всем подряд? — возразил Льюис, лихорадочно пытаюсь что-нибудь придумать. — Жестокость порождает жестокость, не забывай об этом. Нужно остановить их иначе.

— Как? У нас нет больше вариантов!

— Есть. Тот, что предложила Шарлотта.

Рейвен нахмурился.

— Проклясть их?

— Да. И заставить распухнуть «Врагов Воронов» прямо на площади. Если Бломфилд и Браун публично покаются и признают свои ошибки, это уничтожит репутацию «Врагов Воронов». Люди будут в растерянности. Это остановит толпу.

— А если нет?

— Тогда ее остановим мы, — твердо решил Льюис, — подготовь бойцов. Я разрешаю обращаться с «Врагами Воронов», как с теми грабителями: их можно ранить и высасывать жизненные силы, но старайтесь не убивать.

Рейвен оживился.

— Ну наконец-то. Бойцы будут в восторге. Я передам им твой приказ.

Он ушел, а Льюис тяжело вздохнул и потер лицо ладонями.

Его бездействие снова привело к неприятностям. Отсидеться не получилось. Пора уже выучить свой урок: больше он ни на кого не должен сваливать ответственность. Это — его город, и Льюис не позволит проходимцу и фанатику взять власть над ним, запугивать и убивать людей. У них было достаточно времени, чтобы прекратить все это, но им даже на законы города наплевать. Что ж, значит, Бломфилду и Брауну придется понять, кого они считают монстрами, и испытать последствия своих действий на себе.

Голову придется отрубить.

Льюис сплел пальцы в замок.

Имеет ли он право проклинать их?

Заслуживают ли даже такие дурные люди вечного проклятья?

Один раз. Больше он так никогда делать не будет. А когда найдет способ всех расколдовать, то Бломфилд и Браун тоже будут спасены.

Самыми последними.

Губы Льюиса дрогнули, и он отправился выбирать подарки своим врагам. Что-нибудь солидное, подходящее пастору и почтенному дельцу. Он красиво упакует их, напишет письма с благодарностями от «неравнодушного горожанина» и лестью с хитростью заставит носить. Не выйдет с первого раза — засыплет их дарами, засунет в подушки, зашьет в одежду, подменит похожие вещи в их домах.

Сделает все, лишь бы «Враги Воронов» пожалели о том, что стали его врагами.

Льюис усмехнулся себе под нос.

А раз они вскоре станут «друзьями», то пастор Браун не откажется одолжить ему трибуну для речи. Льюис постарается изо всех сил убедить горожан, что проклятье — не вина человека, а его беда. Напомнит, что она может коснуться каждого. Разумные люди прислушаются и уйдут с площади, сложив оружие. Верно, он попросит их не затевать кровопролитие. Достучаться можно до многих, если люди готовы слушать. А если что-то пойдет не так, то Льюис использует одно полезное заклинание.

Он зашел в кабинет Элдрика и вытащил его старый дневник. Открыл последнюю страницу. Провел по ней пальцами, ощущая тяжесть на сердце.

Половина заклинания была написана аккуратным почерком с пояснениями и сносками. Некоторые строки были написаны разными чернилами: как если бы человек брался за трудную работу с перерывами во времени. Другая же половина была поспешно нацарапана карандашом. В паре мест страница была проткнута, и нашлись следы обломанного грифеля. Тот карандаш так и валялся на столе много лет, и Льюис увидел его, когда пришел сюда в первый раз.

Элдрик заканчивал заклинание в день своей смерти. Он не хотел умирать, не шел к Ричарду смиренно, как бык на бойню. Он собирался использовать это заклинание, чтобы спастись вместе с Рейвеном. Но удача оказалась не на его стороне.

Льюис запомнит его, вы зубрит наизусть. Проверит. И если попадет в опасную ситуацию, выход у него будет всегда. Он сумеет спастись сам и уберечь тех, кто ему дорог. Мирлюбие миролюбием, а запасной план должен быть всегда.

Глава 30. Ворон ворону глаз не выклюет

Рейвен, убедившись, что пастор Браун и Уильям Бломфилд оба надели проклятые вещи, доложил об этом Льюису, затем помчался к Нилу. До проповеди оставалось три дня, но раньше он вырваться не мог: готовил бойцов, исследовал поле боя, планировал тактику нападения. Вороны разберутся с толпой, но Нила все равно следовало предупредить, чтобы был настороже. И убрать из участка, чтобы отдельные «Враги Воронов» до него не добрались.

Было раннее утро, когда Рейвен спикировал к его дому и влез в окно.

— Нил! Нил, ты здесь?

Тот выскочил из ванной полуголый, лохматый, с хлопьями пены на щеке. В одной руке он держал бритву, в другой — меч.

— Неплохая реакция, — одобрительно заметил Рейвен, — но поставь на окна крепкие ставни или повесь колокольчики. Влезть легче легкого.

Нил хмыкнул.

— Я это учту. Ты заглянул дать мне совет насчет окон или зачем-то еще?

— Пастор Браун собирается натравить на тебя толпу. Через три дня, на главной площади, будет проповедь, после чего люди пойдут к участку. «Враги Воронов» хотят освободить своих и казнить тебя. Предупреди стражников, а сам спрячься. Держись подальше от площади и участка. Ты пока еще только человек. Как бы хорошо ты не владел мечом, от толпы тебе не отбиться. У тебя есть друзья в городе? Тот здоровенный наемник может тебя спрятать?

Губы Нила дрогнули и сложились в улыбку, но взгляд не сулил ничего хорошего.

— Спасибо что предупредил, Дирк, но я не буду прятаться. Я разберусь с Брауном и Бломфилдом. Они не загонят меня в нору, как крысу. Сами там будут прятаться.

— Убьешь их? Хорошая идея, но ты точно справишься? — Рейвен прикусил губу. — Я бы тебе помог, но мне нельзя. Это противоречит воле Великого Ворона. Но если ты их убьешь, так будет намного проще для всех.

И эту пададь не придется терпеть в убежище.

Рейвен оживился.

Идеальное решение! Но повелитель против. Но идеальное же! И Льюис не возражал чтобы Нил разобрался с «Врагами Воронов», значит, если он сделает это сам, то Льюису не придется этим заниматься. То есть, помочь Нилу не только можно, но и нужно!

— Ладно, давай так: ты их убьешь, а я тебя прикрою, как в прошлый раз — предложил он, — трупы спрячем, и все решат, что они сбежали, как тот трус. Я знаю с десяток отличных мест, где их никто никогда не найдет.

Нил покачал головой.

— Я не буду никого убивать. Я — начальник городской стражи и арестую мятежников, планирующих устроить беспорядки в городе. У меня не хватало косвенных доказательств их вины, но мятеж развяжет мне руки. В этом случае будет достаточно свидетельских показаний. Сможешь выступить на суде и рассказать о том, что услышал?

— Я? — изумился Рейвен. — Я же Ворон!

— И что? Я посмотрю свод законов, но не помню, чтобы там был на это запрет.

Рейвен расхохотался. Вытер выступившие от смеха слезы.

— Ну ты и выдумщик! Нет, такой чушью я заниматься не буду. Может, все-таки прикопаем их?

— А этим уже не буду заниматься я, — в тон ему ответил Нил, — все должно быть по закону, а не по праву сильного. Мы не разбойники с большой дороги, чтобы так поступать.

— Как хочешь, — Рейвен пожал плечами. Значит, план Льюиса пройдет без изменений. Мерзавцы будут прокляты и выставлены на обозрение бывших соратников. Если повезет, то их убьет кто-то из своих. — Мне пора. Будь осторожнее. Глупо получится, если тебя убьют горожане, а не Великий Ворон.

— Беспокоишься обо мне?

Рейвен отвел взгляд. Он не мог смотреть Нилу в глаза. В голове всплывали все те мерзости, что он ему говорил, все удары и раны, нанесенные тому, кто их не заслужил.

Нил его не предавал. Он был верным другом и спас ему жизнь, рискуя своей собственной. А в благодарность получил лишь ненависть и злобу.

Паршивым предателем оказался Рейвен, а не он. И с этим ничего нельзя было поделать. Он молча полез в окно.

— Дирк, нам надо поговорить. Обсудить все.

— Не знаю я, что говорить, — огрызнулся Рейвен, — о том, что я — кусок дерьма, и я так в курсе. Ты вправе меня ненавидеть. Друг из меня вышел никудышный, и я надеюсь, новые друзья у тебя теперь получше.

Ему вдруг стало невыразимо тоскливо.

Такого друга, как Нил, у него никогда больше не будет. Да и были ли у него вообще друзья?

Не было. Не заслужил.

— Дирк, ты хочешь снова быть моим другом?

Рейвен застыл. Затем обернулся.

Нил спокойно смотрел на него.

— Мы можем начать все сначала. Не наша дружба принесла тебе вред, а мой дядя, но его больше нет. Мы на одной стороне. Я никогда не буду считать Воронов монстрами. И убью только вашего хозяина, когда стану Прекрасным Принцем.

Рейвен очнулся и зашипел, как рассерженная гадюка.

— Опять? Да как ты смеешь такое говорить? Я — верный слуга Великого Ворона, а ты предлагаешь мне дружбу, собираясь его убить?!

— Не похоже, чтобы тебе нравилось ему служить. Ты постоянно пытаешься нарушить его приказы, и они тебе явно не по душе. Ты твердишь, что должен подчиняться ему. Почему?

— Потому что воля Великого Ворона — закон для его подданных!

— Тебя заставили в это поверить, — жестко отрезал Нил, — заставили сменить имя и забыть прошлую жизнь. Тебе не дали выбора.

— Он мне и не нужен! Я всегда выбираю то, что приводит к чьей-то гибели! И я не стану дружить с Белой Мразью, ясно? Откажись быть Принцем, забудь об убийстве Великого Ворона — тогда и поговорим!

— Никогда, — ответил Нил твердо, — это — моя судьба. Я защищу этот город, и у него больше не будет хозяев. Но и от тебя я не откажусь. Кем бы я ни был, ты всегда сможешь просить у меня помощи. Только не зови меня Белой Мразью, таким, как Принц Ричард, я не стану.

Рейвен свирепо рыкнул.

— Я тебя буду звать тупой мелочью!

— Тогда будешь безголовым тетеревом.

— А почему не стервятником? — сбился Рейвен. — Ты меня так раньше звал.

— Это как-то грубо. Обидишься еще.

Рейвен уставился на него. Нил и не думал злиться. Он был непробиваемо спокоен и абсолютно уверен в своей правоте.

Вот же задница.

— Я полетел, — пробурчал Рейвен, — у меня много дел. Постарайся не сдохнуть, мелочь.

— Увидимся, Дирк.

Проклятье сработало, и лидеры «Врагов Воронов» одновременно «заболели», никого не принимая. Льюис с Рейвеном посетили их дома и забрали оттуда, чтобы мерзавцы не натворили глупостей. Оба они были в шоке, но Уильям Бломфилд быстро оклемался и принялся вымаливать себе жизнь:

— Вы же понимаете, в моих действиях не было ничего личного, просто финансовый интерес, — тараторил он, не вставая с колен, — эти глупцы приносили мне деньги! Которые я готов пожертвовать вам и вашим подданным, чтобы компенсировать нанесенный ущерб. Просто назовите сумму, и она ваша.

— А в какую сумму вы оцените человеческую жизнь? — тихо спросил Льюис, у ног которого Рейвен бросил обоих. — Ваши действия привели к трагедии. Пусть не своими руками, но руками ваших последователей были убиты два невинных человека. Вы поощряли их на эти убийства.

Бломфилд сглотнул.

— Вы правы, это чудовищное деяние заслуживает равного искупления. Я отдам вам все до последней монеты. Я очень богат, у меня связи с купцами и меценатами из других городов. Вы получите абсолютно все, если пощадите меня, Великий Ворон. Я стану самым преданным вашим слугой и клянусь исправиться! Молю вас, вы же милосердны! Все в городе знают, что вы — добрый и справедливый господин, вы простите меня за эту непреднамеренную ошибку?

— Я подумаю, — отстраненно ответил Льюис, и Рейвен усмехнулся.

Убивать гаденьшей никто не собирался, но знать им об этом было незачем. Льюис планировал «совершить милость» после того, как они выступят на площади.

— А как насчет вас, пастор? Вы осознали свои ошибки?

Пастор тоже стоял на коленях (правда, опрокинуть его пришлось подсечкой), и глаза у него были совершенно безумные.

— Бог не мог отвернуться от меня, — бормотал он, — я все делал правильно, я служил ему, так за что же мне такая кара? Быть сожженным мерзкой тварью и отдать ей свое тело, чтобы оно бродило и чернило память обо мне? Господи, за что?!

— Значит, есть за что. — ухмыльнулся Рейвен. — Все знают, что Воронами становятся самые гнусные люди города. Выходит, ты — тварь смердящая, как и мы. Хороший человек такую кару бы не получил.

— Нет! Нет, нет, нет! Я был хорошим, я вел праведную жизнь, я не заслужил этого! — пастор скорчился на полу. — Господи, помоги мне! Я не хочу умирать так! Как угодно, но только не так!

Бломфилд поспешил отодвинуться от него.

— Он сумасшедший. Это была его идея с «Врагами Воронов», я лишь поддался, поверие его словам! Основная вина лежит на нем!

Рейвен подавил желание пнуть его. Оба поверженных врага вызывали у него омерзение. Прикончить бы их, а не пускать в убежище. А придется терпеть и приглядывать: он не сомневался, что повелитель поручит это именно ему.

Льюис встал и подошел к пастору. Присел на корточки и положил руку тому на плечо.

— Я понимаю, как вам сейчас страшно, — неожиданно мягко заговорил он, — я тоже был в ужасе и думал, что Великий Ворон поглотит меня, оставив одну лишь оболочку. Я ждал этого каждую секунду и не хотел верить, что все закончится вот так. Я ничем не заслужил проклятье, так почему же я должен умереть? Но я не умер, и вы не умрете тоже. Пройдет день, другой, но монстр, пожирающий изнутри, не придет. И тогда вы поймете, что ошибались. Вороны — проклятые люди, и вы теперь один из нас. Вы должны исправить свою ошибку: в проповеди на городской площади расскажите всем, что вы — человек. Распустите «Врагов Воронов» по домам.

— Нет, — глухо ответил пастор Браун, — я умру, и моими устами будет говорить дьявол.

— Я расскажу, — вмешался Бломфилд, — никаких проповедей не надо, я сумею всех убедить! И у меня есть полномочия распустить общество, как у одного из основателей! Я докажу вам свою преданность и полезность!

Льюис поднялся, с сожалением глядя на замершего пастора.

— Хорошо. Готовьтесь. Проповедь будет завтра. Рейвен, отведи их в темницу и запри там.

Тот молча схватил мерзавцев за воротники и потащил на выход. Бернард и Курт, ждавшие за дверью, подхватили пастора, который почти не шевелил ногами и повели сами. Бломфилд шагал не в пример бодрее и нес какую-то чушь о деньгах.

— Замолкни, — бросил Рейвен, — на площади будешь так трепаться. Если зубы сейчас не выбью.

— Их убьют после проповеди? — небрежно спросил Бернард.

— На все воля Великого Ворона.

— Думаю, пощадят того, кто будет больше стараться. Пастор — покойник.

— Полностью с вами согласен, — вмешался Бломфилд, дрожа всем телом, — слуги должны быть полезны, и Великий Ворон, конечно, оценит того, кто верой и правдой искупит свою вину!

Рейвен собирался отвесить ему затрещину, чтобы наконец заткнуть, но не успел. Они вошли в холл и остановились.

Он был заполнен Воронами. Здесь собрались все обитатели убежища.

— Какого черта? — процедил Рейвен.

— Шарлотта. Это ее идея, — ответил Бернард.

Шарлотта стояла на лестнице, опираясь о перила.

— Вот они — наши враги, виновные в убийстве Джона и его девушки. Запомните их лица, — произнесла она с ненавистью в голосе, — среди нас теперь будут жить нелюди,

черствыые, как гнилой хлеб, с камнями вместо сердец и грязью вместо совести! Никто не должен жалеть их! Ни одного из нас они бы не пожалели. Не говорите с ними! Они — чудовища и человеческой речи не заслужили. Пусть живут в забвении и презрении.

— Шарлотта, какого черта? — рявкнул Рейвен. — Повелитель не отдавал такого приказа!

— Отдаст — подчинимся. А не отдаст — будем вольны в своем отношении к этим зверям.

По толпе Воронов прокатился глухой шепот. Все они смотрели на Брауна и Бломфилда с гневом и отвращением.

— Так, хватит! Пропустите нас!

Вороны расступились. Рейвен потащил пленников дальше, Бернард и Курт молча шли за ним. Бломфилд опустил глаза в пол, не выдержав молчаливого давления толпы. Пастор Браун смотрел перед собой, но плечи его тряслись, а в горле клокотали не то рыдания, не то проклятия.

Вечером Рейвен поругался с Шарлоттой. Ему не было жаль паршивцев, но как на произошедшее отреагирует Льюис? Не испортит ли это его задумку? И ведь даже не предупредила его, все за спиной провернула!

— О, так мы теперь во всем друг другу доверяем? — едко ответила она на поток его возмущений. — Ничего не скрываем и полностью откровенны?

— Причем здесь это? Ты подставила меня!

— Подо что? Тебя наказали или хоть отругали? Нет. Так отчего ты бесишься?

— Ты должна была мне сказать!

Улыбка Шарлотты была ядовитой, как белладонна.

— А ты все мне рассказываешь, милый мой? Никаких тайн и секретов?

— Когда это я от тебя что скрывал?

— Нил Янг. Что он сделал? Это ведь из-за него ты сам не свой последние дни.

— Не твое дело.

— Ах, вот как? Тогда заткнись и не смей больше требовать от меня искренности. Мои дела тебя тоже не касаются. Сегодня ты мне в постели не нужен, так что можешь идти.

Рейвен зарычал, но Шарлотта демонстративно повернулась к нему спиной и села читать книгу. Ему ничего не оставалось кроме как уйти.

Все складывалось просто отвратительно.

Нил. Как остановить Нила и не дать ему погибнуть? Льюис не хочет никого убивать, но он может и передумать. Вернее, он точно передумает, когда Нил раз за разом будет пытаться его убить, отказываясь от любых переговоров. Льюис не сможет сидеть в убежище вечно, а вне его будет в опасности. Шарлотта и Бернард однажды уговорят его на охоту на Принца, и тогда Нилу конец. Сколько он продержится? Что делать, если охоту назначат возглавить ему? Он не сможет убить Нила. Он *не хочет* его убивать! Но Нила не столкнешь с намеченной цели, он несется вперед как таран и однажды найдет способ добраться до Льюиса. Рейвен костями ляжет, защищая повелителя, но будет ли этого достаточно? Льюис не должен пострадать, нет, он добрый и заботливый, он не заслужил смерти! Он должен жить и вечно править этим городом!

Выхода не было. Один из них должен умереть.

Рейвен с силой врезал кулаком по стене. Он снова чувствовал себя загнанной крысой, из последних сил шевелящей лапками. Остановишься — умрешь, только вот мчался он все еще по кругу, и цель была недостижима.

Как спасти Нила и защитить Льюиса? Прекрасный Принц обязан убить Великого Ворона и наоборот. Это — нерушимое правило города. Можно оттянуть время битвы, сделать ее нечестной, но нельзя отменить. Через полгода Нил станет...

Рейвен застыл, пораженной внезапной идеей.

Станет. Но пока не стал.

Он бросился к куртке, небрежно брошенной на стул. Зашарил по карманам и вынул нож с серебряной рукоятью — точную копию того, что получил когда-то от Нила. Он нашел его буквально пару часов назад и собирался отнести Льюису.

Нил примет от него подарок и никогда не станет Прекрасным Принцем.

Вот он, выход.

Рейвен сглотнул.

Нет. Лучше этот нож ему в спину вонзить, все не так подло. Нил простил его, он бросился в огонь, чтобы спасти другу жизнь, нельзя с ним так поступать. Только не так! Должен быть другой выход! Сложнее, дольше, но так, чтобы не ломать Нилу жизнь! Может, Льюиса спросить? Что бы он предложил?

Действовать мягче и попытаться переубедить собеседника.

Рейвен закатил глаза. А потом вдруг понял, что надо делать.

— Я снова стану злобным стервятником, мелочь, — с ухмылкой произнес он, — зато ты выживешь, и Принцем станет кто-то другой. Так чего же испугается тот, кто ничего не боится?

Рейвен знал ответ и собирался его использовать.

Глава 31. Воронья услуга

Пост начальника стражи оказался для Нила благословением: наконец-то можно было нормально работать и не застревать на каждом этапе дела. Стражники выполняли его указания быстро и четко, аресты проходили без проблем, а новый судья был крайне лоялен и честен в вынесении приговоров. Кажется, он крепко боялся Нила. За три дня с момента предупреждения от Дирка Нил успел перепрятать оружие, провести суды над наиболее агрессивными членами «Врагов Воронов», отправить их в тюрьму и подготовить стражников к нападению на участок. Этого он, впрочем, допускать не собирался: мятеж стоило подавить в зародыше, разобравшись с зачинщиками. Однако ни пастора Брауна, ни Уильяма Бломфилда обнаружить не удалось. Дом первого оказался пуст, а молодая супруга второго истерично рыдала на плече взрослого пасынка и отказывалась отвечать на вопросы. Бломфилд-младший оказался сговорчивее, но его показания ничего не прояснили: по его словам, пару дней назад отец внезапно заперся у себя, отослав их в другой дом и распустив прислугу. Сегодня с утра сын зашел к нему и обнаружил его исчезновение.

Нилу показалось, что тот что-то скрывает.

— С чего такая паника, спустя всего пару часов? Он мог пойти куда угодно.

— С того, что его ищут многие, и никто не понимает, куда он делся. Отец должен был встретиться с разными людьми, но как в воду канул, никого не предупредив.

— Он нас бросил! — взвыла госпожа Бломфилд. — Он же обещал, что мы уедем все вместе, а сбежал один!

— Тихо! — шикнул на нее Бломфилд-младший. — Отец пропал, а не сбежал. Надеюсь, вы найдете его.

— Найду, — пообещал Нил, — мы устроим обыски во всех ваших домах и в домах друзей вашего отца. Я его из-под земли достану. Город он не покидал, иначе мои стражники задержали бы его на воротах. Если вы причастны к тому, что он собирался сделать, то лучше признаться сейчас.

— Мы ничего не знаем! Отец велел нам подготовиться к отъезду, но я думал, это из-за вас: «Враги Воронов» вот-вот рухнут, вы разрываете их на мелкие кусочки! Я бы не удивился, что он сбежал и бросил нас, раз вы пришли за его головой, но он же ничего с собой не взял! Ни денег, ни драгоценностей, ни карету с охраной! Не пойдет же он пешком до соседнего города?

Нил нахмурился. В словах Бломфилда-младшего была логика, но вероятнее всего, он просто покрывал отца. Нил вытряс из него имена всех подельников Бломфилда, и тюремные камеры пополнились десятком заговорщиков, в домах которых обнаружили планы мятежа. Нашелся и новый склад с оружием, немедленно конфискованным стражей. Но самих Бломфилда и Брауна найти не удалось, хотя Нил буквально перевернул весь город вверх дном.

Горожанам это явно не понравилось. К очернению своего имени Нил отнесся с раздражением, но без удивления.

— Весь город поливает тебя дерьмом, — мрачно сообщил Рудольф, зашедший его навестить. Синяки и раны зажили, и он вновь рвался в бой, — теперь тебе придется доказывать, что ты ненавидишь Воронов, а не заодно с ними.

— И не подумаю даже. У меня дел по горло. А со своими врагами я разберусь и без

поддержки горожан.

— Но люди обвиняют тебя в сговоре с Воронами! Ты защищаешь их, а воюешь с людьми! Тебе же никто после такого не поверит!

Нил внимательно взглянул на него.

— А ты мне веришь, Руди?

— Конечно. Я-то всегда буду на твоей стороне.

— Мои стражники тоже за меня. Мне этого хватит. Люди пусть болтают что хотят.

Рудольф озадаченно почесал подбородок.

— Не понимаю я тебя. Тебе в спину плюют, а тебя это не волнует?

— Уже через полгода я стану Прекрасным Принцем, брошу вызов Великому Ворону и убью его. Меня не остановило Время Воронов, я пережил его и не отступил. Неужели ты думаешь, что меня остановят чьи-то грязные сплетни?

— Отчаянный ты парень. Я с тобой. Нужно будет, зови.

Наступил день проповеди. К неудовольствию Нила, на главной площади все равно собралось немало людей, причем среди них были не только «Враги Воронов», но и обычные горожане. Вначале Нил собирался просто оцепить площадь и никого на нее не пускать, но Гийом предположил, что в таком случае проповедь пройдет в другом месте и в неизвестное время. Лучше было поймать заговорщиков здесь и сейчас. Все подходы к площади тщательно контролировались. Нил был уверен, что, пастор Браун обязательно объявится, а Бломфилд наверняка попытается сбежать из города во время беспорядков. Стража на воротах была предупреждена об этом.

Пришлось стянуть все силы к площади, чтобы остановить толпу. Нил надеялся, что горожане не захотят лезть на рожон, но готовился к худшему: только теперь он заметил, насколько они были недовольны его действиями. На него смотрели с гневом и презрением, кто-то громко обсуждал продажную стражу, а у некоторых с собой были корзинки с яйцами, которыми явно собирались его забрасывать. Люди уже были взбудоражены, высеки искру — заполыхают.

Он должен был перехватить пастора, прежде чем тот воспользуется огнем.

Когда Нил в очередной раз осматривал площадь в его поисках, он краем глаза заметил движение на одной из крыш. Вскинул голову и увидел Рейвена, подающего кому-то знаки. Кому? Нил пригляделся и похолодел: на крышах домов прятались Вороны-бойцы. Они явно планировали нападение.

Его накрыло гневом. Великий Ворон его обманул! Они же договорились, что если Нил разберется сам, то люди не пострадают! Но все обещания проклятого мерзавца оказались ложью. Он и не думал держать свое слово. Знал ли об этом Рейвен, предупреждая его держаться от площади подальше? Неважно. Он слепо выполнит любой хозяйский приказ. Доверять ему было глупо.

Нил нашел Рудольфа и предупредил его о Воронах. Нужно было срочно раздать нужные приказы стражникам, но тут с помоста неожиданно раздался громкий голос:

— Друзья, вы все меня знаете! Я — Уильям Бломфилд, торговец, благотворитель и организатор общества «Враги Воронов». У меня есть важное объявление, и я прошу вас меня выслушать.

Нил резко обернулся и обнаружил на помосте обоих: Бломфилда и Брауна. Выглядели они изрядно потрепанными. Как, черт побери, они туда попали? Ведь все подходы были перекрыты!

Но тут он заметил кое-что еще.

Черные волосы у обоих.

— Я совершил ужасную ошибку! — голос Бломфилда звучал надломлено. — Став жертвой заблуждения, я невольно распространил его на всех вас, о чем ужасно сожалею! Простите меня, друзья мои! Вороны — люди, а не мертвецы, и относиться к ним следует с тем же уважением и порядочностью, что и ко всем остальным, ни в коем случае не обвиняя в том несчастье, что пало на их головы! Потому я с прискорбием сообщаю вам, что общество «Врагов Воронов» с этой самой минуты прекращает свое существование. Когда понимаешь, что цель пути была ложной, нужно немедленно остановить свое движение к ней.

Толпа зароптала. Общее настроение было испуганно-изумленное: люди не понимали, что происходит.

— Нил, ты видишь? Они прокляты! — Рудольф не сообразил понизить тон: гаркнул во всю мощь своих легких.

И толпа тут же подхватила на все лады:

— Прокляты!

— Как же так? Они мертвы?

— А пастор что? Почему он молчит?

Пастор Браун не шевелился, будто не понимая, где он. Уильям Бломфилд поспешил продолжить речь:

— Как видите, меня тоже коснулась эта беда: теперь я проклят. Но я — это я, тот же человек, которого вы все знали. Великий Ворон милостиво объяснил мне мои заблуждения, и никогда более я не объявлю себя его врагом! И вам не советую, ведь кто позаботится о нашем городе лучше, чем Великий Ворон? Он запретил своим слугам нападать на людей, и мы должны ценить это! Вспомните ужасы правления Элдрика! Но нашего благородного господина волнует жизнь каждого, будь то человек или Ворон! С ним мы будем жить в мире и процветании! Мы...

— Мы прокляты навеки! — неожиданно закричал пастор и воздел руки к небу. — Господи, за что ты отвернулся от меня?! Я источаю смрад и гниль, душа моя горит заживо! Голод терзает меня, демоны пожирают нутро! Сколько можно ждать, когда я уже умру?! Убейте меня, избавьте от мук!

— Не слушайте его! Он сумасшедший! — Бломфилд попытался заткнуть пастору рот. — Слушайте меня! Наш благородный господин...

— Убейте меня! Я мертв, я уже мертв, я не должен ходить по земле!

— Да заткнись, ты! Я не хочу умирать из-за твоей глупости, я хочу жить!

— Тихо.

Бломфилд и Браун замолкли одновременно, словно разом онемели. Они беззвучно разевали рты, как рыбы, выброшенные на берег, и смотрели вверх. Нил запрокинул голову и оцепенел.

В десяти метрах над помостом парил Великий Ворон.

Это, несомненно, был он: жуткий птичий череп закрывал лицо и будто выныривал из тьмы, на фоне черных одежд и волос. Пустые глазницы пялились на горожан, как сама смерть. Крылья ни капли не напоминали такие же у обычных Воронов: они были остовом, скелетом, с белых острых костей которого стекала магия. Нил попытался разглядеть ее, и у него резко заболела голова: взор рисовал то черную воду, текущую из бездонного омута, то трещащее чернильное пламя, то невесомую вуаль, из-за которой выглядывало нечто жуткое.

Колдовские огоньки на крыльях не светили: они *высасывали свет*, и вокруг Великого Ворона он тускнел и серел, будто съезживаясь от ужаса. Разум Нила отказывался понимать это, он ошалел и путался, не желая смотреть на темную магию. Нил с трудом заставил себя не отворачиваться. Интуиция громко вопила об угрозе. Это существо не могло прийти сюда с добрыми намерениями.

— Приветствую вас, жители нашего любимого города, — когда Великий Ворон заговорил, его голос разнесся по всей площади, безмолвно замершей от ужаса. Люди напоминали кроликов, застывших перед пастью змеи. — Я — Великий Ворон и сегодня я хочу поговорить с вами. Надеюсь, вы меня выслушаете.

На площади повисла мертвая тишина. Никто не смел издать ни звука, и Великий Ворон продолжил:

— Взгляните на этих людей. Совсем недавно они желали мне зла и подстрекали вас к нападениям на моих подданных. А сегодня сами оказались в их числе. Вам интересно узнать, почему так вышло? Потому что они забыли о главном правиле нашего города: проклят может быть каждый. Никто не защищен от подобной судьбы, даже если считает себя светлейшим борцом за справедливость, — Великий Ворон говорил спокойно, будто читал лекцию, а не угрожал людям. Но смысл его слов был предельно ясен. — И я обращаюсь к вам, «Враги Воронов». Уверены ли вы, что завтра не окажетесь на их месте?

Пастор Браун упал навзничь и бился, все так же безмолвно раздирая себе лицо руками. Уильям Бломфилд дрожал, как лист на осеннем ветру, а затем вдруг поспешил встать на колени и сложил руки в молитвенном жесте, будто слушал изречения какого-то пророка.

Нила передернуло от омерзения. Ужас отступил, вытесняемый гневом.

Что с ними делали, чтобы довести до такого состояния? Вспомнились слова наместника о том, что месть Великого Ворона будет изощренной и продуманной. Растоптать своих врагов на глазах у их почитателей, унижить, сломать и наглядно продемонстрировать, против кого «Враги Воронов» посмели выступить, явившись лично — ох и хитрая же тварь такое придумала! Бесчеловечная, коварная и злобная.

Нельзя было спускать этого ему.

Он понимал, что делает глупость, что без магии такого врага ему не одолеть, но стоять в стороне было невыносимо. Нил выступил вперед, так чтобы его было хорошо видно, и громко крикнул:

— Не окажутся! Спускайся и сразись со мной! Я — Нил Янг, будущий Прекрасный Принц, вызываю тебя на поединок!

Люди зашевелились, словно очнувшись от злых чар. Кто-то охнул, тихим шепотом зашуршали голоса, а стражники зазвенели мечами и доспехами, готовясь выполнять его приказы.

Горожане поняли, что их защитник рядом. Они не были беззащитны перед злом.

Великий Ворон тоже это понял.

Птичий череп повернулся в его сторону.

— Вот когда станете Принцем, тогда и поговорим. Великие Вороны не сражаются со стражниками.

Нилу словно вlepили оплеуху. Высокомерный мерзавец! Не снизойдет до битвы с недостойным, значит? Кто его будет спрашивать, ему придется драться, если Нил на него нападет! Но как же его достать? Метнуть в него кинжал? Опасно, можно попасть в кого-то из толпы. Проклятье, без магии даже начать бой со злом было едва ли возможно! Так что же

делать? Как заставить его спуститься? Влезть на помост и требовать этого, не давая читать свои жуткие речи? А горожан разогнать, приказав страже удалить их с площади! Отлично! Нил почти решился на этот шаг, но тут Великий Ворон кивнул в сторону крыши. Нил замер, осознавая его чудовищный замысел: Рейвен и другие бойцы нападут на людей по первому слову своего хозяина. Вот зачем они здесь! Все горожане на площади — заложники! И если Нил не будет благоразумен, их убьют.

Он медленно выдохнул и убрал руку с меча.

Через полгода он убьет эту тварь, и никто его не остановит.

На площади вновь воцарилась тишина.

— Благодарю. С вашего позволения я продолжу, — в голосе Великого Ворона проскользнула едва слышная насмешка. — Мои подданные подчиняются моим приказам. Все Время Воронов я приказывал им беречь вас. Не пугать. Не вредить. Платите добровольцам за то, что мы вынуждены питаться вашей жизненной силой. И многих устраивала эта плата. Выбирая между мирным сосуществованием и жестокими нападениями, что были раньше, вы предпочли второе, создав «Врагов Воронов» и поддерживая их. Этого вы хотите? Жизни в страхе, нападений, смертей? То, как правил городом мой предшественник, Великий Ворон Элдрик, было лучше для вас?

— Нет! Мы не хотим умирать!

Кто это выкрикнул было неясно, но толпа тут же подхватила этот крик на разные голоса. Люди были напуганы и молили о пощаде. Нила скрутило от бессильной злости. Они поняли, что он не сможет их защитить, и готовы были вымалывать себе жизнь. «Враги Воронов» тряслись от страха.

Рудольф протолкался к Нилу.

— Мы хоть что-нибудь будем делать?

— Нет. Вороны на крышах нападут, если мы вмешаемся.

Рудольф грязно выругался.

Нил кипел от ненависти и унижения. До силы Прекрасного Принца было рукой подать, но она нужна была сегодня, а не через полгода! Как он потом вытащит эту тварь из убежища? Как узнает среди других Воронов?

Великий Ворон наслаждался страхом людей и поднял руку.

Все замолчали.

— Если вы хотите мира и я хочу его, то вместе мы сможем его добиться. Будьте милосердны к Воронам, и я обещаю быть милосердным к вам. К вашим сестрам и дочерям, братьям и мужьям, друзьям и знакомым. Ко всем, кто однажды может быть проклят и перейти под мою защиту. Но пока среди вас таких людей нет, я прошу всех разойтись по домам. Идите, и на этом мы закончим нашу бессмысленную вражду.

Великий Ворон спикировал вниз, как хищная птица, схватил Бломфилда и Брауна за воротники, после чего все трое исчезли так же внезапно, как появились. Горожане поспешили прочь с площади, возбужденно переговариваясь. Кто-то истерично рыдал, другие громко благодарили господина за спасение. Лица «Врагов Воронов» были бледны, они постоянно оборачивались и судорожно трогали волосы, будто боясь, что те потемнеют. В считанные минуты вокруг остались одни только стражники и Рудольф.

— Вот же жуткое страхолудище! — шумно выдохнул он. — Повезло, что он только потрепаться заглянул!

— Это не везение, — процедил Нил, — а предупреждение. Он явился запугать нас.

— Тебя попробуй запугай, — Гийом нервно рассмеялся и хлопнул его по плечу, — ты вел себя очень мужественно и страшно глупо. Я боялся, тебя убьют. Так что да, повезло, что Великий Ворон этого не планировал.

— Он планировал другое, — тут Нил резко вспомнил что и вскинул голову.

Но крыши были пусты. Вороны ушли вслед за своим господином.

— Возвращаемся в участок. Больше нам здесь делать нечего.

Мятеж был остановлен, но какой ценой? Люди были подавлены и запуганы. Великий Ворон все еще был хозяином города и продемонстрировал это, вырвав Бломфилда и Брауна у него из рук. Какая судьба их ждет? Они были неприятными людьми, но такого Нил не пожелал бы даже им. А Великий Ворон недвусмысленно намекнул, что проклят будет каждый, кто пойдет против него.

Он держал в когтях их всех. Проклятье никогда не было случайным. Всех жертв выбирал он сам. И горожане это тоже поняли. Больше никто не посмеет выступить против Великого Ворона, чтобы не быть проклятым.

Каким бы тихим и обманчиво великодушным Великий Ворон ни казался раньше, сегодня он явил свой настоящий облик. Он был злом, хитрым, коварным и очень опасным. Уничтожить его будет непросто.

Но Нил сделает это и сполна поквитается за сегодняшний день.

Нил заканчивал отчет для наместника глубокой ночью. Утром он отправится в магистрат и подробно расскажет, что произошло на площади. Судя по письму, доставленному гонцом, наместник был раздражен и очень встревожен. Нил мрачно подумал, что его вполне могут снять с поста начальника стражи, если он не докажет, что сделал все, что мог для защиты горожан.

Город лихорадило. Рудольф весь день терся в кабаках и на рынках, слушая, что говорят люди, а говорили об одном: о чудовищном Великом Вороне и глупцах, что стали его врагами. Никто не сомневался, что Бломфилд и Браун получили по заслугам: забыли, что во Время Воронов нужно сидеть тихо, что только Прекрасный Принц должен сражаться со злом, вот и поплатились за это. Правильный порядок вещей нельзя было нарушать, ведь его соблюдал даже Великий Ворон: горожанам он не вредил, а вот со своими Воронами мог сделать что угодно. Все были уверены, что Бломфилда и Брауна ждет лютая смерть. Остатки «Врагов Воронов» разбежались, как тараканы, многие покинули город, но этих ждали обратно: позабудут причину побега и вернуться. Остальные прятались по домам.

Репутация Нила полностью восстановилась: горожане оценили его смелость и готовность сражаться за них. Сразу видно — будущий Прекрасный Принц! И нечего было с ним спорить. Подумаешь, обыски в домах устраивал! Значит, так надо было. Принц Ричард и не такое творил. Имел право: главный защитник города всегда знает, что делает. Нил должен был радоваться этому, но отчего-то не выходило. В мыслях горожан было слишком много страха, а он не хотел, чтобы перед ним ползали на коленях.

Тихий скрип и шорох от окна привлекли его внимание. В кабинете появился Рейвен.

— Доброй ночи. Как дела? — довольно осведомился он.

— Отвратительно, — сухо ответил Нил, — ты зря пришел. Я сейчас не расположен ни к дракам, ни к задушевым разговорам.

— Я ненадолго. Великий Ворон приказал передать тебе благодарность. Ему очень понравилось ваше сотрудничество, и он доволен твоими действиями.

Нил стиснул зубы:

— Передай ему, что он — мразь, каких больше нет. Что с Бломфилдом и Брауном?

— Живы. Повелитель милостиво пощадил их. Теперь они тоже Вороны и будут жить среди тех, кого собирались уничтожить. У них будет интересная жизнь, и я лично прослежу за этим.

— Не делай этого, Дирк. У тебя есть совесть. Не опускайся до их уровня.

Рейвен хмыкнул и подошел к нему.

— Добренький, да? А Великого Ворона все еще хочешь убить?

— Теперь сильнее чем раньше.

Рейвен покачал головой.

— Ты ведь понял, что они не случайно стали Воронами?

— Это весь город понял.

— Хорошо. А теперь слушай внимательно: если не откажешься быть Прекрасным Принцем, то до конца этого года сам станешь Вороном.

Нил оцепенел.

Это невозможно! Великий Ворон не может проклясть его, они должны будут сразиться! Таковы правила города, поэтому Нила не убили раньше, ожидая, когда он станет достойным противником! Битва между ними неизбежна, Великий Ворон не имел права так от него избавляться! Мог убить, выгнать из города, но силой перетащить на сторону зла? Это же просто подло!

Вот именно.

А Великий Ворон — подлец. Это горожане наивно думали, что он играет по правилам, на деле же мерзкая тварь творила, что захочет. Сломив Нила так же, как Брауна с Бломфилдом, Великий Ворон одержит безоговорочную победу, даже не вступая в бой.

Нилу хотелось заорать в голос и что-нибудь сломать.

Рейвен с интересом смотрел на него.

— А может, тебе это понравится? Иметь крылья и магию очень здорово. А подчиняться повелителю я тебя научу. Это просто. И тогда мы снова сможем стать друзьями.

Это стало последней каплей. Нил вскочил на ноги, отшвырнул стул в сторону и, размахнувшись, врезал Рейвену по лицу:

— Почему ты такая сволочь даже сейчас?! Я не был виноват в том, что с тобой стало! Я пытался помочь! За что ты меня так ненавидишь, чертов стервятник?!

— Я пытаюсь спасти тебе жизнь, тупая мелочь! — заорал Рейвен и ударил в ответ. — А ты снова лезешь в петлю!

— Когда это ты меня спасал?!

— Сейчас!

— Что за бред?

Они расцепились и встали друг напротив друга, тяжело дыша.

Рейвен заговорил спокойнее, уже без издевательских ноток в голосе:

— Еще раз говорю: откажись, и тебя никто не тронет. Повелитель не любит лишнего насилия. Перестанешь быть угрозой — и о тебе забудут.

— Никогда, — сплюнул Нил, — я не струшу, я убью эту подлую тварь!

— Не убьешь. Тебя проклянут, и ты станешь рабом Великого Ворона. Тебе не

понравится выполнять его приказы.

Нил презрительно фыркнул.

— Думаешь, он сможет меня заставить? Да я скорее умру, чем подчинюсь ему!

— Ты видел, что было с Брауном и Бломфилдом на площади? Как они одновременно заткнулись? Власть Великого Ворона над нами абсолютна. Это магия, и ей невозможно противостоять: что велит, то и сделаем, даже если не хочется. Поэтому воля повелителя — закон. Нет смысла упираться, если все равно сделаешь, как он прикажет.

У Нила пересохло в горле. Вот оно значит как. Полное рабство.

— Но почему тогда меня не прокляли сразу же? Зачем Великому Ворону давать мне выбор?

Рейвен вспыхнул и отвел глаза. Принялся дергать себя за кончик косы.

Он будто не знал, что ответить. Или не мог? Ему запретили говорить правду?

Его слова звучали уклончиво и размыто, совсем не так, как он обычно говорил.

— Слушай, я хочу тебе помочь. Я ошибся, обвиняя тебя, и должен исправить свою ошибку. Великий Ворон иногда прислушивается к моим просьбам, но так не будет длиться вечно. Пока ты хочешь его убить, ты — враг Воронов. А я не хочу быть тебе врагом.

Нил почувствовал, как гнев уходит, уступая место пониманию.

Вот почему ему дали выбор: Дирк попросил за него. Возможно, сделал что-то унижительное, чтобы задобрить хозяина, или отдал что-то ценное. Он старался искупить вину перед Нилом, пытался его защитить. Дружил, как мог, после стольких лет вражды и ненависти.

Рейвен глубоко вздохнул.

— Станешь Принцем — умрешь. Станешь Вороном — сломаешься. Я не хочу этого, хотя проклясть тебя было бы легче легкого. Я нашел только один выход: откажись от убийства Великого Ворона и сохранишь свободу. Будешь спокойно служить и защищать город, как стражник. И все будет хорошо.

— А ты так и останешься в рабстве у Великого Ворона? — медленно спросил Нил.

— Я всегда был его слугой. Это моя жизнь, другой у меня не будет. Решай, Нил. У тебя осталось полгода, и если не откажешься — будешь проклят.

Рейвен подождал ответа, затем подошел к окну.

— Прекрасный Принц все равно появится, но им можешь быть не ты. Просто выживи, ладно? Пусть в эту мышеловку попадет кто-то другой.

— Почему мышеловку?

— Потому что ты из нее не выберешься, как я — из своей. Лучше не влезай.

Рейвен растворился в ночи, а Нил снова сел за стол и закрыл лицо руками. Его трясло от гнева и злости на себя. Господи, почему он такой слепец! Столько лет его лучший друг жил в рабстве, а Нил этого даже не замечал! Не протянул руку помощи, а примерял белые доспехи, считая себя безупречным героем! Конечно, ненавидеть внезапно «обезумевшего» Дирка было легче, чем докопаться до причин ненависти. А теперь Нил повторял ту же ошибку: бездумно обвинял друга, не понимая, что тот был в ловушке, пока ему прямо об этом не сказали! Немудрено, что тот озлобился и преданно защищал хозяина, у него ведь и выбора-то не было! Но для него Дирк этот выбор нашел, пытаясь спасти от своей участи. Защищал непутевую мелочь как мог, смирившись с властью Великого Ворона и вечным рабством.

Раньше Нил считал, что его дело — защищать горожан, а Вороны под защитой своего господина, и думать о них не нужно. Безмозглый болван! Они ведь тоже горожане, только

проклятые. Они в плену у темной твари, и никто даже не думал им помочь. Дядя Рутгер и Принц Ричард убивали их, вместо того чтобы это сделать. А ведь очевидно, что людей требовалось освободить, убив того, кто их проклинал! Но как это теперь сделать? От проклятья нет защиты. Нил не станет Прекрасным Принцем. Но у него есть выбор: быть навечно проклятым или отступить, бросая Воронов в рабстве.

Сдать город злу.

Решение пришло в ту же секунду.

Вороном Нил еще мог быть. Трусом и предателем — никогда.

Он не сдастся. Не сможет стать Прекрасным Принцем? Ничего, Рудольф им станет, а Нил будет помогать изо всех сил. Он разузнает все о Великом Вороне, вытащит эту дрянь из убежища и уничтожит! Даже если за это придется заплатить жизнью и свободой. К черту сияющие доспехи, он наконец-то сделает все правильно! Освободит город, Воронов и Дирка от черного зла, поймавшего их всех в ловушку!

Нил успокоился.

Теперь все было просто и ясно. Его путь был определен.

— Будь ты проклят, Великий Ворон! Я достану тебя, — поклялся он, — кем бы я ни был, чем бы ты мне ни грозил! Мы с Руди что-нибудь придумаем! И будь я проклят, если отступлю!

Глава 32. Браун и Бломфилд

Льюис торжествовал. Его речь сработала! Горожане, хоть и напугались вначале, но прислушались к его просьбе и не пошли громить город! И даже внезапная подножка от Нила Янга не помешала. Льюис и без того волновался, выступая перед таким большим количеством людей, он боялся, что его не станут слушать и забросают тухлыми яйцами (он определенно видел у кого-то в руках корзинки), а тут еще этот внезапный вызов на поединок! Как будто они не цивилизованные люди, а дикари! Нил Янг был готов напасть на него, уже не в первый раз грозя ему смертью. И что было делать, если бы он выполнил свою угрозу? Льюис растерялся и поискал глазами Рейвена, чтобы убедиться, что тот следит за Нилом Янгом, как обещал. В проклятой маске это было той еще задачей: она ограничивала обзор и приходилось вертеть головой, как подслеповатому голубю, вверх-вниз, чтобы видеть того, с кем говоришь. Рейвен был рядом, на соседней крыше, и одно это уже успокаивало. Быстрый прыжок вниз — и агрессивный стражник будет обезврежен. Да и вряд ли он смог бы достать Льюиса на такой высоте. Тревога отступила и сменилась злостью. Кем этот человек себя возомнил? Считает, что может угрожать смертью кому захочет, только потому, что вскоре станет Прекрасным Принцем? Вот же неприятный тип! Лучше бы обязанности свои как следует выполнял!

Нил Янг раздражал его все сильнее. К счастью, его удалось унять, напомнив, что дело стражника — обеспечивать порядок в городе, а не драться с Великим Вороном на городской площади, полной людей. Кажется, тот устыдился своего поведения, хотя Льюис подозревал, что выдает желаемое за действительное. По крайней мере, до конца речи Нил Янг молчал и больше не мешал ему.

Несмотря на все накладки, план Льюиса сработал. Горожане успокоились, «Враги Воронов» были распущены, в парках вновь стали появляться добровольцы. Вороны потихоньку стали выходить в город, и никто на них не набрасывался. Льюис смягчился и попросил Рейвена передать несносному Нилу Янгу формальную благодарность за суд над убийцами Джона Солта. Здесь он все-таки справился, и не оценить этого было бы невежливо.

Жизнь вошла в свою привычную колею. Дни складывались в недели, и Льюис расслабился, отдыхая от переживаний. Он много летал над городом, навещал госпожу Солону, читал и проводил вечера в компании Сольвейна, Шарлотты и Рейвена. Все было хорошо.

Шарлотта объяснилась по поводу бойкота, объявленного Бломфилду и Брауну.

— Так будет лучше, повелитель. Их все равно будут ненавидеть, но хотя бы не тронут. Ты ведь хотел, чтобы они выжили.

Льюис нахмурился.

— Их что, кто-то собирается убить? Рейвен?

— Нет. Рейвену теперь плевать на всех, кроме Нила Янга, — с неожиданной злостью ответила Шарлотта, — но не все так легко забывают причиненное зло. Их могут начать травить, сделав жизнь в убежище невыносимой. Я не против, но ты был бы недоволен.

— Чем Бломфилд и Браун занимаются? Я их нигде не вижу.

— Конечно, они же оба прячутся от тебя. Бломфилд шныряет по углам как крыса и старается быть незаметным. Браун молится, не выходя из комнаты. В парк его приходится

тащить силой.

— Но они оба питаются, как положено?

Шарлотта презрительно рассмеялась:

— А куда они денутся? Вороный голод невозможно терпеть. Бломфилд легко привык к этому, а пастор Браун недостаточно свят, чтобы становиться мучеником. Когда хочет есть, ходит и уговаривает воронопоклонников. Они от него шарахаются: его знают и очень сильно не любят в городе. Соглашаются только бродяги и работницы квартала красных фонарей. Бломфилд же ухитрился наладить мосты с парочкой добровольных жертв, притворяясь, что раскаялся, и давя на жалость. Постоянно рассказывает всем, какой ты добрый и милосердный, раз позволил ему стать Вороном, а не убил.

Льюис тоскливо вздохнул.

— Я чувствую себя мерзавцем. Я сломал им жизни.

— Лучше решения не нашлось, — Шарлотта пожалала изящными плечиками, — забудь о них. Ты победил, они проиграли. Пусть теперь расплачиваются за свои грехи.

Как оказалось, так думала не только она.

Однажды днем Льюис вышел во двор, чтобы лететь на прогулку и краем глаза заметил потасовку среди Воронов-бойцов. Это не было чем-то необычным: бойцы постоянно тренировались или устраивали шуточные драки, с громкими воплями и хохотом. Но сегодня Льюису почудилось что-то неправильное в происходящем. Он пригляделся и увидел, что пятеро Воронов толкали и месили кулаками одного. Очередная проверка на «выносливость»? Льюису они не нравились, но Рейвен объяснил, что ее проходят все по очереди, чтобы не теряться при нападении толпы и научиться правильно защищать голову от ударов. Били испытуемого, разумеется, вполсилы.

Тут он заметил, что Ворон в центре был одет в черную сугану.

Льюис замер, а затем решительно зашагал к ним.

— Прекратили немедленно! Отпустили его!

Раззадоренные бойцы глянули на него так, что Льюис сбился с шага. Он как-то резко понял, зачем Рейвен учил бойцов не бояться толпы: ему самому стало страшно от их злобы и численного преимущества. Ноги невольно задрожали. Захотелось немедленно развернуться и пойти прочь, пока бить не начали уже его самого.

Рейвена на площадке не было.

Льюис судорожно соображал. Да, он вроде бы главный, но это мало чем поможет, если его избыют, войдя в раж. Что делать? Как заставить их подчиниться?

Но тут он вспомнил как и успокоился.

— Разошлись в стороны, — приказал он, используя магию Великого Ворона, и бойцы мгновенно подчинились.

Пастор Браун дрожал, сидя на земле. Лицо у него было все в крови.

Льюис сжал зубы.

— Чья это была идея?

— Моя, повелитель, — Бернадт покаянно склонил голову, — этот лицемерный святоша виноват в смерти Джона не меньше его убийц, но ему все сошло с рук. Я не мог этого терпеть.

— Вы с Джоном были друзьями?

— Да, — с небольшой заминкой ответил Бернадт.

Льюис перевел взгляд на остальных.

— И вы тоже?

— Да.

— Джон был хороший парень.

— Именно так.

Один только Курт, крепкий деревенский парень, молчал. Под взглядом Льюиса он стыдливо опустил голову.

Они все ввали.

— Бернارد, скажите мне правду, — ледяным тоном приказал Льюис, вновь используя магию, — почему вы его били?

— Потому что могли. Он — мерзкий червяк и заслужил это.

— Чем?

— Тем, что пошел против Воронов. Теперь он заплатит за все.

— Рассел, почему вы избивали пастора?

— Потому что это было весело.

Льюиса затошнило. Бойцы встревожено переглядывались. Бернارد был спокоен.

— Патрик, зачем вы в этом участвовали?

— Пастор объявил себя нашим врагом. Раз так, пусть получает на орехи.

— Джордж, почему вы сделали это?

— Было скучно, и Бернارد предложил поразвлечься.

Льюис прикрыл глаза.

— Курт, вам было стыдно в этом участвовать? Хоть немного?

— Было! Отец бы меня палкой по хребту за такое отходил! Такой позор слабого старика бить!

— Зачем же было это делать?

— Велели, — тихо ответил Курт, — там, где живешь, нужно других слушать и не перечить старшим. Но мне так стыдно было, повелитель! Словно в сортир окунулся.

Льюиса немного отпустило. Хорошо. Хоть так.

— Пастора больше не трогать. Бломфилда тоже. Узнаю, что кого-то толпой бьете, пожалеете. За сегодняшнее вы все будете наказаны.

— Да, повелитель!

Бойцы старательно изображали вину и готовность исправиться. Они явно нервничали, опасаясь его гнева. Один лишь Бернارد не суетился, равнодушно оглядывая двор. Похоже, его ничто не смущало.

Льюис рассердился.

— Вас это не особенно волнует, Бернارد? Почему вы так спокойны? Скажите мне правду.

— Потому что вы добры и мягкотелы, повелитель, — тот больше не опускал взгляд, — ваше наказание мы переживем. Я боюсь только смерти, а казнить за пару тычков пастору вы не будете. Я видел и участвовал в куда более страшных вещах, чем вы сумеете придумать.

— Например?

— В охоте на Принца. В убийстве Рыцарей. Таких, как этот пастор, во времена Элдрика, вытаскивали ночью из постелей, поднимали к вершине часовой башни и приколачивали к ней так, чтобы никто не мог снять. Там они и подышали часами, а потом висели, пока не сгниют. Вот так расправлялись с врагами, а не принимали их под свое покровительство, как вы. Чего мне бояться, если вы даже своих врагов жалеете, как сироток?

Льюис молча смотрел на него. Ворон, стоящий перед ним, привык убивать, и взывать к его морали было бесполезно. Но если ничего не сделать, то он и остальные бойцы совершенно озвереют от безнаказанности. Доброта Льюиса снова вышла ему боком: ее восприняли как слабость и презирали за это.

Чем можно было их напугать? Как наказать тех, кто понимал только язык силы?

Бить? Орать? Нет, Рейвена ему в этом не переплюнуть, а к нему они привыкли.

Чего они боялись кроме смерти? Чем дорожили?

Льюис вспомнил все, что знал об этих людях, и сообразил.

— На весь следующий месяц вы отстранены от службы, — холодно сказал он, — вам всем запрещено носить оружие в городе и тренироваться на этой площадке. Даже присутствовать на ней нельзя. Вы больше не бойцы. Вы — бесполезные вредители. Когда появится Рейвен, пришлите его ко мне: я выскажу ему, насколько паршиво он умеет подбирать людей и как плохо справляется с вами.

— Но он же с нас шкуру сдерет после такого! — взвыл Рассел.

— Это поможет вам избежать подобных ошибок в будущем.

— Повелитель, в парке нужна охрана, — быстро вставил Патрик, — мы должны там быть, иначе других бойцов не хватит.

— Эту проблему будет решать Рейвен. Не считайте себя незаменимыми. Обходились как-то и без вас.

Бойцы помрачнели и притихли. Следующий месяц будет для них скучным, тоскливым и достаточно долгим, чтобы запомнить урок. Ярость Рейвена закрепит его.

— Как прикажет Великий Ворон, — Бернард поклонился, но в глубине его глаз таилась снисходительная насмешка.

Мало. Нужно что-то еще. Удар в слабое место.

— А вот зачинщику сего подлого деяния полагается наказание посерьезнее. Вдобавок ко всему вышесказанному я на месяц запрещаю вам использовать ваши крылья, когти и магию, Бернард. Если через месяц я не увижу в вас пусть не раскаяния, но хотя бы понимания, как поступать не следует, вы лишитесь их навсегда.

Тот вздрогнул.

— Тогда я не смогу сражаться вместо вас с Белой Мразью.

— И не надо. Вы здесь не единственный боец. Даже не самый ценный. Мне не нужны те, кто не подчиняются моим приказам. Найду кого-нибудь помоложе и посообразительнее.

Вот теперь Бернарда проняло: он бешено уставился на Льюиса и стиснул кулаки. Удар достиг цели: Бернарду было сильно за пятьдесят, и он явно боялся подступающей старости.

— Вы не можете отнять мою силу! Эта магия — то, ради чего мы вам служим! — рыкнул Бернард. — Наше жалованье и награда!

— Я дал вам ее. Могу и забрать. Будете жить пустышкой, как во Время Принца. Всю оставшуюся жизнь.

Бернард дернулся вперед, будто желая накинуться на него.

— Вам нужно больше времени, чтобы осознать свои ошибки? — насмешливо уточнил Льюис. — Два месяца без магии? А может не мелочиться и забрать ее сразу на год?

— Не надо, — Бернард сделал несколько вдохов-выдохов, после чего опустил на колени, — я вас понял, повелитель. Я зарвался, и вы указали мне мое место. Больше этого не повторится. Ваша воля — закон. Я забыл, потому что вы редко приказываете. Теперь не забуду. Месяца мне хватит. Пожалуйста.

— Месяц, — кивнул Льюис, — только потому, что я верю в ваш разум. В следующий раз будет год. Курт, помогите пастору Брауну подняться и ведите его за мной.

Бойцы молчали и боялись встретиться с ним взглядом. Льюис надеялся, что отбил у них желание слушаться Бернарда. Но с Рейвеном все-таки нужно будет поговорить о дисциплине в его отряде.

Пастор прихрамывал и шатался. Курт практически нес его на себе. Они довели пастора до его комнаты и усадили в кресло. Льюис закрыл глаза и выставил вперед раскрытую ладонь. Сосредоточился, представляя необходимое.

Когда он поднял веки, на ладони лежал медицинский справочник.

— Курт, принесите теплой воды и чистых тряпок. Будете смывать кровь и обработаете раны пастора.

— Да, повелитель!

Льюис вздохнул и принялся за дело. Ушибы, гематомы, ссадины. Возможно, сотрясение мозга и перелом ноги. Левый глаз опух и заплыл. Льюису не пришлось даже настраиваться на исцеление: избитый пастор вызывал у него чувство острой жалости и гнева на Воронов-бойцов. То, что он мог что-то исправить, успокаивало его совесть, но не сильно. Это все была его вина.

Он устало подумал, что стоит ему хоть что-то пустить на самотек, как возникали проблемы. Ничего не решалось правильно, зато неприятности лезли из всех щелей. И у него не было кого-то, кто мог бы наказать его за лень или неверное решение. Всегда страдали другие: Джон Солт и его девушка, теперь вот пастор Браун.

Пора было перестать бегать от ответственности и сваливать ее на кого-то другого. Он должен был всегда следить за происходящим и держать руку на пульсе событий, как и полагалось Великому Ворону — правителю города. Никто не заставит его поступать правильно из-под палки. Сам, все сам.

— Пастор, встаньте и пройдитесь по комнате. Голова не кружится? Где-нибудь болит?

Тот молча подчинился и покачал головой.

— Если будут последствия, сообщите мне. Я исцелю.

— Почему наложением рук лечит темная тварь? — неожиданно глухо спросил пастор Браун. — Ты недостойн такого дара.

— Какой вы все-таки неприятный человек, — вздохнул Льюис, — хоть бы спасибо сказали.

— Ты демон и делаешь все это нарочно, чтобы смутить мой разум. Господь послал мне испытание, и я выдержу его с честью.

Льюис подавил раздражение.

Черт с ним. Что мог, он сделал. Нужно было решить другую проблему.

— Курт, — мягко начал он, — я думаю, вы — хороший человек, но сегодня вы поступили очень плохо. Чего вы боялись, пойдя за толпой? Что вас избьют вместо пастора, если откажетесь?

— Нет, повелитель, — тот переминался с ноги на ногу, — если бы поколотили — это ничего, Рейвен нас учил терпеть и не бояться.

— Тогда что заставило вас причинить вред слабому, хотя вы прекрасно знали, что так поступать нельзя?

— Я не знаю... я привык делать что говорят...

— Курт, вы знаете, что такое совесть?

— Да. Это слабых не обижать, не вредить, помогать, если видишь, что человек в беде, — Курт с каждым словом краснел все сильнее, — это что же, я, выходит, теперь бессовестный? Я же все наоборот сделал!

— Выходит что так.

Курт закрыл лицо руками и затрясся.

— Как же так... батя всегда говорил, что я совестливый, и вы говорили, что я — хороший человек, а я... почему так вышло...

— Потому что вы не думали. Если вы продолжите бездумно творить злые дела, то скоро превратитесь в полное чудовище. Перед вами стоит человек, чья боль является вашей виной. Что вы должны сделать, Курт?

Тот повалился на пол перед пастором Брауном.

— Я виноват! Простите меня! Я не буду больше! И никому не дам вас бить! Давайте вы меня побьете? Так честно будет! Мне так стыдно!

Растерянный пастор отступил в сторону.

— Уймись, дитя. Все мы ошибаемся и творим дурные вещи. Но если ты понял и обещаешь стать лучше, бог простит тебя.

— А вы? Вы меня простите?

Пастор Браун застыл. В нем что-то переменилось, словно он осознал нечто важное.

— Да, дитя мое. Я прощу тебя. Бог послал тебе этот день, чтобы образумить. А мне он послал проклятье, чтобы я наконец понял, как ошибался. Демоны не раскаиваются и не сочувствуют чужой боли. Им неведом стыд. А люди даже здесь ведут себя, как люди. В каждом есть добро и зло, лишь нам решать, что с ними делать. Господи, что же я натворил! — пастор схватился за голову. — Ведь мне все говорили, что Вороны — люди, даже будущий Прекрасный Принц отнесся к вам по-человечески, а я был черств, как камень, пока сам не оказался среди проклятых! Великий Ворон проявил милосердие, а я не сумел! И господь направил меня сюда, чтобы я понял, что сбился с пути!

— Так вы тоже можете извиниться, — предложил Курт, вставая с колен, — и вас простят, если будете жить по совести и никого не обижать. Так, повелитель?

— Наверное, — Льюис слегка растерялся, — я рад, что вы приняли свое проклятье. Теперь вы сможете...

— Это не проклятье! — перебил его пастор Браун. В его глазах разгорался фанатичный огонь. — Это — благословение! Господь не отвернулся от меня, он помог мне! Я буду служить среди сырых и убогих, самых несчастных людей в городе! Я сам теперь один из них! Нечего мне было делать наверху, среди золота и власти, я нужен здесь! Курт, вы поможете мне?

— Конечно! А чего делать надо?

— Я буду помогать проклятым людям. Воронам. Я заслужу их прощение! И моя душа очистится от грехов гордыни и злобы!

Больше пастор Браун ни от кого не прятался. Он поговорил с каждым жителем убежища и искренне просил прощения за свои поступки. Сожалел о гибели Джона и его девушки. Предлагал любую помощь, не гнушаясь работать руками. Кротко сносил обиды и оскорбления. Курт сопровождал его и тоже извинялся, рассказывая о своем дурном поведении. Вороны были сбиты с толку, но постепенно оттаяли и приняли пастора Брауна, прекратив его игнорировать. Исключение составили только бойцы и Шарлотта. Рейвен, услышав про «сырых и убогих», обругал пастора всеми известными ему словами и

посоветовал не лезть к ним, а пойти куда подальше. Например, попробовать извиниться перед наемником Рудольфом, избитым «Врагами Воронов». Или перед самим Нилом Янгом которого, по наущению пастора, собирались казнить.

Как выяснилось, он просто пошутил, но пастор Браун шуток не понимал и принял это за дельный совет. Он отправился в город, по привычке прихватив с собой Курта, с которым, на удивление, поладил. Рассерженный Льюис послал Рейвена их вернуть, опасаясь за жизнь пастора, но все закончилось благополучно: тот три часа ходил за Рудольфом Бьернссоном по пятам, ожидая его прощения и смиренно слушая поток оскорблений. Устав ругаться, тот сдал его с рук на руки Нилу Янгу, после чего пастор доставал уже его. Угроза посадить в камеру вызвала у пастора неподдельную радость: чем больше страдания, тем сильнее очищение. Еще и с закоренелыми преступниками можно душеспасительные беседы провести.

— Когда я появился, Нил был в бешенстве! — со смехом пересказывал Рейвен. — Пастор там получастка довел, работать им мешал своими проповедями! «Забери его отсюда, пока я не спятил! Как вы там его вообще терпите? Это Великий Ворон подослал его мне вредить?» — это первые слова, которые Нил мне сказал при встрече.

Льюис расхохотался. Щелчок по носу противному стражнику поднял его настроение.

— Их там точно не тронули? — отсмеявшись, спросил он. — С Куртом все в порядке?

— Все нормально. Нил пытался послать его за мной, но Курт уперся, сказав, что будет охранять пастора и никуда без него не уйдет. А раньше перед стражниками спину гнул и трепетал. Но со мной он теперь тоже упрямится: не по совести, говорит, делать не буду. Мол, ты ему так велел.

— Оставь его в покое. Присмотри лучше за Бернардом и остальными, что пастора били.

— Они свое получили и ведут себя смирно. Насчет Бернарда не волнуйся, он не дурак. Он — хороший исполнитель и ничего не сделает без приказа. Особенно если поступок ухудшит ему жизнь. Хотя я не думал, что ты можешь быть таким жестоким.

Льюис нахмурился.

— Они избili человека.

— И заслужили крепкую взбучку, — кивнул Рейвен, — но отнять у Ворона крылья и магию? Да лучше уж публичная порка, чем такое.

— Он не понимал иначе. Я пытался до него достучаться, но мои слова были пустым сотрясением воздуха.

Как и в случае с Нилом Янгом.

Время Воронов неумолимо заканчивалось. Через несколько месяцев начиналось Время Рыцарей, а будущий Прекрасный Принц все еще собирался его убить. Веры этому человеку не было, особенно после истории со смертью Элдрика. Да и Рейвен рано или поздно сорвется и снова влезет в драку с ним. Одна из них может стать последней.

Дольше тянуть было нельзя. Пришло время решать эту проблему.

Смерти ему Льюис все еще не желал, хотя Нил Янг вызывал у него сильнейшую неприязнь. Надежд на то, что он уедет из города добровольно, не осталось. Значит, требовалось как-то выгнать его отсюда. Но как? Сомнительно, чтобы тот бросил пост начальника стражи и отказался становиться Прекрасным Принцем. Льюис, поколебавшись, обсудил вопрос с одной Шарлоттой: Сольвейн так и не одобрил подбрасывание проклятых вещей, а Рейвен настаивал бы на охоте на Принца, что все еще было неприемлемо. Шарлотта, несмотря на некоторые радикальные предложения, умела быть гибкой и подавала

хорошие идеи. По сути, это она остановила «Врагов Воронов» бескровным путем, хотя иногда ее заносило. После короткого спора о ядах и членовредительстве она посоветовала неожиданный вариант:

— Чтобы избавиться от Нила Янга, нам нужен кто-то, кто знает его лучше, чем мы.

— Рейвен? Но я хотел бы держать его подальше от этого человека.

— Нет, повелитель, — Шарлотта улыбнулась, — думаю, самое время вспомнить, что мы прокляли не одного человека, а двух. И тот, второй, был достаточно хитер, чтобы настроить против Нила Янга весь город. Против Прекрасного Принца! Впечатляющее достижение.

— Ты о Бломфилде? Шарлотта, ты же ненавидишь его и пастора Брауна.

— Как будто это помешает нам их использовать. Думай о нем, как об орудии против нашего врага. Он уже перестал прятаться и начал ненавязчиво выяснять, чем можно заслужить твою благосклонность. Пришел с этим ко мне, обещал одарить золотом и драгоценностями, если я помогу ему устроиться и прикрою от моих суровых любовников, — Шарлотта насмешливо фыркнула, — он думает, что я сплуну и с Рейвеном, и с тобой.

— Главное, чтобы так не подумал Рейвен, — хмыкнул Льюис.

Зеленые глаза Шарлотты потухли.

— Рейвену до меня больше нет дела. Он неделями на меня даже не смотрит.

— Он наверняка просто очень занят.

— Чем? Впрочем, неважно. Мы говорили о Бломфилде. Я скажу, что замолвила за него словечко, и ты милостиво дашь ему шанс быть полезным. Пусть отрабатывает золото, которое на него тратят.

Идея Льюису понравилась. Шарлотта была права: хоть Бломфилд был бесчестным человеком, но он был бесспорно умен, и этим следовало воспользоваться.

— Нижайше благодарю вас за эту возможность, — Уильям Бломфилд больше не валялся у него в ногах, но кланялся очень глубоко и почтительно, — я не подведу. Нил Янг — серьезный противник, и справиться с ним будет нелегко. Вы желаете уничтожить его полностью или рассматриваются более мягкие варианты?

— Я хочу, чтобы он уехал из города до того, как станет Прекрасным Принцем.

— Это вполне можно устроить.

— Как же?

— Я знаю, как связаться с некоторыми людьми, решающими подобные проблемы, — Уильям Бломфилд приятно улыбнулся, — потребуется только золото для оплаты их услуг. Я охотно внесу свой вклад, дабы доказать вам свою верность.

— И что же эти люди сделают?

— Похитят нашего врага и отвезут в ближайший порт. Там его посадят на корабль, плывущий далеко-далеко. Многие матросы попадают на службу подобным образом. В открытом океане бежать некуда, а морские путешествия весьма длительны. Пока он будет возвращаться, наступит Время Рыцарей, и Прекрасным Принцем станет Рудольф Бьернссон. А с этим справиться легче легкого: он тщеславен, глуп и охоч до женского пола. Огромное поле возможностей.

— Что-то мне подсказывает, что эта идея обречена на провал, — покачал головой Льюис, — Нил Янг — сильный и опытный воин. Он разнесет этих ваших «некоторых»

людей» в ключья.

— Он один, а их будет десять. На всякую силу есть свое количество.

— Принца Ричарда гоняли по городу пять лет, но так и не загнали. У нас нет столько времени. Одна неудачная попытка — и ваших наемников будет искать вся городская стража, а Нил Янг запрется в участке и не выйдет из него, пока не станет Прекрасным Принцем.

Бломфилд помолчал и кивнул.

— Вы правы, нужно действовать тоньше. Подослать к нему женщину? Нет, не купится. Скомпрометировать взяткой тоже не выйдет. Можно попробовать надавить на наместника, чтобы он избавился от Нила Янга, официально выслав его из города.

— Наместник благоволит ему.

— Своей дочери он благоволит больше. Намекните, что ее волосы почернеют, если он не будет сговорчив, и Жак де Брисар сделает все.

— Я никого не собираюсь проклинать, — резко возмутился Льюис.

Он встретился глазами с Бломфилдом и ощутил, как стыд скручивает его нутро.

— Больше не буду проклинать, — поправился он, — вы и пастор Браун — исключения, а не правило.

— Разумеется, повелитель. И я очень благодарен, что вы избрали такой милосердный способ борьбы с нами, — голос Бломфилда стал совершенно приторным, — но ведь я предлагал не проклинать Сюзанну де Брисар, а просто припугнуть ее отца. Он не станет рисковать ею и сделает все, что нам нужно.

— Это низко. К тому же, Нил Янг может пробраться обратно в город тайком, и мы об этом даже не узнаем. У него все стражники в друзьях, его кто угодно пропустит и спрячет.

— Разумные опасения. Тогда я попрошу дать мне немного больше времени на раздумья. И разрешите посетить мой дом: я собрал немало сведений о нем, но мне нужно их пересмотреть. Заодно я принесу вам золото, которое можно будет использовать против нашего общего врага.

Льюису стало противно. Ум и обходительные манеры Бломфилда были пропитаны гнилью, как мясо с душиком. Его вел не страх, а желание устроиться получше в новых обстоятельствах. Так же легко, как Нила Янга, он предаст и его. Об этом никогда не следовало забывать.

— Идите. Я пошлю с вами нескольких бойцов для охраны.

Тем же вечером он пил чай с Шарлоттой и пересказывал ей свои впечатления.

— Он тошнотворен. Я никогда не думал, что умный и вежливый человек может быть настолько отвратительным.

— Ум и сердце — разные вещи, — Шарлотта грустно улыбнулась, — Рики превосходно научил меня этому. Но нам сейчас нужна хитрость, а не порядочность.

— А жаль. Ты помирилась с Рейвеном?

— Я ничем его не обижала.

— Хочешь, я поговорю с ним? — осторожно спросил Льюис.

— Нет, — в ее голосе прорезался металл, — это наше дело.

— Тебе одиноко?

— Есть немного. Ты перестал собирать нас вместе, и Сольвейн тут же умчался к своей новой девушке.

— Опять? А как же Марта?

— Любовь покинула ее сердце, и она уехала покорять столицу, — хихикнула

Шарлотта, — Сольвейн был безутешен три недели, потом встретил Лавинию. Дева горяча как вулкан, и их страсть влечет его к ней каждый день. Поэтому в убежище его не застать, а в свободное время он отсыпается.

— Хоть у кого-то в жизни все хорошо, — хмыкнул Льюис, — кстати, о романах. Что там с Кристиной и ее верным стражником Марком? Он не отказался от нее после событий с «Врагами Воронов»?

— Ни в коем случае. Я его знаю, Марк — настоящий мужчина. Он решил на ней жениться и предложил бежать из города. Пришлось объяснить, что не выйдет: Кристину за стены не выпустит проклятье. Сошлись на том, что тайно обвенчаются. Пастор Фишер, добрая душа, согласился помочь.

— А почему тайно, и зачем им бежать? — удивился Льюис.

— Так ведь они не могут быть вместе: Кристина вынуждена жить в убежище Воронов, а не с Марком. Они оба боятся, что ты будешь резко против их союза.

Льюис хотел сказать, что это не ему решать, но перед глазами внезапно всплыли картины, которых он хоть и не видел, зато легко мог себе представить.

Госпожа Солона, бросающая перцем в вооруженных Рыцарей.

Отважный стражник Ганс, бьющийся с Принцем Ричардом насмерть за свою жену.

Родители Рейвена, выталкивающие десятилетнего сына из дома и наказывающие ему бежать прочь со всех ног, чтобы Рутгер Янг его не догнал.

Если Нил Янг нарушит свое обещание и пойдет по домам, убивая Воронов, то стражник Марк обречен. Он не даст казнить возлюбленную, и они оба погибнут. Только в убежище Вороны могли быть в безопасности и не навлечь опасность на своих родных.

— Я не против их брака, но Кристина останется здесь. Пусть видятся сколько хотят, но пока мы не решим проблему с Прекрасным Принцем, всем Воронам придется соблюдать осторожность. Лишь здесь я могу вас защитить.

Шарлотта кивнула. На ее красивое лицо вновь легла тень, давно уже не покидающая его.

— Я им передам.

Льюис уткнулся в чашку с чаем. Некоторое время они молчали.

— Шарлотта, я могу для тебя что-нибудь сделать? Как друг. Ты помогаешь мне уже много лет, но я вижу, что ты устала. Мне кажется, я свалил на тебя слишком много.

— Устрой праздник, когда все это закончится. Я хочу танцевать, веселиться, менять наряды и новые туфельки, а вместо этого приходится искать способы расправы над врагами и следить за союзниками. Я знаю, что это необходимо, и не собираюсь жаловаться. Разберемся с проклятым Нилом Янгом, и все будет хорошо. Что б он сдох поскорее.

— Лучше бы уехал навсегда из города.

— И там сдох.

Льюис усмехнулся.

— Если от естественных причин, то я не возражаю. Нет, Шарлотта, естественные причины — это старость и болезнь, а не яд. Не строй мне глазки, ты прекрасна, как сон, но больше мы никого убивать не будем. И за что ты его так ненавидишь?

— Он — угроза всей нашей мирной жизни. Я уже теряла все и не хочу повторения.

— Мы с ним справимся без убийства, — пообещал Льюис, — и праздник я тебе устрою. А пока можем просто потанцевать, если хочешь. Наши музыканты поздно ложатся спать. Пойдем, попросим их сыграть: мне они не откажут.

Глаза Шарлотты сверкнули озорными огоньками.

— А ты будешь танцевать со мной?

— Почему нет, если это доставит тебе радость?

— Я тебя обожаю. Дружить с мужчиной неожиданно здорово.

Льюис рассмеялся, подал ей руку и повел развлекать. Ему и самому хотелось развеяться, но Шарлотта это определенно заслужила. Пусть хоть на один вечер забудет о своих печалях и повеселится.

Скоро им всем будет не до веселья.

Глава 33. Голос совести

В этот раз Бломфилд лучился самодовольством, как начищенная монета.

— Я придумал новый план, повелитель, и он точно сработает.

— Интересно будет послушать. Но прежде объяснитесь: бойцы доложили, что никакого золота у вас нет и в помине, а родственники исчезли. Как же так вышло?

Лицо Бломфилда исказилось:

— Эти предатели сговорились за моей спиной, сбежали из города и вывезли все, а дома продали за бесценок! Все тайники распотрошили! Я знал, что моя жена Изабелла — хитрая тварь, но чтобы родной сын объявил меня погибшим от проклятья?! Он явно дал кому-то взятку, чтобы так быстро получить наследство! Я банкрот!

— Какая жалость, — Льюис не сдержал насмешки в голосе, — ваш сын хорошо усвоил ваши уроки и сделал то, что собирались сделать вы. Только без вас.

Бломфилд заскрежетал зубами, но очень быстро взял себя в руки.

— Конечно, жалость, я ведь собирался отдать все золото вам, чтобы искупить свою вину. Они обокрали вас, а не меня.

— Я их прощаю, — пожал плечами Льюис, — однако ваши документы они не тронули.

— Не сочли ценными. Глупцы! С их помощью я заставлю помогать мне многих влиятельных лиц города. Вернемся к плану, повелитель. Несколько месяцев назад я поручил одному служащему почты вскрывать и переписывать все письма Нила Янга. Оказывается, он очень дорожит своими родителями, а они по нему сильно скучают и приглашают навестить в Гринфолле. Он не едет, отговариваясь службой.

— Предлагаете написать фальшивое письмо, что они при смерти, и выманить его из города? — сообразил Льюис. — Неплохая идея, но до Гринфолла от силы три недели верхом. Он вернется слишком быстро. Не факт, что Рудольф Бьернссон успеет стать Прекрасным Принцем за это время.

Бломфилд улыбнулся, показав мелкие, острые зубки.

— Зачем же фальшивое? Письмо будет настоящее, и напишут его сами Арнольд и Кэтрин Янг. Ведь их дом посетят грубые люди, требующие их сына, к которому у них есть некие претензии. Нил Янг не бросит их в беде и немедленно отправится в Гринфолл. И там застрянет, потому что как только он будет собираться домой, его «недоброжелатели» будут вновь громить дом или нападать на его родителей. Они будут появляться исключительно в его отсутствие, и ему придется сидеть там, как псу на цепи. Год его в Гринфолле продержат, не сомневайтесь.

— Вы что шутите? — Льюис рассердился. — Нанять бандитов и натравить их на невинных людей, на год превратив их жизнь в ад? Я же сказал, вариант решения должен быть мягким!

— Он и будет мягким, повелитель, — заверил его Бломфилд, — Арнольд и Кэтрин Янг отделаются легким испугом. Для наемников будут четко прописаны указания не вредить им по-настоящему, только пугать. Все останутся живы и целы. Прекрасным Принцем станет Рудольф и, кстати, я заодно составил план его нейтрализации.

— Тоже нападём на его родных? — желчно уточнил Льюис, пытаясь принять решение.

Затея Бломфилда ему не нравилась, но был ли у него выбор? Сам он ничего придумать не мог, а времени оставалось все меньше. Если они упустят нужный момент, то все Вороны

будут в опасности. Стоит ли душевное спокойствие неизвестных ему людей жизни его подданных? Ведь физически никто не пострадает.

— Напротив, будем холить и лелеять этого молодого бычка, — Бломфилд презрительно рассмеялся, — Рудольф обожает, когда его хвалят и угощают. Можно уже сейчас подослать к нему парочку новых друзей и подруг, чтобы он не сомневался в них в будущем. Когда же он станет Прекрасным Принцем, они будут его чествовать, поить и развлекать. И следить за ним. Они убедят его, что он — герой, которого боится сам Великий Ворон. Что вы страшны напуганы и никогда больше не покинете убежище, пока он в городе. Рудольф поверит в эту чушь. Он — надутый осел. Иногда он будет гордо вышагивать в своих белых доспехах по улицам и ни один Ворон не попадется ему на глаза: все трепещут перед Принцем Рудольфом! А вы будете заниматься своими делами. Все, кому нужно, будут в курсе реальной ситуации. Если же решите от него избавиться, то его просто напоят допьяна и принесут сюда. Город будет в ваших руках, а Прекрасный Принц — под контролем.

Льюис молчал.

План с Рудольфом был неэтичным, но тут вреда не наблюдалось, и все остались бы довольны. Мирное решение проблемы, как он и хотел. Если все пройдет именно так, как рассчитал Бломфилд.

— А если Прекрасным Принцем станет кто-нибудь другой?

— Это невозможно. Это всегда кто-то, известный своей ненавистью к Воронам, кто-то, кто уже нападал на нас. Принцев всегда знают, при правильном подходе с ними легко расправиться в самом начале Времени Рыцарей. Великий Ворон Элдрик так и делал. Принце Ричарда тоже знали, ожидая его превращения. Сейчас в городе только два человека могут получить светлую силу: Нил Янг и Рудольф Бьернссон. Больше никому.

— Мне надо подумать.

— Конечно, повелитель. Вызовите меня, когда решите: я охотно займусь исполнением этого плана. От вас потребуются только золото и согласие.

Льюис подавил отвращение. Нельзя быть слишком щепетильным: этот человек полезен и точно справится с задачей. Льюису не придется марать руки самому. Просто отдать нужный приказ — и Нил Янг тихо исчезнет из города, а Рудольф Бьернссон будет обезврежен.

Шарлотта план Бломфилда одобрила.

— Если Янги не пострадают, то все в порядке. Их страх — небольшая цена за нашу безопасность.

— Мне все это не нравится, — признался Льюис.

— Мы не всегда делаем то, что нам нравится, — Шарлотта накрыла его руку своей, — если не остановить Нила Янга сейчас, он доберется до тебя и отрубит голову. Или ему придется вырвать сердце, как Белой Мрази. Что хуже: напугать его родителей или убить его самого?

Льюис вздрогнул.

— Ты права. Пусть Бломфилд готовится. Начнем воплощать этот план.

— Льюис, ты все делаешь правильно, — голос Шарлотты звучал очень нежно, — ты добрый, заботливый и ответственный Великий Ворон. Ты не дашь нам погибнуть, а мы защитим тебя.

Он тяжело вздохнул.

— Посиди со мной. Расскажи что-нибудь. Я хочу отвлечься.

Шарлотта кивнула и присела рядом.

— А помнишь, как мы читали книги для Рейвена? Тебе это нравилось. Давай, я почитаю тебе что-нибудь спокойное: о природе, животных и путешествиях. Я нашла отличный сборник рассказов.

— Давай.

Они засиделись допоздна, и Льюису немного полегчало. Пить чай, смотреть в горящий камин и слушать тихий голос Шарлотты — вот все, что ему было нужно в этот вечер. Он расслабился и почти задремал в кресле.

— Льюис, уже поздно. Я пойду спать.

Шарлотта задула свечу, и комната погрузилась в полумрак, освещаемый только тлеющими углями камина.

— Передай Рейвену, что он дурак, — Льюис смотрел на нее в полутьме, — и что если не прекратит дурить, тебя полюбит кто-нибудь другой.

— Рейвен не ревнив.

— Точно дурак. Может, мне его заколдовать, чтобы он перестал заниматься глупостями и попросил у тебя прощения? Ему же будет лучше. Если ты его бросишь, он точно об этом пожалеет.

Шарлотта тихо рассмеялась и быстро поцеловала его в щеку.

— Не надо. Я поговорю с Рейвеном и если он не захочет помириться, что ж, на этом все закончится. От разбитого сердца не умирают. Спокойной ночи, повелитель.

— Спокойной ночи.

«Разговаривать по душам» Шарлотта решила своеобразно: с угрозами и провокациями, чтобы уж точно услышали. Вначале они с Рейвеном долго кричали друг на друга в убежище, после чего Шарлотта гордо отправилась «умирать под мечом Нила Янга, раз один черствый мерзавец плевать на нее хотел». Умереть не получилось: Нила Янга на месте не было, зато многие стражники узнали Шарлотту — они помнили ее и Ганса. Под мрачным взглядом Рейвена они вели себя крайне вежливо, но все равно распускали хвосты и храбрились. А когда Шарлотта мстительно объявила, что выберет себе нового мужчину именно здесь, работа городской стражи была парализована. Мужчины бросились доказывать, что они достойны этого, а злой Рейвен поклялся прибить каждого «достойного» особо жестоким образом. После пяти поединков в ее честь Шарлотта смягчилась, стражники притихли, а в участке наконец появился Нил Янг. Разогнал подчиненных по рабочим местам, отругал побежденных за «глупые игры» на службе и попросил решать свои любовные проблемы в другом месте. К немалому удивлению Льюиса, они с Рейвеном не сцепились, а разошлись мирно, да и Шарлотта быстро свернула свое представление: хоть Нил Янг еще не стал Прекрасным Принцем, она его побаивалась.

Льюис отчитал ее за безумную авантюру, но счастливая Шарлотта не вняла его словам.

— А если бы он тебя действительно убил? Как тебе вообще пришло в голову лезть к нему?

— Со мной был Рейвен, с ним мне ничего не страшно. И я узнала кое-что очень интересное. Пожалуй, хорошо, что мы решили не убивать Нила Янга. Он не настолько плох, как я думала. Со мной он был вежлив. Правда, посоветовал в следующий раз топиться в

реке, — Шарлотта фыркнула, — а не устраивать сцены в его участке, отвлекая стражников от работы.

— И что же ты узнала о нем?

— А это лучше расскажет Рейвен. Я его вечером к тебе пришлю. Сейчас он мне нужен самой. Подождешь немножко?

Шарлотта умоляюще сложила ладони, и Льюис сдался.

— Ладно. Но больше никаких глупостей, ясно?

— Ясно, повелитель.

— Где Рейвен сейчас?

— Полетел воровать для меня розы из сада наместника. Сказал, они просто восхитительно пахнут и мне обязательно понравятся.

Льюис застонал.

— Вы издеваетесь надо мной, что ли? Никакого воровства в городе! Немедленно лети к нему и останови!

— Уже умчалась! — Шарлотта весело рассмеялась и убежала.

Ее и Рейвена потом видели целующимися на нескольких городских крышах среди бела дня. История со стражниками тоже стала всеобщим достоянием. Через день весь город знал, что первая красавица города не сгинула, а живет себе припеваючи при дворе Великого Ворона, продолжая очаровывать мужчин и сводить их с ума.

Именно после примирения Шарлотта рассказала Рейвену о плане избавления от Нила Янга, а тот примчался к Льюису, взбудораженный этой новостью.

— Почему я об этом не знал?

— Потому что твоя помощь не была мне нужна.

— Но я должен был знать! Ты снова мне не доверяешь? С каких пор Бломфилд стал твоей правой рукой?

— Займись лучше своими бойцами, — раздраженно ответил Льюис, — ты совсем их распустил, а сам шляешься непонятно где. Бломфилд — инструмент для решения проблемы, только и всего. Охоту на Принца мы объявлять не будем, но от Нила Янга нужно избавиться. Радуйся, этот предатель скоро покинет город. Возможно, навсегда. За год он может забыть обо всем, тем более что проклятье сотрет Воронов из его памяти. Хм, забавно, а я ведь не подумал об этом. Он забудет о стремлении стать Прекрасным Принцем, и назад его поведет только должность начальника стражи. Если лишит его службы и дать перспективы в Гринфолле, он точно не вернется. Интересно, хватит ли у Бломфилда связей для этого?

— Он забудет меня? — странным тоном переспросил Рейвен. — Совсем?

— Совсем, — рассеянно подтвердил Льюис, — и больше не будет всаживать в тебя метательные ножи. Проблема решена.

— Но я не хочу так! Нил не виноват, я сам его бил, счета между нами закрыты! Он больше не злится на меня за нападения, а я его простил за ножи! Он и так не станет Принцем, я напугал его! Сказал, что прокляну, Нил не хочет быть Вороном, так что останется просто начальником стражи!

— Что? С этого момента поподробнее.

Рейвен вздохнул и признался в своей затее. Оказывается, он убедил Нила Янга, что тот будет проклят, как Бломфилд и Браун, если не откажется стать Прекрасным Принцем. Никакого конкретного ответа на это он не услышал, но отчего-то решил, что у него все прекрасно получилось.

Льюис прикрыл лицо рукой.

— Вы с Шарлоттой — два сапога пара. Что она устраивает безумные выходки, что ты! А теперь подумай головой: что мешает Нилу Янгу просто солгать о том, что он отступился? Он же предатель, для него это естественно. Когда он станет Прекрасным Принцем мы ничего ему уже не сделаем. И только попробуй его проклясть на самом деле! Магии лишу на год! С меня хватило Бломфилда и Брауна, если еще и этот несносный тип здесь объявится, я сам повешусь, не дожидаясь отрубания головы!

Рейвен нервно дергал себя за косу и кусал губы.

— Повелитель, ты кое-чего не знаешь. Я ошибался. Нил Янг — не предатель. Он мой единственный друг.

— Что?

Рейвен глубоко вздохнул, и слова из его уст полились потоком. Льюис молча слушал, с тоской понимая, что все стало еще сложнее. Рейвен мастерски умел ухудшать любое положение и выкапывать глубокие ямы на самой ровной дороге. Он создавал проблемы Льюису так, словно это было смыслом его жизни.

При этом он опять был ни в чем не виноват.

— Я понимаю, что ты прав, повелитель, и это спасет Нилу жизнь, — отчаянно говорил он, — я знаю это! Но я не хочу, чтобы он уезжал. Мне впервые стало легко дышать, я отпустил ненависть к нему, и мы больше не враждуем. Он ведет себя так, словно мы снова друзья. Я помню тетю Кэтрин и дядю Арнольда. Они были хорошими людьми и не видели разницы между мной и Нилом, как не видели ее мои родители. Взять их в заложники, чтобы выманить его из города? Запугивать и вредить им, чтобы не смел возвращаться? Это сработает. Это ловкий ход. Но мне мерзко от него. Я вспоминаю Элдрика и тот день, когда меня поймали. Нил сказал, что предупредил бы меня о засаде Рыцарей, если бы знал, и я ему верю. И очень хочу предупредить его, потому что промолчать о таком — это подлость и предательство. Тебе придется приказать мне молчать, а лучше запереть, иначе я сорвусь. Это произошло со мной, и я никому такого не желаю, особенно ему! Ты прав, твоя воля — закон, я все сделаю, что прикажешь, но... Может быть есть другой выход?

Льюис смотрел на него и с горькой иронией понимал, что старания по перевоспитанию Рейвена дали свои плоды: тот перестал относиться к людям, как к еде, научился ставить границы морали и не преступать их, начал искать более человеческие решения, отличая их от бесчеловечных. Как раз вовремя, потому что сам Льюис, похоже, начал терять этот навык.

Нил Янг не был плохим человеком. Но и с плохим так поступать было бы нельзя. Его родители должны были пострадать ни за что, просто потому, что иначе чем насилием, Льюис эту проблему решить не мог. Он, как и наивный Курт, взялся творить зло бездумно, когда ему предложили это сделать.

Нет, хуже. Он смирился с необходимостью зла, как когда-то Элдрик, и решил использовать разум, заткнув совесть.

Элдрика это привело в могилу. Как и Принца Ричарда.

Разум без совести — тупик. Сила без нее же — снова тупик.

Льюис все еще торчал в центре лабиринта, но четко видел пути, идти по которым было бессмысленно.

— У нас нет другого выхода, — медленно произнес он, — но этот — неприемлем. Что ж, значит, я отменю его и буду думать дальше. Нил Янг станет Прекрасным Принцем. Если он сдержит слово, то в опасности буду только я, а остальных Воронов он не тронет. У меня

же есть огромное преимущество перед ним.

— Магия? Но он получит такую же.

— Он меня не знает. И пока не узнает, я в безопасности. Пусть ищет. Главное, не проболтайся.

— Не проболтаюсь, — Рейвен с облегчением выдохнул и заулыбался, — спасибо. Как же хорошо жить при Великом Вороне.

— Есть на кого свалить проблемы? — хмыкнул Льюис. — Везучий ты. Мне вот не на кого.

— Повелитель, я в долгу перед тобой. Что мне сделать, чтобы отблагодарить за это?

— Никого не проклинай и не пугай этим. Расскажи Нилу Янгу, что это была твоя идея, а не моя. Ты и так из моей репутации сделал черт-те что. Не обижай Шарлотту. Не воруй. Следи за своими бойцами и займись их моральным обликом. Они должны перестать вести себя как бандиты. Не влипай в неприятности. Приходи ко мне вечерами, выпить чаю и почитать вместе. Ах, да, запомни кое-что очень важное и никогда этого не забывай.

— Что?

— У тебя два друга, а не один. Мне как-то обидно, что за столько лет ты этого не понял. Мне обязательно нужно было сказать вслух, что я ценю тебя, доверяю и дорожу тобой, потому что мы друзья?

Лицо Рейвена удивленно вытянулось, а потом он рассмеялся.

— Я никогда не думал об этом, но теперь это кажется очевидным. Магия какая-то.

— Мне бы такую магию, что помогла бы из всего этого выпутаться, — проворчал Льюис, — хотя ты навел меня на одну мысль. Я, кажется, знаю, где ее взять.

Льюис разложил на столе пятнадцать серебряных вещей. Рядом лежала карта города с пометками: две лавки, маршрут старьевщика и еще тридцать точек, где находили проклятые предметы будущие Вороны. Он разделил их между Рейвеном, Шарлоттой и Сольвейном и знал, что никто больше не будет проклят. В этом году не было ни одного новичка в убежище, кроме Бломфилда и Брауна. Случайные люди не пострадали.

Льюис остановил распространение проклятья. Теперь он полностью его контролировал. Вот они, итоги его семилетней работы. Мало? Нет, ведь новых Воронов больше не будет. Люди перестали быть жертвами нападений, а Вороны могли навещать родных, друзей и возлюбленных и жить спокойно. Льюису удалось добиться мира и выиграть время.

Рейвен переговорил с Нилом Янгом, и тот еще раз поклялся не трогать Воронов, если те не будут вредить горожанам. Рейвен ему верил. Правда, от убийства Льюиса будущий Прекрасный Принц не отказался, твердя, что их поединок предначертан судьбой. Льюис решил не подозревать его во лжи и предательстве: у Нила Янга и без того хватало недостатков. Пусть твердолобый, упертый болван ищет его сколько влезет. Найдет — Льюис сбежит, загнать его в угол теперь не получится. Заклинание Элдрика было опробовано и прекрасно работало. Никто никого не убьет. Бломфилд советовал подкупить кого-то из стражников, чтобы следить за ним, но Льюис счел, что Рейвен вполне справится с этой ролью. Если Нил Янг все-таки предатель, то Рейвен будет первым, на кого он нападет. Все, что ему будет нужно — это быстро улететь и предупредить остальных об опасности. Рейвен выслушал его и одобрил этот план. Учитывая, что в руки Прекрасного Принца он попадал

дважды и оба раза выжил, у него были все шансы спастись и в третий.

Льюис же вернулся к своему собственному пути.

Он должен был снять проклятье с Воронов. У него закончились идеи, но это не значило, что направление было выбрано неверно: ему просто не хватало знаний. А знания нужно было искать в библиотеке. Во всех библиотеках города. Льюис поклялся докопаться до истины. Он рано сдался: хоть где-то должны быть упоминания о событиях, что привели к проклятью. Когда-то появились первые Великий Ворон и Прекрасный Принц, кто-то установил магическую защиту, не выпускающую Воронов из города. Все это должно было сохраниться в городских хрониках. Пусть Льюис так и не стал историком, но его учили работать с книжными источниками. Он использует это умение и отыщет нужные знания.

Подумав, Льюис решил завести личный архив и сохранять в нем все, о чем узнает. Ему самому очень помогли записи Элдрика, и было бы неплохо поддержать следующего Великого Ворона. Оставить что-то после себя. Умирать Льюис не собирался, но на случай, если Нил Янг до него доберется, нужно было позаботиться о будущем. Если проклятье не сможет снять он сам, то этим займется тот, кто его сменит. Шарлотта, Сольвейн и Рейвен будут предупреждены и окажут ему полную поддержку. Четкий план поможет жить дальше и двигаться, избегая тупиков. Рано или поздно проклятье будет снято, а вечная война между Великим Вороном и Прекрасным Принцем окончена.

Льюис испытывал мощный душевный подъем и предвкушал написание собственных трудов по истории города и исследованию проклятия. Разве не об этом он мечтал, приезжая сюда? Сотворить что-то свое, разбираться в древней истории, читать и писать вволю. А на досуге он окунется в философию, которой снова увлекся в последние несколько лет. Господин Ларге, бывший университетский преподаватель, проверил уровень его знаний и рекомендовал почитать трактаты, изучаемые в магистратуре.

Льюис твердо собирался выжить и не пойти по пути насилия. Разум и совесть помогут ему не превратиться во второго Элдрика. Город, его любимый, обожаемый город, будет в порядке. Он позаботится о нем и всех его жителях. Их судьбы в его руках, и он бережно сохранит их, больше не избегая ответственности.

Льюис — Великий Ворон. Он готов ко всему.

Время Воронов закончилось.

Наступало Время Рыцарей.

Больше книг на сайте - Knigoed.net